

Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников

Материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений

(Москва, 4–5 октября 2013 г.)

Том 2

Секции 3–6

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Магия ИННО:
новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников

Материалы научно-практической конференции

к 70-летию факультета международных отношений

(Москва, 4–5 октября 2013 г.)

Том 2

Секции 3–6

Издательство
МГИМО–Университет
2013

УДК 4
ББК 81
М12

Редакционная коллегия:
Е. Б. Ястребова
Д. Н. Новиков
Е. А. Лукьянченко

Ответственный редактор
Д. А. Крячков

М12 **Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников** : материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений (Москва, 4–5 октября 2013 г.). Т. 2 / отв. ред. Д. А. Крячков. — Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России — М. : МГИМО–Университет, 2013. — 424 с.

ISBN 978-5-9228-1050-0 (т. 2)
ISBN 978-5-9228-1042-5

Во второй том сборника вошли секционные доклады, посвященные различным теоретическим и практическим аспектам изучения языка в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, вопросам межкультурной коммуникации, а также особенностям перевода как акта межъязыковой коммуникации.

Сборник включает контактную информацию об авторах, которые приехали на конференцию из многих городов России, а также Англии, Белоруссии, Болгарии, Зимбабве, Казахстана, Киргизии, Индии, Польши, Словакии, Турции, Украины и других стран.

Данный сборник (том 2) предназначен для преподавателей иностранных языков вузов и всех, интересующихся вопросами лингвистики, межкультурной коммуникации, теории и практики перевода.

УДК 4
ББК 81

ISBN 978-5-9228-1042-5
ISBN 978-5-9228-1050-0 (т. 2)

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Cognitive Linguistics and Didactics: New Models of Teaching
Dr. Nataliya Panasenko, Dr. Dana Petranová, Dr. Slavomír Magál 9

Принципы профессиональной лингводидактики в действии
М. А. Богатырёва 14

Современное иноязычное образование в Казахстане в контексте межкультурной коммуникации А. Е. Бижкенова 20

Учет прагматики речевого общения при организации уровневого обучения русскому языку в вузе Б. Х. Исмагулова, А. С. Базарбаева, Ф. Т. Саметова 28

Когнитивно-прагматическая модель политического диалогического дискурса Ю. И. Плахотная 39

Фразеология современной дипломатии в условиях поликультурной коммуникации В. С. Арутюнян 44

Политический дискурс в свете теории аргументации
Т. Н. Иванова (Шелингер) 49

Скрытая интенциональность в британском политическом дискурсе: способы обнаружения Н. А. Левковская 55

Особенности речевого портрета женщин во власти Н. В. Пырлик..... 61

Образ женщины-политика в англоязычной прессе: свой среди чужих или чужой среди своих? Е. С. Пронина 68

Когнитивно-дискурсивные аспекты цветовой политической метафоры Т. В. Андрюхина 73

Залоговые конструкции как средство реализации концептуальной оппозиции «свой — чужой» в британском политическом дискурсе Т. В. Алиева 80

Роль неосознаваемого выбора грамматических категорий при употреблении языка *(прагмалингвистический аспект)*
Г. Г. Матвеева 85

Инвариантное исследование полисемии и методика быстрого усвоения многозначных слов английского языка С. А. Песина 94

К вопросу лексикографической фиксации энантиосемичных единиц Г. Н. Острикова 102

Когнитивные механизмы словообразования
(вторичная номинация) С. В. Киселёва 108

Диахронический взгляд на английские номинализации с инкорпорированным объектом Е. А. Лукьянченко 116

«Аксиологический фразеологический словарь английского языка» как одно из новых средств в языковой подготовке специалистов-международников Л. К. Байрамова 120

Современный медиадискурс и манипулятивная инфографика
М. Р. Желтухина 127

Когнитивная функция концептуальной метафоры в экономическом публицистическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа Н. В. Бадаева 132

Объективация концептосферы социальных отношений в англоязычном информационном дискурсе Н. Н. Цыцаркина 138

Повторы как экспоненты эмоционального компонента воздействия О. В. Юдаева 144

Дискурсивные маркеры как средства связности в англоязычном тексте О. Н. Губарева 149

Категория модальности как отражение жанрово-типологических особенностей биографий-справок Д. А. Ефремова 159

Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе А. В. Кулешова 166

Полидискурсивность в рамках художественного произведения Д. С. Лапенков 172

Семиотика шпионского романа *(на материале антропонимических средств английского языка)* Е. Ф. Косиченко 177

Лингвистический аспект исследования категории времени в языке В. А. Ильина 184

Категоризующая функция английских артиклей и семантика неопределенности С. И. Потапенко 188

Особенности пополнения национальных терминологий в эпоху глобализации Т. С. Федорченко 193

Конструктивизация действительности в микротерминосистемах матричного типа *(на материале английской экономической терминологии)* Т. С. Росянова 200

Тенденции развития и изменения содержания научных понятий *(на материале терминов философии)* А. В. Синелева 204

Лингвострановедение: функционально-семантические особенности фразеологизмов-англицизмов Е. А. Татьянченко 209

Причины употребления многокомпонентных терминов *(на материале немецкой авиационной терминологии)* Н. С. Шарафутдинова 214

Национально-культурная специфика новозеландского национального варианта английского языка А. Р. Бекеева 219

Мифы и реальность *(к проблеме освоения грамматических категорий иностранного языка на примере финского)* Н. С. Братчикова 223

Контекстуализация речевого поведения личности Т. А. Чеботникова 228

Концепт «американская мечта» на лексикографическом материале и тексте романа «The Great Gatsby» В. А. Тырыгина 234

Diagnosis of Personal Characteristics in Implicit Pragmalinguistics
Dr. Irina A. Zyubina 241

Лингвокультурологические и ассоциативно-психолингвистические основы межкультурного общения Н. В. Дмитрюк 249

Межкультурная коммуникация: лакунарное и омонимичное невербальное поведение и связанная с ним фразеология
Г. М. Фадеева 253

Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации
А. Э. Левицкий 260

Образ России глазами французов: история вопроса
В. Е. Смирнова 265

Стереотипные представления агрессии в языковом сознании американцев и россиян А. Г. Фомин, Н. С. Якимова 269

Отражение менталитета в языковой картине мира на примере организации письменного текста В. С. Соседова 274

Межкультурная коммуникация — общение в зоне рисков?
Е. В. Акулова 279

Национальная идентичность, социокультурный имидж и разборчивость речи: современные фонологические теории и обучение межкультурной коммуникации Т. И. Шевченко 284

Современная технология обучения межкультурной коммуникации Т. А. Дмитренко 289

Особенности словообразования имен со значением цвета в русском и испанском языках Е. Ю. Бережных 294

Вторичные значения как конструирование мира и их роль в формировании межкультурной компетенции *(на материале немецких глаголов)* Н. В. Фурашова 301

Невербальные компоненты коммуникации в художественном тексте как одно из средств обучения в сфере межкультурной коммуникации О. В. Климашева 306

Типология английских, французских и русских слоганов
И. В. Скуратов, Н. В. Полякова, К. Бакэ 310

Эффективное коммуникативное поведение в глобальной профессиональной коммуникации Н. Н. Николаева 316

Публицистический текст в контексте межкультурной коммуникации: структурный и семантический аспекты И. Г. Рябцева 323

Пищевой этикет индицев: теория и практика. К вопросу о значимости невербальных компонентов кросс-культурной коммуникации А. В. Челнокова 328

От лингвистической теории к когнитивному подходу к переводческой деятельности Е. П. Савченко 337

Эквивалентность vs адекватность: нет предела совершенству
Л. Б. Бойко 342

Эквивалентность и адекватность в переводе, приёмы, или методы, и трансформации, используемые при переводе В. В. Алимов 348

К проблеме перевода политических реалий с английского языка на русский язык *(лексикографический аспект)* С. А. Маник 351

Произведение художественной литературы — инструмент межкультурной коммуникации: перевод реалий *(на примере романа Х. Мантел «Любовный эксперимент»)* М. С. Рогачевская 359

К проблеме безэквивалентной лексики в немецко-русском словаре неологизмов О. А. Никитина 366

Феномен отторжения: паратекст и его влияние на эквивалентность перевода стихотворного текста Т. Г. Лазарева 375

Характерные особенности перевода с турецкого на русский язык Ровшан Рамиз оглу Алиев 380

О специфике перевода деловых турецких писем на русский язык С. А. Лашукевич 386

Лингвокогнитивный аспект перевода лексико-семантической системы английского языка на русский И. Г. Жирова 391

Когнитивные стратегии в решении переводческих задач С. А. Зыкова 399

В мастерской переводчика: как преодолеть диссонанс при переводе научно-технических текстов О. Ю. Шубина 405

Semantic Prosody and Subtext in English-Russian Poetic Translation Marija Milojkovic 411

Вербальные ассоциации в раскрытии содержания концептов «живое»/«мёртвое» и их влияние на перевод Ю. В. Артемьева 415

Контекстуальные особенности перевода общенаучной лексики при профессиональной коммуникации Е. М. Литвинова 420

Секция 3
Лингводидактика:
учим, учим учиться
и учимся учить

Cognitive Linguistics and Didactics: New Models of Teaching

Dr. Nataliya Panasenko, Dr. Dana Petranová, Dr. Slavomír Magál
University of SS Cyril and Methodius in Trnava

Abstract
The paper highlights some elements of cognitive approach to education, which can be introduced in the process of teaching for-eign languages (theoretical and practical courses) and other subjects for the students of foreign languages departments, translators, jour-nalists, PR managers, etc. The authors present the process of educa-tion as a script with slots, which are filled in with basic elements of this process and corresponding to them semantic roles. Presenting teaching process as a script gives possibility not only to visualize all its elements, but to show which of them are more important and how they influence the results of teachers' and students' co-operation. One of important instruments in pedagogy is media education; it enables the students to take an active part in the process of learning and develops greatly their creative and critical thinking.

Key words: didactics, cognitive linguistics, semantic roles, media education

Introduction
Learning foreign language is a difficult process, which includes such aspects as students' degree of understanding of a new material, their ability to perceive, process and structure received information and to transfer it via communicative channels. Such understanding of teaching a foreign language, especially theoretical disciplines, brings us to basic concepts of cognitive linguistics and allows to present teaching process in general or lecture as its important component as a frame or as its version — a script. The combination of frames with Ch. Fillmore's semantic cases shows that slots of such a frame are universal (Agent — Teacher, Addressee — Student, Locative — Classroom, etc.). However, usage of their capacity depends on the purposes and problems of training, teacher's experience and many other factors. The important slot is the Instrument, which reflects extent of technical progress of society and considerably influences the final result of training: disclosure of students' creative potential and high proficiency in a language.

Pedagogy and modern linguistic theories
The usage of information and communication technologies (ICT) is of paramount importance to any country of the world. The efficiency of

these technologies in education is determined not by the number of various purchased appliances, but by the quality of their use, by teacher's ability of lecturing with the use of ICT. As M. I. Nezhurina [2004] claims, computer and Internet nowadays transform from the fashionable means of teaching into necessary everyday tool of solving pedagogical and methodical tasks, intensification of pedagogical labour, etc.

One of possible ways of enriching your teaching process is skillful usage of other disciplines foundations. In our opinion there is only one science, which includes many aspects of receiving, processing, presenting and sending information, it is cognitive science, which is an interdisciplinary field with contributors from various fields. Notwithstanding the interdisciplinary nature of cognitive science, its connection with foreign languages learning is still unrealized to full extend and we will make an attempt to show the perspectives of cognitive aspect in the process of teaching theoretical disciplines in English, teaching EFL, ESP and not only this. The method we offer can be applied to any subject taught at the university.

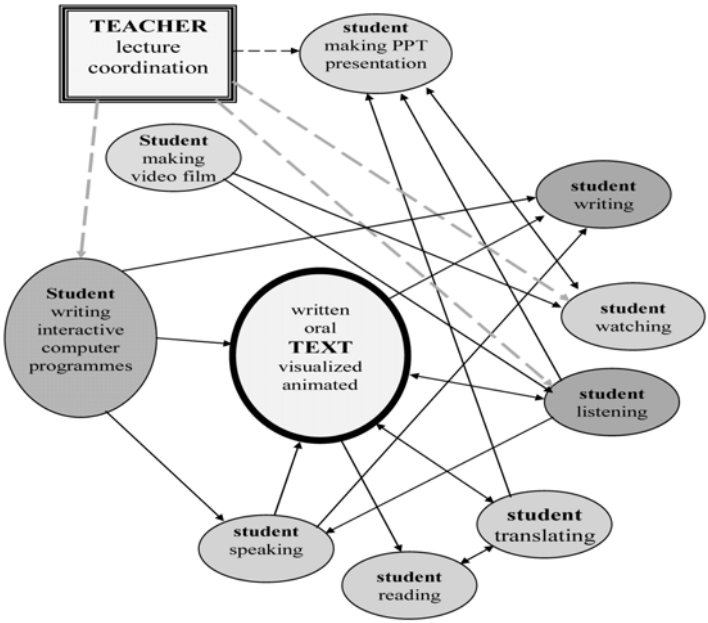
Frames and scripts as means of knowledge presentation

It was Minsky who has brought frame model into common use. This model appeared very fruitful not only in informatics, but in linguistics. A frame is a data-structure for representing a stereotyped situation, like being in a certain kind of living room, or going to a child's birthday party, visiting a doctor, having dinner in a restaurant, etc. We can easily reconstruct the next slot, because these cases are typical of this or that culture. We build the frame with the help of given information correlation, with the help of sum of knowledge about the world we have. When we come across this or that situation we automatically extract from our memory «ready» frame which lets us act in such a way.

The variety of frame is script. Schank together with the psychologist Abelson created the system of knowledge presentation based on so called «scripts». Script in its essence is a mini-scenario of some kind of event, such as wedding ceremony, diploma defense, birthday party, etc. The scripts have such a drawback as limited list of standard situations. If we widely use ICT, we may involve all the students into different activities. The process of teaching in general and lecturing in particular can be presented in the following way [Panasenko, 2006].

Thus we can consider a lecture as a script which has a set of definite actions or a frame with empty slots which we can fill in. But what should we fill in and how will it influence the effectiveness of the lecture? We proceed to one more very interesting modern linguistic theory — semantic cases or roles, whose author is Charles Fillmore.

After the lecture representing skillfully prepared performance with active participation of the audience listeners, it is necessary to use this technique for seminar work, which is directed on disclosure of creative op-



portunities of pupils. Indispensable condition of participation in a seminar is illustrative material prepared in advance by the speaker. But script is not the only way of fruitful cooperation between pedagogy and linguistics. Semantic roles theory appears to be very fruitful as well.

Semantic roles in linguistics and in pedagogy

Semantic case or a semantic role is the actual role a participant plays in some real or imagined situation, it is the underlying relationship that a participant has with the main verb in a clause [Fillmore]. The number of roles is different in different classifications. For our purpose the most important are as follows (in details see Panasenko, 2010, p. 165): **Addressee, Agent, Beneficient, Instrument, Locative, Objective, Resultative, Target, Time.** This is not an exhaustive list, but it covers the wide range of necessary lecture elements.

Now for the lack of place we will very briefly describe some of the semantic roles and show their importance in education.

Agent. Usually it is a teacher. Creative teachers include into the process of study a large variety of mass media, such as television, internet, newspapers, posters, journals, computer games and many others. It is very important to attract students, especially future teachers, in the process of teaching assistance and to shift a student from the role of **Addressee** to the role of **Agent**.

Addressee. This case implies the audience, i.e., students. It's good when this case coincides with **Beneficient.**

Instrument. It is one of most important factors. Traditional piece of chalk and a blackboard have been substituted or even ousted by OHP, data projector, computer, TV, Internet, and other media. As Buckingham [2005, p. 4] writes, the term «media» includes the whole range of modern communications media: television, the cinema, video, radio, photography, advertising, newspapers and magazines, recorded music, computer games and internet. There appeared a new trend in pedagogy — media education, which has its adherents in many countries [Buckingham, 2005; Lavendar et al. (eds.), 2003; Magál et al., 2009; Mihailidis & Moeller, 2010; Panasenko, 2006; Petranová, 2013].

Objective. This case is connected with the aspect of teaching. We may concentrate our efforts on theoretical material, topic under consideration, translation, textual analysis and many other things. Nowadays there are more and more foreign students, whose native tongue is Mongolian, Vietnamese, Hindi, Arabic, African languages and so on. For a teacher it is difficult to check the degree of text understanding, especially when it concerns such subjects, as Stylistics, Text interpretation, Analytical reading, etc., where we must discuss text categories, find stylistic devices and ways of creating images. It is very important to pay attention to some details in literary text. Thus we may use such and instrument, as text visualization. It was introduced by V. Lookin and implied a sort of schemes, which show the relations between text characters, time and place, etc. We also used different schemes at first, now thanks to cognitive approach to education we have nice presentations, set of photos and videos. The most important thing which our students must remember is that text visualization is not illustration to a text. With the help of different colours, contrast of black and white, music, humour, usage of latest events highlighted in media students create unique pieces of art worthy of great respect and admiration. It may be also considered as **Resultative.**

Target implies shifting addressee role to agent role, developing creative thinking of students, highlighting important details in a text, checking text comprehension using different traditional and non-traditional techniques. Notwithstanding the subject, any teacher's aim must be to achieve a mastery of the classical skills of understanding spoken and written English.

How it works

We radically changed the methods of lecturing and turned our attention to media education. It gave us opportunity to involve all the students into different activities (as it is reflected in fig. 1): listening to the teacher and to the students, who present small portions of the new material (teaching assistance), watching small fragments from video composed by students, listening to the translation of the most difficult extracts from the text pre-

pared by the students beforehand, speaking — taking part in the interactive computer programmes written by students, watching PPT presentations prepared by a teacher and by students. Teaching assistance has become a dominant characteristic of modern education.

It was the teacher, who was the key person at the lecture delivered in a traditional way. Because of ties between different slots in a frame «Teaching» we may consider the lecture a sort of a web, where the teacher is the coordinator, the producer of a show, which includes many participants. In media education, the accent has been shifted to a student, who started knitting one's own web.

Fig. 1 vividly shows that the ability to deliver and to understand a lecture is an extremely complex process including many factors. We see that all these elements are interrelated and interdependent.

Conclusion

Thus, we realize that university teachers nowadays must take into account social order of the society: to prepare a new generation of the experts who have not only professional knowledge and skills, but also abilities to apply powerful information tools in their activity. This problem can be solved if in the educational process modern information technologies are used, and if pedagogy cooperates with all the marginal as well as distant disciplines.

Among the positive results of our efforts is, without doubt, the great interest expressed by young people to learning useful, but sometimes difficult subjects and strongly developed creative thinking.

References:

1. Buckingham, D. (2005) *Media education. Literacy, learning and contemporary culture*. Cambridge: Polity press.
2. Lavendar, T., Tufte, B., Lemish, D. (eds.). (2003) *Global trends in media education: Policies and practice*. New Jersey: Hampton Press.
3. Magál, S., Mistrík, M., Solík, M. (2009) *Masmediálna komunikácia a realita I.* Trnava: Fakulta masmediálnej komunikácie UCM.
4. Mihailidis, P. & Moeller, S. (2010) New frontiers in global media education. *Communication today*, 2, 6–13.
5. Nezhurina, M.I. (29.09–02.10.2004) Competence approach to working out combined multi-level programme for preparing skilled workers in educational informational media. *All-Russian conference "Educational medium: today and tomorrow"*. Moscow, Exhibition Centre. Available at: http://conf.sssu.ru/phorums/read.
6. Panasenko, N. (2010) Cognitive aspect of delivering lectures in English. *Philologica LXV. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave*. Bratislava: Univerzita Komenského. (pp. 163–170).
7. Panasenko, N. (2006) Media education: a step towards a new paradigm in teaching or the spider's web for students? *Nové přístupy v projektové výuce na vysokých*

školách 2005. Sbornik konferenčních příspevků. Zlín: Univerzita Tomáše Bati ve Zlíne. (pp. 60–67).
8. Vrabec, N. Petranová, D. (2013) *Nové vzory mládeže v kontexte mediálnej komunikácie.* Trnava: FMK UCM v Trnave.

COGNITIVE LINGUISTICS AND DIDACTICS: NEW MODELS OF TEACHING

Dr. Nataliya Panasenko
Professor, University of SS Cyril and Methodius in Trnava (UCM), Slovakia e-mail: cindy777@mail.ru

Dr. Dana Petranová
UCM, Slovakia e-mail: dana.petranova@gmail.com

Dr. Slavomír Magál
Associate Professor, UCM, Slovakia e-mail: slavomir.magal@ucm.sk

Принципы профессиональной лингводидактики в действии

М. А. Богатырёва
Академия труда и социальных отношений

Аннотация
В работе рассмотрены вопросы реализации принципов профессиональной лингводидактики: ориентации на интересы развития личности и междисциплинарности. Данные принципы предполагают обогащение концептосферы студентов и системы их ценностных ориентиров, выраженных в языке. Для самоактуализации личности студента необходимо создание в вузе обучающей среды, вооружающей его способами адаптации к новым реалиям, самообразования «через всю жизнь».

Ключевые слова*:* принципы междисциплинарности и гуманизации, обогащение концептосферы и аксиосферы, самоактуализация, обучающая среда

Мы всё реже задумываемся над тем, что почти целое столетие отечественное высшее профессиональное образование (ВПО) развивалось под лозунгом организованного упрощения культуры, при котором образование и воспитание подменялись узкой направленностью

обучения, сопровождаясь отчуждением гуманитарных знаний от личности и национальной истории, девальвацией гражданских чувств и патриотических настроений. Кто же нам нужен «на выходе»? Интеллигентный человек, многогранная личность или узкий специалист, отбросивший гуманистические идеалы? По-видимому, без усиления гуманитарного крыла образования невозможно прорваться к рубежам культурного возрождения.

Субъект культуры, в котором укоренено чувство ответственности перед историей и людьми, не может быть безнравственным и неумным, не патриотом или плохим работником — будь то PR-менеджер или математик, инженер или химик, технолог или экономист-международник. Процесс овладения иностранным языком (ИЯ) будущими специалистами представляет собой аксиологическую категорию и считается в современном поликультурном обществе государственной, личной и общественной ценностью, поскольку предполагает движение к истине через постижение научных картин мира, гуманизацию и рефлексию — овладение универсальными способами самопознания.

Тенденции конструктивных обновлений в XXI веке проявляются в политических решениях государства и направлены на

— поддержание устойчивости ВПО,
— возрождение университетского образования в той мере, в какой оно определяет судьбу России,
— развитие инновационности, маневренности и самодостаточности лингвообразования как социального института,
— реализацию практико-ориентированного подхода, основанного на компетенции.

При этом ведущими принципами государственной политики становятся *фундаментализация, ориентация на интересы развития личности, гуманизация*[1]. **Фундаментализация ВПО предполагает установление** *межпредметных связей, интеграцию естественнонаучного и гуманитарного знания***. Гуманитарно-аксиологический принцип** направлен на то, чтобы стимулировать процесс **социализации личности** и, тем самым, объединить новые болонские идеи с российскими гуманитарными традициями**.**

Реализация этих взаимодополняющих принципов служит пропуском в «общество знаний», через 1) обогащение концептосферы выпускника путём стирания граней между дисциплинами предметного цикла и обретения профессиональных и научных картин мира с помощью ИЯ; 2) изучение способов деятельности и ценностей,

1 1 сентября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Источник: «Российская газета».

сочетающих в себе лучшие образцы общечеловеческих идеалов с национальным историко-культурным наследием. Рассмотрим, как эти принципы работают на практике.

1. Ориентация на рынок труда обязывает составителей Рабочих программ обратиться, прежде всего, к паспорту специальности, чтобы увязать предметное содержание дисциплины «Иностранный язык» с профессиональными компетенциями, профилем выпускника вуза. Ведь в оценке работодателя играет роль фактор знания производства, которым обладает не каждый преподаватель ИЯ. Скажем, специальность бакалавра-технолога «Менеджмент технологических инноваций» связана с управлением сложными технологическими процессами в промышленности. Велением времени становится применение компьютерных технологий, знаний о выводе систем из кризисных ситуаций, сведений о нормах деловой коммуникации в международных Интернет сообществах. Соответственно, курс ESP — «Английский язык для специальных целей» предусматривает построение комплекса дискретных циклов-модулей на базе разделов, отражающих современное языковое сознание специалистов-носителей языка: "Technical English", "Management", "English for computer users." Путём взаимодействия информационной и дискурсивной форм деятельности на занятиях ИЯ обеспечивается переход от репродуктивной модели организации лингвообразовательного процесса к проблемно-ориентированной, позволяющей уйти от узко прагматических знаний.

На занятиях ИЯ преподаватель ставит перед студентами задачу поиска в Интернете, обработки, обсуждения и продуцирования найденных материалов в электронном сопровождении. Роль концептов в развитии когнитивного потенциала личности трудно переоценить. Объединяя информацию из нескольких различных доменов, они формируют речь, актуализируют смыслы в ответах на вопросы другого субъекта и, тем самым, порождают диспут [Прохоров, 2009, с. 31]. Скажем, в ходе работы над проектом «Защита окружающей среды» важно суммировать сведения, касающиеся экономики (рентабельность построения очистительных сооружений), физики (поиск возможных путей сокращения эмиссии углекислого газа), использовать функциональную лексику для правильного оформления научного доклада, применить технологии создания компьютерной анимации. При этом студенты факультета журналистики получают установку написать для журнала статью «на злобу дня», чтобы привлечь к проблеме внимание читателей, вызвать общественный резонанс. И наоборот, когда обучение ИЯ ведётся в узких предметных областях и междисциплинарные связи минимизированы, то вместо целостной концептуальной картины мира у индивида возникают фрагментарные бессистемные знания, которые не соотносятся с реальной окружающей средой.

2. Следует заметить, что, в отличие от предыдущих стандартов, ФГОС-3 предполагают оценку специалистов как с функциональной точки зрения, так и под углом их надпредметных умений. Это означает, что решение профессиональных задач достигается не только с помощью ЗУНов и знаково-символической системы ИЯ, но и благодаря личным качествам и ценностной ориентации выпускников, владению ими способами самопознания: готовности к восприятию, обобщению и анализу информации; к постановке цели и выбору пути её достижения; к аргументированному и логичному построению устной и письменной речи и др. С другой стороны, чтобы студент был способен интегрировать смежные со своей специальностью научные области, от него требуется осознанный выбор объекта изучения, адаптивность, критическое восприятие информации, мотивация учебных действий и самоотдача.

Подчеркнём, что *ПИК — категория интегративная.* В развитии ПИК, помимо лингвистического компонента и большого объёма профильно-значимых междисциплинарных знаний, составляющих концептосферу современного специалиста, принимает участие и его аксиосфера — система ценностных ориентиров, личностных качеств, пропущенных через индивидуальное сознание и выраженных в языке; глобальное мышление выпускника вуза; опыт, накопленный им в ходе социокультурной адаптации.

ПИК — категория ситуативная, поскольку именно ситуация задаёт целостный контекст деятельности специалиста, траекторию междисциплинарного и аксиологического развития личности, которые связаны с её эмоциональным состоянием, обретением ценностей духовной и культурной консолидации общества, опыта социального партнёрства. Профессиональный контекст рассматривается в науке как «система внутренних и внешних факторов и условий поведения и деятельности субъекта, которая придаёт смысл и значение ситуации, <…> влияет на её преобразование и способствует смене состояний личности, развитию её познавательной самостоятельности в многоуровневой образовательной системе» [Вербицкий, 2004, с. 72–73].

В таком случае, краеугольный камень профессиональной подготовки специалиста нам видится в *его способности соотносить профессиональный тезаурус (языковые средства) с социально-поведенческим контекстом ситуаций межкультурного взаимодействия, руководствуясь как познавательными мотивами непрерывного присвоения содержательной информации, так и собственными ценностными приоритетами, вытекающими из нравственности, ответственности, самодисциплины.*

В своей работе на примере моделирования сфер деятельности дипломатического работника [Богатырёва, 1998, с. 215–231] мы показали, что именно каталог ситуаций и программ их развёртывания

служит стимулом к построению аутентичного профессионального взаимодействия. Вместе с тем, фиксация новой структуры требует дополнить структуру ПИК, *установив связи между этапами достижений студента (вертикальные уровни ПИК) и линейными, горизонтальными единицами в виде мониторинга учебных показателей.*

В арсенале выпускника хранятся такие речевые продукты, как диплом на ИЯ, статьи, выступления на конференциях, видео игры, разбор мини-кейсов и цифровые фотографии. Но каким образом измерить другой аспект ПИК — качество владения поведенческими навыками, социокультурными стереотипами общения, принятыми в инофонном социуме? Номенклатура технологий контроля качества освоения ПИК должна, безусловно, развиваться. Вместо заранее подготовленных презентаций, студентов необходимо поощрять к деятельности, к участию в незакреплённых в языковой практике нестандартных ситуациях. Это требует создания контекстов, требующих от выпускника принятия сиюминутных решений, где в полной мере проявляется опыт аксиологического развития личности, диапазон её устремлений, мотивов и амбиций.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что установление структуры ПИК на теоретическом уровне требует от исследователей учёта принципов профессиональной лингводидактики *как средства идентификации качества обучения ИЯ.* Соответственно, идея модернизации обучающей среды в высшей школе состоит в том, чтобы создать аксиологически значимую, деятельностную среду, опосредующую самоактуализацию личности студента, его профессиональное самосознание — среду, до зубов вооружающую студента способами адаптации к новым реалиям и познания ценностно-окрашенных картин мира, устранения разного рода социальных помех и непрерывного самообразования «через всю жизнь».

Очевидно, нам предстоит борьба с контркультурой, противостояние деструктивной пропаганде и социальной агрессии в информационном пространстве. Существенную роль в этом играет преодоление изолированности студентов (присущей дистанционному обучению ИЯ), контроль над их свободным «плаванием» в море электронных текстов. Здесь приоритет отдаётся умению преподавателя диверсифицировать формы коммуникативного воздействия на студентов, устранять однообразие и шаблоны в своей работе. Ведь всем нам хорошо известно, что путь к сердцу студентов пролегает через опыт и энергию педагога, которые должны мотивировать и вдохновлять их!

Список литературы:

1. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
2. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: ИЦ ПКПС, 2004. 84 с.

3. Богатырёва М. А. Социокультурный компонент содержания профессионально-ориентированного учебника (английский язык, неязыковой вуз): Дис. … канд. пед. наук. МГПИИЯ. М., 1998. 280 с.

Сведения об авторе: Марина Александровна Богатырёва, кандидат педагогических наук, профессор, Академия труда и социальных отношений, e-mail: bogatyreova@mail.ru

PRINCIPLES OF PROFESSIONAL LINGUODIDACTICS IN PRACTICE

Dr. Marina A. Bogatyreova
Professor, Academy of Labour and Social Relations, e-mail: bogatyreova@mail.ru

Abstract

The article deals with the importance of putting into practice interdisciplinary and humanistic principles of professional linguodidactics. The principles suggest the enrichment of students' conceptual sphere and their system of values expressed through a language. That brings about the creation of lifelike contexts for students to be aware of how to get adapted to new realities and remain skilful in their careers.

Key words*:* interdisciplinary and humanistic principles, the enrichment of students' conceptual sphere and their system of values, self-adaptation, creation of lifelike contexts

References:

1. Prokhorov Iu. E. (2009) V poiskakh kontsepta / Iu. E. Prokhorov. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka. 176 s.
2. Verbitskii A. A. (2004) Kompetentnostnyi podkhod i teoriia kontekstnogo obucheniia. M.: Its PKPS. 84 s.
3. Bogatyreva M. A. (1998) Sotsiokul'turnyi component soderzhaniia professional'no-orientirovannogo uchebnika (angliiskii iazyk, neiazykovoi vuz): Dis. … kand. ped. nauk. MGPIIIa. M. 280 s.

Современное иноязычное образование в Казахстане в контексте межкультурной коммуникации

А. Е. Бижкенова
Евразийский национальный университет им. Льва Гумилева (Казахстан)

Аннотация
Изменения в общественной, политической и экономической жизни страны оказывают заметное влияние на развитие образования. В настоящее время в Казахстане, как и на всем постсоветском пространстве, происходит переосмысление содержания иноязычной подготовки специалистов и поэтому обучение языкам относится к ведущим факторам, определяющим успех межкультурных контактов в деловой и профессиональных сферах деятельности. Процессы межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях обусловили модернизацию иноязычного обучения. В стране успешно внедряется культурный проект «Триединство языков», предусматривающий одновременное изучение наряду с государственным казахским языком русского языка как языка межнационального общения и английского иностранного языка. Однако существует необходимость соблюдения принципа плюральности иноязычного образования у молодого поколения, которое призвано сегодня иметь в своем лингвистическом багаже знание, как минимум, двух, а то и трех и более иностранных языков. И для этого необходимо создавать достойные условия обучения.

Ключевые слова: иноязычное обучение, поликультурная языковая личность, принцип плюрализма, многоуровневая языковая подготовка

Структура профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности достаточно сложна и включает не только лингвистический компонент (владение средствами речевой коммуникации), информационный компонент (профессиональная компетенция), но и культурологический компонент (наличие фоновых знаний о партнерах по коммуникации и реалиях, принадлежащих другой культуре).

В настоящее время глобальной целью овладения иностранным языком считается формирование поликультурной языковой личности обучаемого (Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин, И. И. Халеева, Л. П. Крысин, В. П. Фурманова, Г. В. Елизарова и др.), способной

стать «медиатором (транслятором) культуры» (Н. М. Барышников). Цель обучения иностранным языкам, состоявшая в формировании и развитии навыков и умений, необходимых преимущественно для учебного общения и обучения образцовой учебной речи на иностранном языке, была расширена за счет необходимости формирования межкультурной компетенции как комплексной способности к осуществлению культурно обусловленной речевой деятельности в ситуациях межкультурного общения (В. В. Сафонова, В. П. Фурманова, Г. В. Елизарова).

Президент Н. А. Назарбаев совершенно справедливо замечает, что «в глобальном мире необходимо жить, уважая культуру и традиции других народов» [Назарбаев, 2006]. Знать язык другого народа — это значит стать отчасти выразителем его интересов и стать социокультурным посредником между двумя народами. Знание языков — это современный рычаг мирного процесса, он ведет к развитию межкультурного общения, к миру и созиданию в общечеловеческом доме.

Среди ученых, занимающихся проблемой концептуальных основ лингвистического образования, наблюдается некоторое расхождение во мнениях относительно целей процесса обучения иностранным языкам. Причиной тому является то, что на арену выдвинуто понятие «иноязычное образование», под которым предлагается понимать не простое обучение иностранному языку, а приобщение через иностранный язык к другой культуре. С тезисом приобщения к другой культуре следует соотнести новую конечную цель обучения, выражающуюся в формировании «вторичной языковой личности» [Кунанбаева, 2005, с. 29]. Другое мнение состоит в том, что в случае выбора культурообразующей функции иноязычного образования и «культуры» как основы образования, конечной целью становится формирование «субъекта диалога культур» как языковой личности с критическим поликультурным мышлением [Вотинов]. Первый подход является, на наш взгляд, в существующих условиях обучения языкам более жизнеспособным, ибо здесь речь идет об изучении языка с социокультурной составляющей, усвоении языка, как средства межкультурной коммуникации, познании языка через культуру, а не наоборот, как это подразумевается во втором случае.

Актуальность развития межкультурной толерантности сопряжена с необходимостью постановки вопроса формирования в Казахстане полиязычного пространства. Как известно, Казахстан — полиязычная страна, в ней живут более 120 этносов и народностей. Для их мирного проживания делается немало. В том числе и для развития их языков и культур. В качестве наглядности, приведем статистику по учреждениям образования:

Всего школ	С русским языком обучения	С узбекс. языком обучения	С уйгурск. языком обучения	С тадж. языком обучения	Билингв.
7516	1524	58	14	2	2097

Всего детсадов	С русским языком	С другими языками	Билингвальные
2261	272	3	808

Кроме того, в 190 воскресных школах этнокультурных объединений изучаются родные языки 30 этнических групп; из 50 казахстанских театров 9 смешанных, 15 русских, 1 корейский, 1 немецкий, 1 узбекский и 1 уйгурский.

Для создания всяческих условий подготовки подрастающего поколения к жизни в условиях открытого общества необходимо в образовательную программу внедрять изучение, как минимум, трех языков. Президент Н. Назарбаев предложил реализовать в стране полномасштабную культурную программу «Триединство языков»: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками…» [Назарбаев, 2008]. В условиях Казахстана — это государственный казахский язык, язык официального общения — русский и английский язык как необходимое условие для мировой интеграции. Повсеместная необходимость изучения английского языка наряду с государственным казахским языком и языком межнационального общения — русским была причислена к задачам государственной важности. Иностранный английский язык был обозначен в качестве условия успешного вхождения в глобальную экономику и стал рассматриваться как один из основных приоритетов государственной языковой политики [см.: Государственная программа…].

Наше общество сегодня, таким образом, впрочем, как и весь мир, заинтересовано, в первую очередь, в английском языке, потому что он становится языком номер один в международном сообществе. Вторая половина XX столетия стала временем «триумфального шествия» английского языка в глобальном масштабе. На смену французскому языку в качестве главного языка международного дискурса пришел английский язык, чему не в малой степени способствовало то обстоятельство, что в качестве лидирующей мировой державы утвердились Соединенные Штаты Америки.

Сегодня английский язык считают родным примерно 400 миллионов человек, живущих в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах. Но гораздо больше людей — более 1 миллиарда, а по некоторым оценкам, 1,5 миллиарда человек — пользуются английским языком в качестве второго или третьего языка в работе и жизни.

Здесь, однако, следует отметить, как совершенно справедливо считает П. Палажченко, что большинство пользующихся английским языком владеет им далеко не «в совершенстве» (при том, что эта часто встречающаяся формулировка вообще условна). Типичными являются скорее ограниченные познания и затрудненная, а часто примитивная, речь. Это, однако, никак не влияет на масштаб тенденции глобализации английского языка, которая не показывает никаких признаков исчерпания или даже ослабления [см.: Палажченко, 2004].

Английский стал языком Интернет и компьютерных технологий. Уже 80% информации хранящейся в памяти компьютеров во всем мире — на английском языке.

Знание английского языка на территории Казахстана входит не только в перечень необходимых условий обучения за рубежом, но и важно для общей конкурентоспособности молодого специалиста на рынке труда, как в стране, так и за ее пределами. Конечно, английский язык не является нашим природным богатством, однако без его освоения наша интеграция в мировое сообщество будет, если не невозможной, то в значительной степени осложненной и проблематичной. С этой точки зрения идея триязычия является актуальной и своевременной.

Однако, думается, знание указанных трех языков является всего лишь минимумом, необходимым для современного специалиста. Настоящей целью должен стать полилингвизм, когда в багаже знаний имеется два и даже больше иностранных языков. В Государственной программе функционирования и развития языков на 2011–2020 годы (2011 г.) среди программных целей указано достижение развитой языковой культуры как потенциала интеллектуальной нации. Кроме этого, появилась задача повсеместного изучения «английского и других иностранных языков». Это обнадеживает и позволяет надеяться, что положение других иностранных языков будет выправляться. Ведь любой изученный иностранный язык — это богатство и средство для мирного общения. Именно поэтому в европейских стандартах школьного образования существует требование изучения двух иностранных языков. В качестве второго иностранного языка популярностью пользуются в мире французский, испанский, немецкий, японский, китайский и русский языки. Социальное и экономическое значение подготовки специалистов, владеющих не одним, а двумя иностранными языками, огромно.

Интерес к изучению иностранных языков в Казахстане отмечен сегодня все разрастающимся бумом. Однако настораживает тот факт,

что в настоящее время английский язык пользуется абсолютным положением лидера. Изучению других иностранных языков уделяется крайне мало времени. Насчет крена в пользу изучения только английского языка среди ученых мира существует и такое мнение, что ограничивать иноязычное образование подобным образом опасно, ибо «изучение только одного языка — английского — означало бы одностороннюю ориентацию на англоамериканскую культуру, недооценку исторически сложившихся культурных связей… с Германией, Францией, испаноговорящими странами. Это означало бы также игнорирование современных общественно-политических и экономических реалий» [Иванова, 2006, с. 54]. «Для того чтобы понимать друг друга, представителям разных наций несомненно необходим некий единый язык общения. Однако вместо обогащения друг друга национальные культуры сегодня обедняют сами себя, пользуясь в качестве общего языка ломаным английским» [Либиг, 2009]. Доминирование одного языка в мире сравнимо со взаимодействием цивилизаций на «улице с односторонним движением» [Палажченко, 2004, с. 59]. По мнению выдающегося российского ученого-педагога И. Л. Бим, проблема заключается в том, чтобы не попасть под существующую в мире тенденцию к вытеснению английским языком, как наиболее распространённым языком международного общения, других иностранных языков: немецкого, французского, испанского [см.: Бим, 2005].

В процессе укрепления позиций английского языка в различных сферах международной жизни — торговле, экономике, политике — в словарный состав многих языков, в том числе и французского языка, стали проникать английские слова, выражения, термины и т.п. Данное явление в лингвистике само по себе достаточно распространено и, в известной мере, благоприятствует взаимообогащению языков. Но с конца 1950-х годов общественность Франции начала проявлять серьезную тревогу в связи с усиливающейся «англо-американской языковой интервенцией» [Илишев, 2000, с. 15]. Процесс проникновения англицизмов во все языки современности — это сейчас активное явление, которое, к сожалению, продиктовано естественными контактами языков — непосредственными и виртуальными — с английским языком. Насколько глубоко будет внедрение прогнозировать сложно.

П. Палажченко считает, например, что «чем крупнее страна, чем мощнее ее «культурный слой», тем менее вероятно освоение английского языка как массовое явление. На улицах Осло или Копенгагена первый встречный почти наверняка ответит вам на вопрос, заданный по-английски. В Париже или Мюнхене это гораздо менее вероятно» [Палажченко, 2004, с. 60].

Многоязычие, являющееся важным фактором гармоничного общения между народами, имеет особое значение для Организации Объединенных Наций. Так, в Центральных учреждениях ООН раз-

говаривают на 350 языках. Вопросы сохранения и поощрения многоязычия с помощью различных мер, предпринимаемых в рамках системы Организации Объединенных Наций, в интересах совместного использования и коммуникации, достойны внимания со стороны всех миролюбивых государств. Официальными языками Организации Объединенных Наций являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки.

Во многих странах мира правительство использовало многоязычие населения для развития общества. Например, в Сингапуре официальный статус имеют четыре языка: английский, китайский, малайский и хинди. Как результат — большинство населения этой страны владеет несколькими языками, поэтому более образовано и конкурентоспособно по сравнению с представителями других стран на региональном рынке труда. Именно поэтому иностранные инвесторы при создании своих южноазиатских региональных офисов чаще размещают их в Сингапуре. В сочетании с рядом других факторов такая продуманная и прагматичная языковая политика быстро привела к сингапурскому экономическому чуду. Также стоит помнить немецкую пословицу «Сколько языков ты знаешь, столькими жизнями ты и живешь». Изоляционизм, замыкание в рамках одного языка и одной культуры ни к чему хорошему не приводят [ср.: Дятленко].

Формирование модели гражданина XXI века, *языковой личности* в самом широком смысле, учитывающей множество аспектов мыслительной, речепроизводительной и этнокультурной компетенции возможно только через полиязычное образование. Изучение языков способствует усилению международного диалога, через знание языка открываются двери к новым идеям, иным способам мышления. Один немецкий философ как-то сказал: «Мое сознание заканчивается там, где заканчивается мой язык». Получается чем больше языковых знаний, тем шире границы сознания. Поэтому совершенно очевидно, что полиязычие — есть один из оптимальных путей осуществления современной лингвистической подготовки специалистов. Именно оно обеспечивает в конечном итоге полное и глубокое усвоение знаний, привитие умений и формирование устойчивых навыков в овладении языками в сфере коммуникации, в формировании готовности специалистов к самоопределению, профессиональному самообразованию, дальнейшую успешную интеграцию в социальное пространство Республики Казахстан и шире, в мировое образовательное и профессиональное пространство.

Таким образом, очевидным становится тот факт, что именно через язык создается эффективная база для интернационального и интеркультурного взаимопонимания. В преподавании иностранного языка должен соблюдаться принцип *плюрализма*, т.е. не только классические (английский, немецкий, французский), но и, например, китайский, итальянский, арабский, турецкий и другие иностранные языки

могут и должны включаться в программу обучения, хотя бы в качестве второго иностранного языка. Спектр языков для изучения должен быть широким. Неоспоримым фактом является то, что международная интеграция напрямую зависит от языковой подготовки личности.

В основе достижения поставленной задачи лежит уровневое, ступенчатое обучение иностранным языкам и, в обязательном порядке, основам межкультурной коммуникации. Именно на уровневом подходе базируется европейское языковое образование. Унифицирующим документом для всех стран Европы является единый стандарт, известный под названием «Общеевропейские компетенции уровней владения иностранным языком». Казахстанская Концепция иноязычного образования ориентирована на требования Европейского стандарта и уровневое обучение.

Именно многоуровневая подготовка поддерживает и наращивает интерес к выбранному языку с юных лет. Каждый уровень имеет свое возрастное соответствие и оценивается согласно приобретаемым языковым компетенциям. Особый интерес у обучающихся вызывает межкультурный компонент образования, призванный сформировать высококультурную элитарную личность, готовую к ведению международного диалога и способную внести свой вклад в международную и межэтническую интеграцию.

Список литературы:

1. Бижкенова А. Е. Иноязычная подготовка в системе профессионального образования государственных служащих. Астана: АГУ. 2010. 130 с.
2. Бим И. Л. Мосты. Немецкий после английского. М.: Просвещение. 2005.
3. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 7 февраля 2001 года № 550 // «Казахстанская правда» от 17 февраля 2001 года № 47–48; «Юридическая газета» от 21 февраля 2001 г. № 9–10; САПП Республики Казахстан, 2001 г., № 7, ст. 73.
4. Вотинов В. А. Слайдинг. Новейшие технологии обучения иностранным языкам. Режим доступа: http://www.sliding.ru/responses/press.html
5. Дятленко П. Языковая политика в Центральной Азии — ресурс развития или политическая игра? Режим доступа: www.centrasia.ru
6. Иванова Н. С. Культуроведческий подход к обучению студентов языкового вуза японскому языку как второму иностранному : дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 СПб. 2006. 276 с.
7. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональных общества (проблемы теории и практики). Автореф. дис… д-ра полит. наук. С-Пб. 2000.
8. Кунанбаева С. С. Современное иноязычное образование: методология и теории. Алматы: Эдельвейс. 2005. 264 с.
9. Либиг Г. Век великих переводчиков. 2007 // RPMonitor.ru, 2006–2009 | Фонд "Русский предприниматель"; 2006–2009 Режим доступа: http: //www. globoscope. ru/content/articles

10. Назарбаев Н. А. // из речи Главы государства Назарбаева Н. А. перед участниками республиканской научно-теоретической конференции «Государственный язык: настоящее и будущее». 21 сентября 2006 г.
11. Назарбаев Н. А. Выступление Президента РК на Международной конференции по вопросам государственной службы в Академии госуправления при Президенте РК (Астана, 17 июня 2008).
12. Палажченко П.: Диалог культур в языковом пространстве мира // Свободная мысль. 2004. XXI. №6.
13. Уварова Н. Л. Гуманитаризация профессионального образования государственных служащих средствами лингвистической подготовки [Электронный ресурс]: Дис. д-ра пед. наук : 13.00.08. М. : РГБ. 2003.

Сведения об авторе: Айгуль Ермековна Бижкенова, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Льва Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: abizhkenova@mail.ru

FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN KAZAKHSTAN TODAY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Dr. Aygul Ye. Bizhkenova
Professor, Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan,
e-mail: abizhkenova@mail.ru

Abstract

Changes in social, political and economic life have a significant effect on education. Nowadays Kazakhstan, as well as other post-Soviet states, is reconsidering the concept of foreign language teaching, which makes the way foreign languages are taught a leading factor determining success of international contacts in business and professional communication. Modernization of foreign language teaching was facilitated by the processes of international integration on national and international levels. At present Kazakhstan is successfully implementing the cultural project "The Trinity of Languages" which envisages fluency in three languages — Kazakh, Russian and English. To attain this goal, one should set up an appropriate environment.

Key words: foreign language teaching, polycultural lingua-individual, principle of pluralism, multileveled language preparedness

References:

1. Bizhkenova A. E. (2010) Foreign language preparation in a system of professional education of statesmen. Astana: AGU. 130 p.
2. Bim I. L. (2005) German after English. M.: Prosvesheniye.
3. State program of functioning and development of languages for the years 2001–2010. Decree of the President of Kazakhstan 7 February 2001, № 550 // «Kazakh-

stanskaya Pravda» от 17 February, 2001 года № 47–48; «Yuridicheskaya gazeta» от 21 February 2001 г. № 9–10; SAPP Republic of Kazakhstan, 2001 г., №7, art. 73.
4. Votinov V. A. Sleiding. New technologies of education for teaching foreign languages. Available at: http://www.sliding.ru/responses/press.html
5. Dyatlenko P. Linguapolicy in Central Asia — a resource of development or political play? Available at: www.centrasia.ru
6. Ivanova N. S. (2006) Cultural way to teaching students the Japanese as a second foreign language : Thesis … c.ped.sc.: 13.00.02. SPb. 276 c.
7. Ilishev I. G. (2000) Language and policy in multinational communities theories and practices). Thesis … d.p.sc.. SPb.
8. Kunanbayeva S. S. (2005) Modern foreign education: methodology and theory. Almaty: Edelveis. 264 p.
9. Libikh G. A centure of great interpreters. 2007 // © RPMonitor.ru, 2006–2009 | © Fund "Russian undertaker"; 2006–2009 Available at: http: //www. globoscope. ru/content/articles
10. Nazrabyev N. A. (2006) The President's address to the participants in the republican conference «State language: present and future». 21 September.
11. Nazrabyev N. A. (2008) The RK President's speech for International conference by questions of state work in Academy of state management by the President of Kazakhstan (Astana, 17 June)
12. Palazhchenko P. (2004) Dialogue of cultures in linguistic environment of the universe // Svobodnaya mysl. XXI. No. 6.
13. Uvarova N. L. (2003) Humanitarisation of professional education of statesmen by means of linguistic preparedness [Electronic resourse]: Thesis of d.ped.sc.: 13.00.08. M. : RGB.

Учет прагматики речевого общения при организации уровневого обучения русскому языку в вузе

Б. Х. Исмагулова
Казахская академия транспорта и коммуникаций (Казахстан)
А. С. Базарбаева
Казахский национальный технический университет (Казахстан)
Ф. Т. Саметова
Университет «Кайнар» (Казахстан)

Аннотация
В работе обсуждаются проблемы учета данных прагмалингвистики при отборе учебного материала для организации уровневого обу-

чения русскому языку в вузе, рассматриваются вопросы градации языковых средств выражения прагматической функции высказывания по степени сложности исходя из особенностей родного языка и уровня владения изучаемым языком. В статье обосновывается роль мультимедийных средств в формировании навыков общения на русском как иностранном.

Ключевые слова*:* русский язык, уровневое обучение, речевое общение, прагмалингвистика, прагматическая функция

Уровневое обучение становится все более популярным и завоевывает образовательное пространство, причем в преподавании не только языков, но и других учебных курсов как в высшей, так и в средней школе [РГПУ им. А. И. Герцена и др.]. Причина такого успеха, на наш взгляд, кроется в безграничных возможностях дифференцированного подхода, который позволяет максимально индивидуализировать обучение, сохраняя при этом его групповой характер. Ключевую роль в организации уровневого, дифференцированного подхода играет прежде всего тщательно отобранное содержание учебной дисциплины, которое отличается от уровня к уровню своим объемом, сложностью, глубиной и полнотой представленного языкового материала. Использование уровневой дифференциации невозможно без основательной предварительной подготовки, которая заключается прежде всего в учебно-методическом обеспечении учебного процесса необходимыми дидактическими материалами как обучающего, так и контрольно-измерительного характера. Кроме того, от педагога требуется всестороннее планирование, в котором должны быть определены: 1) имеющиеся (опорные) знания и умения обучаемых и соответственно уровень владения языком, 2) новое в изучаемом материале, 3) учебный материал, который необходимо попутно повторить, чтобы обеспечить усвоение нового. Как видим, уровневый подход к обучению кардинально меняет объем и распределение учебного материала, его дозирование, в зависимости от конкретного контингента. Следовательно, можно утверждать, что научно обоснованный отбор учебного материала и определение содержания образования представляет собой одну из актуальных проблем уровневого обучения в целом, и в особенности — обучения языкам, поскольку языковая подготовка, культура речи будущего специалиста сегодня оказываются важнейшими составляющими его профессионализма и конкурентоспособности на рынке труда.

Современный этап развития лингвистики, характеризующийся антропоцентрической направленностью исследовательского вектора, позволяет по-новому подойти к отбору языкового материала для организации разноуровневого обучения языку. Так, научный интерес для лингводидактики представляет прагмалингвистика как

научное направление, интегрирующее достижения теории речевой деятельности, коммуникативной грамматики, теории речевых актов, которые в совокупности составляют основу курса русского языка как иностранного (для зарубежных студентов), а также курса русского языка как второго (или неродного) для жителей стран СНГ (в СССР он назывался «русский язык в национальной школе»: вспомним НИИ преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР, в стенах которого и зародилась русская лингводидактика). При этом следует отметить, что в постсоветскую эпоху условия обучения русскому языку в странах Содружества, и в частности в Казахстане, в определенной степени ухудшились ввиду приоритета государственного языка и мирового престижа английского языка, на фоне которых знание русского языка в массовом сознании не воспринимается как возможность профессионального и карьерного роста, своеобразного «пропуска» в успешное будущее. Поэтому в методических целях считаем возможным применять по отношению к русскому языку в постсоветском пространстве понятие «русский как иностранный».

В настоящей работе рассмотрим небольшой, но существенный фрагмент учебной дисциплины — прагматику речевого общения — в курсе русского языка для студентов вузов, окончивших школу на нерусском языке, поскольку современный специалист должен владеть навыками межъязыкового и межкультурного общения. Вся сложность проблемы заключается в том, что прагматический аспект речевого общения на русском языке в лингводидактических целях не рассматривался и не описан. Это становится возможным в связи с обозначившимся в языкознании интересом к природе и составляющим речевого общения. Прагмалингвистический подход к обучению второму языку дает возможность сделать процесс овладения неродным языком более плодотворным. В свете сказанного вырисовывается актуальная лингводидактическая задача — описать прагматическую функцию языковых средств в учебных целях. Если при этом исходить из дифференцированного, разноуровневого подхода к обучению, то весь языковой материал, подлежащий усвоению, должен быть ранжирован по степени сложности и востребованности в повседневной жизни студента, а в последующем — и специалиста.

Следует подчеркнуть, что роль данных прагмалингвистики будет возрастать с повышением уровня владения языком, поскольку она рассматривает особые условия и способы употребления языковых средств, формирующих высказывания, и в целом правила общения, включая прежде всего речевое общение. Так, если на начальных первом, втором уровнях обучения языку приоритетное внимание уделяется лексико-грамматической основе высказывания, то далее, на третьем, четвертом и выше уровнях, считаем уместным работать над прагматическими значениями, которые являются основой любого

общения. Выражаются они при помощи языковых единиц на лексическом и грамматическом уровнях. Сравним различные высказывания: «Закрой окно!», «Не закроешь ли ты окно?», «Хорошо бы закрыть окно», «Дует». В одной и той же речевой ситуации с открытым окном, в одном контексте, все эти разные по форме предложения реализуют одну иллокутивную функцию — побуждают адресата речи закрыть окно. И, наоборот, одно предложение в различных ситуациях может выполнять разную иллокутивную функцию. К примеру, предложения «Не хотите ли Вы сесть?», «Может, еще?» можно произнести в зависимости от ситуации с угрозой, раздражением, иронией, издевкой, удивлением, как просьбу и т.п.

Уяснению их конкретной прагматической функции в естественном общении способствуют, помимо интонации, невербальные средства, сопровождающие речь и обстановка речи, социальный контекст. В учебных условиях наиболее эффективным способом добиться усвоения прагматической функции высказывания, исходя из комплекса экстралингвистических условий общения, является работа над художественным текстом, и в особенности, драматическим, построенным на диалогах героев (с вкраплением монологов и полилогов). Причем современный уровень технического оснащения позволяет закрепить прагмалингвистический анализ реплик героев в диалогических единствах просмотром и сопутствующим комментарием видеосюжетов на начальных этапах работы. Для этих целей незаменимыми представляются ставшие в свое время популярными советские мультфильмы, например, «Трое из Простоквашино», «Ну, погоди!», «Маша и Медведь», «Доктор Айболит» и др., ценность которых заключается в том, что они дают неограниченные возможности для работы с речью. Это и ее аудирование, и говорение (начиная с простого, на первый взгляд, озвучивания ролей героев просмотренного мультфильма и заканчивая выступлением-анализом речевого поведения героев, речевой ситуации, прагматической составляющей речевого общения или более того — участием в дискуссии по вышеназванным вопросам и др.).

По мере дальнейшей работы над прагматической составляющей речевого общения можно усложнить учебную задачу: сначала просмотреть видеоролик, связанный с ситуациями делового, профессионального общения двух и более участников (фрагменты из фильмов), затем прокомментировать речевое поведение собеседников с точки зрения их коммуникативных целей, стратегий и тактик их достижения и т.д.

Прагматический подход к изучению лексико-грамматического содержания изучаемых единиц (предложений, связного текста), традиционно рассматриваемых в семантике или синтаксисе, позволяет выявить новые существенные характеристики соответствующих явлений [Гак, 1982; Остин, 1986; Азнаурова, 1988; Винокур, 1993]. Так, уже на начальном уровне обучения следует обратить внимание на вопросы типа

«*У Вас нет часов?*», которые требуют не ответа «*Да, есть*» (без сообщения, который час игнорирующего контекст и тем самым нарушающего требования речевого этикета), а подразумевают просьбу сказать, который час. Прагматическое значение вопроса «У Вас нет часов?» в данном случае тождественно вопросу «*Сколько времени?*» или «*Который час?*», *а* вопросы «*Ну, ты идешь или нет?*», «*Ты скоро?*» *подразумевают императив* «*Собирайся быстрее!*», «*Пойдем быстрее!*». Учет этого позволяет углублять содержание курса русского языка как иностранного и как второго / неродного (в условиях стран СНГ) данными прагмалингвистики, непосредственно обращенной к речи, к речевому общению и, по нашему убеждению, должны учитываться при отборе учебного языкового материала и разработке методического сопровождения курса.

Достаточно серьезную методическую проблему в тюркоязычной аудитории, и в частности казахской, составляет усвоение вопросительных предложений, так как в родном языке студентов-казахов вопросительные предложения формируются при помощи вопросительных слов, интонация принимает участие лишь как сопутствующий фактор, в то время как в изучаемом русском языке интонация формирует вопросительные предложения в качестве самостоятельного средства (Ср.: *Встреча началась? — Кездесу басталды* ***ма***?). Отсюда необходимость системной работы над вопросительными предложениями, тем более что отмечается большое разнообразие их типов и классификаций. Так, *в зависимости от признака запроса информации* различаются информационные и риторические вопросы. Между ними существует множество переходных явлений, образуемых при помощи модальных, эмоционально-оценочных и отрицательных слов. Например: «*Ты себе желаешь зла?*» / «*Ты ведь не желаешь себе зла?*» / «*Разве ты желаешь себе зла*?» *С коммуникативной точки зрения* выделяются переспрашивающие, уточняющие, идентифицирующие и др. вопросы. *С точки зрения содержания* можно выделить вопросы уточнения, возражения, недоумения и т.д., ориентированные на модальную часть высказывания.

Прагмалингвистика позволяет перевести прагматический потенциал вопросительных предложений в лингводидактическую плоскость, градуировать его по степени сложности и тем самым подвести к методическим решениям. Умение применять разные типы вопроса в соответствии с речевой ситуацией и коммуникативной задачей участника речевого общения входит в коммуникативную компетенцию обучаемого, формируется на начальном, элементарном и базовом, уровнях овладения языком и совершенствуется на последующих, более высоких ступенях.

Широкий диапазон прагматической информации, актуальной для изучающего русский язык, заключает в себе категория вежливости, представленная в плане содержания принципом вежливости

П. Грайса и в плане выражения — языковыми единицами разных уровней (словами, их формами, словосочетаниями, предложениями) [Грайс, 1986]. Так, вежливые вопросы и вежливые просьбы представляют собой один из способов снижения категоричности высказывания, что в свою очередь является показателем увеличения дистанции между участниками общения. Иначе говоря, чем больше дистанция между партнерами по коммуникации, тем более вежливым становится их обращение друг к другу. Увеличение же дистанции, как известно, связано со статусными различиями говорящих. Таким образом, для изучающего русский язык актуально усвоить такие модели предложений, которые приводят к снижению категоричности высказываний. В связи с этим оправданным представляется введение в содержание курса русского языка на более высоких, II, III, IV сертификационном, уровнях [Дьяконов] различных модальных глаголов, вводных элементов, форм сослагательного наклонения («*Было бы удобнее / правильнее / разумнее …*», модальных слов со значением предположения, модусной предикатной группы («*я думаю/ я боюсь/ я надеюсь, что …*»), придаточных условия («*Если я не ошибаюсь / Если я Вас правильно понял*») + утвердительное предложение в функции вопроса:

А) *Я думаю/ Я боюсь/ Я надеюсь, что + Вы идёте завтра на эту встречу*?

Б) *Если я не ошибаюсь / Если я Вас правильно понял, + Вы не возражаете против данного предложения?*

Таким образом, при обучении русскому языку как иностранному (второму) в вузе овладение студентами прагматической составляющей речевого общения представляет собой возможность совершенствования их речевой компетенции и в целом — языкового капитала, который в современном мультикультурном обществе является своеобразным ключом к профессиональному росту. Это, в свою очередь, выдвигает задачу лингводидактического описания прагматической функции языковых средств в ситуациях как повседневного общения, так и профессионального. При этом эффективным окажется учет соответствий и различий изучаемого (русского) и родного языка, что позволит выстроить методическую систему, ориентированную на речь и речевое общение, межъязыковую и межкультурную коммуникацию.

Список литературы:

1. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988. 119 с.
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. М.: Наука, 1993. 109 с.
3. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи / Иностранные языки в школе, 1982, №5. С. 11–17.
4. Грайс Г. П. Постулаты речевого общения / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 130–147.

5. Дьяконов И. А. Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку. Проект «TESTOR.RU» — www.testor.ru/files/Conferens/probl_ur_vlad/Ros_gos_sist.doc
6. Остин Дж. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130;
7. Переход на уровневое обучение. Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций — http://www.spbuwc.ru/obrdejat_perehod.html
8. План перехода РГПУ им. А. И. Герцена на уровневое образование — www.herzen.spb.ru/img/files/osipumu//doc/docfgos/plan_grafik
9. Уровневое образование. Кемеровский государственный университет — kemsu.ru/pages/ education_ur_obr_index

Сведения об авторах:

Баян Хамзиевна Исмагулова, доктор филологических наук, профессор, Казахская академия транспорта и коммуникаций, Алматы, Казахстан, e-mail: ismagulova.b@mail.ru

Айман Салиевна Базарбаева, кандидат филологических наук, доцент, Казахский национальный технический университет, Алматы, Казахстан, e-mail: bazarbaeva-aiman@mail.ru

Фаузия Толеушаиховна Саметова, кандидат филологических наук, доцент, Университет «Кайнар», Алматы, Казахстан, e-mail: sametova73@mail.ru

THE PRAGMATICS OF VERBAL COMMUNICATION IN ORGANISING MULTILEVEL TEACHING OF RUSSIAN AT UNIVERSITIES

Dr. Bayan H. Ismagulova
Professor, Kazakh Academy of Transport and Communications, e-mail: ismagulova.b@mail.ru
Dr. Aiman S. Bazarbaeva
Assistant Professor, Kazakh National Technical University, e-mail: bazarbaeva-aiman@mail.ru
Dr. Fauziya T. Sametova
Assistant Professor, Kainar University, e-mail: sametova73@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to the role of pragmalinguistics in selecting study materials for Russian language teaching at the university level. Particular attention is paid to the gradation of language difficulty. The article also analyzes the role of multimedia in developing communication skills in Russian as a foreign language

Keywords: Russian language, level teaching, oral communication, pragmalinguistics, pragmatic function

References:

1. Austin J. (1986) Word as the action / Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17. Teoriia rechevykh aktov. M: Progress Publishers. P. 22–130.
2. Aznaurova E. S. (1988) Art word pragmatics. Tashkent: Fan. 119 p.
3. Dyakonov I. A. Russian state system for testing foreign citizens in the Russian language. The project "TESTOR.RU" — Available at: www.testor.ru/files/Conferens/probl_ur_vlad/Ros_gos_sist.doc
4. Gak V. G. (1982) Pragmatics, Speech Language Usage and Grammar / Foreign languages at school. No. 5. P. 11–17.
5. Grice H. P. (1986) Postulates of the speech communication / Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17. Teoriia rechevykh aktov. M.: Progress Publishers. P. 130–147.
6. Switching to tier teaching. Petersburg State University of Waterway Communications. Available at: http://www.spbuwc.ru/obrdejat_perehod.html
7. Switch plan of Herzen State Pedagogical University of Russia to tier education. Available at: www.herzen.spb.ru/img/files/osipumu/doc/docfgos/plan_grafik
8. Tier education. Kemerovo State University. Available at: kemsu.ru/pages/ education_ur_obr_index
9. Vinocur T. G. (1993) Speaking and listening. M.: Nauka. 109 p.

Секция 4
Лингвистические исследования: практические советы современных теорий

Когнитивно-прагматическая модель политического диалогического дискурса

Ю. И. Плахотная
Челябинский государственный университет

Аннотация
Статья посвящена изучению когнитивно-прагматических особенностей диалогического дискурса, на основе которых выстраивается многокомпонентная модель политического диалогического дискурса, состоящая из двух полей (внутреннего и внешнего) с активными и пассивными участниками. Активные участники политических дебатов создают вокруг себя когнитивное и коммуникативное поле, воздействуя при этом не только на картину мира своего оппонента, но и на концептосферу пассивных адресатов (потенциальных избирателей), находящихся во внешнем поле модели дискурса. Диалогический дискурс — это информационный процесс, нацеленный на достижение взаимопонимания собеседников, в основе которого лежат когнитивные функции индивидов, обеспечивающие производство (кодирование) и понимание (декодирование) речевых высказываний. Создание сходной картины мира в сознании адресата является главным аспектом в достижении взаимопонимания в диалогическом дискурсе.

Ключевые слова: диалогический дискурс, когнитивный, модель, кодирование, декодирование

Развитие международных отношений в политической, социальной, культурной и научной сферах жизни мирового сообщества свидетельствует о необходимости изучения закономерностей коммуникативного взаимодействия в рамках институциональных дискурсов. Построение адекватной модели коммуникации может обеспечить эффективность взаимодействия субъектов общения на лингвопрагматическом, когнитивном и психолингвистическом уровнях, поэтому системное моделирование, как один из методов изучения дискурса, приобретает сегодня не только теоретическую, но и практическую значимость.

Проблема моделирования активно обсуждается в отечественной и зарубежной науках. Процесс моделирования понимается как упорядочение выделенных элементов и выявление их корреляционных признаков с целью исследования природы процесса и экстраполяции результатов на реально функционирующий «оригинал». Было разработано большое количество моделей коммуникации: кодовая

модель К. Шеннона, инференционная модель Г. П. Грайса, структурно-коммуникативная модель Т. А. ванн Дейка, семиотическая модель Р. Якобсона, коммуникативная модель Ю. Лотмана, когнитивная модель О. Йокояма. Моделью дискурсивного процесса называют схему конструирования языковых элементов как аналога реально существующего объекта [Олешков, 2006].

Одна из основных задач нашего исследования состоит в комплексном описании особенностей речевого поведения коммуникантов в рамках политического предвыборного диалогического дискурса с целью построения когнитивно-прагматической модели коммуникации. Под когнитивной моделью понимается многоуровневая, многокомпонентная и полифункциональная ментальная структура, которая участвует в кодировании и декодировании информации в ходе дискурса.

Диалогический дискурс представляется как иерархическая система, состоящая из двух (или более) одноуровневых антагоничных систем «Человек — Человек», которые обладают в свою очередь своими концептуальными системами, влияющими в процессе коммуникации друг на друга. Дискурс совершается в речевой деятельности, которая, по мнению А. Р. Лурия, является психологическим процессом формулирования и передачи мысли средствами языка [Лурия, 2007, с. 277]. Поэтому диалогический дискурс можно представить как процесс, происходящий в определённой ситуации общения между двумя (или более участниками), которые стремятся к достижению определенной цели.

Модель политического предвыборного дискурса имеет два поля: 1) внутреннее поле, в котором происходят дебаты между оппонентами, являющимися прямыми (активными) адресатами друг друга; и 2) внешнее поле, в которое входят косвенные (пассивные) адресаты дискурса — это аудитория, состоящая из потенциальных избирателей обоих кандидатов: сторонников, противников и не определившихся слушателей.

Диалогический дискурс представляет собой информационный процесс, в ходе которого участники передают друг другу информацию, закодированную в речевых высказываниях, создавая при этом вокруг себя коммуникативное поле, формируемое прагматическими намерениями, целями, задачами, мотивами и установками предстоящего общения.

Предварительным этапом подготовки дискурса у каждого участника является планирование своей речевой деятельности, прогнозирование и анализ ситуации предстоящего дискурса. Каждый кандидат должен просчитать примерное количество сторонников, противников и потенциальных избирателей своих и своего оппонента, после чего проанализировать свой план действий, стратегии и тактики предстоящей дискуссии. Политический лидер в своей речи

должен учитывать систему взглядов оппонента и пассивных адресатов и предвидеть ожидаемый эффект своего речевого воздействия на их сознание.

Речевое воздействие в предвыборном политическом дискурсе, по словам А. П. Чудинова, преследует две цели: изменить когнитивную картину мира (политические взгляды) адресата, и побудить его к определённым действиям как избирателя (т.е. сделать выбор конкретного кандидата) [Чудинов, 2012, с. 71].

В предвыборном диалогическом дискурсе речевое воздействие распространяется в двух направлениях: от продуцента речи к прямому и к косвенному адресату. Причём, одно и то же высказывание оказывает разное воздействие на каждого адресата, т.к. сформировавшиеся концептуальные системы у всех разные. Поэтому кандидат должен ориентироваться на определённого адресата или группу адресатов и учитывать все особенности их когнитивной картины мира для того, чтобы правильно выстроить стратегию и тактику своего выступления.

Лингвопрагматические параметры речи участников дискурса отражают не только их личностные качества (черты характера, эмоции), но и связаны с когнитивными процессами данной языковой личности, передавая особенности мышления индивида. Поэтому построение прагматической модели неотъемлемо связано с изучением когнитивных аспектов.

Субъекты дискурса создают вокруг себя когнитивное поле, активизируя такие когнитивные процессы, как ощущения (слуховые, зрительные), внимание, представление, память, мышление, которые служат передаче, получению, накоплению, хранению и обработке информации. Речь является средством для актуализации всех этих функций и выступает не просто как речевая деятельность в предвыборном дискурсе, но как орудие борьбы политика за власть.

Мыслительный процесс осуществляется в речи посредством когнитивных феноменов (т.к. ментальные репрезентации, концепты, фреймы, сценарии), которые являются инструментами мышления и входят в состав концептосферы в когнитивном поле участников дискурса.

Обмениваясь речевыми сообщениями в ходе дискурса, говорящий производит (кодирует) высказывание, передавая информацию, а слушающий, воспринимая её, декодирует речевые высказывания. Процессы кодирования и декодирования — это сложные когнитивные операции, которые каждый участник многократно совершает в ходе дискурса. Эти процессы когнитивно и перцептивно отличаются друг от друга. Кодирование, по нашему мнению, состоит из следующих этапов: 1) возникновение мотива (интенции) высказывания; 2) далее сигнал поступает в долговременную память (ДП) для извлечения

необходимой информации, которая хранится там в виде концептов, фреймов, сценариев и т.п. и закодирована в виде языковых знаков или зрительных, осязательных, слуховых, обонятельных образов (или ощущений). 3) на этапе представления информация обрабатывается мыслительными операциями (т.к. категоризация, мысленное членение или вращение объекта, объединение или комбинирование объектов в одно целое) [Ломов, 1986, с. 16]; 4) далее внутренняя речь перекодируется во внешнюю в речевых зонах мозга; 5) затем воспроизводится речевыми органами.

Процесс декодирования гораздо более сложный и состоит из следующих этапов: 1) ощущения (слуховые и зрительные); 2) восприятие информации — сопоставление поступающей информации с уже имеющейся в памяти и переход с акустического кода на код внутренней речи; 3) внимание — отбор необходимой информации [Лурия, 2007, с. 122–166]; 4) представление — создание когнитивных схем, сходных со схемами объекта, описываемого говорящим; 5) поступление информации в иконическую (зрительную) или эхоическую (слуховую) память, в которой информация хранится от 250 мсек до 4 сек; 6) далее информация поступает в кратковременную память (10–30 сек), а затем в ДП, которая делится на (эпизодическую — память на события, и семантическую — память на слова и понятия) [Солсо, 1996, с. 66, 139]; 7) поступление информации в мысленную обработку с использованием наглядно-действенного, наглядно-образного, словесно-логического мышления [Ломов, 1986, с. 16], в котором формируются новые концепты или мысленные репрезентации той информации, которую передал говорящий.

Результатом процесса декодирования можно считать изменённую концептуальную систему адресата, которая становится мотивом его дальнейшей деятельности, а именно ответом на вопрос своего оппонента или голосованием за конкретного кандидата.

В связи с тем, что в процессе декодирования информация проходит много этапов, количество её уменьшается при поступлении в сознание адресата. «Потери» могут говорить как о проблемах декодирования высказывания (например, плохая память адресата), о не вполне корректном кодировании данного высказывания продуцентом речи, так и о расхождении между когнитивными картинами мира участников, о различии уровня владения языком коммуникантами, о наличии «шума» (помех) и т.п. Кроме того, в процессе рецепции речевого высказывания концептуальная система адресата претерпевает определённые изменения, которые также ведут к изменению количества и/или качества получаемой информации.

Для обеспечения взаимопонимания в процессе диалога коммуниканты должны стремиться к достижению максимального соответствия концептуальных систем, что в рамках институциональных

дискурсов, в частности, политического происходит далеко не всегда. Цель предвыборного дискурса заключается не в нахождении консенсуса с партнёром по коммуникации, а в установлении превосходства (победы) над ним как противником. Однако смысл политического диалогического дискурса состоит в совместном создании новых когнитивных моделей в сознании собеседника с целью осуществления дальнейших действий для познания и преобразования мира и достижению межкультурного и политического взаимопонимания.

Список литературы:

1. Ломов Б. Ф. Когнитивные процессы как процессы психического отражения. / Когнитивная психология. Материалы финско-советского симпозиума / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, Т. Н. Ушакова. — М.,: «Наука» , 1986 г. 205 с.
2. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. — СПб.: Питер, 2007. — 320 с.
3. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил, 2006. 343 с.
4. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — Пер. с англ. — М.: Тривола, 1996. 600 с.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

Сведения об авторе: Юлия Ивановна Плахотная, ст. преподаватель, Челябинский государственный университет, e-mail: pl-julia@mail.ru

A COGNITIVE-PRAGMATIC MODEL OF POLITICAL DIALOGUE DISCOURSE

Yulia I. Plakhotnaya

Senior Lecturer, Cheliabinsk State University, e-mail: pl-julia@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of cognitive-pragmatic peculiarities of dialogue discourse on the base of which multi-component model of political dialogical discourse is constructed. It consists of two fields (inside and outside) with active and passive participans. Active participants of political debates create cognitive and communicative field around themselves, affecting not only on the image of the world of his\her opponent, but also on the conceptual концептосферу of passive addressees (potential electors), who are in the outside field of the discourse model. Dialogical discourse is informational process, which aims the achievement of mutual understanding of interlocutors. On the base of this process there are cognitive functions of humans, producing (coding) a speech utterance and understanding (decoding) them.

Key words: political discourse, cognitive, model, coding, decoding

References:
1. Lomov B. F. (1986) Kognitivnye protsessy kak protsessy psikhicheskogo otrazheniia. \ Kognitivnaia psikhologiia. Materialy finsko-sovetskogo simpoziuma \ Otv. red. B. F. Lomov, T. N. Ushakova, 205.
2. Luriia A. R. (2007) Lektsii po obshchei psikhologii, 320.
3. Oleshkov M. I. (2006) Modelirovanie kommunikativnogo protsessa, 343.
4. Solso R. L. (1996) Kognitivnaia psikhologiia. — Per. s angl., 600.
5. Chudinov A. P. (2012) Politicheskaia lingvistika, 256.

Фразеология современной дипломатии в условиях поликультурной коммуникации

В. С. Арутюнян
Политехнический институт им. В. С. Черномырдина

Аннотация
В работе рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц дипломатической тематики во фразеологическом фонде английского, немецкого и русского языков в призме коннотативно-денотативных корреляций значения. Особое внимание уделяется вопросу специфики функционирования ономастической фразеологии. Автором вводятся понятия полной и частичной ономофразем. Приводятся многочисленные примеры фразеологических единиц, иллюстрирующих специфику функционирования фразеологизмов языка дипломатии. Результаты исследования показали прямую взаимосвязь между спецификой функционирования фразеологизмов и наличием в их компонентном составе ономастического компонента с сохранившимся или утерянным историческим ореолом.

Ключевые слова: фразеологическая единица, полная ономофразема, частичная ономофразема

«Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает как круг по воде, через толщу языка. Всякое понимание, поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах вместе и расхождение» [Гумбольдт, 2001, с. 84]. Эта мысль, выраженная выдающимся немецким лингвистом, не теряет своей актуальности и по прошествии веков, приобретая лишь большую степень действенности. Слова, а тем более комбинации слов, придающие смыслу изречения особую, неповторимую специфику в зависимости от национального миропонимания по-разному воспринимаются представителями разных культур.

Выбор темы нашего исследования обусловлен рядом причин, наиболее важной из которых является возрождение в современной лингвистике интереса к исследованиям, выявляющим взаимосвязь между языком и культурой. С этой позиции несомненный интерес представляет собой фразеологический фонд языка в наибольшей степени отражающий национальную специфику этноса.

Фразеологические единицы, зарождающиеся на пересечении языка и культуры изначально насыщены культурой, делающей их «потенциально культуроносными знаками» [Ковшова, 2013, с. 147].

Целью нашего исследования является попытка рассмотрения специфики функционирования фразеологических единиц английского, немецкого и русского языков отображающих реалии современной дипломатии сквозь призму коннотативно-денотативных корреляций значения, осложненного спецификой национальной «нагрузки».

Большей частью будет проведено исследование английских, немецких и русских ономастических фразеологизмов, отражающих связь фразеологии с политикой, культурой стран изучаемых языков и мифологией. На основании анализа лингвокультурологической парадигмы мы предпримем попытку мониторинга, наглядно демонстрирующего прямую взаимосвязь между наличием в составе фразеологизма ономастического компонента и яркостью фразеологического образа, осложненного национальным колоритом.

Как известно культурное мироощущение и мировоззрение этноса во многом определяется фразеологическим наследием народа, причем в наибольшей степени национальная специфика культуры общества отражена именно в ономастической фразеологии. Ономастические компоненты в составе фразеологических единиц выступают в качестве ярких «носителей» национального колорита, «ярлыков», раскрывающих особенности национального менталитета этноса. Однако степень яркости национального колорита во фразеологии неоднородна и зависит от устойчивости фразеологического образа, изначально заложенного в основу фразеологической единицы. Так, ономастические компоненты, представляющие собой имена собственные, сохранившие характеристики определенной исторической эпохи или же связанные с конкретным (реальным или вымышленным) обладателем имени сохраняют прочные коннотативные ассоциации, создающие вокруг онима яркий историко-этимологический образ. В нашем исследовании мы будем именовать такие фразеологические единицы *полными ономофраземами* (термин В. С. Арутюнян [Арутюнян, 2010, с. 9]). В противоположность фразеологическим единицам, содержащим в своем компонентном составе оним с яркой коннотативной «нагрузкой», в языке функционируют фразеологизмы, в семантике ономастических компонентов которых произошел сдвиг значения в сторону денотации, при условии, если оним не сохранил

основной коннотации. В нашем исследовании подобные фразеологические обороты мы станем именовать *частичными ономофраземами* (термин В. С. Арутюнян [Арутюнян, 2010, с. 9]).

Для определения характера апеллятивации значения ономастической составляющей фразеологизмов нам необходимо выбрать алгоритм, определяющий их культурную коннотацию.

В этом плане нам особо импонирует модель культурной интерпретации фразеологизмов, выдвинутая профессором М. Л. Ковшовой, которая приводит следующую последовательность операций, выявляющих культурную коннотацию фразеологической единицы:

1. «пробуждение» в памяти исходных смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры;
2. припоминание знаний и представлений, которые связаны с фразеологизмом и нужны для более точного его употребления;
3. «соединение» образа фразеологизма, или его ассоциирование, с символами, стереотипами, мифологемами и др. [Ковшова, 2013, с. 148].

Среди ономастических фразеологических единиц английского, немецкого и русского языков нами будут рассмотрены фразеологизмы, содержащие в своем компонентном составе антропонимы, топонимы и этнонимы с яркими коннотативными ассоциациями.

Полная ономофразема *ugly American* — «гадкий американец, американский дипломат или бизнесмен за рубежом, который дискредитирует внешнюю политику США своей высокомерностью, чувством ложной гордости и отсутствием взаимопонимания с местным населением» происходит от названия одноименного фильма американских сценаристов Юджина Бердика и Уильяма Ледерера, вышедшего на экраны в 1963 году и рассказывающего о нескольких днях из жизни американского дипломата, недавно назначенного в одну из азиатских стран (придуманную авторами, но очень похожую на Вьетнам). Яркость образа данного фразеологизма объясняется популярностью и доступностью жанра кино у большого круга реципиентов.

Немецкие фразеологизмы *Apfel des Paris* и *Geist von Locarno* также принадлежат к полным ономофраземам.

Фразеологическая единица *Apfel des Paris* — «яблоко раздора» этимологически восходит к древнегреческой мифологии и описывает спор, возникший из-за ситуации с золотым яблоком. Богиня раздора Эрида, обиженная тем, что её не пригласили на свадебный пир Пелея и Фетиды, решила отомстить богам и подбросила пирующим яблоко с надписью “Kallisti” («Прекраснейшей»). Между тремя богинями Герой, Афиной и Афродитой возник спор: кому по праву принадлежит яблоко? По приказанию Зевса, разрешить спор о яблоке было поручено сыну царя Трои прекрасному Парису. Каждая из трех богинь стала убеждать Париса отдать яблоко ей, суля юноше великие награды. Парис отдал яблоко Афродите, которая обещала наградить

его любовью любой женщины, которую он выберет, и рассказала ему о Елене Прекрасной, жене царя Спарты Менелая. Парис похитил красавицу, что привело к Троянской войне.

Выражения, в основу фразеологического образа которых положены мифологические, библейские или исторические сюжеты, как правило, всегда сохраняют яркую образность и могут быть причислены к полным ономофраземам.

Так, фразеологизм *Geist von Locarno* — «дух Локарно» восходит своей этимологией к Локарнским договорам 1925 года, в результате которых европейские границы были разделены на два сорта: западные границы, которые по договору были незыблемыми, и восточные (для Германии), в отношении которых никаких гарантий выдано не было. Хотя дух Локарно не возымел результатов, выражение *Geist von Locarno* служит символом миротворчества и может быть причислено к классу полных ономофразем.

Среди фразеологических единиц русского языка в качестве полной ономофраземы можно привести пример выражения *Басманное правосудие*, номинирующее низкую степень независимости судебных органов в России в начале 2000 гг. и в широком смысле употребляющееся для номинации заказного суда, инструмента политических репрессий. Термин впервые был введён главным редактором радиостанции «Эхо Москвы» Алексеем Венедиктовым после оговорки российского политического деятеля Геннадия Райкова, назвавшего Басманный районный суд г. Москвы «Басмановским», что вызвало у Венедиктова ассоциации с опричниками Басмановыми, известными своей особой жестокостью.

Далее мы рассмотрим пример частичной ономофраземы, не сохранившей яркость исторического ореола.

Фразеологическая единица *Jim Crow* — «расовая дискриминация афро-американцев» происходит от имени героя менестрельной песенки "Jump, Jim Crow" («Прыгай, Джим-Ворона»), исполняемой белым эмигрантом из Англии Томасом Райсом в 1828–1832 гг.

"Wheel about, and turn about, and do just so;
Every time I wheel about, I jump Jim Crow."

Слова припева песни отображали традицию фермеров в южных штатах давать воронам зерна кукурузы, замоченные в виски. После подобных зерен птицы становились пьяными, не могли летать, а лишь кружились и прыгали по земле, становясь жертвами развлечений пьяных фермеров, которые убивали их битами.

В современном американском варианте английского языка фразеологизм использовался с 1948–1964 гг. для обозначения расовой сегрегации афро-американцев в южных штатах.

Этимологически фразеологизм берет свое начало от ругательного обращения *crow* к афро-американцам, существовавшем в языке

с 1730 года. *Jim* от *Jimmy*, игра слов, базирующаяся на номинации до 1900 года инструмента лома как *crow* (в современном языке *crowbar*). До сих пор короткий лом, типичный инструмент взломщиков, называется *Jimmy*.

Данная ономофразема может быть причислена к классу частичных ономофразем в связи с частичной утерей яркости фразеологического образа, изначально положенного в ее основу. Ее этимология является объектом изучения лишь у лингвистов и не известна широкому кругу реципиентов.

Анализ ономастических реалий положенных в основу ряда фразеологизмов английского, немецкого и русского языков позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Ономастические компоненты, входящие в состав фразеологических единиц различаются по специфике функционирования, в зависимости от сохранения или утери коннотативного значения онимов.
2. Большинство онимов, входящих в состав фразеологических единиц с ярко выраженным историко-этимологическим образом представляют собой антропонимы, отображающие имя или фамилию реального или вымышленного персонажа.
3. Преобразование имени собственного в составе фразеологической единицы в апеллятив непосредственно ведет к образованию частичных ономофразем.

Список литературы:

1. Арутюнян В.С. Лексико-фразеологическое поле «драматический театр» в синхронии и диахронии (на материале английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. 400 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 456 с.

Сведения об авторе: Ванда Сергеевна Арутюнян, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный машиностроительный университет, Политехнический институт имени В.С. Черномырдина, e-mail: wandaaru@mail.ru

PHRASEOLOGY OF CONTEMPORARY DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL COMMUNICATION

Dr. Vanda S. Arutyunian

Associate Professor, Moscow State University of Mechanical Engineering, Polytechnic Institute named after V.S. Chernomirdin, e-mail: wandaaru@mail.ru

Abstract
The article deals with the peculiarities of phraseolgical units' functioning in English, German and Russian languages of diplomacy. The phraseological units are described in the plan of connotational-denotational correlations of the meaning. Special attitude is devoted to onomastic phraseology. The author introduces the definitions of absolute onomastic phraseological unit and partial onomastic phraseological unit. The numerous examples of phraseological units illustrate the peculiarities of their functioning. The results revealed the direct relation between the peculiarities of phraseological units' functioning and the historical image of onomastic component in their structure.

Key words: phraseological unit, absolute onomastic phraseological unit, partial onomastic phraseological unit

References:

1. Arutyunian V. S. (2010) Lexico-phraseological field «drama theatre» in synchrony and diachrony. Author's abstract, 25.
2. Gumboldt V. (2001) Selected linguistic works, 400.
3. Kovshova M. L. (2013) Lingvoculturological method in phraseology: Codes of culture, 456.

Политический дискурс в свете теории аргументации

Т. Н. Иванова (Шелингер)
Северо-Западный институт управления
Президентской академии

Аннотация
Тема статьи — рассмотрение политического дискурса в свете теории аргументации. Дается определение политического дискурса и основных положений теории аргументации. Показано, как политический дискурс служит инструментом воздействия и разрешает конфликт мнений. В качестве примера политического дискурса используется речь Р. Рейгана у Бранденбургских ворот 12 июня 1987 г. — яркого образца политической риторики. Анализ данного политического выступления показывает, что в нем содержатся множественные утверждения, выражающие точку зрения, не подкрепленную доказательствами. Аргументативное построение иногда является квази-аргументацией, внешнее похожим построением, которое на деле

таковым не является. Убеждение адресата речи осуществляется не на основе выдвижения рациональных аргументов, а на основе эмоционального воздействия, обращения к чувствам.

Ключевые слова: политическая лингвистика, теория аргументации, аргументативный дискурс, политический дискурс, конфликт мнений, квази-аргументация, эмоциональное воздействие

Статья посвящена некоторым аспектам анализа англоязычного политического дискурса в свете теории аргументации, преимущественно в голландской и российской традиции.

При анализе был использован прагма-диалектический подход Амстердамской школы, а также подход российской, или точнее петербургской школы к лингвистическому анализу диалогической речи, к прагматике, к анализу текста. Политический дискурс это основная составляющая политической лингвистики, которая является актуальной темой лингвистических исследований последних десятилетий. Во-первых, и здесь мы согласны, например, с А. П. Чудиновым, политическая лингвистика характеризуется междисциплинарностью, которая в свою очередь отражает современное состояние лингвистики вообще [Чудинов, 2007, с. 5–6]. Еще одна причина актуальности политической лингвистики и, в том числе, политического дискурса, в тесной взаимосвязи с важными процессами общества, политическая лингвистика — это изучение коммуникации и воздействия на умы и чувства людей, что в свою очередь составляет важнейшую функцию языка — функцию воздействия. По мнению А. П. Чудинова политическая лингвистика и политическая коммуникация преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира [Чудинов, 2007, с. 7]. В соответствии с классическим определением Н. Д. Арутюновой, дискурс — «это текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990, с. 136]. Далее Н. Д. Арутюнова отмечает, что, несмотря на схожесть предмета исследования в теории текста и теории дискурса в 70–80 годы прошлого века наметилось их размежевание [Арутюнова,1990, с. 137]. Следует отметить, что в настоящее время, особенно после выхода в свет монографии К. А. Филиппова по лингвистике текста, можно снова говорить о некотором сближении этих областей [Филиппов, 2003]. Политический дискурс можно определить, как компонент участвующий в политическом взаимодействии людей и в когнитивном воздействии на их сознание. В связи с этим, представляется, что к политическому дискурсу можно отнести целый ряд речетекстовых произведений, прежде всего речи и выступления, дебаты,

далее интервью, а также изложение устных выступлений в тех или иных изданиях. Представляется, что к политическому дискурсу можно отнести и тексты полемических статей, прежде всего из разделов «Opinion», «Essay» и т.д.

Воздействие может быть направлено на логическую, рациональную часть нашего сознания с одной стороны, и, с другой стороны, на эмоции, которые могут быть увязаны с системой ценностей того или иного собеседника, на чувства, на иррациональное. О. Е. Филимонова считает, что обращение к эмоциональной сфере весьма типично для политических речей, что является мощным средством воздействия и манипуляции [Филимонова, 2013, с. 294]. Однако в данной статье для нас в меньшей степени важен сам факт манипулирования, и в большей степени важна схожесть в лингвистических структурах представления той или иной точки зрения. Необходимо отметить, что в теории аргументации принято проводить грань между понятием точка зрения и понятием мнение. Мнение, как пишет Питер Хаутлоссер со ссылкой на Д. Шифрин — это то, что может быть высказано как утверждение, не требующее доказательства, тогда как точка зрения обязательно должна быть доказана [Хаутлоссер, 2006, с. 46]. Мнение может быть неверным, для того, чтобы высказываниемнение состоялось, необходим только критерий искренности, тот, кто высказывает мнение, должен высказывать его искренне, а точка зрения либо истинна, либо ложна. Поэтому даже если мы оставим в стороне обращение к эмоциям аудитории, мы увидим, что подмена точки зрения мнением — это тоже манипуляция. Кроме того, можно ли говорить об искренности того или иного политика?

Вариант рациональной дискуссии непосредственно связан с умением оперировать различными аргументами, иначе говоря, с аргументативными умениями, аргументативной функцией языка, которую Карл Поппер назвал важнейшей [Popper,1979, p. 31]. Франс ван Еемерен и Роб Гроотендорст создали прагма-диалектическую теорию аргументации, продолжая развивать теорию речевых актов Остина-Серля [Ф. Ван Еемерен, Р. Гроотендорст, 1984, с. 19]. С одной стороны аргументация связана с речевым актом констатива (по Остину) или ассертива (по Серлю), т.е. с ситуацией, когда в высказывании нечто утверждается или констатируется. С другой стороны, для того, чтобы аргументация «заработала», начала убеждать собеседника, необходимо учитывать максиму релевантности П. Грайса и дальнейшую разработку данной максимы в работах Шпербера и Вильсон. По словам Франса ван Еемерена «Аргументация может быть определена как языковая, социальная и рациональная деятельность, целью которой является убедить разумного получателя сообщения в приемлемости какой-либо точки зрения путем выдвижения ряда положений, подтверждающих или опровергающих утверждение, содержащееся

в точке зрения» [van Eemeren et al, 1996, p. 5]. Предлагаемая схема разрешения конфликта мнений с помощью аргументации состоит из 4 этапов или фаз: фаза высказывания точки зрения, фаза открытия дискуссии, фаза собственно аргументации и завершающая фаза, когда конфликт мнений разрешается или собеседники признают, что дальнейший спор невозможен [Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, 1984].

В качестве примера политического дискурса, который мы проанализируем в данной статье, служит речь Рональда Рейгана у Бранденбургских ворот в Берлине 12 июня 1987 года по случаю 750 годовщины основания Берлина и 40 годовщины начала реализации плана Маршалла. Эта речь — один из ярких образцов американской риторики, безусловно оказавшая серьезное воздействие на умы, как жителей Германии, так и других народов, которая в числе прочих инструментов воздействия в конечном итоге привела к разрушению Берлинской стены и к объединению Германии. Адресатов речи несколько. Можно представить их в виде ближнего и более отдаленного круга. Самый ближний круг — берлинцы, причем воспринимаемые как единое целое, далее немцы, которые также объединяются, несмотря на существование стены, далее Запад и Восток, который репрезентируется Советами, а затем сужается до М. С. Горбачева. Выражение точки зрения, конфликтной по отношению к тогдашнему СССР и странам Варшавского договора, построены как выражение мнения, что позволяет Рейгану уклониться от необходимости доказывания. В речи выражено противопоставление двух миров — процветающего и свободного Западного мира и мира Советов, который испытывает трудности в экономике, и в котором людям не хватает свободы. Второй мотив — это мотив единого Берлина и мотив Берлинской стены как шрама, который оставлен войной и барьера между жителями одного города, барьера, который ограничивает свободу. С самого начала он формулирует первую точку зрения (замаскированную под выражение мнения) с помощью аргументативного оператора — союза because — *We come to Berlin, we American Presidents* ***because*** *it is our duty to come to this* ***place of freedom.*** По правилам рациональной дискуссии нужно было бы объяснить, почему же Берлин — это то место, где живет свобода, но это нарушило бы эмоциональную волну. Также необходимо отметить, что с помощью указательного местоимения this информация подается как общеизвестное знание, поэтому никакого объяснения нет. Появляется и пресуппозиция, «не везде есть свобода, а здесь она есть».

Далее следует обращение к жителям Западного и Восточного Берлина одновременно, повторение разных модификаций мотива равенства двух частей Берлина и единения его граждан. *Although I cannot be with you, I address my remarks* ***to you just as surely as to those*** *standing here before me. For* ***I join you, as I join your fellow countrymen in the West****, in this firm, this* ***unalterable belief: Es gibt nur ein Berlin*** *[There*

is only one Berlin]. Обращение ко всем жителям Берлина в равной степени и заявление о том, что он, американский президент, вместе и с теми, и с другими разделяет «незыблемую» веру предваряют главный тезис всей речи Рейгана — «Существует только один Берлин». Это — эксплицитно выраженная точка зрения, которую, как он утверждает, разделяют все жители. Здесь снова нет никаких объяснений, никаких аргументов, даже исторических, можно говорить о логической ошибке генерализации [Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, 1992, с. 118–120], но именно отсутствие аргументов воздействует сильнее, потому что речь представляет это утверждение таким образом, что так думают все. Безусловно, создается отсылка к чувствам и эмоциям людей, семьи которых оказались когда-то по разные стороны стены, это отсылка к истории города.

Далее происходит создание образа Советов как противодействующей силы и объединение понятий свобода и процветание (freedom and prosperity): «Berliners have, in freedom rebuilt a city (…). Now the Soviets may have had other plans. But my friends, there were a few things the Soviets did not count on…» Снова тезис без доказательства. Почему у Советов были другие планы? Где доказательства того, что СССР не хотел видеть Берлин процветающим городом? А ведь Берлин был разрушен в результате совместных действий союзников, в том числе и американцев! «… in the West today, we see a free world that has achieved a level of prosperity (…) In the Communist world, we see failure (…) the Soviet Union still cannot feed itself (…) **inescapable conclusion: Freedom** leads to **prosperity**». Хотя в данном случае приводятся неоспоримые, казалось бы, факты, так ли неизбежен и абсолютен вывод? Всегда ли свобода сама по себе ведет к процветанию? А главное как быстро и какой ценой?

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют проанализировать речь целиком, однако представляется, что можно сделать некоторые выводы. Во-первых, для политической речи характерно смешение эмоционального и рационального. Во-вторых, с точки зрения теории аргументации интересно изобилие тезисов или утверждений о точки зрения, которая замаскирована под мнение и довольно часто не сопровождается поддерживающими аргументами. В каких-то случаях создается подобие аргументации или квази-аргументация, которая строится как настоящая, но не имеет под собой настоящей рациональной основы.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс./Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, — М.: Советская Энциклопедия, 1990. — 685 с.
2. Еемерен Ф. ван, Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки СПб.: Васильевский остров, 1992. 208 с.
3. Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.

4. Филимонова О. Е. Репрезентация эмоций в политической речи./Studia Linguistica XXII. Язык. Текст. Дискурс. Современные аспекты исследований. СПб.: Политехника-сервис. 2013. 402 с.
5. Хаутлоссер П. Точки зрения./Важнейшие концепции теории аргументации/ Пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 296 с.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта. Наука, 2007. 256 с.
7. Eemeren F. H. van, et al Fundamentals of argumentation theory: a handbook of historical backgrounds and contemporary Developments. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996. 424 p.
8. Eemeren, Frans, H. van and Rob Grootendorst. Speech acts in argumentative discussions: a theoretical model for the analysis of discussions directed towards solving conflict of opinion. Dordrecht, 1984. 215 p.
9. Popper K. R. Objective knowledge: an evolutionary approach. Oxford.: Oxford University Press, 1979. 406 p.
10. Reagan R. Address from the Brandenburg Gate (Berlin Wall) [Электронный ресурс] Режим доступа:http://millercenter.org/president/speeches/detail/3415

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Иванова (Шелингер), кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой профессиональных иностранных языков, Северо-Западный институт управления Президентской академии, e-mail: tat.nik.ivanova@gmail.com

POLITICAL DISCOURSE THROUGH THE LENS OF ARGUMENTATION THEORY

Dr. Tatiana N. Ivanova (Szelinger)
Associate Professor, Head of Department of Professional Foreign Languages, North West Institute of Management of the Presidential Academy, e-mail: tat.nik.ivanova@gmail.com

Abstract

The paper deals with linguistic and pragmatic features of argumentation in political discourse. The definitions of political discourse and main concepts of argumentation theory are given. Political discourse is analyzed through the lens of pram-dialectic approach of the Dutch and Russian schools of argumentation, discourse theory and text analysis theory. The material for analysis is the speech delivered by R. Reagan at the Brandenburg Gate on 12th June 1987. It was taken as a classical bright model of American Rhetoric. The analysis shows that the speech contains multiple examples of thesis and claims without due arguments supporting them. The expression of point of view is given as opinion and therefore the author does not take any responsibility as for the burden of proof. Quasi-argumentation is also used. It looks like argumentation and at the same time it

is not. As a result the persuasion is performed through emotional address to values and feelings of the listeners.

Key words: Political linguistics, argumentation theory, argumentative discourse, political discourse, conflict of opinion, quasi-argumentation, emotional impact

References:

1. Arutiunova N. D. (1990) Discourse.// Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar/ Ed.by V. N. Iartseva. M.: Sovetskaia entsiklopediia. 685 p.
2. Eemeren F. van, Grootendorst R. (1992) Argumentation, communication and Fallacies. SPb.: Vasil'evskii ostrov. 208 p.
3. Filippov K. A. (2003) Textlinguistics. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 336 p.
4. Filimonova O. E. (2013) Representation of Emotions in Political Speech.// Studia Linguis-tica XXII. Language. Text. Discourse. Modern research aspects. SPb.: Politekhnika-servis. 402 c.
5. Houtlosser P. (2006) Standpoints//Crucial Concepts in Argumentation Theory. SPb: Filo-logicheskii fakul'tet SPbGU. 296 p.
6. Chudinov A. P. (2007) Political Linguistics. M.: Flinta. Nauka. 256 p.
7. Eemeren F. H. van (1996) et al Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 424 p.
8. Eemeren, Frans, H. van and Rob Grootendorst (1984) Speech Acts in Argumentative Dis-cussions. A theoretical model for the analysis of discussions directed towards solv-ing conflict of opinion. Dordrecht. 215 p.
9. Popper K. R. (1979) Objective knowledge: an evolutionary approach. Oxford.: Oxford University Press. — 406 p.
10. Reagan R. Address from the Brandenburg Gate (Berlin Wall) [on-line recourse] Web address: http://millercenter.org/president/speeches/detail/3415

Скрытая интенциональность в британском политическом дискурсе: способы обнаружения

Н. А. Левковская
МГИМО (У) МИД России

Аннотация

В статье анализируются когнитивные и языковые маркеры, позволяющие выявить скрытую авторскую интенцию и скрытые авторские целеустановки в текстах современного британского политического дискурса, характеризующегося многомерной информационной структурой. Это представляется важным для более глубокого

понимания текста как в процессе обучения иностранному языку, так и при переводе. В качестве маркеров скрытой интенции в тексте предполагается рассмотреть информационную прогрессию абзацев, указания на полную или частичную смену темы, формы авторского обращения к читателю, использование стилистических средств, а также параметры интертекстуальности.

Ключевые слова: интенциональность, политический дискурс, многомерная структура, информационная прогрессия, стилистические средства, интертекстуальность, когнитивный

Чтение и адекватное понимание газетных и журнальных статей политического характера, является неотъемлемой и очень важной составляющей языковой подготовки специалистов-международников. Между тем, как показывает многолетний опыт, студенты очень часто «теряют» информацию, иными словами им не удается охватить полный объем содержащейся в статье информации.

Политический текст, как известно, представляет собой сложное явление с целым конгломератом пересекающихся причинно-следственных связей, создающих многомерное образование. Для его адекватной интерпретации необходимо понимание многоуровневых связей и прежде всего выделение внешнего информационного плана и внутреннего информационного плана.

Внешний информационный план, как явствует из самого термина, маркируется эксплицитно, в первую очередь, в сильных позициях текста, а именно, в заголовке, в подзаголовке, в названии частей текста, в его вводной и заключительной частях. Важную роль играют при этом ключевые слова и тематические идентификаторы, то есть слова, участвующие в выражении фактуальной информации.

Таким образом, внешний информационный план достаточно ясно выражен, и его интерпретация происходит более или менее адекватно, хотя и требует от студентов специальной подготовки.

Более углубленного и вдумчивого подхода требует внутренний информационный план, который выражен имплицитно и опирается на корпус внетекстовых знаний фактуального и оценочного характера. Для удобства объяснения механизма активации внетекстовых знаний, следует прибегнуть к понятию фрейма как структуры для представления знаний. Как известно, фрейм состоит из ядра и периферии (терминалов), которые так или иначе связаны между собой в сознании субъекта [Fillmore, 1985]. Например, фрейм «демонстрация» вызывает в сознании такие понятия как «протест», «участники», «лозунги», «транспаранты» и т. д. Соответственно, упоминание молодых людей на улицах с транспарантами в руках, активизирует в сознании фрейм «демонстрация».

Поскольку фрейм содержит всё знание о той или иной ситуации, включая культурно-социальные референции, которые присутствуют в сознании индивида, иногда одного слова достаточно, чтобы в сознании всплыл весь фрейм [Беляевская, 2012]. Однако без определенного навыка это слово может остаться незамеченным.

Следует обратить внимание на еще одно свойство фреймовой структуры: фрейм может объединять в себе понятия, распределяющиеся вокруг полюсов оценки — и отрицательной, и положительной [Fowler, 1994]. К примеру, фрейм «феминизм» включает в себя как положительные понятия, связанные с равноправием мужчин и женщин, так и отрицательные понятия, связанные с принижением роли женщины в семье. Различные части фрейма, в том числе и оценочные, могут активизироваться в одной статье, в нескольких статьях одного журнала (газеты) или в серии статей, помещенных в разных номерах печатного (или интерактивного) издания.

Активизация оценочных значений фрейма часто происходит именно на внутреннем информационном плане, как бы подводя читателя к самостоятельному выводу, внешне не навязанному автором статьи. Через этот «двадцать пятый кадр» и происходит скрытое воздействие на читателя. Именно расшифровке подобной авторской интенции и надо обучать студентов при чтении политических текстов.

Проанализируем скрытую интенциональность в серии статей о недавних событиях в Турции, напечатанных в журнале Economist от 8 июня и 22 июня 2013 г.

В первой статье, озаглавленной «Democrat or Sultan?» определение региона (Turkey's troubles) вводит мысль о неблагополучной ситуации в стране. Перед читателем ставится вопрос о том, кто управляет государством, демократ, который прислушивается к голосу народа, или авторитарный правитель, султан, не желающий обращать внимание на предостережения (should heed — not dismiss) [Подзаголовок статьи — «Recep Tayyip Erdogan should heed Turkey's street protesters, not dismiss them].

В третьем абзаце статьи следует резкая смена темы от описания причины волнений в стране и превращения локального противостояния в общегосударственное к сентенции общеполитического характера: Islam and democracy cannot coexist. Этот резкий переход является маркером, вводящим внутренний план статьи, который прослеживается уже в названии, представляющем собой кластер родственных фреймов: «формы правления» (демократическое vs авторитарное) и государство с разными формами правления. Во втором случае представлены два пересечения: демократическое vs авторитарное государство и авторитарное vs восточное государство авторитарного типа (последнее также обозначено маркером Ottoman sultan).

В чем причина такой резкой критики Эрдогана? Почему предлагаются крайние меры (Mr. Erdogan… must… prepare to pass leadership of AK, and executive power, to the more statesmanlike Mr. Yul)?

При внимательном прочтении выявляются маркеры другого противопоставления: majoritarian notion of politics vs genuine, pluralistic democracy. Несколько завуалированно, но настойчиво в статье вводится продолжение развернувшейся в 2010 году дискуссии о термине и понятии «мажоритарности», в которой Majoritaririanism противопоставлялся понятию «consensus democracy» или «pluralistic democracy».

Отрицательная часть фрейма «мажоритарное правление» активизируется представлением в статье пояснения мажоритарности как права делать то, что захочет правитель (he believes he is entitled to do what he likes). Отрицательное отношение проявляется также введением термина «social conservatism», который в политическом дискурсе все чаще представляется как форма авторитаризма. Считается, что он ассоциируется с положением, согласно которому правительство может играть большую роль в социальной жизни граждан, выступая в поддержку всего, что оно считает правильным выбором, и отвергая или категорически запрещая все, что оно считает неправильным с точки зрения морали.

Нельзя утверждать, что «социальный консерватизм» вводится в данном случае чисто терминологично, поскольку данное выражение сочетается с притяжательным местоимением (his social conservatism). Однако в представленном контексте (His social conservatism has warped into social engineering) его усиление с помощью словосочетания «social engineering» (имеющего резко отрицательное значение: махинации, интриги, происки; и помету «недоброжелательно») и глагола «warp» (имеющего значение: «to affect someone in a way that makes them have strange opinions or thoughts»), а также упоминание в статье нового закона об ограничении продажи алкоголя маркируют социальный консерватизм как понятие, тесно переплетающееся с мажоритаризмом.

Становится очевидным, что второй внутренний план статьи — это навязываемое читателю мнении о том, что стране необходим отход от мажоритарного правления, которое представляется как авторитарное, султанское, к истинной плюралистической демократии, достигаемой с помощью консенсуса со стороны всех партий и целью которого является децентрализация, а не консолидация власти (it should be done by consensus among all parties and it should devolve rather than centralize power).

Не вызывает сомнения, что именно обвинение Эрдогана в том, что он является правителем мажоритарного толка, является тезисом данной статьи. Подобное мнение находит подтверждение в короткой, но весьма экспрессивной публикации от 22 июня 2013 г. под названием Zombie Democracy, посвященная мажоритарности как понятию и политическому кредо.

Во второй статье дается обещание представить обоснование, почему недостаточно получить большинство голосов на выборах для того, чтобы избранный лидер считался демократом, и в чем заключается разница (при всем очевидном сходстве) между мажоритарностью и истинной легитимной демократией. Однако вместо логического, аргументированного объяснения в статье осуществляется чисто эмоциональное воздействие. Используются интертекстуальные маркеры и апелляция к фоновым знаниям читателя — отсылки к выборам Александра Лукашенко, которые названы не демократическими и мошенническими, сравнение с Виктором Орбаном, представленным авторитарным премьер-министром Венгрии, а также сравнение с Уго Чависом и Владимиром Путиным в связи с намерением Эрдогана якобы переделать конституцию страны с целью продления срока своего правления.

Внешний план статьи представляет собой псевдо «аргументированное доказательство» того, что мажоритарность не является подлинной демократией. Очевидным выражением данного заявления служит семантический повтор, реализованный: 1) в начале (второй абзац) и 2) в конце (последний абзац) статьи. [1) Majoritarianism… is not true democracy, even if on the face of it, the two things look alike. 2) The majoritarian world view espoused by Mr. Erdogan and leaders of his ilk is a kind of zombie democracy. It has the outward shape of the real thing, but it lacks the heart.]

Это скрытая аллюзия на философский афоризм о букве и духе закона недаром представлена несколько иначе: в статье идет повтор другого имени: heart, heartless. Тем самым подчеркивается, что речь идет не столько о стране, сколько о политическом деятеле.

Таким образом создается скрытая авторская интенция: показать читателю необходимость отставки Эрдогана. Заявка на нее прослеживается уже в подзаголовке статьи — a note to Turkey's prime minister, among others: winning elections is not enough. Но полное понимание она получает только в контексте всей статьи. В результате чего слово «note» приобретает не только значение «a record or reminder», но также некой скрытой угрозы, которая, с одной стороны, «просвечивается» в выражении «chuck it out» (The basic idea of a democracy is that the voters should pick a government, which rules as it chooses until they see fit the chuck it out) (в статье Democrat or Sultan); с другой стороны, в интертекстуальных маркерах, которые повторяют (семантический или буквальный повтор) идею о том, что даже избранные большинством голосов, популярные лидеры не могут и не должны управлять, как считают нужным, в противном случае они должны быть смещены.

Есть, однако, в первой анализируемой статье еще одна, более скрытая интенция, которая имеет меньше маркеров с точки зрения их количества, но они более «качественные», то есть имеют более глубокий смысл. В статье активизируется фрейм Евросоюза, членство в котором,

как известно, для Турции представляется очень важным. Однако, мало того, что переговоры на эту тему остановлены (Talks with EU have ground to a halt), Эрдоган к тому же не проявляет к этому вопросу должного интереса (Mr. Erdogan seems to have lost interest). Скрытой целеустановкой первого текста является стремление пробудить у Эрдогана интерес к этой проблеме. Возобновление переговоров позволит сохранить демократию в стране, и тем самым возможно увековечивание имени Эрдогана в истории Турции [Were Mr. Erdogan to devote his remaining time… to using revived E. U. talks to keep democracy and the economy on track, his place in Turkish history would be secure.].

Таким образом, для более глубокого понимания текста студентами как в процессе обучения иностранному языку, так и при переводе, совершенно необходимо рассмотрение когнитивных и языковых маркеров, позволяющих выявить скрытую авторскую интенцию и скрытые авторские целеустановки.

Литература:

1. Беляевская Е. Г. Концептуальные структуры с постоянным и переменным тонусом. // Когнитивные исследования языка. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 59–69.
2. Fillmore, Charles G. Frames and the semantics of understanding. Quaderni di semantic 6: 1985. C. 222–54.
3. Fowler R. Language in the news. Discourse and ideology in the press. L.; N. Y.: Routledge, 1994.
4. The Economist. June 8th — 14th 2013, p. 12.
5. The Economist. June 22nd — 28th 2013, p. 16.

Сведения об авторе: Нина Алексеевна Левковская, кандидат филологических наук, доцент, МГИМО (У) МИД России, e-mail: levknina@yandex.ru

COGNITIVE AND LANGUAGE CUES FOR HIDDEN INTENTIONALTY IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Dr. Nina A. Levkovskaya

Associate Professor, MGIMO University, e-mail: levknina@yandex.ru

Abstract

The paper takes up the problem of discovering hidden senses and hidden writer's communicative intention in the many-layered information structure of British political discourse. Bringing out covert communicative aims may ensure better understanding of the text in political discourse which is important both for language teaching and learning, and for acquiring better translation skills. The discussion of hidden cognitive and

language intentionality cues includes the consideration of such parameters as: information progression in paragraphing, full or partial change in topics and their development, the writer's dialogue with the reader, the choice of stylistic means, as well as intertextual reference.

Key words: hidden senses, communicative, intention, many-layered structure, political discourse, cognitive, intentionality cues, stylistic means, intertextuality

References:

1. Beliaevskaia E. G. (2008) Conceptual Structures with permanent and temporary tonus. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 59–69.
2. Fillmore, Charles G. Frames and the semantics of understanding. (1985*) Quaderni di semantic* (6), 222–54.
3. Fowler R. (1994) Language in the news. Discourse and ideology in the press. L.; N. Y.: Routledge.
4. The Economist. June 8th — 14th 2013, p. 12.
5. The Economist. June 22nd — 28th 2013, p. 16.

Особенности речевого портрета женщин во власти

Н. В. Пырлик
Донецкий национальный университет (Украина)

Аннотация
В статье рассматриваются особенности коммуникативного поведения женщин-политиков. В основе исследования — сочетание лингвокультурологического и социолингвистического подходов к изучению феномена гендера. Исследование выполнено на материале политических выступлений К. Райс и Х. Клинтон в должности Государственного секретаря. Описываются отличия во всех существенных характеристиках речевого поведения. Сделанные наблюдения проиллюстрированы анализом «фултоновской речи» К. Райс.

Ключевые слова: гендер, речевое поведение, политический дискурс, стратегия манипуляции

Феномен женщины у власти определил лицо XX века и не перестал быть актуальным для повестки дня XXI столетия. Закономерным представляется тот факт, что в современной лингвистике наблюдается

активизация интереса к антропоцентрическому изучению языка. Это нашло отражение в усилении внимания ученых к вопросам, связанным с описанием социальных, психологических и других характеристик представителей разных полов в их речевой деятельности [Горошко, Кирилина, 1999, с. 234–242; Кирилина, 2000, с. 138–143; Kotthoff, 2001, с. 11–32]. Одним из базовых элементов картины мира и человеческой культуры является протипоставление «мужского» и «женского». Проблемы взаимоотношения гендера и языка, социальные и культурные различия в языке, поведении мужчин и женщин становятся объектом изучения целого ряда лингвистических штудий [Bolinger, 1984; Cameron, 1997; Holmes, 1984; Lakoff, 1977; Tannen, 1990; Trudgill, 1992]. Очертим такие основные направления: 1) исследование социальных изменений [Spender, 1980; Hymes, 1974], которые связаны с положением женщин в обществе, внимание общественности к которому привлекло возникновение и распространение женского движения, и отражение этих изменений в языке и речи; 2) выявление и объяснение причин отличий между мужской и женской речью на фонетическом, семантическом и синтаксическом уровнях [Швачко, 2003; Cameron, 2011; Holmes, 1988; Coates, 1986, 1996] как следствие отображения социальных ролей двух полов; 3) исследование стереотипных отличий в восприятии мужчин и женщин в обществе [Бессонова, 2008, Мартынюк, 2003] и их проекции в языке, когнитивная связь таких отличий с разными аспектами картины мира. Пол говорящего рассматривается как переменная и подразумевает такие характеристики, как социальный статус, происхождение, уровень образования, возраст и этническая или расовая принадлежность [Fasold, 1992, p. 89]. Наличие определенных особенностей в женском и мужском речевом поведении детерминировало выделение следующих подходов к объяснению гендерных речевых отличий: а) доминантный (Р. Лакофф), в основе которого мужская доминанта в обществе и женская подчиненность; б) социокультурный (Р. Боркер, Д. Мальц, Д. Таннен), при котором отнесенность к различным субкультурам является причиной коммуникативной вариативности; в) перформативный (Д. Камерон, Дж. Коутс, К. Пойтон), где в фокусе находится создание коммуникативным поведением говорящего социального статуса; г) подход совместной практики (С. Ромейн), изучающий обусловленные гендером отличия; д) постмодернистский (Д. Камерон), фокусирующийся на формировании гендерного индивидуума языковыми средствами.

Для данного исследования актуальным является сочетание лингвокультурологического и социолингвистического подходов в изучении указанного феномена.

В статье рассматриваются основные подходы к анализу политических выступлений женщин у власти, а именно К. Райс, Х. Клинтон.

Обращение к этим ярким фигурам в американском политическом истеблишименте не случайно в силу нескольких причин. В своей книге «Конди и Хиллари. Пути восхождения к вершинам власти», Д. Моррис фиксирует, что впервые после принятия 19-й поправки к Конституции США, наделившей женщин правом голоса, избрание женщины на высший исполнительный пост становится реальностью в силу революционного сдвига в массовом сознании. К. Райс и Х. Клинтон — это новое противостояние Севера и Юга, демократов и республиканцев, замужней и незамужней женщин, Америки пригородов и Америки городских кварталов, противостояние приоритета внутренних и международных проблем в жизни страны. Различия между женщинами не ограничиваются лишь происхождением, местом рождения, различаются и их карьеры. Путь в Белый дом также различался. Впервые Хиллари пришла туда как жена действующего президента, затем — как Государственный секретарь США. В свою очередь, К. Райс — как специалист высокого уровня в традиционно мужском ремесле — дипломатии. Таким образом, отличия наблюдаются во всех характеристиках речевого поведения женщин-политиков, занимавших должность Государственного секретаря, находясь в отношениях предшественника-наследника.

Государственный секретарь США — это одна из ключевых фигур американской политики и, как правило, носитель политической языковой культуры, что обусловлено высокой степенью влияния культуры на внутри- и внешнеполитическую ситуацию, а также на эффективное функционирование институтов власти, как в США, так и за их пределами. Выступления Государственного секретаря представляются важным компонентом системы формирования политической картины мира, где задействован широкий арсенал коммуникативных средств воздействия на массового адресата. Специфика современного политического дискурса выражается в нацеленности на массового адресата, ориентации на специальное сознание и знание, в многоканально-комплексном аппарате воздействия, сочетании технологий и тактик, оперативности подачи информации, мгновенном реагировании. Из всех видов коммуникативных действий для политического дискурса наиболее характерно интенциональное действие, убеждение [Шейгал, 2004].

Представляет интерес тот факт, каким образом проявляются различия речевого поведения К. Райс и Х. Клинтон в их политических выступлениях в должности Государственного секретаря США. Логично предположить, что наиболее ярко указанные особенности представлены в речах, посвященных анализу и оценке кризисных ситуаций. Речь К. Райс в германском (немецком) Фонде Маршалла 18 сентября 2008 г. иногда называют «фултоновской». Такая историческая параллель продиктована центральной темой: негативной

оценки действий руководителей России и призывом остановить их в терминах холодной войны.

Increasingly, Russia's leaders have simply not reciprocated. And their recent actions are leading some to ask whether we are now engaged in a new Cold War. No, we are not. But it does beg the question: Where did this Russia come from? How did the Russia of the 1990s become the Russia of today? [Rice, 2008].

В указанной речи выделены несколько содержательных блоков, которые оформляются различными языковыми средствами. В первый блок включен анализ причин конфликта в Грузии, а также оценка действий России в конфликте.

Второй блок содержит эмоционально окрашенные личные воспоминания К. Райс: *I remember that Russia, because I saw it firsthand. I remember old women selling their life's belongings along the old Arbat — plates and broken teacups, anything to get by. I remember that Russian soldiers returned home from Eastern Europe and lived in tents, because the Russian state was just too weak and too poor to house them properly. I remember talking to my Russian friends — tolerant, open, progressive people — who felt an acute sense of shame during that decade. Not at the loss of the Soviet Union, but at the feeling of not recognizing their own country anymore: the Bolshoi theater falling apart, pensioners unable to pay their bills, the Russian Olympic team in 1992 parading into the games under a flag that no one had ever seen, and receiving gold medals to an anthem that no one had ever heard. There was a humiliating sense that nothing Russian was good enough anymore* [Rice, 2008].

Третий блок демонстрирует то, насколько широкой поддержкой пользуется США в их стремлении остановить Россию: *We and our European allies are therefore acting as one in supporting Georgia. … The transatlantic alliance is united. … In addition, with U. S. and European support, G-7 foreign ministers have condemned Russia's actions and pledged to support Georgia's reconstruction. The Asian Development Bank has committed $40 million in loans to Georgia. The IMF has approved a $750 million stand-by credit facility. And the OSCE is making plans for expanded observers, though Moscow is still blocking this* [Rice, 2008].

Примеры демонстрируют одну из особенностей системы построения логических схем и умозаключений, которые типичны для К. Райс. По сути К. Райс постоянно меняет доминантные характеристики отдельных частей выступления, обращаясь попеременно то к рациональному, то к эмоциональному восприятию слушателей. Примечательно, что К. Райс при формировании выводов апеллирует к последнему, что дает ей возможность управления / манипуляции реакцией слушателей: *I sincerely hope that the next president and the next secretary of state will visit Russia and will take time to speak with Russian civil society, and will give interviews to Russia's diminished but*

still enduring independent media, just as President Bush and I have done. … The United States and our friends and allies — in Europe, but also in the Americas, and Asia, and Africa, and the Middle East — are confident in our vision for the world in this young century and we are moving forward [Rice, 2008].

Эффективность речевого воздействия в политическом дискурсе обусловливается использованием языковых средств создания и усиления его прагматики. Их целенаправленное использование оказывает воздействие на формирование общественного и индивидуального сознания адресатов за счет употребления политической и идеологической лексики, терминологии, метафоры, эмоционально-оценочной окрашенности высказываний.

Список литературы:

1. Бессонова О. Л. Особенности вербализации ключевых гендерних концептов: материал эксперимента // Linguistics and Didactics in the 21th Century. Trends, Analyses, and Prognoses I. Praha: Kernberg Publishing, s.r.o., 2008. P. 6–23.
2. Горошко Е. И., Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике // Гендерные исследования. 1999. № 1. С. 234–242.
3. Кирилина А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике // Общественные нации и современность. 2000. № 4. С. 138–143.
4. Мартинюк А. П. Гендерні стереотипи та їх відображення у мові та мовленнєвій взаємодії (на матеріалі англійської мови // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія 1. 2003. Вип. 6. С. 103–109.
5. Моррис Д. Конди и Хиллари. Пути восхождения к вершинам власти. М.: Вершина, 2007. 336 с.
6. Швачко С. О. Соціолінгвістичні аспекти гендерної проблеми // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна 609. Харьків: Константа, 2003. С. 89–93.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
8. Bolinger D. Language. The Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. London: Longman, 1984.
9. Cameron D. Political Correctness: A History of Semantics and Culture by Geoffrey Hughes // Journal of Sociolinguistics 3. 2011. Vol. 15. P. 405–409.
10. Cameron D. Theoretical Debates in Feminist Linguistics: Questions of Sex and Gender // Discourse and Gender. Thousand Oaks, CA: Sage. 1997. P. 21–36.
11. Coates J. Women Talk: Conversation between Women Friends. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1996.
12. Coates J. Women, Men and Language. London/New York: Longman, 1986.
13. Fasold R. Language and Sex // The Sociolinguistics of Language. Oxford: Blackwell, 1992. P. 89.
14. Holmes J. Paying Compliments: A Sex-Preferential Positive Politeness Stragedy // Journal of Pragmatics 4. 1988. Vol. 12. P. 445–465.

15. Holmes J. Women's Language: a Functional Approach // General Linguistics 3. 1984. Vol. 24. P. 149–178.
16. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.
17. Kotthoff H. New Perspectives on gender: Studies in Discourse Analysis // Гендер: Язык, культура, коммуникация. М., 2001. С. 11–32.
18. Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper Colophon, 1975. 83 p.
19. Lakoff R. Women's Language // Language and Style 4. 1977. Vol. 10. P. 222–248.
20. Maltz D., Borker R. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // Language and Social Identity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 195–216.
21. Poynton C. Language and Gender: Making the Difference. Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. 105 p.
22. Spender D. Man Made Language. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.
23. Tannen D. You just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: William Morrow, 1990.
24. Trudgill P. Introducing Language and Society. London: Pinguin Books, 1992.

Иллюстративный материал:

Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund. Washington, DC. September 18, 2008. URL: http://2001–2009.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm

Сведения об авторе: Наталия Васильевна Пырлик, кандидат филологических наук, доцент, Донецкий национальный университет (Украина), e-mail: n.pyrlik@donnu.edu.ua

SPEECH BEHAVIOUR OF WOMEN IN POWER

Dr. Natalia V. Pyrlik
Associate Professor, Donetsk National University,
e-mail: n.pyrlik@donnu.edu.ua

Abstract

The article addresses peculiarities of speech behavior of women in power. The focus is made on the phenomenon of gender, which is approached in terms of sociolinguistics and linguocultural studies. The research is based on the material of political speeches by C. Rice and H. Clinton as State Secretaries of the United States of America. The study highlights the peculiarities of their speech behavior, made in the course of the analysis of C. Rice's "Fulton Speech".

Key words: gender, speech behavior political discourse, manipulation strategy

References:

1. Bessonova O. L. (2008) Peculiarities of Key Gender Concepts Verbalization: Experiment's Data. *Linguistics and Didactics in the 21th Century. Trends, Analyses, and Prognoses I*. Praha: Kernberg Publishing, s.r.o., 6–23.
2. Bolinger D. (1984) *Language. The Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today.* London: Longman.
3. Cameron D. (1997) Theoretical Debates in Feminist Linguistics: Questions of Sex and Gender // *Discourse and Gender*. 21–36.
4. Cameron D. (2011) Political Correctness: A History of Semantics and Culture by Geoffrey Hughes // *Journal of Sociolinguistics* 3. Vol. 15, 405–409.
5. Coates J. (1986) *Women, Men and Language*. London/New York: Longman.
6. Coates J. (1996) *Women Talk: Conversation between Women Friends.* Oxford, Cambridge: Blackwell.
7. Fasold R. (1992) Language and Sex // *The Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell, 89.
8. Goroshko E. I., Kirilina A. V. (1999) *Gender Research in Linguistics. Gendernye issledovanija*1, 234–242.
9. Holmes J. (1984) Women's Language: a Functional Approach // *General Linguistics* 3. Vol. 24, 149–178.
10. Holmes J. (1988) Paying Compliments: A Sex-Preferential Positive Politeness Stragedy // *Journal of Pragmatics* 4. Vol. 12, 445–465.
11. Hymes D. (1974) *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
12. Kirilina A. V. (2000) Gender Research in Foreign and Russian Linguistics // Obshhestvennye nacii i sovremennost' 4, 138–143.
13. Kotthoff H. (2001) New Perspectives on gender: Studies in Discourse Analysis // *Gender: Jazyk, kul'tura, kommunikacija*, 11–32.
14. Lakoff R. (1975) *Language and Woman's Place*. New York: Harper Colophon.
15. Lakoff R. (1977) Women's Language // *Language and Style* 4. Vol. 10, 222–248.
16. Maltz D., Borker R. (1982) A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // *Language and Social Identity*, 195–216.
17. Martynyuk A. P. (2003) Gender Stereotypes and their Representation in Language and Speech Interaction (in the English Language) // *Visnyk Kyyivs'koho natsional'noho linhvistychnoho universytetu. Seriya Filolohiya* 1. Vol. 6, 103–109.
18. Morris D. (2007) *Ways of Ascending to Power Peaks*. Moskva: Vershina.
19. Poynton C. (1990) *Language and Gender: Making the Difference*. Oxford: Oxford Univ. Press.
20. Sheigal E. I. (2004) *Semiotics of Political Discourse*. Moskva: ITDGK «Gnozis».
21. Shvachko S. O. (2003) Sociolinguistic Aspects of Gender Problem // *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu imeni V. N. Karazina*, 609, 89–93.
22. Spender D. (1980) *Man Made Language*. London: Routledge and Kegan Paul.
23. Tannen D. (1990) *You just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York: William Morrow.
24. Trudgill P. (1992) *Introducing Language and Society*. London: Pinguin Books.

Образ женщины-политика в англоязычной прессе: свой среди чужих или чужой среди своих?

Е. С. Пронина
МГИМО (У) МИД России

Аннотация
Сегодня женщины принимают всё более активное участие в политической жизни многих стран, что прежде было прерогативой мужчин. Роль печатных СМИ в формировании их образов трудно переоценить. В докладе анализируются языковые средства создания образа женщины-политика (на материале англоязычной качественной прессы) в аспекте концептуальной оппозиции «свой — чужой», а также делаются выводы относительно актуализации ряда концептуальных метафор, традиционных для политического дискурса. Кроме того, описывается действие двух разнонаправленных концептуальных тенденций — к маскулинизации и к феминизации образа; рассматривается связь данных тенденций с концептуальной оппозицией «свой — чужой».

Ключевые слова: образ женщины-политика, медиатекст, концептуальная оппозиция «свой — чужой», языковые средства, концептуальная метафора

В XXI веке женщины принимают всё более активное участие в политической жизни многих стран (что прежде было прерогативой мужчин). Благодаря средствам массовой информации имена женщин-политиков становятся у всех на слуху: Хиллари Клинтон, Ангела Меркель, Дилма Руссефф и многие другие. Какими женщины-политики предстают со страниц газет, журналов, интернет-изданий? Не ставя своей целью охватить весь спектр языковых средств характеризации образа женщины-политика в англоязычной прессе, в данном докладе мы наметим основные тенденции.

Образ как некое обобщённое представление, отражение действительности «формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями» [Арутюнова, 1999, с. 318]. В образах особую важность имеет эмоционально-оценочная составляющая. Поскольку образ формируется в сознании человека в процессе синтеза впечатлений и наблюдений, то в ходе его формирования неизбежно присутствует субъективный элемент: впечатления и наблюдения преломляются под воздействием опыта, особенностей личности, воспитания, кругозора, ценностей.

Общеизвестно, что человек в процессе познания мира стремится упорядочить получаемую информацию, соотнося получаемые данные

с уже имеющимися, «вписывая» новые объекты в уже сложившуюся систему категорий. В ходе создания образа, автор медиатекста опирается на определённые стандартизированные представления. С другой стороны, он транслирует их через языковые средства читателю, закрепляя стереотипы в массовом сознании.

Таким стереотипом является, например, представление о мире политики как о мужской сфере: концептуально «правильным» политиком всегда является мужчина, в то время как политик женского пола — это некое отклонение от нормы, составляющее один из полюсов концептуальной оппозиции «свой — чужой». При этом для мужчин женщины-политики осознаются как «чужие», поскольку противоположный для них вторгается в исконно их, мужской мир. Для женщин же они также категоризируются как «чужие», поскольку выпадают из представления о женщинах как хранительницах домашнего очага: они заняты в традиционно мужской сфере деятельности — политике, а значит в лагере «чужих».

Реализация оппозиции «свой — чужой» в политическом и медиа-дискурсе происходит зачастую имплицитно, через тональность дискурса, выбор лексических средств (высокую концентрацию положительной или отрицательной оценочной лексики) и другое. Однако важно подчеркнуть, что в актуализации этой оппозиции участвуют языковые средства всех уровней — лексического, морфологического, синтаксического [Алиева 2013, с. 6]. Развивая эту мысль, можно добавить, что в формировании образа женщины-политика, так сказать «своего среди чужих и чужого среди своих», также участвуют языковые средства всех уровней.

Рассмотрев аналитические статьи в качественной британской и американской прессе, мы пришли к выводу, что образ политика складывается из выделения эксплицитно или имплицитно теми или иными языковыми средствами наиболее характерных качеств (или черт) женщин-политиков. Эти качества можно разделить на категории, которые мы условно обозначили следующим образом:

— внешние характеристики (пол, семейное положение, возраст, дети/бездетность, внешность);
— профессиональные качества политика;
— личностные качества.

Результаты анализа были зачастую неожиданными. Например, наряду с такими релевантными для типичного политика качествами, как ораторские способности, жёсткость, прагматизм, уверенность в себе, авторы нередко обращают внимание на умение или неумение готовить: *When a national discussion about her* ***lack of cooking ability*** *was sparked by a shot of* ***an empty fruit bowl in her kitchen, she*** [Julia Gillard] ***confessed she had never been a domestic creature*** (N, 24.06.10). Акцент на кулинарных способностях (так же как и на внешности, семье и прочем) служит феминизации образа, что в случае женщин-политиков является стратегией дискредитации.

В категории «внешние характеристики» большую роль играет материнство. В подавляющем большинстве случаев (а нами рассмотрены статьи о более 40 женщинах-политиках) помимо внешности, возраста, семейного положения обязательно в том или ином виде подчёркивается материнство (или бездетность) политика: Сеголен Руаяль — ***a mother of four*** (E, 14.01.07); Мишель Бачелет — ***the twice separated mother of three children*** (E, 21.01.06); Сара Пейлин — ***a working mother of five*** (N, 13.09.08).

Во многих статьях подчёркивается, что материнство является преимуществом, а вовсе не чем-то мешающим политической карьере женщин. Например: *She* [Sarah Palin] ***validates motherhood*** *by reviving the archetype of the impossibly confident supermother, simultaneously managing teenagers, teething and the trials of a vice presidential campaign. <…>* ***She wields motherhood with pride, as something that doesn't diminish ability but enhances it—a sign of competence, indeed a qualification to speak on a national platform*** (N, 13.09.08).

В то время как материнство рассматривается как необходимый элемент для успеха на политическом поприще, бездетность, напротив, может вызывать недоверие и даже осуждаться. Например, австралийский премьер Джулия Гиллард подвергается критике за свою бездетность и даже признаётся неспособной из-за этого управлять страной: *Parenthood is the new norm. If you aren't one, you are* ***weird****, and even worse — at least according to the attack on Gillard —* ***unqualified to run the country*** (G, 03.09.10).

Рассмотрев выделяемые авторами профессиональные и личностные черты, мы пришли к выводу, что происходит варьирование этих качеств по шкале «больше — меньше» от полного отсутствия данного качества до его гипертрофированной формы. При этом высокая степень стереотипически мужских качеств (властности, воли, жёсткости, агрессивности) приводит к маскулинизации образа, тогда как низкая степень или их отсутствие, а также подчёркивание качеств, стереотипически приписываемых женщинам (нерешительность, осторожность, мягкость) ведёт к феминизации образа.

Интересно, что такое варьирование возможно в рамках образа одной и той же женщины. Оценка этим переменам, произошедшим с женщинами-политиками, даётся с позиции «маскулинность = правильность», т.е. отмечается, что они ушли от женских (т.е. «неправильных») качеств и приобрели больше мужских (т.е. «правильных») черт. Какие качества поляризируются в рамках одного образа? Прежде всего, это качества, приобретаемые политиком со временем: опыт, авторитет, самостоятельность, решительность:

A few months ago, commentators were calling Mrs Merkel ***soft, indecisive, lacking in authority and ideas.*** *Since then,* ***she has sharpened up****; and* ***the party's rank and file have rallied to her cause*** (E, 09.02.06). Прилагательные

soft, indecisive, lacking in authority and ideas репрезентируют феминные черты, глагол ***sharpen up*** (стать острее, улучшиться) показывает отход от «неправильных» черт в сторону улучшения, т.е. маскулинизации. В итоге Меркель признаётся лидером, способным повести за собой людей: ***the party's rank and file have rallied to her cause.*** Эффект усиливается за счёт противопоставления [Ивашова, 2012, с. 253].

Анализ материала свидетельствует о том, что важнейшую роль в создании образа женщины-политика играет концептуальная метафора как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. Её важность обусловлена, прежде всего, большим воздействующим потенциалом, поскольку, как отмечает Е. Г. Беляевская, «в газетной/журнальной статье концептуальная метафора позволяет сформировать у читателя оценочное отношение к сообщению» [Беляевская, 2005, с. 42]. Как справедливо отмечают Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, в медийном политическом дискурсе прагматический потенциал метафор сознательно используется для переконцептуализации картины мира адресата. Иными словами, «метафоры определяют сознание» [Будаев, Чудинов, 2008, с. 47]. Таким образом, политическая метафора предстаёт важным инструментом манипуляции общественным сознанием.

Помимо традиционных для политического дискурса концептуальных сфер-источников (выделяемых Чудиновым [Чудинов, 2002] и другими), таких как «спорт», «война», «театр», особую важность приобретают такие более «женские» сферы как «отношения» и «домашнее хозяйство». Так, например, отношения между лидерами государств и правительств (а значит, фактически, между государствами) метафорически представляются как брак или любовные отношения: *Angela Merkel and Nicolas Sarkozy are* ***cobbling together a marriage of circumstance*** (N, 31.03.09); *A Foreign* ***Affair?*** (на фото к статье изображены А. Меркель и Я. Качинский) (E, 24.03.07); ***The "Merkozy" duo*** (E, 10.12.11).

Кроме того, деятельность женщины-политика нередко метафорически концептуализируется как ведение домашнего хозяйства. Женщина-политик метафорически представляется как хозяйка на кухне (*Beware the Merkozy* ***recipe*** — E, 10.12.11), умело управляющаяся со стиральной машинкой (*Using Mrs. Merkel's nickname, which means mommy, Mr. Gabriel said, "Mutti* ***turned on the washing machine on the gentle cycle*** *for the clientele of the Free Democrats but* ***switched it to the spin cycle*** *for the unemployed, families and also for cities and communities."* — NYT, 09.06.10) и тому подобное.

Актуализация концептуальных метафор, традиционных для политического дискурса (спорта, войны, театра) способствует «вписыванию» лидера женского пола, «из чужих», в стереотипически маскулинный контекст, отнесению к лагерю «своих», в то время как метафоры отношений и брака, а также метафора домашнего хозяйства

являются специфически женскими и актуализируются в рамках феминизации образа, что приводит к его «отчуждению».

Итак, в создании образа женщины-политика действует две разнонаправленные концептуальные тенденции — с одной стороны, к маскулинизации образа, а с другой — тенденция к его феминизации (что служит стратегии дискредитации, ибо, как было сказано выше, концептуально «правильный» политик маскулинен). Тенденция к маскулинизации образа выполняет функцию включения женщин-политиков в лагерь «своих» (с мужской точки зрения), в то время как феминизация ведёт к отнесению в лагерь «чужих».

Примечания:
G — The Guardian
E — The Economist
N — Newsweek
NYT — The New York Times

Список литературы:

1. Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой — чужой» в британском политическом дискурсе. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: 2013. 28 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Беляевская Е. Г. Концептуальная метафора как фактор смысловой и структурной организации текста // Германистика: состояние и перспективы развития. Материалы Международной конференции 24–25 мая 2004 года. М., МГЛУ, 2004. С. 36–44.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.
5. Ивашова Е. С. Создание образа женщины-политика: лексические средства воздействия // Вектор науки ТГУ, 2012 №4 (22). С. 252–254.
6. Чудинов А. П. Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. М. — Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 298–310.

Сведения об авторе: Елена Станиславовна Пронина, старший преподаватель, МГИМО (У) МИД России, e-mail: elena.pronina@yahoo.com

THE IMAGE OF THE FEMALE POLITICIAN IN THE ENGLISH-SPEAKING PRESS: A FRIEND AMONG FOES OR A FOE AMONG FRIENDS?

Elena S. Pronina
Senior Lecturer, MGIMO University, e-mail: elena.pronina@yahoo.com

Abstract

Nowadays women are taking an increasingly active part in political life across the globe (which used to be men's prerogative). The role of the press in forming their image cannot be overestimated. This article analyses linguistic means which are employed to characterize female politicians in the English-speaking press in view of the conceptual opposition "us vs them", with the focus on conceptual metaphors typical of the political discourse. In addition, it describes two conceptual patterns — masculinization and feminization of the female politician's image — in terms of the opposition "us vs them".

Key words: image of the female politician, mediatext, conceptual opposition 'us vs them', linguistic means, conceptual metaphor

References:

1. Alieva T. V. (2013) Linguistic Means of Conceptual Opposition "Us vs Them" in the British Political Discourse. Synopsis of the Thesis. Moscow. 28 p.
2. Arutyunova N. D. (1999) Language and the Human World. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury. 896 p.
3. Belyaevskaya E. G. (2004) Conceptual Metaphor as a Factor of Conceptual and Structural Organization of a Text. *Germanic Studies. Materials of the International Conference, May 24–25*. Moscow: Moscow State Linguistic University. P. 36–44.
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. (2008) Foreign Political Linguistics. Moscow: Flinta: Nauka. 352 p.
5. Ivashova E. S. (2012) Creating an Image of a Female Politician: Lexical Means of Influence. *Vektor Nauki TGU* (4). P. 252–254.
6. Chudinov A. P. (2002) Metaphoric Representation of Reality in the Political Narrative. *To Language With Love*. Moscow — Voronezh: Voronezh State University. P. 298–310.

Когнитивно-дискурсивные аспекты цветовой политической метафоры

Т. В. Андрюхина
МГИМО (У) МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы выделения в метафорике политического дискурса метафорической модели ПОЛИТИКА ИМЕЕТ ЦВЕТ. Отмечается повышение продуктивности этой метафорической модели в англоязычном политическом дискурсе, свидетельствующее о ее возрастающей роли в восприятии, отражении, характеристике и оценке окружающей политической реальности. Статья рассматри-

вает семантико-когнитивные и дискурсивные аспекты цветовой политической метафоры, роль которой в интерпретации смысла политического дискурса и его целей можно понять, применив соответствующие принципы и методологию. Анализ приводимых примеров показывает, как в тексте за счет дискурсивного взаимодействия репрезентантов двух различных понятийных областей при участии фоновых знаний реализуется концептуальная метафора и происходит инференция ее значения. Делается вывод о важной роли когнитивно-дискурсивного подхода в изучении английского языка студентами-международниками и выработки у них соответствующей метафорической компетенции.

Ключевые слова: концептуальная метафора ПОЛИТИКА ИМЕЕТ ЦВЕТ, когнитивно-дискурсивный анализ, изучение английского языка, метафорическая компетенция

Концептуальная метафора — сложный семантико-когнитивный феномен, который получает дополнительное развитие в процессе динамического развертывания дискурса. Отмечается особая роль метафоры в политическом дискурсе, в котором она выполняет широчайший диапазон функций. [Чудинов, 2001]. Относясь к области сознания, метафора моделирует и отражает понимание социально-политических процессов, а также является средством формирования их восприятия и оценки. Указанные особенности метафоры в политической дискурсе объясняют, почему студенты-международники, сталкивающиеся с политическим дискурсом в своей академической практике, часто воспринимают метафору как сложную когнитивную задачу.

Несмотря на неослабевающий интерес к метафоре, ряд проблем выделения и систематизации метафоры до сих пор не решен. В рамках когнитивной лингвистики при изучении концептуальной метафоры в лингвистической систематизации принимается принцип, при котором устраняются все ограничения традиционного структурного подхода. Здесь наравне с собственно метафорой анализируются и другие тропы. Это объяснимо, ведь из-за полифункциональности метафоры «свойства типичных метафор, которые важны для одних целей, могут быть менее существенны для других, а значит, изменятся и наборы феноменов, которые могут быть функционально отождествлены с эталонной метафорой» [Кобозева, 2001, с. 135]. С позиций когнитивной лингвистики более важным представляется не создание исчерпывающей номенклатуры моделей метафоры или метонимии, а обнаружение некоторых важных принципов функционирования и понимания этих тропов, основанных на операции сопоставления двух объектов и представленных ими понятийных сфер. Следует признать, что по характеру формирования значения между метафорой и метонимией всегда отмечалась близость [Кобозева, 2000, с. 170].

Дж. Лакофф и М. Джонсон, указывая на различия метафорических и метонимических моделей, усматривают их онтологическое сходство и рассматривают их вместе [Lakoff, Johnson 1980].

Несмотря на отсутствие в известных систематизациях [Lakoff, Espersen, Goldberg 1989; Leite, 1994; Баранов, Караулов, 1994; Lakoff, 1996] концептуальной метафоры ПОЛИТИКА (ПАРТИИ, ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) ИМЕЕТ ЦВЕТ, в результате анализа политического дискурса представляются необходимыми ее выделение и описание. На наш взгляд, эта концептуальная модель не только давно находит отражение в языке (The Greens / Green Party USA, the Reds / the Soviet Union), но и характеризуется значительным ростом своей продуктивности в англоязычном политическом дискурсе последнего десятилетия.

Следует признать, что вне контекста наименования цвета часто используются для образования метонимии (the White House — резиденция президента США; правительство США). Однако в дискурсе наблюдается периодическое усложнение семантической структуры переноса значения, появление социально-политических и оценочных компонентов в значении колоратива в тексте, свидетельствующее об актуализации концептуальной модели ПОЛИТИКА ИМЕЕТ ЦВЕТ.

В дискурсе, посвященном гендерным аспектам социальных протестов современного общества Великобритании, наименование цвета ***pink*** используется не просо как указание на продукцию для девочек через ее доминирующий цвет. Неологизм ***pinkification,*** обозначающий в этой форме целенаправленный процесс, и персонифицированный в заголовке следующего текста колоратив ***pink,*** обрастают целым комплексом социальных, гендерных, психолого-возрастных и оценочных коннотаций, исходно не характерных для значения слова ***pink***. Розовый цвет стал обозначением утилитарного подхода к воспитанию девочек, сужающего горизонты их развития и одновременно общественного движения за их права. Это новое значение выводится в процессе развертывания дискурса как результат взаимодействия в метафоре двух понятийных областей — донорской области «протестное явление» и целевой области «розовый цвет». Следующий отрезок текста содержит репрезентанты этих двух областей («протест»: *the power, a phenomenon*, *launch a campaign, the colour's dominance caused such uproar* и «розовый цвет» *colour, pink).*

The power of ***pink***

The ***'pinkification'*** of little girls — their clothes, their bedrooms, their toys — is a very recent *phenomenon*. So why did the *launch* this month of *a campaign against the colour's dominance cause such uproar*?

(The Guardian, Saturday 12 December 2009)

Отметим сложность логической догадки о значении слова ***pink*** в заголовке, так как в данном тексте (и дискурсе на данную тему

в целом) словарное социально значимое значение этого колоратива (of or associated with homosexuals) нерелевантны и не реализуются. Новый объем слова ***pink*** создается и выводится благодаря связям в дискурсе и выделению слов-дескриптеров двух взаимодействующих понятийных областей.

Во многих культурах выделяется общий для них прямой цветовой символизм — красная кровь, синее небо, зеленая трава — и опосредованный символизм — белый значит чистый, благородный; черный означает траур, зло [Цвет Российского флага в русской культуре, 2011, с. 101, 115]. В результате формирования интеркультуры многие колоративы приобрели международно-признанный статус символов общих для разных культур, особенно в сфере транспорта, безопасности, политики, например, ***green, amber/ yellow, red light*** (сигналы светофора; разрешение, предостережение или запрет чего-либо), ***blue helmets*** («голубые каски», войска ООН) и т.п.

Более сложные для понимания примеры дает политический дискурс последнего десятилетия, посвященный гонке за президентское кресло в США. В нем преобладают синий (***blue states***) и красный (***red states***) цвета в соответствии с неофициальной символикой партий, а также фиолетовый цвет для обозначения, так называемых колеблющихся штатов (***purple states***). Трудность понимания и интерпретации данных цветонаименований объясняется тем, что исторически в политике синий цвет является символом консервативных партий (сравните, например, призыв Дэвида Камерона «***vote blue, go green***»). А красный, как известно, ассоциируется с демократическими и коммунистическими идеями. Примечательным исключением являются США, где демократическая партия обозначается сине-голубым, а республиканская красным цветом.

Владение фоновыми знаниями об истории этих партий позволяет объяснить данную особенность. Исходные цветовые политические ассоциации с синим и красным цветом в США неоднократно менялись, так как белый, красный и синий (цвета американского флага) являются общими для обеих партий. Цветовая символика закрепилась в 2000 году после использования определенных цветов на электронной карте, отражающей динамику голосования за претендентов на президентский пост в телевизионной программе Today. Следующий отрезок текста наглядно демонстрирует, как в дискурсе задействуются и активизируются элементы понятийных областей «красный и синий цвет» и «политические партии».

Elephants Are ***Red,*** *Donkeys* Are ***Blue***
Color Is Sweet, So Their *States* We *Hue*

Tonight, as the results of this too-close-to-call *election* trickle in, *voters* will find out not just who they've *chosen* to lead them, but where they live — in ***red*** or ***blue America***.

The TV networks' electoral maps will ***turn red*** once again when *President Bush wins a state*, and ***blue*** when *John Kerry claims one*. The evening's talk will likely ***break along red and blue lines***. DanPeterTom will discuss which states might ***go red***, which ***are trending blue,*** and which, depending on their ultimate *chromatic* disposition, could decide *the election*…

(The Washington Post November 2, 2004)

В приведенном примере на основе концептуальной метафоры ПОЛИТКА ИМЕЕТ ЦВЕТ цветообозначения ***red*** и ***blue*** в выражениях

Elephants Are ***Red***
Donkeys Are ***Blue***
red or blue *America*
electoral maps will turn ***red and blue***
states might go ***red***
states are trending ***blue***

реализуют идеологические значения, отражающие определенную партийную идеологию и борьбу политических партий в президентских выборах.

Учитывая многообразие цветовых метафор в дискурсе на тему народных протестов на постсоветском пространстве, можно, пожалуй, говорить о его «многоцветии». В предыдущие годы в этих странах произошел целый ряд так называемых «цветных революций» (colour revolutions). Отрывок следующего текста демонстрирует, как в политическом дискурсе по ассоциативной цепочке, а также благодаря конкретным контекстным связям, термины цвета приобретают и профилируют политически значимые компоненты значения, заимствуя их из сополагаемой концептуально-понятийной области «народный электоральный протест»:

Pink *revolution* rumbles on in *blood* and *fury*

First there was the ***rose***, then the ***orange***, now it's ***pink***. …After three days of looting and violence, Kyrgyzstan's parliamentary Speaker yesterday tried to place a seal on the week's *uprising* by announcing that *presidential elections* would be held on 26 June.

…Slogans and symbols almost replicated *the electoral struggle* which *unseated Ukraine's President* Leonid Kuchma in November. ***Pink*** armbands were distributed to the crowd; *they had been* ***orange*** *in Kiev*. In Georgia, *the symbol of 2003's revolution was* ***a rose***. ***Daffodils*** appeared in *the marchers'* hands, *the opposition* claiming the government had cleared the city of the initial symbol — ***tulips*** — out of fear.

(*The Observer, Sunday 27 March 2005*)

Обратим внимание на то, как уже в заголовке текста колоратив ***pink*** на основе модели ПОЛИТИКА ИМЕЕТ ЦВЕТ, генерирует метафорическое значение, развиваемое затем далее в тексте. Политическая

метафора рождается в результате постоянного обмена компонентами между двумя понятийными областями. Концептуальную область «цвет» в заголовке репрезентируют слова ***pink,*** а также ассоциативно *blood* и *fury*. Одновременно область «народный электоральный протест» представлена словами *revolution, electoral struggle, the opposition,* the *marchers* и *uprising*, в сочетании с которыми термин цвета ***pink*** приобретает политическое значение — «связанный с выражением народного протеста». Далее в тексте «игру» цвета благодаря метафорической когерентности текста продолжают названия цветущих растений, ассоциирующихся с широкой гаммой цвета ***daffodils***, the ***rose***, ***tulips*** и поэтому также приобретающие в тексте протестную коннотацию. Интересно, что в тексте также сообщаются фоновые знания (цвет плакатов, повязок на рукавах, красных роз и другой «революционной» символики), облегчающие инференцию политического значения наименований.

Актуальность и насущность выделения цветовой политической метафоры доказывается академической практикой. Процесс инференции метафорического значения цвета и его дальнейшая интерпретация в тексте могут вызывать у современных студентов затруднения. Решить эту проблему может помочь формирование у студентов-международников метафорической и находящейся с ней в тесной связи дискурсивной компетенции [Андрюхина, 2012]. Изучение когнитивно-дискурсивных аспектов политической метафоры, в том числе цветовой, может стать одним из вкладов когнитивистики и лингвистики текста в методическую практику преподавания английского языка студентам, изучающим международные отношения.

Список литературы:

1. Андрюхина Т. В. К определению понятия метафорической компетенции // Обучение иностранным языкам: от профессионализации к профессионализму: материалы второго международного научно-методического межвузовского семинара 18 ноября 2011 г. М.: МГИМО–Университет, 2012. С. 7–16.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
3. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. — 2001. — №6. С. 132–149.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
5. Цвет Российского флага в русской культуре: Монография/ А. П. Василевич [и др.]. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 224 с.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
7. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

8. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. University of Chicago Press, 1996. 413 p.
9. Lakoff G., Espersen J., Goldberg A. Master Metaphor List / Berkeley: Linguistics / Institute for Cognitive Science, University of California. 1989. (mimeo).
10. Leite N. Master Metonymy List (Mappings of Conceptual Metonymy in the English Language). Working Paper, Conceptual Metaphor Project. Berkeley: Linguistics / Institute for Cognitive Science, University of California. 1994. 20 p. (mimeo)

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Андрюхина, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет), e-mail: anaitat@yandex.ru

POLITICAL COLOUR METAPHOR: COGNITIVE AND DISCOURSIVE PERSPECTIVE

Dr. Tatyana V. Andryukhina
Associate Professor, MGIMO University, e-mail: anaitat@yandex.ru

Abstract

The article looks at the conceptual metaphor POLITICS IS A THING OF COLOUR that is distinguished among other patterns of political metaphors. A specific note is made of a higher productivity of this metaphoric pattern that demonstrates its importance in modeling, reflecting, and assessing political reality in discourse. Semantic-cognitive and discourse aspects of the political colour metaphor are addressed as the means of understanding political discourse and its aims. The analysis of linguistic evidence demonstrates the realization of this conceptual metaphor as well as the inference of its meaning in discourse as a result of two — «colour» and «politics» — conceptual domains' interaction. A conclusion is drawn about the salience of the colour metaphor and cognitive-discourse methods of its analysis as well as the relevance of developing metaphoric competence in second language learning by International Relations students.

Key words: conceptual metaphor POLITICS IS A THING OF COLOUR, cognitive and discourse analysis, EFL, metaphoric competence

References:

1. Andryukhina T. V. (2012) Defining metaphoric competence // Obucheniye inostrannym yazykam: ot professionalizatsii k professionalizmu: materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo mezhvuzovskogo seminara 18 noyabrya 2011 g. M.: MGIMO–Universitet. S. 7–16.
2. Baranov A. N., Karaulov Y. N. (1994) A dictionary of Russian political metaphors. M.: Pomovskiy and partners. 351 s.

3. Kobozeva I. M. (2001) Semantic problems of political metaphor analysis // Vestnik MGU. Seria 9: Philologiy. #6. S. 132–149.
4. Kobozeva I. M. (2011) Linguistic Semantics: Textbook. — M.: Editorial URSS, 2000. — 352 p.
5. The Colour of the Russian Flag in Russian Culture: Monograph / A. P. Vasilevich [et al.]. M.: Izd-vo MGOU. 224 s.
6. Chudinov A. P. (2001) Russia in the metaphoric mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000): Monograph. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. 238 s.
7. Lakoff, G., Johnson, M. (1980) Metaphors we live by. The University of Chicago Press. 242 p.
8. Lakoff G. (1996) Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. University of Chicago Press. 413 p.
9. Lakoff G., Espersen J., Goldberg A. (1989) Master Metaphor List / Berkeley: Linguistics / Institute for Cognitive Science, University of California. (mimeo).
10. Leite N. (1994) Master Metonymy List (Mappings of Conceptual Metonymy in the English Language). Working Paper, Conceptual Metaphor Project. Berkeley: Linguistics / Institute for Cognitive Science, University of California. 20 p. (mimeo).

Залоговые конструкции как средство реализации концептуальной оппозиции «свой — чужой» в британском политическом дискурсе

Т. В. Алиева
МГИМО(У) МИД России

Аннотация
В докладе рассматривается роль конструкций действительного и страдательного залога в реализации оппозиции «свой — чужой» в прессе Великобритании. При обучении адекватной интерпретации газетного англоязычного текста, в особенности политического содержания, необходимо учитывать способность залоговых конструкций имплицитно формировать оценочность «своего» и «чужого».

Ключевые слова: свой — чужой, залог, имплицитная оценочность, политический дискурс

В связи с ориентированностью политического дискурса на борьбу за власть очевидно, что одной из базовых его оппозиций является противопоставление «свой — чужой». Эта оппозиция реализуется на всех языковых уровнях, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Наибольший интерес для исследования представляют

собой те языковые средства, обусловленность которых оппозицией «свой — чужой» не является явной для адресата. В английском языке к таким имплицитным языковым средствам относятся, в частности, конструкции действительного и страдательного залога.

При обучении английскому языку, в особенности, журналистов, дипломатов, политологов, необходимо указывать на потенциал залоговых конструкций актуализировать оппозицию «свой — чужой». Использование данной оппозиции в политическом дискурсе бывает обусловлено, как правило, авторской интенцией влиять на интенсивность оценки «своего» или «чужого». Как известно, категория залога позволяет говорящему представить реальную ситуацию субъективно, под определенным углом [Блох, 2000, с. 173] и при этом скрыть оценочный характер высказывания. Предложения с активными конструкциями выдвигают на центральную позицию деятеля (агенса), подчеркивая его роль как инициатора действия, как его активного участника. В пассивных конструкциях на центральную позицию выдвигается объект воздействия (пациенс), позволяя сместить фокус внимания с деятеля, скрыть или преуменьшить степень его участия. В ситуациях, участниками которых являются «свои» и «чужие», эти характеристики залога служат для усиления положительной оценки «своих» или отрицательной оценки «чужих», или, напротив, для преуменьшения отрицательной оценки «своих» (на эти возможности залога в отношении оценки «своих» и «чужих» также указывает Теун ван Дейк [Van Dijk, 2006]).

Во-первых, рассмотрим, при помощи каких залоговых конструкций может формироваться положительная оценка «своего». В ситуации, когда субъектом, инициатором действия является «свой», и это действие имеет положительный оценочный знак, употребляется активный залог со «своим» в роли агенса. Прагматическое намерение в таком случае заключается в акцентировании положительного воздействия «своего» на ситуацию и выдвижении его на центральную позицию: *We [свои] are there to try our hardest to teach them [Afghans, чужие] the value of democracy and of educating women. We are there to do what we [свои] can to wean them [чужие] off the opium crop. (The Daily Telegraph, 09.11.09)* Приведенный пример относится к военному вторжению Великобритании и США в Афганистан. С целью оправдать участие «своих» во вторжении приводятся его положительные последствия, и употребление активной конструкции усиливает положительную оценку действий, инициатором которых являются «свои».

Если авторская интенция заключается не в усилении положительной оценки, а в смягчении негативной оценки действий, инициированных «своими», то в этом случае могут применяться пассивные конструкции. Таким образом, фокус внимания на инициаторе действия размывается, и негативная оценка агенса смягчается. При этом агенс может как присутствовать в плане выражения, так и вообще устраняться. Так, предло-

жение *Taliban irreconcilables [чужие], perceived as a minority, will continue to be targeted and killed. (The Guardian, 30.03.09)* не содержит указания на агенс. Любое участие в насильственных действиях рассматривается западным обществом как негативное, а так как участником этих действий является в том числе Великобритания, то есть «свой», то агенс просто устраняется из плана выражения. Попробуем трансформировать пассивную конструкцию, использованную в данном примере: Ср.: ***(1)*** *Taliban irreconcilables will continue to be targeted and killed* || ***(2)*** *Taliban irreconcilables will continue to be targeted and killed by our troops* || ***(3)*** *We / our troops will continue to target and kill Taliban irreconcilables.* В предложении (***1***) с пассивной конструкцией и без указания на агенс действия затушевана роль деятеля, что способствует тому, что отрицательная оценка в отношении активного участника ситуации, связанной с применением силы и убийством, почти нивелируется. В предложении (***2***) с пассивной конструкцией и указанием на агенса деятель занимает в предложении периферийное положение, что смещает фокус внимания с производителя действия и способствует смягчению отрицательной оценки. Предложение (***3***) с активной конструкцией и агенсом на центральной позиции подлежащего сразу выявляет ту негативную оценку, которой наделяется активный участник насильственных действий, независимо от того, против кого они направлены.

Таким образом, положительная оценка действий, инициированных «своим», может акцентироваться, усиливаться за счет активных конструкций, а отрицательную оценку действий, агенсом которых является «свой», можно смягчить посредством использования пассивных конструкций, особенно, если агенс отсутствует в плане выражения.

Рассмотрим, как залог может менять интенсивность оценки в отношении «чужого».

Подчеркнуть, усилить отрицательную оценку «чужого» позволяют активные конструкции, в которых «чужой» выступает в роли агенса в позиции подлежащего. Активный залог помещает агенса действия в центр внимания и указывает на то, что именно он несет ответственность за содеянное. Если предикату соответствует действие, за которым закреплен отрицательный оценочный знак, то представление агенса в роли подлежащего, как активного участника этого действия, усиливает отрицательную оценку агенса. Употребление активных конструкций с «чужим» в позиции подлежащего распространено в высказываниях о террористах или военных противниках, когда прагматическое намерение заключается в акцентировании их участия в актах агрессии, что способствует формированию отрицательного образа «чужого». В таких высказываниях репрезентацию также получают «свои» — они представлены как жертвы насилия со стороны «чужих» и выступают в синтаксической роли дополнения и семантической роли пациенса.

В предложении *No one supposes that the country [Afghanistan] any longer contributes much to al-Qaida's operations, save to offer a battlefield on which jihadis can kill westerners. (The Guardian, 30.03.09)* в выделенном придаточном предложении с активной залоговой конструкцией позицию подлежащего и соответственно агенса действия занимают исламистские экстремисты (*jihadis*), а дополнения и пациенса — западные силы (*westerners*). Такое распределение синтаксических и семантических ролей направлено на представление противника как активного участника, субъекта насильственных действий (выраженных глаголом *kill*), а «своих» как пострадавшего, как жертву. Трансформируем активную конструкцию в пассивную: *jihadis can kill westerners || westerners can be killed (by jihadis).* Выбор именно первой конструкции (с агенсом в роли подлежащего) обусловлено желанием автора подчеркнуть роль деятеля в происходящем, его ответственность за насилие, за гибель «своих», что в конечном итоге направлено на формирование резко отрицательного образа «чужих». В то же время это предложение представляет собой пример манипулятивного употребления активного залога. В действительности инициатором военного вторжения в Афганистан являются западные силы, тем не менее закрепление роли агенса действия причем в позиции подлежащего за джихадами позволяет сместить акцент со «своих» как инициатора, завуалировать их отрицательную роль в происходящем. В целом употребление такого рода высказываний подчинено единой цели — оправдание военного присутствия и насильственных действий Запада в Афганистане.

Рассмотрим другой пример из публикации, посвященной теракту в Северной Ирландии, когда террористы, предположительно имеющие отношение к Ирландской Республиканской Армии, в британских военных казармах расстреляли и ранили нескольких человек, в том числе доставщиков пиццы и солдат. Несколько высказываний, в которых упоминается преступление, содержат активные конструкции с террористами в роли агенса. Рассмотрим одно из этих высказываний: *Let us presume that it was indeed the Real IRA, as claimed to the Sunday Tribune, whose "volunteers" shot up a pizza delivery to the Massereene Barracks on Saturday night, badly wounded two pizza "collaborators" — a new category in the history of terror attacks — and then finished off at least one of the four wounded soldiers as he lay bleeding on the roadside. (The Times, 10.03.09)* Использование активных конструкций, причем с указанием и на террористов, и на их жертв (в роли агенса и пациенса соответственно) здесь обусловлено желанием автора подчеркнуть жестокость преступников, обратить внимание не на сам факт теракта, а на личность ответственных за него — ужасна не только гибель невинных людей, а отвратительны люди, их убившие. Собственно вся статья направлена на оценку террористов, чем и обусловлен выбор активных конструкций (ср.: *"volunteers" shot up a pizza delivery || a pizza delivery was shot up)* .

Примеры, приведенные выше продемонстрировали, что для усиления отрицательной оценки «чужих» используются активные конструкции с «чужими» в роли агенса и «своими» в роли пациенса, при этом предикат выражает действие с отрицательным оценочным знаком. Усилению положительной оценки «своего» способствует использование активной залоговой конструкции со «своими» в роли агенса, при этом предикат выражает действие с положительным оценочным знаком. Примечательно, что такое использование категории залога не распознается адресатом. Читатель или слушатель не угадывает зависимость выбора синтаксической конструкции от принадлежности участников события к лагерю «своих» или «чужих». Более того, подвергаясь манипулятивному воздействию со стороны автора, адресат формирует такую картину мира, в которой «свой» — хороший, а «чужой» — плохой. В процессе изучения английского языка необходимо обращать внимание на данные возможности синтаксических структур. Это позволит как адекватно интерпретировать текст, так и создавать эффективные с точки зрения воздействия тексты.

В заключении представляется важным оговорить, что не всегда употребление активного или пассивного залога в высказываниях о «своем» или «чужом» коррелирует с изменением интенсивности оценки. Так, например, пассивные конструкции могут употребляться, когда агенс не мнимо, а действительно не известен, или во избежание повтора. Поэтому интерпретация той или иной залоговой формы во многом зависит от более широкого контекста (уровня целого текста), а также политического контекста ситуации, описываемой в высказывании [Van Dijk 2006].

Список литературы:

1. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. — 3-е изд., испр. — Москва : Высшая школа, 2000. 380 с.
2. Dijk, T. A. van. Ideology and discourse analysis / T. A. van Dijk // Journal of Political Ideologies. — 2006. — Vol. 11, №2. P. 115–140.

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Алиева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО(У) МИД России, e-mail: t.alieva@rambler.ru

ACTIVE AND PASSIVE VOICE AS A MEANS OF EXPRESSION OF THE CONCEPTUAL OPPOSITION "WE — THEY" IN THE BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Dr. Tatiana V. Alieva

Seniour Lecturer, MGIMO University, e-mail: t.alieva@rambler.ru

Abstract
The report focuses on the active and passive voice constructions, which can contribute to the expression of the opposition "WE — THEY" in the UK press. To teach adequate interpretation of an English text, especially of the political content, it is necessary to take into account the ability of various voice constructions to affect evaluation of US and THEM implicitly.

Key words: we — they, conceptual opposition, active voice, passive voice, implicit evaluation, political discourse

References:

1. Blokh, M. Y. (2000) Theoretical Grammar of the English Language. Moscow, Vysshaya Shkola, 380 p.
2. Dijk, T. A. van (2006) Ideology and discourse analysis. Journal of Political Ideologies. Vol. 11, №2. pp. 115–140.

Роль неосознаваемого выбора грамматических категорий при употреблении языка

(прагмалингвистический аспект)

Г. Г. Матвеева
Южный Федеральный университет

Аннотация
В рамках скрытой прагмалингвистики по обнаруженным речевым сигналам привычного выбора отправителем текста грамматических категорий можно создать фрагмент идентифицирующего речевого портрета дипломата и на основании его интерпретации прогнозировать его речевое поведение и адаптировать к нему свое речевое поведение. В статье будут рассмотрены некоторые вопросы речевого поведения, основанного на неосознаваемом выборе Отправителем текста лингвистических единиц при использовании языка, вопросы методики идентификации речевого портрета Говорящего и вопросы практики диагностирования некоторых его личностных черт на примере анализа политикоориентированных текстов современных дипломатов.

Ключевые слова: скрытая прагмалингвистика, неосознаваемый выбор речевых сигналов грамматических категорий, речевой портрет, диагностирование личностных черт Говорящего

Современная лингвистика уделяет много места изучению употребления языка. При этом речь идет об антропоцентрическом принципе анализа этого употребления при реализации ассоциативных отношений в процессе коммуникации. Антропоцентрический принцип анализа подразумевает, прежде всего, учет основных экстралингвистических компонентов речевого акта — Отправителя и Получателя текста.

Роль коммуникантов в речевом общении активно изучается в работах по прагмалингвистике. Объектом прагмалингвистики является речь, а предметом — выбор Отправителем текста оптимального варианта высказывания из набора равнозначных для достижения наилучшего воздействия на Получателя текста [Степанов, 1981, с. 325]. Критерием прагмалингвистического аспекта языка является удачность выбора лингвистических единиц Отправителем текста. Исследования показали, что выбор Отправителем текста оптимального варианта высказывания может совершаться двумя путями — на осознаваемом уровне и на неосознаваемом уровне.

Прагмалингвистику в зависимости от осознаваемого или неосознаваемого действия выбора речевого высказывания Говорящим условно можно разделить на функциональную и скрытую. При этом выбираются разные лингвистические единицы: в случае функциональной прагмалингвистики продуманно выбираются единицы языковых уровней, а в случае скрытой прагматики привычно на неосознаваемом уровне выбираются единицы грамматического и текстуального уровня.

Интересно, что неосознаваемый и привычный выбор грамматических категорий имеет практическое значение в том смысле, что позволяет Получателю текста диагностировать некоторые личностные черты Отправителя текста здесь и сейчас, а, следовательно, Получатель текста может прогнозировать речевое поведение Отправителя текста и одновременно регулировать свое собственное поведение в данном конкретном речевом общении. Проанализируем в рамках скрытой прагмалингвистики неосознаваемое речевое поведение некоторой группы дипломатов и составим фрагменты их речевых портретов на основании этого анализа (см. Табл. 1).

В данной таблице представлены фрагменты речевых портретов. Под речевым портретом понимается палитра речевых предпочтений в выборе лингвистических единиц Отправителем текста, учитывающим внутренние и внешние компоненты речевого акта. Нас в данном случае интересует выбор отправителем текста речевых сигналов грамматических категорий глагола, в частности категорий лица. Категория лица представлена парадигматически в системе личных местоимений. В выборе Говорящим личных местоимений отражается эгоцентричность человеческой речи, когда человек продуцирует

Таблица 1
Сводная таблица фрагментов речевых портретов авторов-дипломатов (по материалам их политикоориентированных текстов) [Оберемченко, 2011, с. 13]

Речевая стратегия	**Участие / неучастие отправителя текста в речевом событии**		
Речевые планы	**Личный план**	**Социальный план**	**Предметный план**
авторы			
1.Лавров С. В.	18,6	36	45,4
2.Иванов И. С.	24,4	35,7	39,9
3.Примаков Е. М.	23,9	32,5	43,6
4.Козырев А. В.	30	32	38
5.Громыков А. А.	24	27,3	48,7
6.Молотов В. М.	36	21,2	42,8
7.Вышинский А. Я.	35,5	18,9	45,6
Средняя речежанровая величина (СРВ)	25,7	30,3	44
Доверительный интервал	От 20,1 до 31,3	От24,5 до 36,1	От 41 до 47

текст на основании своих ассоциаций, на основании своего восприятия окружающей действительности, на основании своего членения мира и на основании своего оценивания ситуации. С прагмалингвистической точки зрения личные местоимения определяются как слова, в компоненте значения которых заложена способность указывать в рамках конкретной речевой ситуации («здесь и сейчас») на его участников. Именно эта способность личных местоимений нас интересует в данном случае. И именно за эту способность личные местоимения в прагмалингвистике получили такие номинации, как «дейктические слова» [К. Бюлер, С. Рахимов], «актуализаторы» [Э. Бенвенист], «шифтеры» [Р. Якобсон, О. Есперсен].

Ориентация Говорящего на участников речевого события изучается в рамках речевой стратегии скрытого воздействия Отправителя текста на его Получателя. При этом выбор воздействующих речевых компонентов Отправителем текста происходит на неосознаваемом

уровне, немотивированно в данном РА, привычно для коммуниканта, поскольку этот выбор осуществлялся Говорящим на родном языке неоднократно и массово. В данном случае рассматривается речевая стратегия «Участия/неучастия коммуникантов в речевом событии».

Во второй строке таблицы записаны три речевых плана указанной речевой стратегии: личный план, когда в речевом событии участвует Отправитель текста **или** его Получатель; социальный план, когда в речевом событии участвуют **и** Отправитель текста, **и** его Получатель **вместе**; предметный план, когда в речевом событии **никто, ни** Отправитель текста, **ни** его Получатель **не участвует.**

Рассмотрим речевые сигналы, на основании которых высказывание относится нами к одному из планов. *Все примеры заимствованы из выступлений Министра иностранных дел С. В. Лаврова — см. Список литературы для примеров (1). (2). (3) http:www.mid.ru*

К речевым сигналам **личного плана** относятся [Матвеева, 2013, с. 130]:

— **эксклюзивные формы личных местоимений 1 (пр. 3) и 2 л. ед. и мн. ч. (пр. 5, 7) соответствующие формы глагола (пр. 4), косвенные формы этих местоимений (пр. 6, 8) и соответствующие им притяжательные местоимения (пр. 6, 7), а также обращения ед. ч. (пр. 1) и мн. ч. (пр. 2).**

1. *Уважаемый Анатолий Васильевич!* (3) В данном случае в речевое событие введен Получатель текста (обращение в ед. ч.).
2. *Дорогие друзья!* (3) В речевое событие введены Получатели текста (обращение во мн.ч.).
3. *Я* завершил выступление… (3) В речевое событие введен Отправитель текста (личное местоимение 1 л. ед. ч.).
4. …*поздравляю* всех студентов, преподавателем с Днем знаний. (3) В речевое событие введен сам Отправитель текста (финитная форма глагола в 1 л. ед. ч.).
5. Решать будете *вы* уже в статусе выпускников. (3) В речевое событие введены Получатели текста (дичное местоимение 2 л. мн. ч.).
6. Сотни тысяч *моих* соотечественников … не только защищали Родину…(1) В речевое событие введен Отправитель текста (косвенная форма притяжательного местоимения «мой»).
7. Поэтому смысл *нашего* участия в Мюнхенской конференции *мы* видим прежде всего в том, что… (1) В речевое событие введен Отправитель текста (эксклюзивные формы личного местоимения 1 л. мн. ч. и соответствующего притяжательного местоимения).
8. В рамках этой Организации у *нас* с Новой Зеландией налажено очень хорошее сотрудничество. (2) В речевое событие введен Отправитель текста (косвенная форма эксклюзивного местоимения 1 л. мн. ч.).

— **глагольные лексемы, соотносимые с одним из участников конкретного речевого события, типа «кажется»», «приходится», «представляется» (пр. 9):**

9. И здесь, *как представляется*, мы имеем… (3) В речевое событие введен Отправитель текста (лексема «представляется»);

— **Нерегулярные ситуативно обусловленные зависимые формы и лексемы, содержание которых можно интерпретировать как указание на участие отправителя или получателя текста в данном речевом событии:**

10. Говорю об этом не для того, [чтобы *спровоцировать* очередной поиск виноватых] (1). В речевое событие введен Отправитель текста выбором неопределенной формы глагола «спровоцировать» (вытекает из контекста «говорю»).

— **Вводные слова с выражением мнения Отправителя текста, типа — по-моему, разумеется и др., а также метатекстовые единицы, типа — в частности, прежде всего и др.**

11. Нынешняя ситуация, *по-моему*, беспрецедентна (3). В речевое событие введен Отправитель текста с выражением собственного мнения (лексема «по-моему»).
12. Упомяну, [в частности], недавнюю статью В. Ишингера… (1). В речевое событие введена метатекстовая единица «в частности», с помощью которой Отправитель текста организует свой текст.

Как видно из таблицы, авторы-дипломаты по-разному выбирают речевые сигналы личного плана. Чаще всего личный план актуализирован в политико-ориентированных текстах В. М. Молотова и А. Я. Вышинского. Причем частота выбора ими речевых сигналов личного плана превосходит среднеречежанровую величину 25,7%. Их личное позиционирование зашкаливает и превосходит верхнюю границу доверительного интервала. А под доверительным интервалом понимается конечный числовой промежуток, внутренние значения которого допустимы и доверительны для всех авторов выделенной для анализа группы. Эти значения позволяют диагностировать личностные качества, приписываемые всей группе. Если числовые величины выходят за пределы доверительного интервала, то возможно диагностировать индивидуальные личностные качества соответствующего автора. Поэтому интерпретация числовых данных для В. М. Молотова и А. Я. Вышинского позволяет нам обнаружить у данных авторов склонность к лидерству, эгоцентризм, независимость ума, авторитарность и дисциплинированность. В медиа источниках В. М. Молотов характеризуется как самодостаточный и крайне требовательный человек. А А. Я. Вышинский описывается как одиозная фигура, которая обладает завышенной самооценкой и в достаточно

большой степени проявляет свои авторитарные качества [Оберемченко, 2011, с. 15]. Что касается С. В. Лаврова, то его показатель личного плана (18,6%) ниже доверительного интервала (от 20,1 до 31,3) и свидетельствует о том, что в данном речевом событии он проявляет скромность и уступчивость.

Обратимся к плану социальной ориентированности, или **социальному** плану. Для актуализации этого плана важно, чтобы в речевом событии были задействованы оба коммуниканта — и Отправитель текста, и Получатель текста вместе.

К речевым сигналам **социального плана** относятся [Матвеева, 2013, с. 130–131]:

— **инклюзивное «я», «мы», «ты», «вы»:**

13. Рад продолжить традицию ежегодных встреч, [которые *мы* проводим в *нашей* Альма-матер] (3). В речевое событие введены и Отправитель текста, и его Получатель (инклюзивные формы личного местоимения 1 л. мн. ч. и соответствующего притяжательного местоимения).
14. …,что *у нас с вами* будет сегодня время для интерактивного диалога (3). В речевое событие введены и Отправитель текста, и его Получатели (выбор инклюзивных косвенных форм 1 и 2 л. мн. ч.).

— **деперсонализированное употребление «я», «ты» «вы», «тот», «кто» и др.:**

15. …, что учеба в МГИМО(У) — прекрасный шанс присоединиться *к тем, кто* во все времена служил своему Отечеству… (3). В речевое событие введены все участники (выбор деперсонализированных форм указательного и вопросительного местоимений).
16. … чтобы незаконно поставленное *тобой* оружие в зону конфликта не было обращено против *тебя* самого… (1). В речевое событие введен любой и все участники РА (выбором деперсонализированного личного местоимения 2 л. ед. ч.).

— **деепричастия;**

17. …нам трудно его понять, [*руководствуясь* объективными, рациональными соображениями] (1). В речевое событие введен и Отправитель текста, и его Получатель, как явствует из предыдущего контекста с косвенной формой инклюзивного местоимения 1 л. мн. ч. «нам».

— **придаточные условные и придаточные образа действия;**

18. *Если посмотреть* на наиболее неспокойный сегодня регион — Ближний Восток…(1). В речевое событие введены все присутствующие коммуниканты выбором придаточного условного и инфинитива.

— **предикативы «можно», «нужно», «нельзя», «важно» и т.п.:**

19. *Невозможно* не заметить символизма даты сегодняшней встречи (1). В речевое событие введены все участники (выбор предикатива).

— **Нерегулярные ситуативно обусловленные и контекстно-зависимые формы и лексемы, содержание которых можно в конкретном случае интерпретировать как указание на совместное участие Отправителя и Получателя текста в данном речевом событии.**

20. Сегодня в системе российского образования и вузовской науки *наблюдается* значительный прирост инвестиций (3). Содержание формы глагола «наблюдается» можно в данном конкретном случае интерпретировать как указание на совместное участие в текущем речевом событии и Отправителя теста и его Получателей.

Числовые данные в графе «Социальная ориентированность» показывают, что почти все авторы-дипломаты находятся в зоне доверительного интервала, кроме В. М. Молотова (21,2%) и А. Я. Вышинского (18,9%). Их числовые показатели не дотягивают до доверительного интервала (от 24,5% до 36,1%). Этот факт дополняет выводы, сделанные из анализа их личного плана — авторы далеки от типа кооперативного поведения, они не очень коммуникабельны и не стремятся создать благоприятный эмоциональный контакт с участниками общения, а, напротив, отстранены от взаимосотрудничества с собеседником в речевом общении. И действительно, в медиа текстах об А. Я. Вышинском пишут, что ему чужды отзывчивость, открытость, чувство партнерства в общении [Оберемченко, 2011, с. 16].

Набор актуализаторов **предметного плана** включает в себя остаток того, что не актуализируется в первых двух планах [Матвеева, 2013, с. 131]:

— **речевые сигналы наличия действующего лица, к которому нельзя отнести участников речевого события:**

21. Приведенные *данные*, *география* поступающих в МГИМО студентов, *говорят* о том, (3). В речевое событие не входят участники данной конкретной речевой ситуации.

— **финитные формы глаголов действительного или страдательного залога с выраженным или выводимым из контекста действующим лицом или предметом — неучастником конкретного речевого события.**

22. В рамках ОБСЕ **было принято решение** в поддержку проведения исследований проблем евроатлантической и евразийской безопасности (3). Из содержания данного высказывания можно вывести действующие лица. И они — неучастники речевого события, в котором происходит выступление.

С точки зрения актуализации предметного плана интерес вызывают данные И. С. Иванова (39,9%) и А. В. Козырева (38%), которые выходят за нижнюю границу доверительного интервала (от 41 до 47) и свидетельствуют об их сниженной предметной ориентированности и не привязанности к фактам. В то же время показатели А. А. Громыко (48,7%) превышают верхнюю границу доверительного интервала и говорят о значимости для него фактов, о его отчужденности и замкнутости. Он концентрируется на объективном содержании материала. В зарубежных медиаисточниках А. А. Громыко называли Мистер «нет», считали человеком, застегнутым на все пуговицы, т.е. закрытым для общения (Оберемченко, 2011:16).

Интересно, что, если мы проанализируем отдельные выступления, например С. В. Лаврова, то выяснится, что перед разной аудиторией, он ведет себя по-разному (см. Табл. 2).

Таблица 2
Фрагмент речевого поведения С. В. Лаврова в разных речевых ситуациях, в %

Тексты	Стратегия «Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии»		
	Личный план	Социальный план	Предметный план
Выступление (1)	15%	39,7%	45,3%
Выступление (2)	57%	9%	34%
Выступление (3)	29,8%	7%	62,5%
АРВ С. В. Лаврова политико-ориентированные тексты	18,6%	36%	45,4%

Как показывает анализ, речевое поведение С. В. Лаврова в значительной степени зависит от того, перед какой аудиторией он выступает, и какая тема затрагивается им в выступлении. Так, Выступление (1) посвящено вопросам безопасности и совершалось на Мюнхенской конференции. Здесь его речевое поведение (15% — личный план; 39,7% — социальный план; 45,3% — предметный план) сближается с абсолютной речежанровой величиной (АРВ) при произнесении политикоориентированных текстов (18,6% — личный план; 36% — социальный план; 45,4% — предметный план). Можно говорить о том, что выступление С. В. Лаврова на Мюнхенской конференции относилось к речевому жанру политических текстов. А вот выступление на приеме в Новой Зеландии резко отличается высоким показателем личного

плана (57%), потому что С. В. Лавров широко актуализировал инклюзивное «мы», так как говорил от имени государства, и мало привлекал социальный план (9%) из-за отсутствия кооперативных отношений с этой страной.В данном случае С. В. Лавров актуализировал речевой жанр контактоустанавливающего типа. В Выступлении (3) перед студентами МГИМО(У) также мало привлекался социальный план (7%) и само выступление можно отнести к разряду призывных текстов. С. В. Лавров призывал студентов-выпускников служить Родине и приводил множество фактов такого служения выпускников МГИМО(У).

Таким образом, речевое поведение рассматривается в рамках скрытой прагмалингвистики как действия неосознаваемого выбора Отправителем текста речевых сигналов грамматических категорий. Подсчет этих выборов позволяет составить фрагменты речевых портретов коммуникантов, в частности, дипломатов. Речевые портреты можно интерпретировать и на этом основании можно диагностировать некоторые личностные качества, которые проявляют коммуниканты в зависимости от места, времени, темы выступления. Однако слушатели также на неосознаваемом уровне воспринимают речевые сигналы грамматических категорий, накапливают их в голове и принимают решения о своем оценивании Говорящего.

Список литературы:

1. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики: монография / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 232 с.
2. Оберемченко Е. Ю. Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломата (на материале русского и немецкого языков). Автореф. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.13 с.
3. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АНСССР. Сер. лит-ры и языка. Т.40, №4, 1981. С. 325–333.

Сведения об авторе: Галина Григорьевна Матвеева, доктор филологических наук, профессор Южного Федерального университета, e-mail: gegemat2337633@rambler.ru

THE ROLE OF UNCONSCIOUS CHOICE OF LANGUAGE GRAMMATICAL CATEGORIES (PRAGMALINGUISTIC ASPECT)

Dr. Galina G. Matveeva
Associate Professor, Southern Federal University,
e-mail: gegemat2337633@rambler.ru

Abstract

In Implicit Pragmalinguistics with the help of speech signals one can create a fragment of speech portrait identifying a diplomat. And on the

basis of its interpretation we can predict his verbal behavior and adapt to it our verbal behavior. In this article we will study some issues of verbal behavior, based on an unconscious choice of linguistic units in using the language by the Sender. We will study some issues of identification techniques of Speaker's verbal portrait, and some questions of diagnosing his personal traits by analyzing political-oriented texts of modern diplomats.

Key words: Implicit Pragmalinguistics, unconscious choice of grammatical categories of speech signals, speech portrait, diagnosis of Speaker's personal traits

References:

1. Matveeva G. G. (2013) Basics of Pragmalinguistics: monograph / G. G. Matveeva, A. V. Lenets, E. I. Petrova. Moscow: FLINT: Science, 232 p.
2. Oberemchenko E. Y. (2011) Pragmalinguistic aspect of diplomat's verbal behavior (based on Russian and German). Synopsis of … PhD. Rostov-on-Don, 13 p.
3. Stepanov Y. S. (1981) In search of pragmatics (the problem of the subject). *Izv. ANSSSR. Ser. lit-ry i iazyka. T.40.* (4), 325–333.

Инвариантное исследование полисемии и методика быстрого усвоения многозначных слов английского языка

С. А. Песина
Магнитогорский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена проблеме инвариантности, являющейся важной в плане возможности постулирования семантической общности значений многозначного слова. Известно, что в процессе актуализации многозначных слов английского языка обучающийся часто испытывает трудности, связанные с необходимостью запомнить многочисленные производные полисемантов. В этой связи соотнесение слова со всеми возможными контекстами — не самый продуктивный способ усвоения иностранного языка. Существующие англо-русские и английские толковые словари, к сожалению, не проясняют ситуацию, выполняя лишь констатирующую функцию. По нашему мнению, системное значение многозначного слова языкового коллектива связано с инвариантом всех актуальных значений, т. е. с его «лексическим инвариантом». В статье сформулированы критерии идентификации такого содержательного ядра. Практическая часть

включает интерпретацию значений английских многозначных слов с позиций когнитивной лингвистики. Предложенный подход позволит получить формулу слова, остающуюся неизменной в потоке вариаций значений. В этом случае остается только «прикладывать» инвариантное значение к многочисленным контекстным актуализациям того или иного значения слова. Определение лексических инвариантов позволяет выявлять когнитивные структуры, лежащие в основе семантических изменений, и с относительной точностью моделировать процессы, приводящие к развитию многозначности. Это может приблизить исследователей к разгадке тайн организации, функционирования и динамики развития всей языковой и когнитивной системы человека.

Ключевые слова: полисемия, лексический инвариант, когнитивная лингвистика, значение

Известно, что в основе полисеманта лежит главное, номинативно-непроизводное значение, по отношению к которому все остальные значения являются производными. На основе первого значения семасиологи второй половины XX в. пытались формулировать так называемое «общее значение», которое обеспечивало бы семантическое тождество слова. Однако данный подход вызвал шквал критики.

Мы предприняли попытку выявления природы и когнитивных механизмов многозначности, позволяющих ответить на вопросы о способах хранения, уровнях репрезентации и механизмах актуализации лексических значений. В этой связи существует, по крайней мере, два подхода к проблеме. Согласно традиционному относительно упрощённому «атомистическому» представлению, система языка изображается как «склад» кирпичиков — единиц, хранящихся в памяти, которые говорящий «забирает со склада» по мере необходимости и составляет из них высказывание. Но такое понимание не учитывает факторы времени и пространства. По наблюдениям психолингвистов сознание устроено экономно и в условиях жестких временных рамок функционирует достаточно эффективно. Во всяком случае, в процессе коммуникации в сознании не происходит сканирования всех значений многозначных слов (например, у head их больше ста), на это просто нет времени.

Обосновывая второй подход, мы исходим из предположения о том, что в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов. Системная информация о единицах языка хранится в памяти индивида не в форме развернутых словарных дефиниций, а в ином, более компактном виде вместе с известными ему механизмами актуализаций значений. То есть, очевидно, каждое многозначное слово имеет более или менее

постоянное смысловое ядро, независимое от контекста, которое является необходимой основой функционирования полисеманта в лексиконе человека, обеспечивая семантическую целостность слова.

Мы отходим от традиционного понимания инварианта как постоянной, неизменной части, составляющей содержательное ядро многозначного слова и содержащей только интегральные признаки, и вводим понятие *лексический инвариант* (ЛИ), тем самым уходя от строгого математического термина *инвариант*, предполагающего наличие только интегральных компонентов. ЛИ — это **абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов (интегральных и дифференциальных), которые в одной из своих конфигураций лежат в основе ряда лексико-семантических инвариантов, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка** [Песина, 2005а,б]. В отличие от существующих терминов ЛИ содержит как интегральные, так и дифференциальные семантические компоненты, позволяющие идентифицировать слово на уровне речи. Именно дифференциальные компоненты в составе значений позволяют обозначить неповторимую специфику их семантики. В речевом проявлении, то есть в каждом значении полисеманта ЛИ выступает с разным набором инвариантных прототипических компонентов (варьируются, конечно, дифференциальные компоненты). Кроме того, немаловажно указание на тот факт, что ЛИ функционирует на уровне обыденного сознания в полном соответствии с известными установками когнитивной лингвистики, являясь своего рода стереотипами в рамках обыденного мышления, облегчающими процесс мышления [Песина, 2005г; 2006а; 2011а].

Соответственно, задача исследователя состоит в том, чтобы определить те признаки, которые сделают инвариантное значение узнаваемым и специфичным. Сформулировать инвариантное значение можно путем детального анализа всех значений слова с использованием анализа по нетривиальным семантическим компонентам с элементами интроспекции.

В качестве примера определим ЛИ любого многозначного слова, например, «**cloak**» (плащ) [Песина, 2005в]. На основе дефиниций двадцати пяти словарей английского языка сформулируем его номинативно-непроизводное значение: *a loose outer sleeveless garment which fastens at the neck and covers most of the body (верхняя одежда свободного покроя без рукавов, застёгивающаяся у шеи и покрывающая почти всё тело)*. Данное определение включает необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы слово было узнанным на уровне обыденного сознания.

Как можно видеть, ЛИ представляет собой константную часть значения лексемы, минимальный пучок коммуникативно-значимых

абстрактных узуальных смыслов. Помимо абстрактной части ЛИ включает первое номинативно-непроизводное значение, поскольку это именно то значение, которое приходит первым в голову носителя языка при осмыслении семантики любого из полисемантов.

Актуализацией этого первого номинативно-непроизводного значения на уровне речи служит следующий фразеологизм: (2) — «cloak-and-dagger», передающий ситуацию ненужной секретности, скрытности в поведении человека (в XVII веке в испанском театре актёр с амплуа «злодей» обычно носил длинный, широкий плащ (cloak) и кинжал (dagger)).

Для сравнения Большой словарь крылатых выражений русского языка приводит выражение *плащ и шпага,* заимствованное по названию жанра испанской комедии XVII в. Герои комедий *плаща и шпаги* искали любого повода, чтобы «вытащить шпагу и сразиться со своими противниками». В современном русском языке это выражение имеет так же негативный оттенок и в публицистике означает *символ тайных разведопераций*. Следует отметить, что, несмотря на переосмысленный характер всего фразеологизма *плащ и шпага*, значения входящих в него слов являются прямыми. Других переносных значений слова *плащ* в словарях русского языка не зарегистрировано.

В метафорических значениях английского языка этой лексемы отражается уподобление внешнему виду и функции плаща: (3) — «an organization, activity, or way of behaving that deliberately protects someone or keeps something secret» (*The political party is used as a cloak for terrorist activities)*. В основе метафоры лежит сравнение абстрактных сущностей с плащом по функции: организация, которая кого-то покрывает или держит что-либо в секрете подобна плащу, который покрывает почти всё тело человека. Налицо символизация «cloak» как «секретного прикрытия».

В следующем метафорическом переосмыслении в той же степени, в какой плащ укрывает человека, «укутывают» и «защищают» уже абстрактные сущности, такие, как религия, предрассудки, лицемерие и сама секретность: (4) — «the cloak of secrecy/religion/prejudice/hypocrisy». Смысл этих речевых высказываний заключается в конфликте понятий о внешнем виде и функциях плаща как одежды, которая укрывает наглухо, с одной стороны, и понятий о функциях организаций, религии и т.д. В нашем анализе в соответствии с когнитивным подходом, мы опираемся на тот образ, который, как можно предположить, видел «Наблюдатель» (Conceptualizer), образуя и используя подобные переносные значения.

Как можно заметить, при осмыслении метафорических значений происходит большее удаление от зрительного образа плаща, чем при осмыслении выражения «cloak» (2) «cloak-and-dagger», которое может быть без труда истолковано на основе образа и семантических

компонентов первого значения. Эти же компоненты оказались не так полно представлены в метафорических значениях, в которых наблюдается абстрагирование содержания. Компоненты, лежащие в их основе «*something that covers*» *(нечто, что покрывает),* «*conceals*» *(прячет),* «*protects*» *(защищает),* только отдалённо напоминают такой атрибут одежды, как плащ, то есть, в процессе метафоризации используются лишь самые отдалённые черты подобия ниминативно-непроизводному значению. Но эти черты подобия, даже будучи неопределёнными, должны обязательно учитываться, поскольку без них у переносного значения не может быть статуса производного. Образ первого значения в процессе его актуализации сохраняется, поэтому переносный смысл — это третий смысл как результат наложения двух системных языковых номинативно-непроизводных значений.

Выявленные компоненты абстрактного характера удачно покрывают метафорические значения этой лексемы и наряду с номинативно-непроизводным значением составляют ЛИ этого слова «**a loose outer sleeveless garment which fastens at the neck and covers most of the body or something like a cloak (*something vast that protects or conceals by covering* — *нечто обширное, что, покрывая, защищает или прячет*)**» [Песина, 2005: 169–174]**.**

ЛИ отвечает принципу экономии и способствует актуализации значений с наименьшими когнитивными усилиями. Косвенным доказательством реалистичности такого подхода является тот факт, что ЛИ участвует в каждом акте реального кодирования и декодирования языкового содержания в качестве «наилучшего представителя» слова в системе языка.

В лексическом ядре заложена программа для всех (или почти всех) частных значений слова и, наоборот, в любом варианте есть намек на модель, которая управляет процессом семиозиса метафорических значений. Концептуальной базой для образования подобного ядра является первое значение, ориентированное на среднего носителя языка, а процесс актуализации говорящим значений представляется как последовательная «сборка» более сложных структур на основе интегральных и дифференциальных компонентов первого значения.

Очевидно, что лексическое ядро функционирует на уровне *системы языка* как семантический инвариант, т. е. как «наилучший представитель» полисеманта, в то время как реализация отдельных значений осуществляется на уровне речи. То есть мы исходим из предположения о том, что сколько бы значений ни ассоциировалось с конкретной формой, с ней всегда связывается ее системное значение. Оно опознается и функционирует на уровне **языка** и служит основой для вывода актуального значения слова с учетом **речевого** контекста [Песина, 2006б].

ЛИ не является предметом действительного мира, это идеальный конструкт, чистая сущность в плане безусловной формальности. Чистые формы свободны от конкретного содержания и не относятся ни к какому предмету, их логика богаче предметной. Наличие ЛИ освобождает от необходимости пробегать бесконечный ряд явлений и предметов мира, он представляет бесконечное в конечном [Песина, 2011б,в]. Это и позволяет индивиду находить точку опоры в своем сознании.

Подобный анализ имеет практическую значимость, поскольку может проводиться в лингводидактических целях при обучении иностранному языку. В процессе номинации такие значения, как «the cloak of secrecy/religion/prejudice/hypocrisy», вполне согласующиеся с антропоцентрическим видением мира, создают трудности, скажем, для русскоязычного студента, строящего фразу на иностранном языке. Обучающиеся часто не в состоянии правильно угадать что «делает» тот или иной предмет в данном языке если, согласно русскому видению, то есть реальностям и мифам категоризации русского языка, он выглядит или ведёт себя «как плащ». Существующие англо-русские и английские толковые словари, к сожалению, не проясняют ситуацию. Напротив, они дают противоречивую информацию, из которой следует, что, хотя указанное существительное и означает «плащ», оно иногда имеет такие значения, как «плащ лицемерия» или «плащ предрассудка» и т. д.

Для решения этих проблем словари могли бы оказать существенную практическую помощь изучающим язык при переводе, давая информацию о диапазоне актуальности внутренней формы слова. В качестве отправной точки и стержня внутренней формы можно было бы привести представленные выше ЛИ, которые есть основания рассматривать как содержание лексем (вокабул) и поставить в начале словарных статей.

Среди перспектив практического использования ЛИ нужно также отметить тот факт, что они помогают толкованию метафорических значений, при этом такое объяснение не противоречит лексико-грамматической характеристике значений. Так, сочетания *head of beer/milk/stick/bridge/bed/bone* можно объяснить следующим ЛИ слова head — «the top, round, the most important part of sth, the part of it» [Песина, 2005а].

В заключение следует отметить, что использование предложенного инвариантного подхода к изучению лексического значения представляется целесообразным для исследования механизмов формирования семантической структуры слова. Определение ЛИ на основе когнитивного анализа позволяет выявлять когнитивные структуры, лежащие в основе семантических изменений, и составлять толковые словари, с относительной точностью моделируя процессы, приводящие к развитию многозначности.

Список литературы:

1. Песина С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики на материале английских существительных: дис. … докт. филол. наук. — СПб., 2005а. 384 с.
2. Песина С. А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики // Вестник ОГУ — Оренбург, 2005б. Вып. 2 (40): февраль. С. 57–64.
3. Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте: монография. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005в. — 350 с.
4. Песина С. А. Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка. Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал, 2005 г. № 5 (11). С. 51–59.
5. Песина С. А. От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу Вопросы когнитивной лингвистики: Материалы международной конференции. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006а. № 2. С. 53–62.
6. Песина С. А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики. Вестник ТГУ. — Томск, 2006б. №291: июнь. С. 177–182.
7. Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте М.: ФЛИНТА: Наука, 2011а. 344 с.
8. Песина С. А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // Вестник Адыгейского гос. ун-та. — Сер. «Регионоведение: философия, асгория, социология, юриспруденция, политология, культурология». — Майкоп: Изд-во АГУ, 2011б. — Вып. 4 (88). С. 13–18.
9. Песина С. А. Функционирование слова в процессах мышления и коммуникации // Когнитивные исследования языка. — М.: ИЯ РАН. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. — Вып. VIII. Проблемы языкового сознания. — 2011в. С. 79–81.

Принятые сокращения:
ЛИ — лексический инвариант
ЛСВ — лексико-семантический вариант

Сведения об авторе: Светлана Андреевна Песина, доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный университет, e-mail: spesina@bk.ru

INVESTIGATION OF POLYSEMY WITH THE HELP OF INVARIANT THEORY AND METHODS OF POLYSEMANTIC WORD FAST MEMORIZATION

Dr. Svetlana A. Pesina
Professor, Magnitogorsk State University, e-mail: spesina@bk.ru

Abstract
The article deals with the problem of polysemy investigation with the help of invariant theory. It is important in terms of the possibility of

polysemantic words integrity postulating. It is known that in the process of polysemantic words studying the learner often has difficulties associated with the need to remember numerous derivatives. In this connection, the correlation of a word with all possible contexts is not a productive way of English acquisition. Existing English-Russian and English monolingual dictionaries, unfortunately, do not clarify the situation by performing only a stating function. The article defines the criteria for the identification of lexical invariants which would be of a great help for the language learners. The practical part includes the analysis of polysemantic words from the standpoint of cognitive linguistics. The proposed approach will provide a formula of a word that remains unchanged in the stream of meanings variation. Lexical invariants allow to reveal cognitive structures of polysemantic words, and with relative accuracy to predict their semantic change. Lexical invariants can be treated as models of development of all linguistic and cognitive system of a person.

Key words: polysemy, lexical invariant, cognitive linguistics, meaning

References:

1. Pesina S. A. (2005) Research of the word semantic structure based on prototype semantics in terms of the English nouns. Thesis of Ph.D. St. Petersburg, P. 384.
2. Pesina S. A. (2005) Invariant of the multivocal word in view of the prototype semantics. Vestnik OGU (2(40)), Orenburg, P. 57–64.
3. Pesina S. A. (2005) Polysemy in cognitive terms. Monography (P. 350). St. Petersburg. RSPU named after Herzen.
4. Pesina S. A. (2006) From invariant of multivocal word to lexical prototype. Problems of cognitive linguistics. Papers of International Conferences (2). Tambov. Publishing House of Tambov State University. P. 53–62.
5. Pesina S. A. (2011) The word in cognitive terms. Moscow. FLINTA. Nauka. P. 344.
6. Pesina S. A. (2011) Specificity of philosophic and linguistic approaches to the language core issues. Vestnik of Adygei State University. Series Regionovedenie: filosofiya, asgoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya (4 (88)). Maikop. Publishing House of Adygei State University. P. 13–18.
7. Pesina S. A. (2011) Words functioning in the process of thinking and communication. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Inostrannye Yazyki RAN (VIII). Tambov. Publishing House of Tambov State University named after Derzhavin. Problems of language consciousness. P. 79–81.
8. Pesina S. A. (2005) Methods of determination of the informative core of the multivocal noun in the modern English language. Izvestiya of RSPU named after Herzen. Obschestvennye i gumanitarnye nauki (5 (11)). P. 51–59.
9. Pesina S. A. (2006) Distinction between the language and speech in terms of prototype semantic. Vestnik of Tambov State University (June, 291). Tomsk. P. 177–182.
10. Pesina S. A. (2011) The word in cognitive terms. Moscow. FLINTA. Nauka. P. 344.

К вопросу лексикографической фиксации энантиосемичных единиц

Г. Н. Острикова
Южный Федеральный университет

Аннотация
В работе рассматриваются вопросы лексикографической фиксации энантиосемичных единиц немецкого языка. Современная фиксация энантиосемичных лексических и фразеологических единиц в словарях неоднозначна, и в настоящий момент в словарях нет особой пометы для таких языковых единиц. Исходя из того, что энантиосемия представляет собой универсальную категорию наравне с другими явлениями языка, предлагается под энантонимом понимать языковую единицу, совмещающую в одной форме два противоположных значения, а в лексикографической практике ввести особое обозначение единиц энантиосемии.

Ключевые слова: энантиосемия, противоположные значения, лексикография

Несмотря на более чем вековую историю изучения энантиосемии, до сих пор не решены многие важные вопросы, как общей теории, так и применительно к материалу немецкого языка. Одной из серьезных проблем, наряду с установлением языкового статуса категории энантиосемии, является проблема лексикографической фиксации энантиосемичных единиц (энантонимов). По мере изучения явления энантиосемии отношение к нему претерпевало определенные изменения. Если сначала исследователи пытались отнести его к какому-то одному лексико-семантическому виду отношений (либо к антонимии как Л. А. Новиков, Е. Н. Миллер; либо к омонимии как В. В. Виноградов; либо к полисемии как Г. В. Яцковская), то постепенно энантиосемия начинает рассматриваться уже как смежное (иногда переходное) явление между антонимией и омонимией (И. Н. Горелов), между омонимией и полисемией (В. А. Иванова), между полисемией и антонимией (Л. И. Климова, Л. Е. Бессонова), полисемией, омонимией, синонимией и антонимией (Т. Балкански). На современном этапе исследования данного явления все больше языковедов приходят к пониманию того, что энантиосемия не может быть втиснута в известные рамки и должна занимать свое особое место в ряду семантических явлений.

В данной работе, выполненной в рамках исследования энантиосемичных явлений в немецком языке, рассматриваются лексические и фразеологические энантонимы. Материалом исследования послу-

жили лексико- и фразеографические источники, тексты современной немецкой художественной и публицистической литературы, в том числе представленные в электронном корпусе немецкого языка, а также фрагменты устной разговорной речи. Указанные единицы до сих пор не исследовались в этом плане, что способствует изучению явления энантиосемии в целом, а также исследованию энантонимов в частности.

Хотелось бы прогнозировать в будущем появление общепринятой лексикографической фиксации данного явления, но в настоящий момент в словарях нет особой пометы для таких слов, и они в одних случаях разводятся как омонимы, а в других — приводятся вместе как два значения полисемантичного слова. Иногда в словаре даются как одно значение оба энантиосемичных значения слова. Ниже даны примеры современной фиксации энантиосемичных немецких слов в словарях.

Например, как омонимы приведены немецкие лексические единицы *abfärben* (I — *красить*; II — *обесцвечивать*), *abrechnen* (I — *удерживать (деньги), высчитать*; II — *производить расчет, расплачиваться, т.е. выдать деньги*), *abweißen* (I — *отбеливать*; II — *блекнуть, белеть*) [Москальская, 1969] и др.; а как многозначные слова единицы — *ableben* (1 — *умереть, скончаться*; 2 — *прожить какой-то срок*), *überlesen* (1 — *проверяя что-л. и быстро читать*; 2 — *не заметить при чтении, пропустить при поверхностном чтении*), *übersehen* (1 — *смотреть поверх чего-л.*; 2 — *по ошибке не увидеть*), *borgen* (1 — *давать взаймы, одалживать, ссужать*; 2 — *брать взаймы, брать напрокат*) [Duden, 1996] и др.

Чаще всего энантиосемичные лексические единицы фиксируются в словаре как факт полисемии, что само по себе представляет интерес для исследования. Существуют также случаи изменения лексикографического статуса лексических энантонимов. Так единица *abdecken* с двумя противоположными значениями (1 — *снять, убрать (что-то накрытое) с его-то* и 2 — *предусмотреть что-либо покрывающее [для защиты]; накрыть, покрыть, закрыть*) рассматривалась в разных изданиях одного и того же лексикографического источника по-разному. Сначала она определялась как многозначное слово [Duden, 1996, с. 52]; а затем оба значения объединились под одним пунктом, что соответствует одному значению [Duden, 2006, с. 80].

Не однозначна в словарях и подача энантиосемичных фразеологических единиц. Например, фразеологическая единица *mit Glanz und Gloria* приводится в виде двух омонимов [Бинович, Гришин, 1975, с. 223]:

620. *mit Glanz* (разг. тж. *mit Glanz und Gloria*) *с блеском, блестяще*; *с честью*; eine Prüfung *mit Glanz* bestehen *блестяще* выдержать экзамен; sich *mit Glanz* aus einer Affäre herausziehen *с блеском* выпутаться из какой-либо истории.

Ср.:

621. *mit Glanz* (или *mit Glanz und Gloria*) 1. hinausfliegen разг. ирон. вылететь *с треском* (напр. с работы) 2. durchfallen разг. ирон. *с треском* провалиться (на экзамене).

Например:

Er ist mit Glanz und Gloria durch die Prüfung gefallen. (MDtI)

В другом случае фразеологическая единица *in Fahrt sein* приводится в виде двух значений многозначного выражения [Бинович, Гришин, 1975, с. 164]. Например:

in Fahrt sein разг.

2. *быть в хорошем настроении*

Wenn Papa in Fahrt ist, dann fängt er an, sächsisch zu reden. (MDtI)

3. *быть в гневе* (или *в плохом настроении*)

Wenn unser Papa in Fahrt ist, dann gibt's Ohrfeigen und andere Strafen.

Основаниями для противопоставления служат здесь эмоционально-оценочные семы, которые выражают чувства и эмоции. В первом случае — это «*радость, удовольствие*», а во втором случае — «*гнев, неудовольствие*».

Встречаются случаи, когда энантиосемичный фразеологизм подается в словаре в виде единицы с одним значением, как например, *aus dem Häuschen sein* [Бинович, Гришин, 1975, с. 268]:

aus dem Häuschen sein (или *geraten*) разг. фам.

1. *быть вне себя* (от гнева, от радости); *потерять голову* (от радости, от любви, от горя).

Данная фразеологическая единица имеет в своей основе противопоставление крайней степени возбуждения, а испытываемые при этом чувства прямо противоположны: радость и любовь — гнев и горе и т.п. Приведенные ниже примеры показывают, что иногда только соответствующий контекст может выявить необходимое значение фразеологизма. Например:

Die Presse war natürlich aus dem Häuschen: eine wilde Ehe in der konservativsten aller Familien — wie furchtbar. (berlinonline.de vom 20.11.2005)

Ср.:

Los Angeles (AFP) — Hollywoods Glamour-Paar Tom Cruise und Katie Holmes bekommen ein Kind. — Sie erwarten ein Baby, sie sind ganz aus dem Häuschen, — sagte Cruises Schwester und Managerin, Lee Anne DeVette, am Mittwoch in Los Angeles. (de.news.yahoo.com vom 06.10.2005)

Надо отметить, что данные словарей часто дают не совсем точную в семантическом плане трактовку значений единиц, что видно на примере фразеологической единицы *Alle guten Geister!* Как отмечается лексикографами, противопоставление значений данного фразеологизма происходит по компонентам «*испуг, обеспокоенность*» — «*восхищение, радость*». Приведем в качестве примера выдержку из фразеологического словаря [Бинович, Гришин, 1975, с. 208]:

alle guten Geister разг.

1. *бог ты мой!, боже мой!* (выражение испуга)

Alle guten Geister! Ich habe den Kuchen im Ofen vergessen! (MDtI) *Боже мой! Я забыла про пирог в печке!*

2. *вот это да!, вот это здорово!* (выражение восхищения)

Von dort oben bist du heruntergesprungen? Alle guten Geister! (MDtI) *И с такой высоты ты спрыгнул? Вот это да!*

В словаре синонимов и антонимов немецкого языка существует антонимическое противопоставление соответствующих глаголов *ängstigen (испугать, обеспокоить кого-либо) — begeistern (восхитить, обрадовать кого-либо)* [Bulitta, 2003, с. 68], к которым восходят данные компоненты. А толковый немецкий словарь дает такие определения значений глаголов, которые также подтверждают их антонимию:

ängstigen

1. in Angst, Sorge, Unruhe versetzen; jmdm. Angst einjagen.

begeistern

1. b) (in jmdm.) ein lebhaftes Interesse für etw., Freude an etw., Begeisterung für etw. erwecken. [Duden, 2006, с. 111, 220]

Несмотря на данные словарей, указанное противопоставление представляется нам антонимичным не по ядерным семам: *in Sorge versetzen («обеспокоить кого-либо»*, т.е. *«привести кого-либо в состояние обеспокоенности») — in jmdm. Freude an etw. erwecken («пробудить в ком-либо радость»*, т.е. *«привести кого-либо в состояние радости»)*. Хотя существительные *Sorge* и *Freude*, по определению словарей, тоже являются антонимами [Bulitta, 2003, с. 700], на наш взгляд, противопоставление значений фразеологизма происходит по оценочным компонентам: *«удивление с положительной оценкой предмета речи в сочетании с радостью и восхищением»* и *«удивление с негативной оценкой предмета речи в сочетании с испугом и обеспокоенностью»*. Реализация этих значений единицы *Alle guten Geister!* связана с конкретной ситуацией и лексическим контекстом, что иллюстрируют следующие примеры из немецкой литературы. Например:

Da holte er tief, tief Atem, machte ein äußerst verzweifeltes Gesicht und rief aus: — Alle guten Geister! Das kann nur mir passieren, mir, der ich Maksch Pappermann heiße! O dieser unglückselige Name, dieser unglückselige Name! … Ich bin blamiert für alle Zeit! Sogar für alle Ewigkeit! Ich trete ab! Ich werde unsichtbar! Ich verschwinde! — Er drehte sich um und rannte fort. (Literatur im Volltext: Karl May: Winnetou, 4. Bd., Freiburg i.Br. 1910, S. 300–375.: 5. Kapitel. Am Deklilto)

Ср.:

Ohne sich zu besinnen, rief er laut: — Herr Lehrer, Herr Lehrer! sind Sie da? — sprang auf und wollte ins Haus stürzen… da trat ihm Habrecht schon mit ausgebreiteten Armen entgegen. — Alle guten Geister! Pavel, lieber

Mensch… — Woher? Wohin? — fragte der Bursche. — Wohin? Zu dir; dich wollte ich besuchen und treffe dich auf meinem Wege. Ein glücklicher Zufall, ein gutes Omen! — Sie haben mich besuchen wollen — das ist schön, Herr Lehrer. (Marie von Ebner-Eschenbach: [Gesammelte Werke in drei Bänden.] [Bd. 1:] Das Gemeindekind. Novellen, Aphorismen, München 1956–1958, S. 158–167)

В первом примере актуализируется негативный оценочный компонент значения фразеологизма *Alle guten Geister!*, а соответствующий лексико-семантический контекст способствует этому: *äußerst verzweifelt, unglückselig, blamiert*. Во втором примере реализуется положительный оценочный компонент значения этой единицы со следующим лексическим окружением: *mit ausgebreiteten Armen, glücklich, schön*. Здесь наблюдается также тематическое совпадение конкретных ситуаций, в которых выявляются данные энантиосемичные значения — «несчастного случая, оплошности» в первом примере и «счастливого случая, встречи» во втором примере.

Таким образом, противоречивое лексикографическое описание энантиосемичных лексических и фразеологических единиц свидетельствует о необходимости особой единой пометы для данных единиц в словарях, что расширит границы лексико- и фразеографической практики и сделает возможной эффективную кодификацию энантонимов.

Список литературы:

1. Бинович, Л. Э., Гришин, Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин // Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е и доп. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
2. Большой немецко-русский словарь [Текст] / В двух томах. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева, М. Я. Цвиллинг, Р. А. Черфас // Под руковод. проф. О. И. Москальской. Том I. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 760 с.
3. Большой немецко-русский словарь [Текст] / В двух томах. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева, М. Я. Цвиллинг, Р. А. Черфас // Под руковод. проф. О. И. Москальской. Том II. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 780 с.
4. Bulitta, Erich und Hildegard. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme [Text] / Erich und Hildegard Bulitta // hrsg. von S. Fischer Verlag GmbH. Frankfurt am Main, 2003. 968 S.
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Text] / hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion [Red. Bearb.: Matthias Wermke …] // 3., völlig neu bearb. Und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl. 1996. 1816 S.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Text] / hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion [Red. Bearb.: Matthias Wermke …] // 6., überarb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl. 2006. 2016 S.

Сведения об авторе: Галина Николаевна Острикова, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, e-mail: galina-ostrikova@rambler.ru

LEXICOGRAPHICAL FIXING OF ENANTIOSEMIC UNITS

Dr. Galina Ostrikova
Professor, South Federal University,
e-mail: galina-ostrikova@rambler.ru

Abstract

The paper deals with the lexicographical fixing of enantiosemic units of the German language. The modern fixation of enantiosemic lexical and phraseological units in dictionaries is ambiguous, and at the present moment there are no special labels for such language units in dictionaries. Based on the fact that enantiosemy is a universal category along with other phenomena of the language, we propose the following definition: enantonym is a linguistic unit that combines in one form two opposite meanings; and we propose to introduce a special symbol for enantiosemic units in lexicographical practice.

Key words: enantiosemy, opposite meanings, lexicography

References:

1. Binovich L. E., Grishin N. N. (1975) German-Russian phraseological dictionary / L. E. Binovich, N. N. Grishin // Ed. Dr. Malige-Klappenbah and K. Agricola. M.: Russian language, 656 p.
2. Large German-Russian dictionary (1969) Two volumes. E. I. Leping, N. P. Strakhova, N. I. Filicheva, M. Y. Tsvilling, R. A. Cherfas / / Under the leadership of prof. O. I. Moskalskaya. Volume I. M.: Sov. Encyclopedia, 760 p.
3. Large German-Russian dictionary (1969) Two volumes. E. I. Leping, N. P. Strakhova, N. I. Filicheva, M. Y. Tsvilling, R. A. Cherfas / / Under the leadership of prof. O. I. Moskalskaya. Volume II. M.: Sov. Encyclopedia, 780 p.
4. Bulitta, Erich und Hildegard. (2003) Wörterbuch der Synonyme und Antonyme [Text] / Erich und Hildegard Bulitta // hrsg. von S. Fischer Verlag GmbH. Frankfurt am Main. 968 S.
5. Duden. (1996) Deutsches Universalwörterbuch [Text] / hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion [Red. Bearb.: Matthias Wermke …] // 3., völlig neu bearb. Und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl. 1816 S.
6. Duden. (2006) Deutsches Universalwörterbuch [Text] / hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion [Red. Bearb.: Matthias Wermke …] // 6., überarb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl. 2016 S.

Когнитивные механизмы словообразования
(вторичная номинация)

С. В. Киселёва
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация
В работе рассмотрены вопросы, связанные со вторичной номинацией. Суть акта номинации заключается в фиксации связи предмета и его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и его объекта. Человек подбирает нужные средства номинации тогда, когда формирует некое понятие о предмете или явлении. Результаты показали, что один из видов вторичной номинации — это семантическая транспозиция, которая не меняет материального облика переосмысляемой единицы, а приводит к формированию его нового значения, т.е. к многозначности, а именно, к метафоризации, в частности, к антропоморфизму.

Ключевые слова: теории номинации, ономасиология, первичная номинация, вторичная номинация, репрезентация, семантическая транспозиция, переносные значения, когнитивные механизмы, метафоризация, антропоморфизм

Непрерывное развитие человеческого общества и человеческого познания ставит перед языком задачу обеспечить все стороны жизни человека новыми наименованиями. Известно, что наука об именах, о природе наименования, о средствах обозначения называют ономасиологией, основной целью которой является создание теории номинации.

Одним из главных компонентов системы языка является система словообразования, основной функцией которой является номинативная, а именно, «создание средств, обеспечивающих моделирование вторичных единиц номинации со статусом слова» [Кубрякова, 2008, с. 3]. Исследование процессов и способов словообразования началось в рамках ономасиологической теории, в задачи которой входит изучение процессов создания лексической единицы, соответственно, исследование процессов номинации, направленных на выявление связи языковых явлений с обозначением окружающей человека реальности. Описывая ономасиологические аспекты словообразования, «мы определяем тем самым его основополагающие черты: все средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации» [Кубрякова, 2012, с. 4].

Совершенно очевидно, что невозможно номинировать предмет, не имея о нем какого-либо понятия или представления. Человек подбирает нужные средства номинации только тогда, когда формирует некое понятие о предмете или явлении. Поэтому Е. С. Кубрякова справедливо писала о том, что номинация связывает реальный мир с миром языка, устанавливает связь между предметом и выбранным для его номинации языковым отрезком и соединяет экстралингвистическую точку пространства с языковой [Кубрякова, 1978].

По мысли Г. В. Колшанского, номинация — это «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов» [Колшанский, 1979]. Слова объективируют разные структуры сознания и вызывают в нашем сознании разные образы, впечатления, картинки и сценарии. Не вызывает сомнений, что до активизации структур сознания ей предшествуют процессы номинативной деятельности, что обусловливает тесную связь ономасиологии и когнитивизма.

Так, теория номинации связана, прежде всего, с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности.

В лингвистике выделяется номинация первичная и вторичная. Известно, что объектом номинативного аспекта знаковой теории языка являются все номинативные средства языка, образованные разнообразными способами. В свете теории номинации исследуются вопросы системности слов не только в их прямых, но и переносных значениях.

Акты первичной номинации при помощи слов примечательны тем, что они одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, с его жизненным опытом, с выявлением и обобщением релевантного и существенного в предмете познания. Сущность становления первичных номинативных значений (слов и словосочетаний) заключается в том, что их реализация должна вызвать в некотором коллективе, пользующемся единой общей знаковой системой, одинаковое представление [Уфимцева, 2010, с. 18]. Первичная номинация в лингвистике используется редко, значительно чаще используются уже готовые средства (единицы) языка для выполнения функции называния, т.е. вторичная номинация.

Для обозначения способности современных языков пополнять свой номинативный материал вводится понятие вторичной номинации, под которой понимается использование фонетического оформления первообразной языковой единицы для какого-то нового обозначаемого, т.е. появление еще одного значения в данной языковой единице. При этом результаты вторичной номинации воспринимаются как производные/деривационные по морфологическому составу и по смыслу.

Под вторичной номинацией понимаются уже готовые в языке номинативные средства в новой для них функции наречения [Телия,

1977]. Результаты действия процессов вторичной номинации возможны как в языке, так и в речи. Показателем вторичной языковой номинации выступает формирование принятых языком конвенционально закрепленных значений словесных знаков, а показателем вторичной речевой номинации — окказиональное употребление лексических единиц в ином новом значении. Известно, что в качестве основной предпосылки для создания вторичной номинации служит сходство денотатов объединяемых вещей (конкретных и абстрактных). В основе формирования вторичной номинации лежит кроме ассоциативного характера, заложенного в ментальном мире человека и дающего возможность устанавливать ассоциации по смежности либо по сходству, способность индивида осуществлять концептуализацию и категоризацию окружающей его действительности. Номинируя какую-нибудь реалию, человек, имея разнообразные знания и свой жизненный опыт, при помощи языка стремится системно и бессистемно отразить всю взаимосвязь предметов действительного мира.

Так, по типу средств разграничивают: 1) словообразование как регулярный способ создания новых слов и значений; 2) синтаксическую транспозицию, при которой морфологические средства указывают на смену синтаксической функции при сохранении лексического значения; 3) семантическую транспозицию, которая не меняет материального облика переосмысляемой единицы и приводит к образованию многозначных слов, а также фразеологизмов различных типов.

Мы будем рассматривать вторичную номинацию, которая не меняет внешнего облика слова и приводит к формированию его нового значения, т.е. к многозначности, а именно, к метафоризации. Семантическая сущность метафоризации заключена в структурной перегруппировке понятий исходного значения, результатом которой является элиминация гипосем исходного значения и модификация в структуре производного значения признаков импликационала исходного значения, либо признаков из гипосемы, либо комбинации тех и других [Никитин, 1979, 1983, 2003, 2005].

Поскольку классический семантический и когнитивный подходы базируются на принципиально сходной концепции значения, обращение к семантическим трансформациям исходного значения органично дополнит представление о процессах метафоризации. Это позволит упорядочить взгляд на тот или иной концепт, характеризовать его с разных сторон, выделять тот или иной его аспект, рассматривать его как причину событий, учитывать его роль в наших действиях, что необходимо для «рационального обращения с данными нашего опыта» [Лакофф, 1990, с. 408].

Мы рассмотрим когнитивные механизмы вторичной номинации, а именно метафоризации, на примере такого варианта метафоры как антропоморфизм. Известно, что метафора играет важную роль

в построении языковой картины мира и в членении действительности. Обращение к антропоморфизму, как к концептуально значимому механизму образования значений, связано со вторичной номинацией. Рассмотрение особенностей этого механизма в свете его способности открывать, подсказывать новые, не выявленные раннее ассоциативные связи и отношения, позволит по-новому взглянуть на проблему идентификации переносных значений, приводящих ко вторичной номинации.

Антропоморфизм (Theseabeckoned; Theplanemadeadive [Бирдсли, 1990, с. 118]) рассматривался в отечественной лингвистике как стилистическое явление, троп речи, во многом сходный с персонификацией и олицетворением (Арутюнова Н. Д. 1990; Киселёва С. В. 2009; Никитин М. В. 2003; Скляревская Г. Н. 2004). Он представляет собой языковое воссоздание образа предметов «по образу и подобию человека».

По форме словесного воплощения антропоморфизм — это единичная метафора, «…сополагающая конкретное обозначающее и антропоморфное обозначаемое, указывающее на человеческие качества и свойства» [Арнольд, 2002, с. 117]. Основанием антропоморфизма служит «акцидентная коннотация, которая остаётся после того, как из интенсионала изымается его центральное значение — представление о человеке» [Бирдсли, 1990, с. 207].

Механизм антропоморфизма состоит в нарушении категориальных правил, когда, к примеру, глагол, требующий в качестве подлежащего живое существо, «соотносится с абстрактным существительным (misery loves company)» [Бикертон, 1990, с. 292]. В механизме антропоморфизма происходит обращение стандартных ролей «агенспациенс» (I smiled to the Sun > the Sun smiled to me) [Блэк, 1990, с. 155]. В следующем примере проголодавшийся работник Уилл видит вишнёво-яблочный пирог и в предвкушении подмигивает от удовольствия (Will winked to the pie > the pie winked to Will):

Ex.: «Will trained his eyes to her face to keep them off the row of plates behind the counter where cherry and apple pie **winked** an invitation» [Rommetveit, 1986, p. 8].

С когнитивной точки зрения, антропоморфизм основан на фундаментальной когнитивной способности, а именно: умении отличать живое от неживого. Исторически ещё примитивные культуры олицетворяли природные объекты, наделяя их божественным статусом, а в XX–XXI веках машины и компьютеры получают личные имена и клички или персонифицируются. Для объяснения сути антропоморфизма когнитивные исследования установили, что чаще всего актуализируются самые «ёмкие» понятия, первыми усвоенные носителем языка и принадлежащие к ядру лексикона [Ахутина 1985: 11]. Антропоморфизм базируется на психологическом эффекте

«отнесения к себе», означающим, что знание себя — это наиболее хорошо разработанная человеком структура [Rommetveit, 1986]. Цель антропоморфных метафор заключается в том, чтобы соразмерить безликое явление с человеческим масштабом, дать ему эмоциональную оценку.

В антропоморфизме осуществляется перенос в иную классификационную сферу, а именно в ней происходит категориальный сдвиг. Человек, отражая в своем сознании вечно изменяющиеся многообразные связи действительного мира, пытается «охватить» мыслью даже самые расплывчатые понятия. Антропоморфизм позволяет концептуализировать непредметные сущности (common sense, fate, future) через более простые, конкретные. Как, например:

«For a moment she thought he might kiss her, but he hadn't after all, and common sense **told** her why. 'Cause she was plain and dumb» [Spencer, 127];

«The san Fernando valley had always been **kissed** by fate». [Cooper, 55];

Существует немало антропоморфных адъективных метафор. Это ещё раз свидетельствует о склонности человека думать о себе как о «мере всех вещей». Для человека в вещи открывается лишь то, что может быть принято человеком в силу возможностей его восприятия. Поэтому в признаках объекта человек в известной степени, как в затуманенном зеркале, узнает и самого себя [Топоров, 1995]. В нижеприведённом примере большой город образно изображён при помощи человеческих качеств (flashy, uninhibited):

«New York was an old city too, by American standards, yet it was **flashy** and **uninhibited**» [French, 36].

Антропоморфизм, привлекая связанные с концептосферой «человек» ассоциации, позволяет концептуализировать незнакомые, пугающие абстрактные сущности (такие, как будущее, судьба) через более простые, конкретные, более знакомые обозначения человеческих свойств и действий. В этом механизме формирования метафорического смысла (вторичной номинации) особенно ярко проявляется антропоцентризм языка и мышления, способность сделать «близкое далёким», а «враждебное — дружеским». Поэтому и было интересным рассмотреть, в какой степени антропоморфизм может являться по своему семантическому наполнению значимым механизмом образования вторичных значений (вторичной номинации).

Таким образом, суть акта номинации заключается в фиксации связи предмета и его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и его объекта. Акт номинации — это процесс речемыслительный. Являясь первоначально актом индивидуальной деятельности человека и объективируя субъективную структуру сознания, он по своему результату становится достоянием говорящих на том же языке, одинаково соотносящих тело знака со сложившейся структурой сознания и с объектом действительности. Ранее, в рамках

ономасиологического подхода, более всего изучались когнитивные основания номинации, осознание ономасиологического признака и предиката как мотива обозначения и т.п. Сегодня же справедливо подчеркивается, что в неменьшей степени акт номинации зависим и от коммуникативных актов, т.е. от того, «в какой роли мыслится его результат как единица дискурса» [Кубрякова, 2012, с. 63]. Данный факт позволил ведущим лингвистам современности выдвинуть утверждение о том, что означиванию в языке подлежат лишь те концепты, которые коммуникативно релевантны [Стернин, 2004]. Другими словами, в акте номинации всегда прослеживается его прагматическая составляющая — желание поделиться информацией, что-то сообщить, объяснить собеседнику, связать свои интенции, мотивы со знаниями адресата, его характеристиками и эмоциями.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. — М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры, М.: Прогресс, 1990. С. 5–33.
3. Ахутина Т. В. Единицы речевого общения, внутренняя речь, порождение речевого высказывания // Исследование речевого мышления в психолингвистике. — М.: Наука, 1985. С. 99–11.
4. Бирдсли М. Метафорическое сплетение // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 201–219.
5. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М.: «Прогресс», 1990. С. 153–173.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с., 1 ил. 763 с.
7. Киселёва С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб, 2009. 216 с.
8. Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. — М.: Наука, 1979. С. 99–147.
9. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978. 115 с.
10. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 88 с.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 397–416.
12. Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания, 1979, №1. С. 23–35.
13. Никитин М. В. Лексическое значение слова. — М.: Высшая Школа, 1983. 123 с.
14. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.
15. Никитин М. В. Душа в заветной лире // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 4. Учёные записки. Том XV: Сб. статей. — СПб., ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2005. С. 7–22.

16. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. — 2-е изд., стереотипное. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
17. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. №1. С. 65–69.
18. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. 136 с.
19. Топоров В. Н. Миф. Символ. Ритуал. Образ. — М.: Прогресс, 1995. 621 с.
20. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 88 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
21. Cooper J. Class. Corgi Books, Ealig, London, 1980. 357 p.
22. French M. Family money. Signet book. New American library. New York, Penguin books, 1990. 406 p.
23. Rommetveit R. Language acquisition as increasing linguistic structuring of experience and symbolic behaviour // Wertsch J. W. (Ed.). Culture, communication and cognition: Vygotskian perspective. — Cambridge; London; New York etc.: Cambridge Univ. Press, 1986. P. 183–204.
24. Spencer L. V. Morning glory. New York, Jove books, 1990. 437 p.

Сведения об авторе: Светлана Владимировна Киселёва, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», e-mail: svkiseljeva@bk.ru

THE COGNITIVE MECHANISMS OF WORD FORMATION (SECONDARY NOMINATION)

Dr. Svetlana V. Kiseleva
Professor, National Research University Higher School of Economics,
e-mail: svkiseljeva@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the secondary nomination. The essence of the act of nomination is to fix the communication of the subject and name, the phenomenon and its designation, the structures of the consciousness and its object. Man picks the right means of nomination when forms a notion of an object or phenomenon. The results showed that one of the types of secondary nomination is a semantic transposition, which does not change the material appearance of rethoughtful unit and leads to formation of its new value, i.e. for multiple purposes, namely, to metaphor, in particular, an anthropomorphic comparison.

Key words: the theory of nomination, onomaseology, primary nomination, secondary nomination, representation, semantic transposition, derived meanings, cognitive mechanisms, metaphorization, anthropomorphism

References:

1. Arnol'd I. V. (2002) Stilistika. Modern English. M.: Flinta: Nauka. 384.
2. Arutjunova N. D. (1990) Metaphor and discourse. Theory of metaphor. M.: Progress, 5–33.
3. Akhutina T. V. (1985) Units of speech communication, inner speech, spawning expression of speech // Research of verbal thinking in psycholinguictics. M: Nauka, 99–116.
4. Бирдсли М. (1990) Metaphorical plexus // Theory of metaphor. M: Progress, 201–219.
5. Black M. (1990) Metaphor // Theory of metaphor. M: «Progress», 153–173.
6. Gak V. G. (1998) Language conversion. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 768, 1 il., 763.
7. Kiseljova S. V. (2009) The essence of meaningful word in the English language. SPb,. 216.
8. Kolshanskij G. V. (1979) Linguo-epistemological foundations of language nomination // Language nomination. General aspects. M.: Nauka, 99–147.
9. Kubrjakova E. S. (1978) Parts of speech in onomasiological lighting. M., 115.
10. Kubrjakova E. S. (2012) Theory of nomination and word formation. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 88.
11. Lakoff D., Dzhonson M. (1990) Metaphors we live by // Theory of metaphor. M.: Progress, 397–416.
12. Nikitin M. V. (1979) On the semantics of metaphors // Voprosy jazykoznanija (1), 23–35.
13. Nikitin M. V. (1983) The lexical meaning of the word. M.: Vysshaja Shkola, 123.
14. Nikitin M. V. (2003) Foundations of cognitive semantics. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 277.
15. Nikitin M. V. (2005) Soul in the cherished Lira // Issues in Germanic and Romanic Philologyi. Uchjonye zapiski. Tom XV: Sb. statej. SPb., LGU im. A. S. Pushkina (4), 7–22.
16. Skljarevskaja G. N. (2004) Metaphor in the language system. 2nd edition stereotypical. SPb.: Philological faculty SPbGU, 166.
17. Sternin I. A. (2004) Cognitive interpretation in lingvocognitiv studies // Voprosy kognitivnoj lingvistiki (1), 65–69.
18. Telija V. N. (1977) Secondary nomination and its types // Language category (types of items). M., 136.
19. Toporov V. N. (1995) A myth. The symbol. Ritual. Image. — M.: Progress, 621.
20. Ufimceva A. A. (2010) Lexical nomination (primary neutral). 2nd ed. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 88. Linguistic legacy of the twentieth century.
21. Cooper J. (1980) Class. Corgi Books, Ealig, London. 357 p.
22. French M. (1990) Family money. Signet book. New American library. New York, Penguin books. 406 p.
23. Rommetveit R. (1986) Language acquisition as increasing linguistic structuring of experience and symbolic behaviour // Wertsch J. W. (Ed.). Culture, communication and cognition: Vygotskian perspective. — Cambridge; London; New York etc.: Cambridge Univ. Press. P. 183–204.
24. Spencer L. V. (1990) Morning glory. New York, Jove books. 437 p.

Диахронический взгляд на английские номинализации с инкорпорированным объектом

Е. А. Лукьянченко
МГИМО(У) МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются сложные отглагольные существительные с инкорпорированным объектом с точки зрения их истории в английском языке. Делается предположение, что данный тип инкорпорации является исконно германским, и что его корни уходят в древнеанглийский период. Рассматривается эволюция агентивных и процессуальных суффиксов (от –a и –ere к –er/ster, затем к единому –er; от –ung и –ing к –ynge (–inge), затем к единому –ing). Автор отмечает, что в среднеанглийский период суффикс –er имел женский вариант –ster, но гендерное различие между этими двумя суффиксами проводилось не во всех диалектах. Внимание уделяется также природе древнеанглийских элементов –bere и –berende, и делается вывод, что первый из них можно считать аффиксом, а второй более целесообразно рассматривать как часть инкорпорированного слова. Номинализации с инкорпорированным объектом по своей структуре не претерпели существенных изменений с древнеанглийского периода, но лексика всё время обновлялась, поэтому сохранилось очень мало древнеанглийских композит такого типа.

Ключевые слова: история английского языка, номинализации с инкорпорированным объектом, диахронический подход, агентивный, процессуальный суффикс

Нет того нового обычая, который не был бы старым.
Джеффри Чосер

Среди инновационных процессов в английском языке можно выделить инкорпорирование как способ языкового и концептуального стяжения. В ряду сложных существительных, относимых к неологизмам, есть номинализации с инкорпорированным объектом, то есть отглагольные существительные, образованные по схеме N+V+er (агентивные) и N+V+ing (процессуальные).

Многие из этих слов можно отнести к неологизмам, например, birdwatcher, bookcrossing, screen saver и т.д. Тем не менее, сам образец словообразования уходит корнями в историю английского языка.

Сам по себе английский язык не считается инкорпорирующим, но в нём есть несколько элементов инкорпорирования, и рассматри-

ваемый образец можно назвать традиционным германским типом инкорпорирования.

Здесь имеет место не только внешнее объединение основ, но и семантическое инкорпорирование как объединение концептов. Диахронический взгляд важен для исследования сущности инкорпорированных слов тогда и сейчас, возможности исследовать развитие инкорпорирования в английском языке на структурном и концептуальном уровне.

В ***древнеанглийский период*** (VII в. — до конца XI в.[Иванова, Чахоян, 2006, с. 599]) преобладала исконная лексика, при примерно трёх процентах заимствований.

Исконные агентивные существительные в английском языке в древнеанглийский период были:

1. с *германским суффиксом –a,* означающим профессию/ функцию/ деятельность: gold-gifa (господин, букв. «дающий золото»), merefara (мореплаватель)
2. с *агентивным суффиксом –ere, произошедшим от латинского –arius:* wudu-heawere — «дровосек, резчик по дереву», blod-lætere — «кровопускатель».

Кроме суффиксов деятеля *–a* и *–(e)re* в том же значении используется причастный суффикс *–end*. Вероятно, произошла конверсия brimlīðend — действительное причастие «плавающий по морю» превратилось в существительное со значением деятеля «мореплаватель». Другой пример, garwigend — «воин, сражающийся копьём».

Исконные существительные, образуемые от глагола и обозначающие действие или номинирующие результат деятельности, часто имели суффикс *–ung* (*–ing*).В древнеанглийском языке они тоже могли инкорпорировать объект, как, например, *bēorþegu* — питие пива, *byrdscype* — беременность («ношение ребёнка»), *hringþegu* — получение колец, *bec-ræding* — чтение книг, *hlaford-swicung* — предательство господина (слугой).

Слова «мужчина» и «воин» не различались, так как считалось, что мальчик, как только вырастает, встаёт на защиту родной земли. Кроме односоставных слов beorn, freca, hyse и т.п., были и возвышенные, например, þēodwiga — защитник людей (þēod — люди, wiga — воин). В том числе, было слово gārberend — воин (тот, кто носит копьё), образованное по тому же принципу: gār «копьё» + berend «несущий».

Учёные не пришли к единому мнению по поводу части *–berend*, так как это наиболее часто встречающийся конституэнт композит древнеанглийского периода. На наш взгляд, английское *–bere* (аналогично русское *–носный)* может использоваться только как часть слова, поэтому является аффиксоидом, а английское *–berende* (аналогично русское *несущий*) не потерял свою самостоятельность и выступает либо как отдельная лексическая единица, либо, в рассматриваемом

случае, как часть инкорпорированного слова.В древнеанглийском существовали существительные, родственные этой конструкции, но с суффиксом *–a*, например, wōðbora — певец, поэт («носитель звука»).

Осуществлялось заимствование, в том числе калькирование из латинского языка (lex, legis — закон + глагол «предлагать» + агентивный суффикс, аналогично æ, ælad — закон + глагол, аналогичный совр. немецкому tun (делать)).

Скандинавские заимствования были в основном без агентивных суффиксов. Использовалось слово *carl* (человек). В более поздний период было переведено в германскую форму man (например, *butsecarl* превратилось в совр. *boatman*).

Среднеанглийский период (от начала XII в. до XV в.), условно, сменил древнеанглийский с норманнским завоеванием.

Агентивный суффикс *–ere* имел также женский вариант *–stere: bakere* пекарь (м.р.) *bakestere/baxtere* — пекарь (ж.р.) Названия женских профессий часто оканчивались на –ster(e)/xter(e): *broudster* = вышивальщица, *breusters, pl.* = ale-wives (женщины-пивовары).

Тем не менее, в случае некоторых слов или в некоторых диалектах это правило соблюдалось частично или не соблюдалось: слово *chamberere* («личная служанка» , *handmaid*) не имело варианта * *chamberstere.*Были случаи, когда суффиксы *–ere* и *–stere* были равноценны: *beggere/beggestere* — нищий, попрошайка.

В среднеанглийский период появились идиоматичные номинализации с инкорпорированным объектом, например: *bak-bitere* (современное backbiter) сплетник, клеветник (сущ. *bak-bitynge* — клеветничество).

Ранненовованглийский период (XVI–XVII века) и последующее развития языка связано с распространением книгопечатания, что, в свою очередь, повлекло за собой постепенное установление единой нормы языка. Вариативность лексики также стала сужаться.

Что кается рассматриваемых агентивных существительных, то можно предположить, что именно в этот период из вариантов написания суффиксов *–ere, –er, –estere, –xtere* остался один *–er,* кроме некоторых случаев, например *huckster* — лавочник, торгаш (от среднеанглийского *huckster/ hukkester/hokester) и др.* То же самое произошло с суффиксами процессуальных существительных: *–ynge* и *–inge* слились в суффикс *–ing.*

В ***современном языке*** появилось множество неологизмов, так как процесс образования новых концептов убыстрился. Это подлило масла в огонь словотворчества, вследствие чего номинализации с инкорпорированным объектом сейчас переживают свой расцвет,

являясь одним из ярчайших средств краткой и ёмкой номинации: *package stalking, gift card laundering* и т.д.

Как видно из сказанного выше, номинализации с инкорпорированным объектом не являются абсолютно новым явлением в английском языке, тем не менее, в связи с тем, что старые единицы, созданные по данному образцу вышли из употребления, и появились новые такие существительные, в большинстве своём они могут считаться неологизмами.

Литература:

1. Иванова И. П. Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. Учебник. Изд. 3-е. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. 560 с.
2. Anderson M. (1935) Old English Handbook. Cambridge, Massachusetts: B. S. Williams, The Riverside Press.
3. Clark C. (1992) Onomastics. In *The Cambridge History of the English Language Vol. 2. 1066–1476.* (pp. 542–606) Cambridge: Cambridge University Press.
4. Cornexl L. (2001) From Gold-Gifa to Chimney-Sweep Morphological (Un) markedness of Modern English Nominals In T. Fanego, M. J. L. Couso, J. P. Guerra *English Historical Syntax and Morphology: Selected Papers from 11 ICEHLl, Santiago de Compostela, 7–11 September 2001*, from http://books.google.ru/books?id=wdOLwAbdEDQC&hl=ru
5. Nevalainen T. (1999) Early Modern English Lexis and Semantics Onomastics In *The Cambridge History of the English Language Vol. 3. 1476–1776.* (pp. 332–458) Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе: Екатерина Александровна Лукьянченко, преподаватель, МГИМО (У) МИД России, e-mail: sixwings@inbox.ru

A DIACHRONIC APPROACH TO COMPLEX ENGLISH NOMINALS WITH THE OBJECT ELEMENT

Ekaterina A. Lukyanchenko

Lecturer, MGIMO University, e-mail: sixwings@inbox.ru

Abstract

The article provides a diachronic outlook on complex English nominals with the object incorporated into the word structure. It is assumed that object-incorporation is historically typical of Germanic languages. The author proves that first structures of the kind date back to Old English period. The author studies the evolution of agent and process suffixes (from Old English –a–ere to Middle English –er/–ster, then to modern English –er; from Old English –ung/–ing to Middle English –ynge/–inge, then to modern English –ing). It is noted that Middle English suffix –er had a feminine variety –ster, but not all dialects made gender division for these

suffixes. The author also pays attention to the nature of –bere and –berende elements in Old English. She comes to a conclusion that the former can be considered an affix, while the latter should be regarded as a part of a complex word. Structurally, complex nominals with the object element have not changed since Old English period; however, the vocabulary has changed significantly, therefore very few original Old English nominals survived till this day.

Keywords: the history of the English language, nominals, incorporated object, diachronic approach, agent suffix, process suffix

References:

1. Ivanova I. P., Chahojan L. P., Beljaeva T. M. (2006) The history of the English language. Textbook. (3rd ed.) St.Petersburg, Avalon, Azbuka-klassika.
2. Anderson M. (1935) Old English Handbook. Cambridge, Massachusetts: B. S. Williams, The Riverside Press.
3. Clark C. (1992) Onomastics. In *The Cambridge History of the English Language Vol. 2. 1066–1476.* (pp. 542–606) Cambridge: Cambridge University Press.
4. Cornexl L. (2001) From Gold-Gifa to Chimney-Sweep Morphological (Un) markedness of Modern English Nominals In T. Fanego, M. J. L. Couso, J. P. Guerra *English Historical Syntax and Morphology: Selected Papers from 11 ICEHLl, Santiago de Compostela, 7–11 September 2001*, from http://books.google.ru/books?id=wdOLwAbdEDQC&hl=ru
5. Nevalainen T. (1999) Early Modern English Lexis and Semantics Onomastics In *The Cambridge History of the English Language Vol. 3. 1476–1776.* (pp. 332–458) Cambridge: Cambridge University Press.

«Аксиологический фразеологический словарь английского языка» как одно из новых средств в языковой подготовке специалистов-международников

Л. К. Байрамова
Казанский федеральный университет

Аннотация

«Аксиологический фразеологический словарь английского языка» — новый тип словаря, фиксирующий английские фразеологизмы по десяти конвенциональным ценностям и антиценностям (витальным, гедонистическим, священным, социально-утилитарным, мате-

риальным, интеллектуально-когнитивным, нравственно-этическим, эмоциональным и религиозным), которые востребованы обществом и личностью. Слотовая структура данного аксиологического фразеологического словаря, в котором слоты являются определённым семантико-дефиниционным знаменателем фразеологизмов, заполняющих тот или иной слот, способствует изучению английских фразеологизмов более компактно и целенаправленно. Определение аксиологического вектора фразеологизмов (положительного или отрицательного), симметризм и асимметризм формы и содержания их, а также этимологическая, мифологическая, интралингвистическая информации расширяют возможности глубокого, комплексного изучения английских фразеологизмов и заостряют внимание на социально значимые установки общества и личности.

Ключевые слова: аксиологический вектор, фразеологизмы, ценности, антиценности, симметрия, асимметрия

Ускоренное и более глубокое усвоение фразеологии английского языка возможно при использовании «Аксиологического фразеологического словаря английского языка» [Байрамова, 2011], получившего статус Заявки на изобретение [Байрамова, 2011, с. 593–594]. Он впервые представляет английскую фразеологию (более 3700 единиц) в аспекте витальной, гедонистической, священной, социально-утилитарной, материальной, интеллектуально-когнитивной, нравственно-этической, эмоциональной и религиозной конвенциональных ценностей и антиценностей: жизнь — life, здоровье — health, счастье — happiness / luck, родина — native country, труд — work / labour, богатство — riches / wealth, ум — mind / wise, правда — verity / truth, смех — laughter, рай — paradise, а также: смерть — death, болезнь — illness, несчастье — misfortune, чужбина — foreign country, безделье — inaction, бедность — poverty, глупость — foolishness, ложь — lie / untruth, плач — weep / cry, ад — hell).

В «Аксиологическом фразеологическом словаре английского языка» учитывается аксиологический параметр фразеологических единиц, ибо основными единицами этого словаря являются аксиологические фразеологизмы, то есть фразеологизмы, репрезентирующие ту или иную ценность / антиценность и обладающие положительным аксиологическим вектором (если они соотносятся с ценностью) или отрицательным аксиологическим вектором (если они соотносятся с антиценностью). Аксиологическая парадигма как класс аксиологем (ценностей и антиценностей), противопоставленных друг другу и объединённых по наличию у них аксиологического вектора, в «Аксиологическом фразеологическом словаре английского языка» предстаёт как аксиологическая фразеологическая парадигма,

компонентами которой являются аксиологические фразеологизмы с положительным или отрицательным аксиологическим вектором. Аксиологический вектор может изменяться в процессе становления и функционирования фразеологизма. Возможно и совмещение обоих векторов в одном фразеологизме.

Так, фразеологизм *lie / rest on one's / the oars*, употребляющийся в речи моряков в значении 'отдыхать на вёслах / сушить вёсла', коррелирует с ценностью «Отдых» и имеет положительный аксиологический вектор. Но войдя в сферу общего употребления, данный фразеологизм стал соотноситься с антиценностью «Безделье» и маркироваться отрицательным аксиологическим вектором, означая бездействовать, сидеть сложа руки'.

Корреляция аксиологических фразеологизмов с той или иной ценностью / антиценностью определяется через дефиницию фразеологизма. Кроме того, используется и такой признак фразеологизма, как симметризм и асимметризм его формы и содержания, который раскрывает корреляцию поверхностного уровня фразеологизма с его глубинным уровнем, т. е. корреляцию эксплицитной информации с имплицитной информацией, заключенных во фразеологизме. При этом используется сравнение этих двух характеристик фразеологизма, раскрывающих несколько возможных комбинаций его формы и значения: 1) фразеологизм имеет компонент, значение которого предопределяет семантику фразеологизма в целом; во фразеологизме *(as) rich as Bill Gates* со значением 'очень богатый' таким компонентом является лексема *rich* (ценность «Богатство»); 2) фразеологизм имеет компонент-символ: *good hand* — мастер своего дела; умелец (букв. хорошая рука). В универсальной символике рука является символом труда, работы, и фразеологизм с компонентом *hand* репрезентирует ценность «Труд». Как видно, есть прямая зависимость между компонентом фразеологизма и корреляцией его с ценностью. При асимметризме формы и содержания фразеологизма глубинный уровень противоречит поверхностному. Ср. *as much chance as a snowball in hell, амер.* (букв. иметь много шансов, как у снежка в аду), т. е. не иметь никаких шансов.

На поверхностном (компонентном) уровне трудно, например, определить, почему фразеологизм *Ford family* (букв. семья на «Форде») соотносится с нищетой и безработицей. Ведь для многих российских людей автомобиль *Ford* является символом богатства и состоятельности. И только этимология этого фразеологизма (глубинный уровень) раскрывает, что речь идёт о семьях, которые переезжали на автомобиле с места на место в поисках работы (особенно в годы Великой депрессии) [Чернов, 1996, с. 330]. Именно поэтому данный фразеологизм и соотносится с антиценностью «Безработица».

Одна и та же лексема в разных фразеологизмах может репрезентировать как ценность, так и антиценность. Например, фразеоло-

гизм *fresh as a daisy* с компонентом *daisy* (маргаритка) коррелирует с ценностью «Здоровье», а во фразеологизме *push up (the) daisies*, *жарг.* (букв. ускорять распространение маргариток) с антиценностью «Смерть». При усвоении подобных фразеологизмов необходимо знать этимологию этих фразеологизмов, которая и дана в «Аксиологическом фразеологическом словаре английского языка»: в первом примере во фразеологизме использовано сравнение хорошего здоровья с маргариткой, лепестки которой к вечеру свёртываются, а наутро вновь раскрываются [Ammer, 1997, с. 147].

Второй пример представляет собой аллюзию на могилы с цветами маргаритками; эта аллюзия звучит в поэзии У. Оуэна (Wilfred Owen) о Первой мировой войне [Ammer, 1997, с. 338].

В «Аксиологическом фразеологическом словаре английского языка» раскрыты этимология фразеологизма, его образный, культурно-национальный, прототипический и др. имплицитные и эксплицитные компоненты, без знания которых невозможно полноценное усвоение фразеологизмов.

Аксиологические фразеологизмы систематизируются в диадах в виде фразеологических парадигм гиперонимных аксиологем (жизнь — смерть; здоровье — болезнь; счастье — несчастье; родина — чужбина; труд — лень, безделье; богатство — бедность; ум — глупость; правда — ложь; смех — плач; рай — ад), которые «расшифровываются» гипонимами двух уровней: гипонимами^{1} — гипонимными слотами (англ. slot — щель); они заполняются гипонимами^{2} — фразеологизмами и выполняют функцию своеобразного общего семантико-дефиниционного знаменателя входящих в них фразеологизмов. Некоторые слоты могут детализироваться, выступая ещё и как слоты-конкретизаторы.

В целом «Аксиологический фразеологический словарь английского языка» имеет следующую структуру: гиперонимная аксиологема (понятие ценности или антиценности и его наименование) → гипонимы^{1} (слоты) → гипонимы^{2} (фразеологизмы). Именно поэтому в данном «Аксиологическом фразеологическом словаре английского языка» перед каждой фразеологической парадигмой определённой ценности или антиценности представлены «Слоты фразеологической парадигмы» заданной ценности или антиценности.

В качестве примера приведём слоты фразеологической парадигмы материальной ценности «Богатство. Riches / Wealth» [Байрамова, 2011, с. 153–154]. Например, слот *Средства обогащения / богатства* «расшифровывается» следующим образом [Байрамова, 2011, с. 171–180]:

Акции: *blue chips* — акции компании с самым высоким рейтингом (букв. голубые фишки).

Ассигнации: *the privy purse* — 1) суммы, ассигнованные на личные расходы короля [Кунин, 1984, с. 610].

Аукцион: *the highest bidder* — тот, кто больше даст (букв. лицо, предлагающее наибольшую сумму на аукционе).

Бизнес: *hot money, фин.* — горячие деньги (капитал, который вывозят за границу, чтобы предотвратить его обесценивание).

Благотворительная помощь, премия: *golden handshake* — денежный подарок; внушительное пособие; отступные (обычно вручаемые тем, кого увольняют по решению администрации или отправляют на пенсию) (букв. золотое рукопожатие) [Чернов, 1996, с. 373].

Брак (женитьба / замужество): *marry money* — жениться на деньгах, жениться / выйти замуж по расчёту.

Взятка: *hush money, сленг* — плата за молчание (букв. денежная тишина).

Высокооплачиваемая должность / высокий заработок: *golden hello* — внушительная сумма денег, выплачиваемая специалисту, которого переманивают из одной фирмы в другую [Чернов, 1996, с. 373].

Капиталовложения, инвестиции: *be good money* — быть выгодным капиталовложением.

Карточная игра: *sweep the board, карт.* — сорвать банк, забрать все ставки (букв. смести доску).

Карьера: *loaves and fishes, полит.* — привилегии, получаемые пришедшими к власти политиками; кормушка (букв. хлеб и рыбы).

Колонии: *jewels of the crown*, *устар.* — английские колонии (букв. бриллианты в английской короне).

Конкуренция: *rat race, пренебр.* — жестокая конкуренция; бешеная погоня за богатством, успехом, карьерой (букв. крысиный бег). Во фразеологизме дана аллюзия на жестокую отчаянную борьбу крыс за выживание [Ammer, 1997, с. 347].

Месторождения: *oil money* — нефтяные деньги.

Накопления: *gather to store* — собирать про запас.

Наркобизнес: *mad scientist, сленг* — человек, занимающийся производством наркотиков (букв. сумасшедший учёный) [Байрамова, 2009, с. 175].

Наследство: *old money* — деньги, полученные в наследство; семейные деньги, в отличие от денег вновь разбогатевших людей (букв. старые деньги).

Недвижимость: *a dead hand*, *юр.* — владение недвижимостью без права передачи (букв. мёртвая рука). Калька < *ст.-фр. main-morte* [Кунин, 1984, с. 347].

Ограбление, воровство: *treasury rat, жарг.* — чиновник, запускающий руку в казну (букв. казначейская крыса) [Чернов, 1996, с. 981].

Положение в обществе*: the great ones of the earth* — сильные мира сего. Фразеологизм возник на основе библейского текста: 2 King, 7: 8–9.

Прибыль: *be in the black* — вести дело прибыльно, получать доход (букв. быть в чёрном). В основе фразеологизма лежит практика (в прошлом) использовать чёрные чернила при заполнении права доступа на кредитный расчёт [Чернов, 1996, с. 223].

Проституция: *call girl* — дорогостоящая проститутка, которую вызывают на дом по телефону (*букв.* девочка по вызову) [Чернов, 1996, с. 140].

Родиться в знатной / богатой семье: be born with a penny — родиться в богатой семье (букв. родиться с пенни).

Сделка: *a bargain for the money* — хорошая, выгодная (денежная) сделка.

Спекуляция: *spin money, редк.* — быстро наживать деньги спекулятивными операциями (букв. крутить деньги).

Удача: *pennies from heaven, разг.* — неожиданное денежное обогащение (букв. деньги с неба свалились) [Чернов, 1996, с. 140].

Ценные бумаги: *gilt-edged securities*, *фин.* — гарантированные ценные бумаги (букв. ценные бумаги с золотым обрезом) [Чернов, 1996, с. 368].

Слотовая структура данного словаря позволяет компактно, объёмно, всесторонне изучать аксиологическую фразеологию английского языка, даёт возможность усваивать актуальность тех или иных фразеологизмов (в данном случае самыми частотными были фразеологизмы о взятке как средстве нечестного обогащения).

Список литературы:

1. Байрамова Л. К. Словарь русского и английского жаргона наркоманов, Словарь антиценностей / Л. К. Байрамова, Н. Ф. Халиуллова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2009. — 195 с.
2. Байрамова Л. К. Заявка на изобретение как «Способ построения фразеологического словаря ценностей и антиценностей» от 15.07.2009 // RU БИПМ № 2, 20.01.2011, С. 593–594.
3. Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь английского языка. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 375 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
5. Чернов Г. В. и др. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Г. В. Чернов и коллектив авторов / Под ред. докт. филол. наук Г. В. Чернова. М.: Copyright. «Полиграмма», 1996. 1185 с.
6. Ammer Christine. American Heritage Dictionary of Idioms / Christine Ammer. — Boston, New York, 1997. 473 p.
7. Collins Cobuild. Idioms Dictionary / The university of Birmingham, 2005. 410 p.

Сведения об авторе: Байрамова Луиза Каримовна, профессор, доктор филологических наук, Казанский федеральный университет, e-mail: luiziana08@mail.ru

«THE AXIOLOGICAL DICTIONARY OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE» AS ONE OF THE NEW MEANS OF LANGUAGE TRAINING OF SPECIALISTS IN FOREIGN AFFAIRS

Dr. Luiza K. Bayramova
Professor, Kazan Federal University, e-mail: luiziana08@mail.ru

Abstract

«The axiology phraseological dictionary of English» — the new type of the dictionary fixing English phraseological units on ten conventional values and anti-values (vital, hedonistic, sacred, social and utilitarian, material, intellectual and cognitive, moral and ethical, emotional and religious) which are demanded by society and the personality. The slot structure of this axiology phraseological dictionary in which slots are a certain semantiko-definitsionny denominator of the phraseological units filling this or that slot, promotes studying of English phraseological units more compactly and purposefully. Definition of an axiological vector of phraseological units (positive or negative), the symmetrical and asymmetrical of their form and content, and also etymological, mythological, intralinguistical information expand possibilities of deep, complex studying of English phraseological units and focus attention to socially significant installations of society and the personality.

Key words: axiological vector, phraseological units, values, anti-values, symmetry, asymmetry

References:

1. Bayramova L. K. (2009) Dictionary of Russian and English slang of addicts, Dictionary of anti-values / L. K. Bayramova, N. F. Khaliullova. — Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii. 195 p.
2. Bayramova L. K. (2011) Demand for the invention as «Way of creation of the phraseological dictionary of values and anti-values» by 15.07.2009 // RU BIPM № 2, 20.01.2011. P. 593–594.
3. Bayramova L. K. (2011) Axiology phraseological dictionary of English. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii. 375 p.
4. Kunin A. V. (1984) English-Russian phraseological dictionary M.: Rus. yaz. 944 s.
5. Chernov G. V. and other. (1996) Americana. English-Russian dictionary / G. V. Chernov and other / Editor chief. doct. of filology science G. V. Chernova. M.: Copyright. «Poligramma». 1185 p.
6. Ammer Christine. (1997) American Heritage Dictionary of Idioms / Christine Ammer. — Boston, New York. 473 p.
7. Collins Cobuild. (2005) Idioms Dictionary / The university of Birmingham. 410 p.

Современный медиадискурс и манипулятивная инфографика

М. Р. Желтухина
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

Аннотация
Статья посвящена проблемам информирования и воздействия в современном медиадискурсе. Описываемые манипуляции инфографики универсальны и применимы в различных жанрах медиадискурса. Результаты показали, что определение целевой аудитории и основное предназначение инфографики обусловливают ее эффективное функционирование в медиадискурсе.

Ключевые слова*:* медиадискурс, инфографика, информирование, воздействие, манипуляция, адресант, аудитория

В современном медиадискурсе активно используются языковые знаки, а также знаки различных семиотических систем (визуальной, аудиальной) для содержательной и формальной организации, презентации и интерпретации семиотически неоднородных текстов [Алдер, 2001; Доброва, 2010; 2012; Добросклонская, 2005; Желтухина, 2003; Карасик, 2010; Iliinsky&Steel, 2011; Smiciklas, 2012 и др.]. Техника визуализации применяется массмедиа для того, чтобы сделать предмет и явление в медиасообщении более привлекательным (например, товар, чтобы побудить медиаадресата приобрести его) [Желтухина, 2003]. Для этого предлагаются различные маркеры образа: яркость или резкость картинки, громкость звуков, увеличение и уменьшение нужных элементов сообщения (шрифт, картинки) и др. Так адресат сам себя с подачи массмедиа подталкивает к определенным действиям: читать или не читать, смотреть или не смотреть, а затем покупать или не покупать товар и т. п.

Интернализация (создание внутреннего образа) цели [Алдер, 2001] подключает к работе человеческое подсознание на автопилоте. Сказанное согласуется с представлениями о роли бессознательного в процессе целеполагания, когда работа мозга протекает самостоятельно, но в соответствии с некоторым внутренним образом предполагаемого результата, который характеризуется разной *степенью отчетливости* [Желтухина, Морозова, 2013]. Чем желаннее цель, тем ярче и реалистичнее образ. Массмедиа стремятся вызвать ***образ не процесса реализации цели***, а ***самой цели***, чтобы не позволить адресату следовать интуиции и подсознательным ассоциациям [Желтухина,

2003]. Созданную массмедиа четко визуализированную цель адресату проще воспринять и передать другим людям. Необходимо помнить, что полученную из СМИ информацию в индивидуальной интерпретации (завуалированные темы проявляются в резких формулировках и преломляются в неожиданном ключе) адресат передает далее на уровне повседневного общения, бытового дискурса. Интенциональность инфографики раскрывается в ее направленности, основной и вспомогательных целях, которые обусловлены ситуацией ее применения: 1) информирование: «*распространить информацию об объекте, происшествии и т.п.*»; 2) развлечение: «*забавлять адресата*»; 3) коммуникация: «*обмениваться информацией с адресатом*» [Smiciklas, 2012, с. 80]. В данной классификации важно подчеркнуть пересечение коммуникативной цели с информационной и отсутствие одной из самых важных целей инфографики: 4) воздействие: «*оказать воздействие на адресата, на его разум, чувства и волю, побудить к действиям*» [Желтухина, Морозова, 2013].

Одной из тенденций развития современных массмедиа является возрастающая роль инфографики как лаконичной, яркой и образной презентации данных большого объема, способствующих медиаинформированию и медиавоздействию. Для эффективности влияния на сознание адресата СМИ стремятся устанавливать и поддерживать с ним близкий контакт, используя вербальные и невербальные средства [Желтухина, 2003; Желтухина, Омельченко, 2008; Желтухина, 2010а,б]. В результате анализа фактического материала определен значительный перечень визуальных приемов воздействия на медиасознание адресата, манипуляций в зависимости от интенций применяемой инфографики в современном медиадискурсе. Выявлены следующие основные инфографические манипуляции в разных жанрах медиадискурса [Желтухина, 2003; Желтухина, Морозова, 2013]: 1. С СОДЕРЖАНИЕМ: 1) ***однозначность, долговременность***; 2) ***многозначность***, ***тропеичность*** (http://www.defence.pk/forums/general-images-multimedia/138858-stupid-funny-all-over-world-ii-1079.html); 2. СО ЗНАКАМИ, ОБРАЗАМИ (человек, животное, предметы домашнего обихода, продукты питания и т.п.): 1) ***иконические знаки*** как сообщение без кода, соответствующие не слову, а высказыванию (метафора, метонимия); 2) ***тропеичность руин***; 3) ***двойные фигуры*** — сопровождение метафоры метонимией и наоборот, когда образ повторяет идею, но в иной форме и среде (http://metkere.com/2009/03/russian-1912.html); 3. С ФОРМОЙ: 1) ***плазматичность*** — притягательность образов, метафор, метонимий и др. тропов, тропеические трансформации и комбинации; 2) ***рост, объем***: эффективен самый высокий по росту, больший по объему в процессе сопоставления, метафоризации; 3) ***форма*** предмета с тропологическим механизмом (метафора, метонимия, синекдоха, риторический вопрос) и ***ее транс-***

формации (http://alldayplus.ru/design_art_photo/design/2514-zhurnal-infografika-5-iyun-2011.html); 4. С ТЕЛОМ (позы, жесты, мимика): 1) ***объект на экране, в кадре, на плакате*** (общий план, часть публики, микрогруппы, отдельные лица), ***тропеизация объекта*** (синекдоха): людей на экране больше — передаваемое впечатление сдержаннее; людей меньше — впечатление интенсивнее; 2) ***тропеизация портрета, фотография анфас*** (реализм адресанта), ***в три четверти*** (восходящее движение человека), ***фронтальная съемка на уровне глаз*** (симпатия, спокойствие, непринужденность); 3) ***типичные и интеркультурные жесты*** (http://www.huffingtonpost.com/2013/01/18/rosea-lake-vancouver-judgments-skirt-length-photo_n_2504950.html); 5. С ЦВЕТОМ: 1) ***комбинации различных цветов с учетом образно-цветовых классификаций***: успокоение (зеленый), воля (красный), ослабление раздражения (белый) и др.; 2) ***вербальная сторона цвета*** (эмоционально-оценочные эпитеты) (http://tambovreklama.ru/portal/blogs/208-peter-orntoft); 6. ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ (план, перспектива, монтаж): 1) ***показ сверху/снизу*** (перспектива «птичьего полета»/«лягушки»): антипатия, слабость, пустота; 2) ***монтаж*** как способ построения сообщений (культурных знаков, текстов) с соположением в близком пространстве времени двух различных по денотатам или структуре изображений (http://revision.ru/s/infographicsmagazine/).

В результате исследования установлено, что манипулятивность инфографики в современном медиадискурсе проявляется в соотношении вербального и невербального: 1) вербальный аспект (его тематика) инфографики, обусловливающий ее невербальное содержание; 2) невербальный аспект (его облик) инфографики, обусловливающий ее вербальное содержание; 3) вербальное и невербальное в инфографике, частично или полностью дублирующие друг друга; 4) вербальное и невербальное в инфографике, частично связанные и способные существовать отдельно друг от друга.

Для определения содержания инфографики важна оценка ее целевой аудитории. Перед постановкой целей инфографики следует учитывать объем работы над ней, поскольку, чем она сложнее, тем больше времени и людей требуется для ее выполнения [Желтухина, Омельченко, 2008]. В современном медиапространстве (особенно в интернет-пространстве) используется технология SMART, служащая для постановки более конкретных целей и задач инфографики. SMART означает «умный», а также представляет собой аббревиатуру, включающую в себя пять компонентов технологии: ***S****pecific / специфичность,* ***M****easurable / количественная характеристика,* ***A****ttainable / достижимость,* ***R****elevant / релевантность,* ***T****imebased / временные рамки.* Установлено, что медиаинфографика будет эффективно функционировать только тогда, когда четко определена ее целевая аудитория, а также ее

основное предназначение, когда адресант ответит на вопросы: кто, что, когда, откуда, почему и насколько [Желтухина, Морозова, 2013].

Итак, проведенное исследование выявило основные интенции инфографики в современном медиадискурсе — информирование и воздействие. Выявленные и описанные манипуляции инфографики универсальны и применимы в различных жанрах медиадискурса. Эффективная реализация инфографики в медиадискурсе зависит от ее основного предназначения и определения целевой аудитории.

Список литературы:

1. Алдер Г. Технология НЛП. СПб.: Питер, 2001. 224 с.
2. Доброва И. Дизайн в инфографике, или Как не убояться абсолюта. 2012. 20 июля [Электронный ресурс]. URL: http:// infographer.ru/dizajn-v-infografike/ (дата обращения: 09.12.2012).
3. Доброва И. Иногда лучше без инфографики! 2010. 21 сентября [Электронный ресурс]. URL: http://infographer.ru/schems/ (дата обращения: 25.12.2012).
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. 288 с.
5. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
6. Желтухина М. Р., Омельченко А. В. Коммуникативные технологии в XXI веке. Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008. 100 с.
7. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 422 с.
8. Iliinsky N., Steele J. Designing data visualizations. O'ReillyMedia, Inc. 2011. 110 p.
9. Smiciklas M. The power of infographics. Indianapolis: Pearson Education, Inc. 2012. 218 p.
10. Желтухина М. Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиатекст: стратегии — функции — стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры: Полиграф. фирма «Горизонт», 2010. С. 19–32.
11. Желтухина М. Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 3. М.: ЦМО МГУ, 2010. С. 12–18.
12. Желтухина М. Р., Морозова К. В. Алгоритм создания инфографики и ее интенциональность. Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. №3 (24). С. 228–231.

Сведения об авторе: Марина Ростиславовна Желтухина, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета, зав. научно-исследовательской лабораторией «Дискурсивная лингвистика»,

ректор Школы актерского мастерства Анатолия Омельченко, директор Центра коммуникативных технологий, e-mail: zzmr@mail.ru

MODERN MEDIA DISCOURSE AND MANIPULATIVE INFOGRAPHICS

Dr. Marina R. Zheltukhina
Full professor, academician of the Academy of Natural Sciences, Professor of the department for English Philology at the Institute of Foreign Languages of Volgograd State Social-Pedagogical University, Head of the research laboratory "Discourse Linguistics", Director of the Center for Communicative Technologies, Rector of the Actor's Skill School of Anatoly Omelchenko, e-mail: zzmr@mail.ru

Abstract
The article deals with the problems of information and influence in the contemporary media discourse. The described manipulations of infographics are universal and applicable in various genres of media discourse. The results have shown that the definition of the target audience and the main purpose of infographics cause its effective functioning in the media discourse.

Key words*:* media discourse, infographics, informing, influence, manipulation, sender, audience

References:

1. Adler, G. (2001) Technology of NLP. SPb.: Piter.
2. Dobrosklonskaya, T. G. (2005) Issues of Studying Media Texts: Experience of Research of Modern English Media Speech. Moscow: URSS Editorial.
3. Dobrova, I. (2010, September 21) Sometimes it is Better to Forget about Infographics! Retrieved December 25, 2012, from http://infographer. ru/schems/ (date of viewing: 25.12.2012).
4. Dobrova, I. (2012, July 20) Design in Infographics, or How Not to Be Scared with the Absolute. Retrieved December 09, 2012, from http:// infographer.ru/dizajn-v-infografike/
5. Iliinsky, N., Steele, J. (2011) Designing Data Visualizations. O'ReillyMedia, Inc.
6. Karasik, V. I. (2010) Language Crystallization of Sense. Volgograd: Paradigma.
7. Smiciklas, M. (2012) The Power of Infographics. Indianapolis: Pearson Education, Inc.
8. Zheltukhina, M. R. (2003) Tropological Suggestiveness of Mass media Discourse: on the Issue of Speech Impact of Tropes in Mass media Language. Moscow: Institute of Linguistics of RAS; Volgograd: Publishing House of VB MUPK.
9. Zheltukhina, M. R. (2010) Media Discourse: Structural Specifics In: L. I. Grishayeva, A. G. Pastukhov, & T. V. Chernyshova (Eds.) Media-text: Strategy — Functions —

Style (pp. 19–32). Orel: Orel State Institute of Arts And Culture: Printing Company "Gorizont".
10. Zheltukhina, M. R. (2010) The Role of Information in Media Discourse. Bulletin of CMO MGU. Philology. Science of Culture. Pedagogics. Methodology. № 3, 12–18.
11. Zheltukhina, M. R., & Morozova K. V. (2013) Algorithm for Creating of Infographics and its Intentionality. Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. № 3 (24), 228–231.
12. Zheltukhina, M. R., & Omelchenko, A. V. (2008) Communicative Technologies in the XXIth Century. Volgograd: NOU DPO "ShAM AO".

Когнитивная функция концептуальной метафоры в экономическом публицистическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа

Н. В. Бадаева
МГИМО(У) МИД России

Аннотация
В работе рассматривается когнитивный и когнитивно-прагматический аспекты функционирования концептуальной метфоры в экономическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа. Подчеркивается антропоцентричная модель метафорической картины мира немецкоязычных масс-медиа и выделяются некоторые сферы, являющиеся источником метафорической экспансии.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная функция, прагматическая функция, экономический дискурс, немецкоязычные масс-медиа, формирование нового знания, доступная репрезентация информации, когнитивная лингвистика

В условиях сегодняшнего дня, стремительно изменяющихся систем экономического, политического, социального сосуществования в современном мире, человек в поисках ответов на глобальные вызовы вынужден чаще обращаться к источникам информации, позволяющим правильно воспринимать и перерабатывать информацию, преобразуя её в портфолио вновь приобретаемых знаний.

В репрезентации этих знаний большая роль принадлежит метафоре, важное свойство которой можно усмотреть уже в древнейшем методе научного познания, который заключается в установлении связей, сравнений самых различных сущностей, углубляя и расширяя процесс познания.

В этом отношении метафора выполняет одну из важнейших функций в языке и речи, а именно — приобретение знаний. Метафора имеет когнитивный и стратегический смысл, обладая способностью концептуализировать события и структурировать их восприятие, служит самоинтерпретации, придавая легитимность своим концепциям и поступкам в глазах общественного мнения.

Метафора представляет собой ментальный и языковой механизм, состоящий во взаимодействии или сопоставлении двух сущностей, явлений на основании сходства, аналогии между ними, т.е. нахождения их общих признаков, что и находит подтверждение в работах российских и зарубежных исследователей.

Уместным будет привести мнение одного из основателей когнитивного направления в современной науке, испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета. Понятийная функция метафоры, по его мнению, является основной, а задача метафоры понимается как создание абстрактных понятий. Существуют объекты, которые не только трудно назвать, но и которые с трудом поддаются осмыслению. В своей работе «Две великие метафоры» он пишет: «Объекты… легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям». [Теория метафоры, 1990, с. 72]. То есть, с точки зрения когнитивной науки, метафора — это некий познавательный процесс, необходимый для передачи новизны знания.

На данный момент существования общества экономика является именно той сферой, той областью знаний, где на сегодняшний день особенно отчетливо проявляется языковая динамика, активные процессы в лексике, изменения в общественном сознании и ментальности носителей языка. Именно в экономической среде ярко проявляется когнитивная функция концептуальной метафоры. «Метафора используется здесь для того, чтобы увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области путем переноса дополнительной информации из более известной ситуации» [Вопросы языкознания, 1990, №6, с. 12].

Чтобы продемонстрировать когнитивную функцию метафор языка науки экономики, необходимо понимать, что информация имплицируется, как правило, с трансферов знаний, и в этом процессе метафора рассматривается как знак, участвующий в сфере мыслительных процессов человека, служащий для передачи понятийных характеристик обозначаемых предметов, что и является одной из форм концептуализации предметной области знания.

Рассматривая когнитивную метафору как одну из форм концептуализации, Е. С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» определяет ее как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Е. С. Кубрякова, 1996].

Главной особенностью экономико-публицистического дискурса является наличие в нем экономической лексики и терминов. Важнейшими признаками экономико-публицистического дискурса, как и любого другого, является соотнесенность к действительности и определенная коммуникативная установка. Функциональная направленность текста, другими словами — его ориентация на выполнение заранее намеченной цели, определяется ситуацией общения и задачами, которые возникают перед участниками коммуникативной ситуации. Экономико-публицистический дискурс сам по себе, его лексическая организация дают возможность не только наблюдать за тем, какая экономическая модель создается в обществе, но и определить то, какие представления, понятия и способы лексического выражения закрепляются за этой моделью. Кроме того, «правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, коммуникативным фоном» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 685].

Рассматривая экономическо-публицистический дискурс с этой точки зрения, изучение концептуальной метафоры и того, как она функционирует в рамках этого дискурса, представляет собой крайне интересную и актуальную задачу.

Цитаты из литературных произведений, фильмов, высказывания известных людей, крылатые фразы, аллюзии, пословицы, поговорки, слова из песен, рекламные слоганы и пр. составляют текстовое выражение национальной культуры и картины мира и поэтому встречаются в огромных количествах во всех типах экономико-публицистического дискурса: в новостях, в информационно-аналитических текстах, в экономических обзорах, в биржевых сводках, в комментариях, в интервью, в рекламе и т.д.

Экономическая сфера — это важнейшая часть национальной и мировой культуры. Наряду с другими, она представляет собой «сложное объединение ментальных единиц (концептов, фреймов, гештальтов, сценариев, концептуальных векторов, полей)» [Чудинов, 2003, с. 97].

А. П. Чудинов полагает, что большинство этих единиц зафиксировано в языке при помощи слов, составных наименований, фразеологизмов и в той или иной мере навязывает человеку определенное видение мира, особенно в аспекте его категоризации и оценки [Чудинов, 2003, с. 237]. Так как один из главных отличительных признаков экономико-публицистического дискурса заключается в высокой сложности и значительной степени абстракции, необходимым является упрощение декодирования для разных социальных слоев коммуникантов путем метафорического моделирования.

Авторы текстов, статей, публикаций, являясь специалистами в той или иной специальной области, стремятся донести свое знание до

реципиентов, различающихся по возрасту, образованию и способностям воспринимать специальную информацию. В этой связи перед авторами возникает необходимость выбора компактной и доступной формы передачи информации, позволяющей вызвать определенное отношение к описываемым событиям, что достигается с помощью ряда лексических средств, в том числе использованием метафор, которые являются «условием коммуникативно-прагматического успеха, определенным образом апеллируют к эмоциональному восприятию сообщения, что обычно достигается за счет образности, создаваемой различного рода фигурами речи, поскольку образ будит эмоциональное переживание мира. Метафора как механизм когнитивного отражения действительности, конечно, способствует категоризации знаний, участвуя в процессе переработки поступающей информации, что и ведет к формированию когнитивных концептов и их устойчивых объединений.

Чтобы продемонстрировать когнитивную функцию метафор языка науки экономики, нельзя забывать, что распространение и передача информации сопровождается и передачей знаний. Абстрактное осваивается через конкретное, а ненаблюдаемое — через доступное сенсорному восприятию.

Одни и те же понятия специальной области знания «экономика» могут быть переданы в экономико-публицистическом дискурсе при помощи лексических единиц, относящихся к различным лексико-семантическим группам. Так, отражение экономической реалии «банковский кризис» осуществляется в немецкой прессе через морбиальные метафоры «die notleidenden Banken» и «die maroden Banken»: В этом случае Банк концептуализируется через одушевленное лицо, как «страдающий от болезни» пациент, где доминантами для передачи смысла — знаком-сигналом становятся лексические единицы «notleidend» и «marod» («нуждающийся, бедствующий» и «прихворнувший, больной»).

Следует отметить, что создаваемая картина экономического положения в целом и отдельно взятой экономической ситуации в частности во многом антропоцентрична: человек склонен метафорически создавать картину мира как некое подобие себя, своего тела, составляющих его членов, органов, потребностей и состояний. Неудивительно, что метафорические модели, использующиеся для концептуализации кризисных состояний экономики, чаще всего относятся к сферам-источникам «Болезнь» и «Врачевание». При этом следует подчеркнуть, что негативные тенденции, как и в вышеприведенном примере, относятся к сфере «Болезнь», а положительное развитие характеризуется выбором метафор из сферы-источника «Врачевание». Например, критическая экономическое положение в некоторых странах Евросоюза и связанные с этим антикризисные

действия по оказанию финансовой поддержки Европейской комиссией, Европейским Центральным Банком и Международным Валютным Фондом часто описываются в немецких масс-медиа с помощью слова «schmerzhaft (болезненный, мучительный)»

Selbst führende Länder Europas waren schon weit vor den Zeiten der Euro-Krise auf Hilfskredite des IWF angewiesen. Für die Länder war der Gang zum Wahrungsfonds sicher schmerzhaft — aber letztlich erfolgreich (Задолго до кризиса даже ведущие страны Европы были поставлены в известность о порядке предоставления финансовой помощи со стороны Международного Валютного Фонда. Обращение к помощи МВФ по поводу кредитов было для них однозначно болезненным, однако, в конце концов, оказалось полезным).

В приведенном примере весьма ярко проявляется когнитивная функция морбиальной метафоры «болезненный». Обращение к чувственному опыту любого человека, в течение жизни так или иначе сталкивавшегося с определенными врачебными манипуляциями, неприятными, болезненными, но необходимыми и направленными на выздоровление, очевидно вызывает в сознании адресата понимание действий МВФ через более простые, обусловленные собственным жизненным опытом события и знания. Кроме того, здесь метафора «schmerzhaft» выполняет не только когнитивную функцию, нацеленную на обработку и переработку информации, но воздействует на адресата, то есть имеет когнитивно-прагматический характер. В приведенном отрывке ясно ощущается подтекст, характеризующий отношение к финансовой помощи: болезненная, но необходимая, ведущая к выздоровлению, то есть — полезная.

Еще более очевидно проявляется когнитивно-прагматический аспект в морбиальной метафоре «die Sanierung (санация)» фрейма «Способы лечения, медицинские операции и профилактические мероприятия»:

Die Regierung musste den IWF um Hilfe bitten, der mit 3,9 Milliarden Dollar die bis dahin größte Kreditlinie seiner Geschichte gewährte und dem Land radikale Sparmaßnahmen diktierte. Lange vor Margaret Thatcher legte dies den Grundstein für die Sanierung der britischen Wirtschaft. (Правительству пришлось обратиться за помощью к МВФ, который предоставил Великобритании крупнейшую на тот момент за всю свою историю кредитную линию объемом в 3,9 миллиарда долларов, но потребовал от страны жесточайших мер по осуществлению режима экономии. Это создало основы для оздоровления (санации) британской экономики задолго до появления у власти М. Тэтчер).

С помощью метафор передается информация о реальных событиях экономической жизни, формируется отношение к происходящему, дается оценка происходящему за счет выбранного автором источника метафор и окружающего контекста.

Яркий пример участия метафор в процессе понимания концепта текстов экономического дискурса, в обеспечении связности и, в конечном итоге, — реализации замысла автора демонстрируют и в том числе заголовки статей, концентрирующие внимание читателя на идеи текста. Finanzloch im EU-Haushalt: elf Milliarden € (Финансовая дыра в бюджете ЕС: 11 миллиардов евро); Kampf mit dem Währungskrieg (Борьба с валютной войной).

Следует отметить, что метафора в заголовке текста, отражает часто основную идею текста, экономическую реалию и может быть охарактеризована как связывающая и порождающая смыслы и понятия, она является ключом к раскрытию основной проблемы текста и, не в последнюю очередь, всего его содержания. Таким образом, присутствуя в экономическом тексте, метафора обеспечивает его адекватное понимание в целом.

Приведенные примеры позволяют оценить преимущества когнитивного подхода к исследованию метафоры как процесса, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания.

Метафоры являются непосредственным инструментом, соотносящим эти сложные, ненаблюдаемые мыслительные пространства с более простыми, либо же с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами. В рамках этого процесса возникают новые понятия и формируется получение нового знания.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 438 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метфоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. Петров В. В. Метафора от семантический представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания, №6. М.: Наука, 1990. 158 с.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой В. Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Сведения об авторе: Наталья Валерьевна Бадаева, преподаватель МГИМО(У) МИД России, e-mail: natalia_badaeva@mail.ru

COGNITIVE FUNCTION OF CONCEPTUAL METAPHOR IN ECONOMIC MASS MEDIA DISCOURSE OF GERMAN MASS MEDIA COMMUNICATION

Natalia V. Badaeva

Lecturer, MGIMO University, e-mail: natalia_badaeva@mail.ru

Abstract
The article tackles the cognitive and cognitive-pragmatical functions of the German mass media economic discourse. The article emphasizes the importance of anthropocentric metaphoric models in the German mass media economic discourse. Some metaphorical source-spheres are also stressed.

Key words: cognitive linguistics, conceptual metaphor, cognitive function, cognitive-pragmatical function, economic discourse, German mass media, generation of new knowledge

References:

1. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankraz Y. G., Luzin L. G. (1996) Short Dictionary Of Cognitive Terms. Moscow. 438.
2. Ortega Y Gasset J. (1990) The Two Great Metaphors. *Theory Of Metaphor*. Moscow, 512.
3. Petrov V. V. (1990) Metaphor From Semantic Representation To Cognitive Analysis. *Voprosy Iazykoznaniia* (6), 158.
4. Chudinov A. P. (2003) Metaphorical Mosaic In Present Political Communication. Ekaterinburg, 248.
5. Linguistic Thesaurus. (1990) Moscow, 685.

Объективация концептосферы социальных отношений в англоязычном информационном дискурсе

Н. Н. Цыцаркина
Курганский государственный университет

Аннотация
Статья посвящена репрезентируемым глаголами фреймам «conflicting relations», «cooperative relations» и «power relations», упорядоченная совокупность которых образует концептосферу социальных отношений. Фрейм рассматривается как сложный концепт, модель стереотипной ситуации. Как показал анализ, фреймы социальных отношений объективируются не только на уровне предложения, но и на уровне текста и могут служить основой его семантической базы. Главным отличием фреймов, вербализируемых в предложении, от фреймов, объективируемых в тексте, является наличие сценария, который входит в состав фрейма как один из его терминальных компонентов. Основное внимание в статье уделяется иерархической организации данных фреймов, а также особенностям их вертикального

развертывания в текстах англоязычного информационного дискурса. Фреймы социальных отношений являются базовыми для данного типа дискурса, отражающего социальную и политическую жизнь общества.

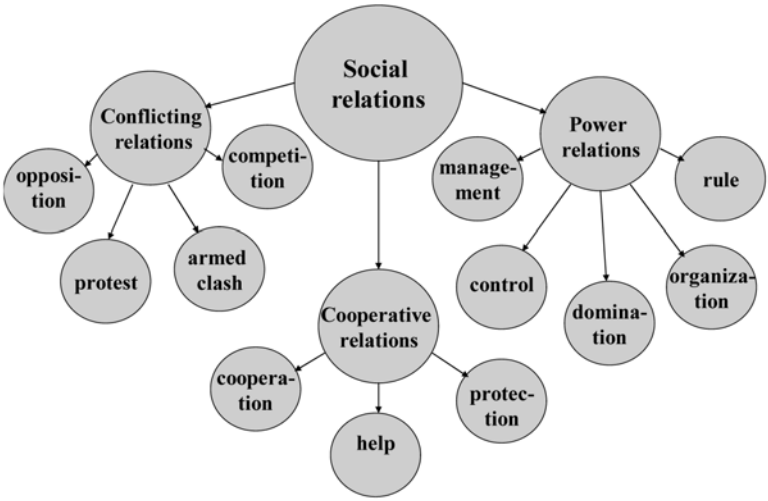
Ключевые слова: социальные отношения, концептосфера, фрейм, субфрейм, сценарий

В данной статье мы рассмотрим, как в сознании человека и его языке отражаются социальные отношения, под которыми мы понимаем многообразные институцианализированные способы взаимодействия больших социальных групп (классов, наций, государств и т.п.).

Мы считаем, что социальные отношения, представления о которых, типизируясь, превращаются в представления о стереотипных конфликтных, кооперативных ситуациях или ситуациях властного взаимодействия, моделируются в памяти как пропозициональные фреймы «conflicting relations», «cooperative relations» и «power relations». Данные фреймы являются вариантами общего фрейма «social relations», который можно назвать гиперфреймом.

Анализ показал, что каждый из фреймов социальных отношений объединяет ряд субфреймов и профилируется как один из них. Упорядоченная совокупность данных фреймов и составляющих их субфреймов образует концептосферу социальных отношений.

Концептосфера социальных отношений



Выявлено, что каждый субфрейм объективируется своей группой глаголов. Например, субфреймы фрейма «conflicting relations» репрезентируются следующими глаголами и глагольно-именными словосочетаниями: субфрейм «protest» объективируется глаголами и глагольно-именными словосочетаниями protest, strike, demonstrate, picket, march, hold a vigil, hold a picket. Субфрейм «armed clash» вербализуют глаголы и глагольно-именные словосочетания fight, combat, war, fight a war, wage war, wage warfare, rebel, rise up, riot, revolt, субфрейм «competition» — глаголы compete, campaign, contend, contest, fight, oppose и т.д.

Выделенные нами глаголы и глагольно-именные словосочетания с семантикой социальных отношений обозначают многообразные виды человеческой деятельности в ее общественном проявлении. Они не описывают фрагменты действительности, а обобщают ряд разнородных элементарных действий, которые объединены общей целью и воспринимаются как одно гиперсобытие.

Фреймы социальных отношений состоят из вершинных и терминальных компонентов. Как показало исследование, в состав вершинных компонентов входят ПРЕДИКАТ, СУБЪЕКТ и ОБЪЕКТ, в ряде случаев — каузируемое действие (включенный ПРЕДИКАТ, выражающийся существительным пропозитивной семантики*): On 15 February 2003 up to 30 million people* (СУБЪЕКТ) ***marched*** (ПРЕДИКАТ) *in protest against the planned invasion* (включенный ПРЕДИКАТ) *of Iraq* [The Guardian. February 15, 2013] (**субфрейм «protest»**). К терминальным компонентам фреймов социальных отношений относятся ВРЕМЯ, МЕСТО, ЦЕЛЬ, СПЕЦИФИКАЦИЯ и СПОСОБ совершения действия: *We have **fought** long* (ВРЕМЯ) *and hard* (СПОСОБ совершения действия) *for a certain amount of privacy in society* (ЦЕЛЬ)*, especially within the home, but this has not been without cost, and now we search for ways of re-establishing the collective level, as it is a part of women's nature to do* [The British National Corpus, CCN: 694] (**субфрейм «opposition»**).

В ходе исследования было установлено, что фреймы социальных отношений являются основой когнитивных моделей содержания англоязычного информационного политического дискурса, который объединяет тексты информационных сообщений, репортажей, аналитических статей, комментариев. Глаголы и глагольно-именные словосочетания, вербализующие эти фреймы, выражают предикат макропропозиции текста.

Макропропозиция (статическая модель фрейма социальных отношений, объективируемого в тексте) включает все компоненты стереотипной социальной ситуации: макропредикат и его макроаргументы. Макропредикат представляет тип конфликтного, кооперативного или властного социального взаимодействия, отражаемого в дискурсе. В состав макроаргументов входят включенный предикат, агенс, контрагенс (пациенс или бенефициант), темпоратив, локатив, цель и спецификация действия, обобщаемого макропредикатом.

В отличие от фреймов, вербализируемых глаголами в предложении, фреймы, объективируемые в тексте, включают также сценарий, который входит в состав фрейма как один из его терминальных компонентов. Сценарий состоит из отдельных сцен и является динамической детализацией статической макропропозиции.

Так, сценарий фрейма «conflicting relations» состоит из шести пропозициональных сцен: 1) предпосылки конфликта: а) действия первого участника в ущерб второму участнику конфликта; б) осознание вторым участником конфликта нарушения своих прав и планирование им ответных действий; 2) завязка конфликта; 3) эскалация конфликта (противоборство); 4) кульминация конфликта; 5) завершение конфликта; 6) последствия конфликта.

В развернутых информационных сообщениях, а также в комментариях и аналитических статьях, содержащих новостные микротексты, вербализуются как статическая, так и динамическая характеристики фреймов — макропропозиция и сценарий. При этом любая сцена может получить линейную развертку, т.е. объективироваться в тексте и стать его темой. Остальной фрейм останется за рамками текста, но читатель, хорошо знакомый со спецификой социальных отношений, легко восполнит недостающее.

Рассмотрим в качестве примера аналитическую статью, содержащую микротексты, в которых объективируется фрейм «conflicting relations», профилированный субфреймом «protest»:

PROTESTERS CLASH WITH PAKISTAN TROOPS
AFTER COURT BARS NAWAZ SHARIF

Paramilitary troops were called out to keep order in Pakistan yesterday after thousands of people ***took to the streets*** *to* ***protest*** *at the imposition of direct central control over the key province of Punjab.*

Protesters ***clashed*** *with police in Islamabad,* ***setting fire*** *to several vehicles and* ***burning*** *pictures of President Zardari, while antigovernment demonstrations spread to large parts of the state. <…>*

The street ***protests*** *followed a ruling by Pakistan's Supreme Court on Wednesday that barred Nawaz Sharif, the main opposition leader, from elected office by citing a previous criminal conviction. <…>*

Thousands of demonstrators ***flooded*** *the streets outside the provincial assembly in Lahore,* ***burning*** *tyres and* ***chanting*** *anti-government slogans.*

Protesters also ***gathered*** *in Rawalpindi, outside Islamabad,* ***setting up barricades*** *of burning tyres. They* ***smashed*** *store fronts and banks on a main shopping street. A mob* ***set fire*** *to several vehicles on the highway linking Islamabad to the Punjab. <…>* [Times online. February 27, 2009].

Эта информационная часть статьи дает, как и положено информационному материалу, объективное описание событий.

Субфрейм «protest» вербализуется глаголом protest в первом предложении: …thousands of people (агенс) **took to the streets** (спецификация

действия) to **protest** (предикат) at the imposition (включенный предикат) of direct central control over the key province of Punjab. Данный фрейм моделирует конкретную конфликтную политическую ситуацию, возникшую в Пакистане, и объективируется на уровне текста.

Сценарий фрейма включает следующие сцены, которые мы расположили в хронологическом порядке:

1. **Предпосылки конфликта**: Pakistan Supreme Court on Wednesday barred Nawaz Sharif, the main opposition leader, from elected office by citing a previous criminal conviction.
2. **Завязка конфликта** — три инцидента, происходящие одновременно в разных городах Пакистана:
   - **а) первый инцидент**: Protesters (агенс) **clashed** (предикат) with police in Islamabad, **setting fire** (спецификация действия) to several vehicles and **burning** (спецификация действия) pictures of President Zardari, while antigovernment demonstrations spread to large parts of the state;
   - **б) второй инцидент**: Thousands of demonstrators (агенс) **flooded** (предикат) the streets outside the provincial assembly in Lahore, **burning** (спецификация действия) tyres and **chanting** (спецификация действия) anti-government slogans;
   - **с) третий инцидент:** Protesters (агенс) also **gathered** (предикат) in Rawalpindi, outside Islamabad, **setting up barricades** (спецификация действия) of burning tyres. They **smashed** (спецификация действия) store fronts and banks on a main shopping street. A mob (агенс) **set fire** (спецификация действия) to several vehicles on the highway linking Islamabad to the Punjab.
3. **Кульминация конфликта**: Paramilitary troops were called out to keep order in Pakistan yesterday.

Однако линейная развертка сценария фрейма статьи не совпадает с хронологическим ходом событий и выглядит следующим образом: 1. Кульминация конфликта. 2. Завязка конфликта: а) первый инцидент (в Исламабаде). 3. Предпосылки конфликта. 4. Завязка конфликта: б) второй инцидент (в Лахоре); с) третий инцидент (в Равалпинди).

Как известно, меняя при описании какого-либо события последовательность эпизодов, автор может незаметно для читателя подвести его к нужному выводу. Так, сцена **«кульминация конфликта»**, вербализованная в первом предложении, передает основную информацию данного текста, и таким образом становится темой статьи. Внимание читателя обращается на то, что конфликт между легитимным правительством Пакистана и его оппозицией во главе с Навазом Шарифом привел к стихийным протестам такого накала, что для усмирения демонстрантов властям понадобилась помощь военизированных отрядов полиции.

Сцена **«завязка конфликта»** включает описание трех инцидентов, в которых субфрейм «protest» вербализуется глагольно-именными

словосочетаниями take to the streets, flood (the streets) и глаголом gather. В данном контексте они синонимичны и означают 'выйти на (стихийную) демонстрацию'. При описании первого инцидента предикат take to the streets не выражен на поверхностном уровне, но подразумевается предикатом clash, который передает последствия действий демонстрантов.

Нужно отметить, что в данной сцене осуществляется связь фрейма конфликтных социальных отношений с фреймом конфликтных социальных действий. Иными словами, концептосфера социальных отношений тесно связана с концептосферой социальных действий. Детализация ситуации достигается за счет спецификации предиката take to the streets и его синонимов. Take to the streets в первом инциденте объединяет такие действия, как set fire (to vehicles), burn (pictures of President). Во втором инциденте flood the streets подразумевает burn (tyres), chant (anti-government slogans). В третьем инциденте gather конкретизируется такими предикатами, как burn (tyres), set up (barricades), smash (store fronts and banks), set fire (to vehicles). Стихийный протест выливается в хулиганские действия толпы.

Знание компонентов фрейма и их языковых соответствий необходимо при переводе, для того чтобы тональность переводимого совпадала с оригиналом. Не менее важным является понимание того, как происходит в тексте объективация этапов фреймового сценария.

Сведения об авторе: Наталья Николаевна Цыцаркина, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии, Курганский государственный университет, e-mail: nnts98@yandex.ru

ACTULALIZATION OF THE CONCEPTUAL SPHERE 'SOCIAL RELATIONS' IN AMERICAN AND BRITISH NEWSPAPERS

Dr. Natalya N. Tsytsarkina
Associate Professor, Kurgan State University, e-mail: nnts98@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the propositional frames that constitute a conceptual sphere and are objectified by verbs denoting social relations. The frame is regarded as a complex concept, a cognitive model of a stereotypical situation. The results have shown that frames of social relations are actualized both at the sentential level and at the textual level. The frame verbalized in the text includes a scenario as its terminal component. The main attention is focused on the structural and dynamic characteristics of the frames of social relations and peculiarities of their actualization in political discourse of the British and American press.

Key words: social relations, conceptual sphere, frame, subframe, scenario

Повторы как экспоненты эмоционального компонента воздействия

О. В. Юдаева
Военный университет Министерства обороны РФ

Аннотация
Изучение языковых механизмов воздействия на человека — одно из наиболее актуальных направлений современных исследований. В статье рассматривается роль различных видов повторов (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических) в реализации воздействующей функции. Анализ проводится на материале наиболее актуальных для воздействия сфер — политическая и рекламная коммуникация, ораторское искусство, психотерапия, словесное художественное творчество.

Ключевые слова: повтор (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический), воздействующая функция, политическая коммуникация, рекламная коммуникация, психотерапия, словесное художественное творчество

Функция слов — именно в том, чтобы быть высказанными и, попав и внедрившись другому в душу, произвести там свое действие.
П. Флоренский

Мысль о существовании языковых механизмов воздействия на человека имеет довольно долгую историю. В древние времена сила воздействия слова не вызывала сомнения: было огромное количество молитв, заклинаний, заговоров, проклятий. В наши дни существование многочисленных социальных образований, общественных движений, партий, течений, применяющих во взаимодействии с людьми различные манипулятивные средства, начиная от гипноза и заканчивая общеизвестными PR-технологиями, сделало изучение языковых механизмов воздействия на человека одним из наиболее актуальных направлений современных исследований.

Речевое воздействие определяется как влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения. Оно преследует изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов. Речевое воздействие проявляется в наличии соответствующих речевых актов, например,

акта убеждения и акта внушения. Но само по себе наличие этих видов речевых актов еще не обеспечивает убедительности и суггестивности текста; важную роль играют лингвистические и логико-риторические средства, способствующие достижению убеждающего или внушающего эффекта. Одним из таких средств является повтор.

Рассмотрим роль повтора в реализации воздействующей функции в разных типах дискурсов.

Существуют некоторые сферы жизни, в которых речевое воздействие, а часто и речевое манипулирование используются особенно часто и играют очень важную роль.

Во-первых, это политическая и рекламная коммуникация. Данные виды очень близки, а в некоторых своих формах (например, политическая реклама) почти совпадают.

Повторяемость — один из основных принципов подачи языкового материала в рекламе. С помощью повторов разного типа (фонетических, морфологических, синтаксических) достигается особенное построение рекламных сообщений.

*«Левша» — это **самые** низкие цены, **самый** качественный сервис, **самый** большой выбор стройматериалов*;

*Vichy. **Здоровье** для кожи. **Здоровье** для жизни; «Фалиминт». **Поможет** горлу, **поможет** вам.*

На использовании интертекстуальных связей построен такой прием, как аппликация — употребление известных выражений (фразеологизмов, пословиц, поговорок, речевых штампов, крылатых выражений), который активно представлен в рекламном дискурсе:

В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и одежда, и мысли в голове, на которой — эксклюзивная шляпа из салона «Леди»;

Иногда в рекламном сообщении сочетается несколько типов повтора: например, в рекламах квартир в Ближнем Переделкине приводится цитата из К. Чуковского: «*Бараны, бараны стучат в барабаны*». Здесь мы можем видеть повторы интертекстуальный, лексический, фонетический. Совокупность разных типов повтора реализует воздействующую функцию.

Таким образом, можно констатировать, что в рекламном дискурсе возникают тексты, рассчитанные на целенаправленное и полное использование глубинных уровней языка и сознания. Наименование предмета рекламы, его марка, ключевые слова повторяются в рекламном тексте для лучшей запоминаемости товара и организации ритма. Разные виды повтора придают идее завершенность, цикличность и выразительность.

Повтор играет немаловажную роль в реализации одной из основных функций политического дискурса — функции убеждения, воздействия. Значимость повтора в данном случае связана с эффектом усиления, выделения и актуализации, возникающим при повторе

любых языковых единиц. Повторы в политическом дискурсе, равно как и в рекламном, имеют разные воплощения. Во-первых, они реализуется в тавтологических повторах, возникающих при неоднократном употреблении одних и тех же языковых единиц — морфем, слов, словосочетаний или предложений. Это повторы по форме: *Мы бесповоротно начали* ***перестройку*** *и сделали на этом пути первые шаги. […]*

Вместе с тем мы видим, что изменения к лучшему происходят медленно, дело ***перестройки*** *оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более* ***глубокими****, чем это представлялось нам раньше. Чем больше мы* ***углубляемся*** *в работу по* ***перестройке****, тем яснее становится ее масштабность и значение, выявляются все новые нерешенные проблемы, оставшиеся в наследие от прошлого. (*Из доклада М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года)

Небольшой фрагмент речи М. С. Горбачева изобилует повторами: трижды используется ключевое в тексте доклада слово «перестройка», имеется словообразовательный повтор — «***глуб****окие — у****глуб****ляемся*», синтаксический параллелизм — «*дело* ***перестройки*** *оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более* ***глубокими».*** С помощью этих повторов, во-первых, происходит акцентуализация определенных смыслов, и, во-вторых, гармонизация высказывания.

Идея речи предопределяет зачастую и форму изложения. Так, например, Н. С. Хрущев в своей речи на XX съезде партии, развенчивая величие и культ личности Сталина, употребляет словообразовательный (приставочный) повтор «сверх».

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то ***сверх****человека, обладающего* ***сверх****ъестественными качествами, наподобие бога.* (Речь Хрущева на XX съезде партии)

Приведенные примеры из речей политиков показывают, что условия, в которых протекает общение оратора с аудиторией, вызывают к жизни систему стилистических приемов, типичную для ораторской речи. Прежде всего оратор-политик вынужден прибегать к целому ряду приемов, рассчитанных на возбуждение внимания к содержанию своей речи. Поэтому форма изложения приобретает особо важное значение в этой разновидности публицистического стиля. Учитывая, что аудитория полагается только на свою память, оратор вынужден повторять отдельные части высказывания. Он делает это также и для того, чтобы лучше донести свою мысль до слушателей, убедить их, заставить их принять его точку зрения. Поэтому все виды повторов широко используются в политической коммуникации.

Повтор — одна из самых распространенных риторических фигур, используемых в судебном красноречии. Судебные речи, как обвинительные, так и защитительные, характеризуются единой целевой направленностью и однотипностью своих логических моделей. Судебные речи активизируют мыслительную деятельность судей, направленную на анализ и синтез всех воспринятых в ходе судебного следствия фактов, помогают судьям выявить спорные противоречивые факты; определяют круг вопросов, которые необходимо будет разрешить в совещательной комнате. Повтор в речах судебных ораторов выполняет выделительную функцию: он помогает привлечь внимание адресата к важным моментам речи, подчеркнуть значимость какого-либо факта или аргумента, уточнить мысль. Но наряду с этим повтор — прием, создающий определенный ритм речи, обогащающий её интонационный колорит. Ритмизация речи, интонационное выделение фрагментов текста в немалой степени способствуют привлечению внимания адресата к определенной мысли оратора.

Повторы также широко используются в речи преподавателя и выполняют различные функции, главная из которых все же воздействующая. Во-первых, повторы служат для акцентуализации наиболее важной информации: это может быть определение какого-либо понятия (буквальный повтор) или комментирование классификации (вариативный повтор). Слушающий быстрее и лучше усваивает содержание повторов, поскольку они семантически менее нагружены. Таким образом, повтор в речи преподавателя помогает более легкому и быстрому восприятию и осмыслению информации обучаемыми.

Во-вторых, повторы служат материалом для производства и поддержания беседы, они выполняют функцию «обратной связи»: повтор инициирующих слов преподавателя помогает обучаемому создать полный речевой ответ.

В-третьих, повтор преподавателем слов ученика может иметь целью «закрепление» и речевую поддержку правильного ответа. Как правило, наряду с лингвистическими средствами (повторы на разных языковых уровнях) используются невербальные (кивки, улыбка) и паравербальные средства (одобрительная интонация, тон).

В-четвертых, преподаватель прибегает к повтору, чтобы избежать молчания ученика. В этом случае также большую роль играет интонационный рисунок речи: преподаватель повторяет последнее слово, произнесенное обучаемым, с восходящей интонацией, затем делает паузу, тем самым воздействуя на ученика, стимулируя его к высказыванию. В последних трех случаях лингвопсихологическая функция повтора проявляется в том, что он демонстрирует участие обучаемого в речевом общении с преподавателем, является ответным речевым актом — «прием» на стимулирующий речевой акт — «подсказка» учителя. За счет этого педагогический дискурс становится гармонизирующим.

Еще одна сфера применения повторов с целью воздействия — психотерапия. С древнейших времен люди, не имея лекарств, не владея методиками операционных вмешательств, пытались облегчить человеческие страдания словом. На Руси был даже специальный термин тогда еще ненаучной психотерапии — «душесловие». В различных вариантах йоги используется повторение особых звукокомплексов — «мантр» и священных слово-слогов «аум» с целью получения эффекта сосредоточения (медитации), самовнушения и внушения.

Большую роль в формировании психотерапевтического эффекта играют звуковые повторы, создающие определенную звукопись, настроение или определенное сложное смысловое единство. Звуковая организация формулы внушения особенно значима при формировании гипнотического феномена. Фонетические повторы (повторение звуков в тексте, ритм, рифма) широко представлены в текстах знахарских заговоров и заклинаний, герменевтических текстах средневековых алхимиков и средствах медицинской музыкальной медитации. Например, заговор от тоски изобилует фонетическими повторами:

…Вода-водица, река-царица, зоря-зорина! Соймите тоску-кручину и унесите тоску-кручину за синее море в морскую пучину, где люди не ходят и на конях не ездят. Как в морской пучине сер камень не встает, так бы у раба божия (имрека) тоска-кручина к ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась…

Религиозный дискурс — еще одна область, в которой наблюдается обилие разных видов повторов. Одним из них является так называемый семантический повтор, подразумевающий под собой повтор слов, имеющих одинаковые семы. Повтор строится за счет нанизывания синонимов, обозначающих какое-либо лицо, предмет, понятие:

Верую во единого Бога отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, иже от отца рожденного прежде всех век…

Царице мая преблагая, надеждо моя Богородице, приятельнице сирых и странных предстательнице, скорбящих радосте, обидимых покровительнице!…

Отдельные молитвы пронизаны однокоренными словами: ***Свет****оподательна* ***свет****ильника сущим во* ***тьм****е не****разум****ия, прежде гоняй Тя Павел, бого****разум****ного гласа силу внуши и душевную быстроту уясни; сице и мене* ***темн****ые зеницы душевныя про****свет****и.*

Таким образом, в православных молитвенных текстах содержится большое количество разнообразных повторов, которые придают определенную стройность и цельность текстам, акцентируют внимание на наиболее важных моментах текста, вводят определенную сакральную символику, служат одним из средств поэтизации текста.

Проанализировав разные типы дискурсов, мы пришли к выводу, что повтор — универсальное средство создания воздействующего

эффекта: они используются в разных типах дискурса для убеждения слушателей, для воздействия на их умы и чувства, для формирования адекватного восприятия информации, для концентрации внимания.

Сведения об авторе: Олеся Владимировна Юдаева, кандидат филологических наук, доцент, Военный университет Министерства обороны РФ, e-mail: olesyayudaeva@yandex.ru

REITERATIONS AS EXPONENTS OF EMOTIONAL COMPONENT OF INFLUENCE

Dr. Olesya V. Yudaeva

Associate Professor, Military University, e-mail: olesyayudaeva@yandex.ru

Abstract

Studies into linguistic mechanisms of influencing a person are among the latest line of present-day research. The article is dedicated to considering the part being played by phonetic, lexical, morphologic and syntactic reiterations in the course of implementation of the influencing function. The analysis is based on the material gathered in the spheres most relevant to influence, e.g. political and advertising communication, elocution, psychotherapy and verbal arts.

Key words: reiteration (phonetic, lexical, morphological, syntactic), influencing function, political communication, advertising communication, psychotherapy, verbal arts

Дискурсивные маркеры как средства связности в англоязычном тексте

О. Н. Губарева

Научный центр экспертизы средств медицинского применения

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются функции дискурсивных маркеров (ДМ) в англоязычном тексте. ДМ представляют собой слова и словосочетания, которые служат для упорядочивания текстовой информации и помогают читателю или слушателю ориентироваться в пространстве текста, активизируя анафорические и катафорические связи. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что ДМ

являются носителями, как минимум, двух значений: грамматического и прагматического, представляя собой не только средство обеспечения связности текста, но и помогая читателю выводить правильные умозаключения из доступной в словах информации. До сих пор не существует единого подхода к описанию функций и основных групп ДМ, но большинство исследователей в последнее время выделяют отдельные группы текстуальных и межличностных маркеров. В настоящей статье на основании анализа подходов к описанию сущности и функций ДМ, используемых в англоязычных текстах, а также на основе сравнения имеющихся типологий ДМ формулируется представление о роли ДМ в качестве «метаорганизаторов» текста и предлагаются перспективы дальнейшего изучения данного вопроса.

Ключевые слова: текст, дискурсивные маркеры, связность, типология, функции

Среди вопросов, связанных с особенностями построения и структурирования текста, одним из основных можно считать вопрос о его целостности и связности. Целостность текста проявляется через его содержательную и коммуникативную организацию, а связность — через форму и структурную организацию. В настоящей статье речь пойдет о механизмах формирования общей структуры текста. В связи с этим мы обращаемся к анализу соединительных элементов, или, другими словами, дискурсивных маркеров.

Дискурсивные маркеры (ДМ) — это метатекстовые элементы, которые «являются средством связности текста, служат для переключения внимания получателя на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста» [Борисова, 2009, с. 20–21]. Дискурсивные маркеры называются также словами-организаторами [Голубева, 1985] или опорными словами [Севбо, 1989], поскольку их основной функцией является структурно-смысловая организация текста — оформление и упорядочение рассуждений, связывание отдельных текстовых фрагментов.

В западной лингвистике дискурсивные маркеры стали объектом пристального внимания с середины 70-х годов. Лингвистика текста в то время начала активно заимствовать новые теории из области прагматики, а это значит, что лингвисты вышли за рамки предложения и перешли к более широкому формату — тексту [Блумфилд, 2002; Chomsky, 1970]. Дискурсивные маркеры стали рассматриваться как носители двух значений: грамматического и прагматического [Newmeyer, 1980].

Еще в начале XX века Чарльз Моррис [Morris, 1938] положил в основу своей теории знаков три измерения: синтаксис, семантику и прагматику. Затем прагматика начинает строить свои теории, постулируя

неравенство между идеями высказанными и идеями воспринятыми. До этого коммуникация сводилась к кодированию и декодированию смыслов в предложении [Saussure, 1998; Jacobson, 1960]. Затем П. Грайс [Grice, 1989; 1975] исходя из предположения о том, что высказывание может сообщить больше того, что заключено в словах, ввел в научный обиход понятие импликатуры. По его мнению, вербальная коммуникация состоит из двух составляющих: то, что закодировано в словах, и то, что выводится на основе умозаключений, ментальных процессов, обеспечивающих возможность понимания. Получается, что простого декодирования смыслов недостаточно для осуществления вербальной коммуникации, которая строится в своей основе на умозаключениях. Дискурсивные маркеры представляют собой не только средство обеспечения связности текста, но и помогают читателю выводить правильные умозаключения из доступной в словах информации.

Как и среди отечественных лингвистов, в западном научном мире не существует единого мнения по поводу определения и классификации дискурсивных маркеров. В работах западных лингвистов мы находим такие наименования дискурсивных маркеров как: «ключевые фразы» [Knott, Dale 1994], «дискурсивные соединительные слова» («коннективы») [Redeker, 1990], «дискурсивные сигнальные средства» [Polanyi, 1983], «прагматические соединительные слова» («коннективы») [Дейк, 1989; Stubbs, 1983], «прагматические маркеры» [Schiffrin, 1987; Fraser, 1999] и т.д.

Б. Фрейзер [Fraser, 1999], подходит к вопросу о дискурсивных маркерах с грамматико-прагматических позиций. Он считает, что ДМ это лексическое выражение 1) которое имеет ядерное значение, наделенное способностью обогащаться за счет контекста, 2) которое указывает на задуманную автором связь между высказыванием, вводимым ДМ, и каким-либо другим высказыванием. Д. Блейкмор [Blakemore, 1992; 1996] подходит к ДМ с точки зрения теории относительности основы. Она рассматривает ДМ как варианты грайсовских конвенциональных импликатур. Согласно Д. Блейкмор, ДМ обладают не репрезентативным, а процессуальным значением. Она считает, что они должны рассматриваться как лингвистически заданные ограничения контекста. Д. Блейкмор описывает четыре способа представления информации:

1. отклонение от значения, предложенного контекстом (*therefore, too, also*),
2. упрочение содержащейся в высказывании информации путем предоставления дополнительных доказательств (*after all, moreover, furthermore*),
3. опровержение информации (*however, still, nevertheless, but*),
4. уточнение роли высказывания в дискурсе (*anyway, incidentally, by the way, finally*).

Это направление в исследовании ДМ также разрабатывается такими лингвистами как Дж. Хоббс [Hobbs, 1985], У. Мэнн и С. Томпсон [Mann, Thompson,1988], Т. Сандерс [Sanders, 1992], А. Нотт и Р. Дэйл [Knott, Dale, 1994], И. Хоуви [Hovy, 1995], Р. Пауэр, Д. Скотт и К. Доран [Power, Scott, Doran, 1999] и др. Согласно этим авторам, дискурсивные отношения могут приобретать эксплицитность за счет использования ДМ, которые они называют ключевыми фразами.

Одной из наиболее часто цитируемых является классификация ДМ, принадлежащая К. Шодрон и Дж. Ричардс [Chaudron, Richards, 1986]. Они предлагают деление на микро-маркеры и макро-маркеры. Микро-маркеры указывают на связи между предложениями в устном тексте и выступают в качестве заполнителей пауз, давая слушателям дополнительное время, чтобы осмыслить сказанное. Макро-маркеры имеют дело с макроструктурой, они акцентируют важную информацию и маркируют порядок ее следования в тексте. К. Шодрон и Дж. Ричардс предлагают таксономию микро-маркеров, имеющую в основе пять семантических категорий.

Таблица 1
Классификация микро-маркеров
К. Шодрон и Дж. Ричардс.

Сегментация (segmentation)	Темпоральность (temporal)	Причина и следствие (causal)	Противопоставление (contrast)	Выделение (emphasis)
Well Ok Now And Right All right	At the time And After this For the moment Eventually	So Then Because	Both But Only On the other hand	Of course You can see You see Actually Obviously Unbelievably As you know In fact Naturally

При анализе макро-маркеров К. Шодрон и Дж. Ричардс не выделяли никаких семантических категорий и ограничились простым перечислением метавысказываний, встречающихся в текстах лекций, которые они исследовали.

Существует несколько способов классификации маркеров метадискурса, которые отсылают читателя к уровням смысла. Первая классификация, составленная В. Ванд Коппл в 1985 г., состояла из 7 маркеров, поделенных в свою очередь на текстуальные (textual) и межличностные (interpersonal).

Таблица 2
Макро-маркеры, проанализированные К. Шодрон и Дж. Ричардс в их исследовании

What I'm going to talk today is something	Another interesting development was
You probably know something about — already	You probably know that
What happened was	The surprising thing is
We will see that	As you may have heard
That is why	Now where are we
To begin with	This is how it came about
The problem was that	You can imagine what happened next
The next thing was	In this way
This meant that	This is not the end of the story
What we've come to by now was that	And that's all we'll talk about today

К текстуальным маркерам метадискурса были отнесены соединительные слова (text connectives), глоссы (glosses), маркеры аргументации (validity markers) и маркеры нарративности (narrators). К межличностным маркерам метадискурса В. Ванд Коппл отнесла маркеры локализации (illocution markers), маркеры авторского отношения (attitude markers) и комментарии (commentaries) [Vande Kopple, 2002].

В работе лингвиста И. Хулковой [Hulkova, 2005], посвященной исследованию функционирования соединительных элементов в английской научной прозе, предлагается следующая классификация ДМ, также имеющая в качестве основы семантический признак:

1. противопоставление/отклонение (*in contrast/ by contrast, on the contrary, conversely, on the one hand — on the other hand; however, nevertheless, though, yet,* и др.),
2. вывод/умозаключение (*as a result, thus, hence, therefore, consequently, following from this, it follows that,* и др.),
3. порядок/перечисление (*in the first place/ firstly, second/ secondly, to start with, to begin with; in addition/ to add/ additionally, further, moreover; to sum up/ in sum, to conclude/ in conclusion, in short, finally, eventually, briefly/ in brief* и т.д.),
4. уточнение/пояснение/примеры (*which is to say, in other words, to put it another way*, *for example, for instance, namely, as an illustration, …*),
5. переход (к новой информации) (*incidentally, by the way, …*).

В одной из последних работ по метадискурсу лингвист К. Хайланд предложил более совершенную классификацию элементов метадискурса, которая основана на функциональном подходе к изучению способов влияния автора на создаваемый им текст. Согласно его исследованию, существуют два основных вида метадискурса, основанные на

двух аспектах взаимодействия: авторское взаимодействие с текстом (interactive dimension) и авторское взаимодействие с читателем (пользователем) (interactional dimension).

Аспект взаимодействия автора с текстом затрагивает осведомленность автора в знаниях, интересах и ожиданиях возможной читательской аудитории. Основная задача автора в данном аспекте — создать текст, который будет соответствовать запросам определенной аудитории [Hyland, 2005, с. 32].

С. Благоевич, предложила свой собственный подход к описанию ДМ, с успехом примененный ею для анализа англоязычных научных статей. Также как и К. Хайланд, С. Благоевич выделяет текстуальный и межличностный метадискурс. К первому она относит:

1. соединительные слова, выражающие логические и темпоральные связи между частями текста (logical-temporal connectives), такие как *accordingly, thereafter* и т.д.,
2. указатели на порядок следования материала в тексте (sequencers), например, *first, second, third* и т.д.,
3. повторения/напоминания (reminders), например, *as stated earlier, as I have suggested above, as outlined above* и т.д.,
4. вступления (announcements), например, *I shall show below, in this chapter I will present* и т.д.,
5. переформулировки (reformulators), например, *in other words, more precisely* и т.д.,
6. обозначения авторских интенций (действий), а также указания на форму расположения материала в тексте (action markers and references to the text), например, *to explain… I shall outline, a key goal of this first section is to, I will here review* и т.д.

Межличностный метадискурс представлен четырьмя основными группами элементов:

1. так называемые «выражения авторской неуверенности» (hedges) к которым С. Благоевич относит: a) выражение неуверенности в определении информации (attribute hedges), например, *somehow, somewhat,* и др. b) выражение неуверенности в надежности информации (reliability hedges), например, *seems likely, might be looked upon*, и др. c) обозначения присутствия автора в тексте (author's presence), например *as I see it, my argument is*, и др.), указания на отсутствие авторской оценки (author's absence), например, *thus one might interpret, one implication has been tha*t и др.,
2. указания на выделение и важность информации (emphatics), например, *no doubt, certainly* и др.,
3. указания на авторское отношение к информации (attitude markers), например, *most strikingly, there are surprisingly…*, и др.,
4. комментарии (commentaries), например, *I leave it to the reader to decide…* и т.п. [Blagojevic, 2004].

Исследованием особенностей употребления английских ДМ занимались и отечественные лингвисты. Подробный анализ ДМ, в частности, был предложен М. В. Каменским [Каменский, 2007], который утверждает, что, поскольку дискурс по своей природе социален, существенное влияние на появление, развитие и использование в речи дискурсивных маркеров оказывают социальные факторы, такие как социально-профессиональная стратификация общества, возрастная дифференциация, сфера и ситуация речевого общения, социальное взаимодействие дискурсов и интержаргонизация.

Изложенное выше позволяет, в общих чертах, получить представление о разнообразии подходов к определению сущности и функций дискурсивных маркеров в английском языке. Несмотря на отсутствие единого мнения в отношении типологии и особенностей функционирования данных метадискурсивных элементов, совершенно очевидно, что ДМ играют немаловажную роль в организации как письменных так и устных сообщений на английском языке. Особенно актуально их использование в аргументативных типах текстов, где оно подчинено определенным исторически сложившимся правилам и традициям. Исследование закономерностей употребления ДМ в английской речи представляет большой интерес как для методики обучения английскому языку так и для теории и практики перевода, а также может содействовать в изучении национально специфичных моделей текстопостроения и как следствие особенностей мышления и отражения действительности на английском языке.

Список литературы:

1. Блумфилд, Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат; коммент. Е. С. Кубряковой; под ред. и с предисловием М. М. Гухман. 2-е изд., стер. М.: УРСС; Калуга: ГУП Облиздат, 2002. 606 с.
2. Борисова, И. А. Метаязыковая специфика дистантного опосредованного устно-речевого дискурса: дис. …канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2009. 186 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
4. Голубева, А. И. Скрепы как особый вид связочных средств и их функционирование в научном тексте // Научная литература. Язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985. С. 272–280.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / сост. В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
6. Каменский, М. В. К вопросу о социолингвистической парадигме дискурсных маркеров английского языка // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2007. №50. С. 171–172.
7. Севбо, И. П. Сквозной анализ как шаг к структурированию текста // НТИ. М., 1989. Сер. 2. №2. С. 2–9.
8. Blagojevic, S. Metadiscourse in Academic Prose: a Contrastive Study of Academic Articles Written in English by English and Norwegian Native Speakers // Studies

About Languages (Kalbų Studijos) / Central and Eastern European Online Library. 2004. Issue 5. P. 60–67. Режим доступа: http://ceeol.com/aspx/getdocument.aspx?logid=5&id…
9. Blakemore, D. Are apposition markers discourse markers? // Journal of Linguistics, 1996. №32. P. 325–347.
10. Blakemore, D. Understanding utterances: an introduction to pragmatics. Oxford: Blackwell, 1992. 208 p.
11. Chaudron, C. The effect of discourse markers on the comprehension of lectures / C. Chaudron, J. C. Richards // Applied Linguistics. — Oxford University Press, 1986. №7/2. P. 113–127.
12. Chomsky, N. Remarks on normalizations // R. Jakobs, P. Rosenbaum. (Eds.). Readings in English transformational grammar. — Waltham, MA: Blaisdell, 1970. P. 184–221.
13. Dijk, T. A. van. Semantic macro-structures and knowledge frames in discourse comprehension // P. Carpenter, M. Just. (Eds.). Cognitive processes in comprehension proceedings of the twelfth Carnegie-Mellon symposium on cognition. Hilldale, NY: Lawrence Erlbaum, 1977. P. 3–32.
14. Dijk, T. A. van. The study of discourse // Dijk, T. A. van. (Ed.). Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction London: Sage, 1997. Volume 1. P. 1–34.
15. Fraser, B. What are discourse markers // Journal of Pragmatics, 1999. №31. P. 931–952.
16. Grice, H. P. Studies in the way of words. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989. 394 p.
17. Grice H. P. The logic of conversation // P. Cole, J. L. Morgan. (Eds.). Syntax and semantics: Vol. 3: Speech acts. New York: Academic Press, 1975. P. 40–58.
18. Hobbs, J. R. On the coherence and structure of discourse // Technical report CSLI-85–37. Center for the Study of Language and Information, Stanford: Stanford University, 1985. Режим доступа: http://www.isi.edu/~hobbs/ocsd.pdf
19. Hovy, E. The multifunctionality of DMs // English for Specific Purposes, 1995. №13/3. P. 239–256.
20. Hůlková, I. Linking devices in English academic prose // Discourse and Interaction 1: Brno Seminar on Linguistic Studies in English / Masaryk University in Brno. Brno, 2005. P. 46–52. Режим доступа: http://ped.muni.cz/weng/co4et2/docs/irenka.pdf
21. Hyland, K. Metadiscourse. Cornwall: MPG Books Ltd, 2005. 230 p.
22. Jacobson, R. Linguistics and poetics // T. A. Sebeok. (Ed.). Style in language. New York: Wiley, 1960. P. 350–377.
23. Knott, A. Using linguistic phenomena to motivate a set of coherence relations / A. Knott, R. Dale // Discourse processes, 1994. №18/1 P. 35–62.
24. Mann, W. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text examination / W. Mann, S. Thompson // Text, 1988. №8. P. 243–281.
25. Morris, C. Foundations of the theory of signs. — Chicago: University of Chicago Press, 1938. 59 p.
26. Newmeyer, F. J. Linguistic theory in America: The first quarter-century of transformational generative grammar. Orlando: Academic Press, 1980. 280 p.

27. Polanyi, L. The syntax of discourse / L. Polanyi, R. Scha // Text, 1983. №3 P. 261–270.
28. Power, R. Generating Embedded Discourse Markers from Rhetorical Structure / R. Power, D. Scott, C. Doran // Proceedings from the European Workshop on Natural Language Generation EWNLG'99, Toulouse, 1999. P. 30–38. Режим доступа: http://www.informatics.sussex.ac.uk/users/drs22/publications/ewnlg-disc.pdf
29. Redeker, G. Review article: linguistic markers of discourse structure // Linguistics, 1991. №29/6. P. 1139–1172.
30. Redeker, G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure // Journal of pragmatics, 1990. №4/3 P. 367–381.
31. Sanders, T. Towards a taxonomy of coherence relations / T. Sanders, W. Spooren, L. Noordam // Discourse processes, 1992. №15. P. 1–35.
32. Saussure, F.de. Course in general linguistics / trans. and ed. by R. Harris. Reprint edition. Illinois: Open Court, 1998. 236 p.
33. Schiffrin, D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
34. Stubbs, M. Discourse analysis. Oxford: Basil Blackwell, 1983. 272 p.
35. Vande Kopple, W. Metadiscourse, discourse, and issues on composition and rhetoric // Discourse studies in composition. New York: Hampton Press, 2002. P. 91–113.

Сведения об авторе: Ольга Николаевна Губарева, кандидат филологических наук, заместитель начальника отдела международного сотрудничества, Научный центр экспертизы средств медицинского применения, e-mail: gubareva.on@yandex.ru

DISCOURSE MARKERS AS MEANS OF ACHIEVING COHERENCE IN ENGLISH TEXTS

Dr. Olga N. Gubareva
Deputy Head of the International Cooperation Department,
Scientific Centre for Expert Evaluation of Medicinal Products,
e-mail: gubareva.on@yandex.ru

Abstract

The article investigates functions of discourse markers (DMs) in English texts. DMs are special words and word combinations which are used to arrange information in a text and help the reader/listener find their bearings in the textual space which is achieved by activating anaphoric and cataphoric links in the text. Most linguists believe that DMs have at least two meanings: grammatical and pragmatic ones, and are used not only to ensure text cohesion but also to help the reader make correct inferences from the information contained in words. Linguists have not yet reached a consensus on the approach to describing functions and various groups of DMs, but most of them lately have drawn the line between textual and interpersonal markers. This article offers analysis of various views on DM

functioning and comparison of existing classifications of DMs, reveals their role as «metaorganisators» of English texts and suggests areas of further research of the topic in question.

Key words: text, discourse markers, linking devices, classification, functions

References:

1. Blagojevic, S. (2004) Metadiscourse in Academic Prose: a Contrastive Study of Academic Articles Written in English by English and Norwegian Native Speakers. *Studies About Languages (Kalbų Studijos)*, issue 5, 60–67.
2. Blakemore, D. (1996) Are apposition markers discourse markers? *Journal of Linguistics*, №32, 325–347.
3. Blakemore, D. (1992) *Understanding utterances: an introduction to pragmatics.* Oxford: Blackwell.
4. Bloomfield, L. (1933) *Language.* New York: Henry Holt.
5. Borisova, I. A. (2009) *Metalinguistic specificity of distant indirect oral verbal discourse.* Unpublished dissertation, Moscow State Linguistic University, Russia.
6. Chaudron, C., Richards, J. C. (1986) The effect of discourse markers on the comprehension of lectures. *Applied Linguistics,* №7/2, 113–127.
7. Chomsky, N., Jakobs, R., Rosenbaum, P. (Eds.). (1970) Remarks on normalizations. *Readings in English transformational grammar,* 184–221.
8. Dijk, T. A. van., Carpenter, P., Just, M. (Eds.). (1977) Semantic macro-structures and knowledge frames in discourse comprehension. *Cognitive processes in comprehension proceedings of the twelfth Carnegie-Mellon symposium on cognition,* 3–32.
9. Dijk, T. A. van. (1989) *Language. Cognition. Communication* [Collection of works]. Moscow: Progress.
10. Dijk, T. A. van. (1997) The study of discourse. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse as Structure and Process* (pp. 1–34). London: Sage Publications.
11. Fraser, B. (1999) What are discourse markers. *Journal of Pragmatics*, №31, 931–952.
12. Golubeva, A. I. (1985) Braces as a type of linking devices and their functioning in a scientific text. *Nauchnaia literatura. Iazyk, stil', zhanry,* 272–280.
13. Grice, H. P. (1989) *Studies in the way of words.* Cambridge, Mass: Harvard University Press.
14. Grice, H. P. (1975) The logic of conversation. In P. Cole, J. L. Morgan. (Eds.). *Syntax and semantics* (pp. 40–58). New York: Academic Press.
15. Hobbs, J. R. (1985) *On the coherence and structure of discourse.* Center for the Study of Language and Information, Stanford: Stanford University.
16. Hovy, E. (1995) The multifunctionality of DMs. *English for Specific Purposes*, №13/3, 239–256.
17. Hůlková, I. (2005) Linking devices in English academic prose. *Discourse and Interaction 1: Brno Seminar on Linguistic Studies in English,* 46–52.
18. Hyland, K. (2005) *Metadiscourse.* Cornwall: MPG Books Ltd.
19. Jacobson, R. (1960) Linguistics and poetics. In T. A. Sebeok. (Ed.). *Style in language* (pp.350–377). New York: Wiley.

20. Kamenskii, M. V. (2007) On sociolinguistic paradigm of English discourse markers. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, №50, 171–172.
21. Knott, A., Dale, R. (1994) Using linguistic phenomena to motivate a set of coherence relations. *Discourse processes*, №18/1, 35–62.
22. Mann, W., Thompson S. (1988) Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text examination. *Text*, №8, 243–281.
23. Morris, C. (1938) *Foundations of the theory of signs*. Chicago: University of Chicago Press.
24. Newmeyer, F. J. (1980) *Linguistic theory in America: The first quarter-century of transformational generative grammar.* Orlando: Academic Press.
25. Polanyi, L., Scha, R. (1983) The syntax of discourse. *Text*, №3, 261–270.
26. Power, R., Scott, D., Doran, D. (1999) Generating Embedded Discourse Markers from Rhetorical Structure. *Proceedings from the European Workshop on Natural Language Generation EWNLG'99*, 30–38. Redeker, G. (1991) Review article: linguistic markers of discourse structure. *Linguistics*, №29/6, 1139–1172.
27. Redeker, G. (1991) Review article: linguistic markers of discourse structure. *Linguistics*, №29/6, 1139–1172.
28. Redeker, G. (1990) Ideational and pragmatic markers of discourse structure. *Journal of pragmatics*, №4/3, 367–381.
29. Sanders, T., Spooren, W., Noordam, L. (1992) Towards a taxonomy of coherence relations. *Discourse processes*, №15, 1–35.
30. Saussure, F. de. (1998) *Course in general linguistics* (R. Harris, Trans.). Reprint edition. Illinois: Open Court. (Original work published 1916)
31. Schiffrin, D. (1987) *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Sevbo, I. P. (1989) End-to-end analysis as a step towards text structuring. *NTI*, 2. № 2, 2–9.
33. Stubbs, M. (1983) *Discourse analysis*. Oxford: Basil Blackwell.
34. Valgina, N. S. (2003) *Text theory*. Moscow: Logos.
35. Vande Kopple, W. (2002) Metadiscourse, discourse, and issues on composition and rhetoric. In E. Barton and G. Stygall (eds.), *Discourse studies in composition* (pp. 91–113). NewYork: Hampton Press.

Категория модальности как отражение жанрово-типологических особенностей биографий-справок

Д. А. Ефремова
МГИМО (У) МИД России

Аннотация
Статья посвящена категории модальности англоязычных биографий-справок и хронологических биографий как основных

разновидностей биографического текста, которые рассматриваются с позиций лингвистики текста. Автор выявляет и проводит количественный анализ основных языковых средств реализации субъективной и объективной модальности в данных типах биографического текста, а также способов их выражения (эксплицитного и имплицитного). Результаты исследования свидетельствуют о возможности использования соотношения между субъективной и объективной модальностью в качестве одного из критериев типологической дифференциации биографий.

Ключевые слова: биографии-справки, биографические статьи, хронологические биографии, субъективная и объективная модальность

В лингвистической науке категория модальности до сих пор не получила однозначной трактовки. Как правило, модальность рассматривается на материале текстов газетно-публицистического или художественного стилей, особенности реализации категории модальности в биографическом тексте еще не становились предметом детального изучения.

Термин «модальность» многозначен: им называются разные явления, объединенные тем признаком, что все они выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности. Отмечается, что модальность существует в двух разновидностях: объективной и субъективной. В данной статье модальность рассматривается как текстовая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений действительности, качественной оценки текстовых объектов, способе выражения соотношения между явлениями в тексте [Гальперин, 2008, с. 113; Матвеева, 2010, с. 288; Золотова, 1973, с. 9]. Объективная модальность часто трактуется как отношение содержания предложения (текста) к действительности. Значение этой модальности обусловлено, как правило, противопоставлением реальность-ирреальность (возможность, необходимость, желательность). Представляется, что объективную модальность можно трактовать шире. В ее сферу попадают те средства, которые имеют значение всеобщности, безличности, максимально дистанцированы от автора, общеприняты в данной культуре. Субъективная модальность понимается как нечто индивидуально-авторское, личное, личностное. Многие авторы [Гальперин, 2008, с. 114; Демина, 1984, 152; Романова, 2008, 64], однако, отмечают, что категория модальности как категория текста является жанрово-стилистически обусловленной.

Биографический текст — сложное явление, которое имеет межстилевой статус на стыке научного, публицистического и художествен-

ного стилей и представляет интерес с точки зрения его типовой дифференциации. В соответствии с классификацией биографического текста, созданной на основе формально-содержательного критерия, в англоязычной литературоведческой традиции выделяются романы-биографии, биографические эссе и биографии-справки. Последние, как правило, рассматриваются как разновидность научного текста. Это вряд ли можно признать правомерным, поскольку реализация базовых категорий в некоторых типах биографий — справок и, прежде всего, категории модальности, существенно отличается от научного текста.

С формальной точки зрения, биографические справки представляют собой традиционный тип документального биографического текста справочного типа, содержащегося в специализированных словарях и энциклопедиях. [Кузнецов, 1990, с. 91; Евсеева, 2010, с. 33]. Основными чертами данного типа текста является малый объем, линейно-хронологический тип изложения, рубрикальность, фактологичность. По структурно-семантическим признакам биографические справки подразделяются на анкетные биографические справки, хронологические биографии и биографические статьи. [Евсеева, 2010, с. 34; Кузнецов, 1990, с. 92].

Стилистические и жанрово-типологические особенности текстов биографий-справок находят свое отражение в реализации категории модальности данного типа текста. Документальный характер изложения обусловливает преобладание средств объективной модальности над субъективной[1]. Фактологическая информация является основным и самым распространенным средством выражения объективной модальности, причем стремясь к абсолютной точности и достоверности предоставляемой информации авторы часто дают комментарий по поводу ее истинности.

1771

Rumor-mongers blame Marie Antoinette for the royal couple's childlessness. Some suggest having the marriage annulled and shipping the Queen back to Austria. [Marie Antoinette's…]

Используя лексическую единицу с отрицательной коннотацией **rumor-mongers,** автор оценивает качество сообщаемых фактов, указывая на то, что им вряд ли можно доверять. Подобные ссылки на источник информации как на конкретное, так и на неопределенный, коллективный или обобщенный субъект также довольно часто встречаются в биографиях — справках как средство объективации как авторских оценок и суждений, так и сведений, включаемых в био-

1 Поскольку средства субъективной модальности в анкетно-биографических справках практически отсутствуют, в основном исследование строится на материале хронологических биографий и биографических статей.

графический текст. Это может служить средством сокрытия автором своего мнения или попыткой выдать его за общепринятое.

Терминологическая лексика как общенаучная, так и частнонаучная, также широко используется как средство объективной модальности в биографиях-справках; термины часто сопровождаются дефинициями, что отражает ориентацию подобного рода текстов на широкий круг читателей, в отличие от текстов научного стиля. Также, в отличие от научных текстов термины в биографиях-справках нередко становятся объектом метафоризации.

Среди других средств объективной модальности в биографиях-справках, которые служат созданию эффекта научности изложения, его непредвзятости и достоверности, можно отметить цитаты, безличные предложения и компоненты сложного предложения, а также сравнительно редкое использование личных местоимений. Последние встречаются только в биографических статьях, и это, как правило, местоимения 1 л. мн. числа, употребляемые в номинативном или объектном падежах в функции исследовательского «мы» или для прямого обращения к читателю. Подобным образом автор биографического текста обеспечивает линейную хронологическую связность текста, что также является типичной характеристикой справочного биографического текста.

Лаконичная форма изложения находит свое отражение в широком использовании пассивного залога и сравнительно редком использовании сложных синтаксических структур и парентетических внесений как средств объективной модальности. Последние могут выступать и как средства субъективной модальности, выражая различную степень категоричности высказывания, а также авторские оценки. (Однако данная функция реализуется несколько реже).

Основным жанрово-типологическим отличием между текстами биографических статей и хронологических биографий-справок является большая лаконичность изложения и стремление к научности изложения, поэтому первые характеризуются наличием большего количества пассивного залога, меньшим количеством цитат, парентез и сложных синтаксических структур, а также преобладанием терминов. Фокус внимания читателей полностью смещен от автора к герою, поэтому личные местоимения 1 и 2 л. вообще не встречаются.

Несмотря на то, что средства объективной модальности в биографиях справках преобладают над средствами субъективной модальности, последние характеризуются большим разнообразием. Распространена оценочная лексика, которая отличается отсутствием образности и носит сравнительный характер и выражается качественными прилагательными или наречиями в абсолютной или превосходной степени: good, best, the most successful, great, popular,

wrongly etc., прилагательными, обозначающими предельную степень качества: huge, disastrous, сложными прилагательными с компонентом well — или прилагательными в сопровождении наречий, усиливающих степень качества: extremely, very, particularly, really, highly, порядковыми числительными the first, the last. Наличие образности бывает детерминировано категориями адресованности и информативности, а также характером деятельности героя. Метафоры, эпитеты для выражения оценки часто характеризуются потухшей образностью и встречаются только в биографиях известных актеров, шоуменов, изредка художников, писателей и политиков, рассчитанных на широкую аудиторию:

Стремясь к документальной точности изложения, авторы биографий-справок стараются не прибегать к аппроксимациям и не высказывать предположения, поэтому формы сослагательного наклонения, модальные частицы и модальные глаголы, выражающие высокую степень уверенности, практически не встречаются.

Также, довольно редко можно встретить такие эксплицитные способы выражения субъективной модальности как дистантный повтор и вопросно-ответный комплекс, причем последний скорее используется для постановки проблемы и осуществления когезии, чем для выражения авторских оценок и суждений:

Как и в научном стиле, авторы биографий-справок часто ведут диалог с читателем, но он в изучаемом типе текста имеет свои особенности.

— Часто пронизывает все биографическое произведение;
— Используется как средство передачи присутствия автора на страницах произведения: его эмоций
— Используется для привлечения внимания читателя к наиболее релевантным с точки зрения автора фрагментам текста.

1995: Yes, She's Rich

Winfrey becomes the first woman and only black person on the Forbes 400 list. In 2004 the Forbes international rich list will list her as the world's only black billionaire. [The Ultimate Oprah…]

В данном примере средством создания диалогичности является наречие Yes**,** сферой употребления которого является устная форма коммуникации. Использование данного наречия создает эффект разговора с читателем. Более того, диалогичность здесь является средством выделения наиболее важной информации. Среди других средств субъективной модальности, создающих диалогичность текста, встречаются повелительное наклонение, восклицательные предложения, разговорные и сленговые слова и выражения, что совершенно не характерно для научного текста.

Большинство средств субъективной модальности в биографиях-справках имеют имплицитный характер. Стремясь к иносказатель-

ному выражению собственных оценок, предположений, суждений, авторы прибегают к использованию литот и эвфемизмов.

Что же касается отражения жанрово-типологических различий в реализации категории субъективной модальности в биографиях-справках, нужно отметить, что средства выражения вышеупомянутой категории в хронологических биографиях отличаются гораздо меньшей образностью и несколько большей осторожностью в выражении авторских оценок и суждений.

Таким образом. несмотря на то, что реализация категории модальности в биографиях-справках обнаруживает некоторые сходства с научным стилем: преобладание объективной модальности над субъективной, имплицитных способов выражения субъективной модальности, сравнительно редкое использование образности, низкая степень категоричности высказываний, фактологичность, терминологичность, экономия языковых средств и др., существуют и существенные отличия: метафоризация терминов, оценочный характер ссылок на авторитетные источники, особая форма диалогичности, функциональное своеобразие вопросно-ответных комплексов и парентез и др. Все это не позволяет отнести биографии-справки к научному стилю. Характер репрезентации категории модальности в биографиях-справках отражает жанровые и типовые различия (характерные для данной разновидности биографий): большее тяготение хронологических биографий к научному стилю.

Список литературы:

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин — М.:URSS, 2008. — С. 113–115.
2. Демина Е. Б. Способы выражения модальности в газетно-публицистических текстах современного английского языка.: дис… канд. филол. наук: 10.02.04 — Ростов Н\Д, 1984. — 152 с.
3. Евсеева Ю. Н. Адресованность как определяющий фактор лексических и структурных особенностей текста биографии : дис … канд. филол. наук — М., 2010. С. 31–35.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова — М.: Наука, 1973. — 9 с.
5. Кузнецов Н. И. Биография как тип текста (на материале английских биографий).: дис …канд. филол. наук: 10.02.04 — Одесса, 1990. С. 91–94.
6. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов Н/Д.: Феникс, 2010. — 288 с.
7. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. — Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. — 309 с.
8. Marie Antoinette's and the French Revolution. Timeline.: http://www.pbs.org/marieantoinette/timeline/ (дата обращения 10.08.2013)

9. The Ultimate Oprah Time Line.: http://www.theroot.com/multimedia/ultimate-oprah-timeline (дата обращения 10.08.2013)

Сведения об авторе: Дарья Андреевна Ефремова, преподаватель, МГИМО (У) МИД России, e-mail: efremovadarya@yandex.ru

THE CATEGORY OF MODALITY AS THE REFLECTION OF GENRE AND TYPOLOGICAL PECULIARITIES OF BIOGRAPHICAL REFERENCES

Darya A. Efremova
Lecturer, MGIMO University, e-mail: efremovadarya@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the category of modality in the English language biographical articles and timelines as varieties of biographical text, which are considered from the standpoint of text linguistics. The author identifies and conducts a quantitative analysis of the core means of the subjective and objective modality in these types of biographical text, and ways to express them (explicit and implicit). The results of the study indicate the possibility of using a correlation between subjective and objective modality as a criterion for typological differentiation of biographies.

Keywords: biographical references, biographical articles, timelines, subjective and objective modality

References:

1. Galperin I. R. (2008) *Text as an Object of Linguistic Analysis*. Moscow: URSS, 113–115.
2. Demina E. B. (1984) Means *of Expressing Modality in Modern English Publicistic Texts.* Candidate of Philology thesis. Rostov-on-Don, 152.
3. Evseeva J. N. (2010) *Adress as the Primary Factor Determining Lexical and Structural Peculiarities of Biographical Texts.* Candidate of Philology thesis. Moscow, 31–35.
4. Zolotova G. A. (1973) *Essay on the Functional Syntax of the Russian Language*. Moscow: Nauka, 9.
5. Kuznecov N. I. (1990) *Biography as a Type of Text (Based on English Biographies).* Candidate of Philology thesis. Odessa, 91–94.
6. Matveeva T. V. (2010) *Complete Dictionary of Linguistic Terms.* Rostov-on-Don: Phoenix, 288.
7. Romanova T. V. (2008) *Modality. Evaluation. Emotionality.* Monograph. Nizhny Novgorod: Linguistic University of Nizhny Novgorod, 309.

Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе

А. В. Кулешова
Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация
С точки зрения лингвистики языковая оппозиция — это лингвистически существенное различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот. Оппозиция как специфический вид парадигматических отношений иногда противопоставляется контрасту как особому виду синтагматических отношений. В наиболее общем понимании «контраст» в лингвистике определяется как один из типов выдвижения, организуемый принципом конвергенции и на основе эквивалентности.

Ключевые слова: оппозиция, контрарные отношения, контрадикторные отношения, теория фонологических оппозиций, родовое понятие контраст, противоречие и противопоставление

В статье мы рассмотрим контраст и оппозицию, которые пронизывают все уровни синтаксической организации текста, в качестве принципов, организующих его формально-смысловую структуру. Обращение к данной теме вызвано, в первую очередь, отсутствием работ обобщающего, систематизирующего характера, в которых принципы контраста и оппозиции рассматривались бы во взаимодействии. Вопрос, касающийся текстоорганизующих потенций контраста и оппозиции, входит в круг современных проблем лингвистики текста и по-прежнему считается изученным недостаточно.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении теории контраста и оппозиции как своеобразного стержня синтаксической организации текста, который пронизывает все его уровни и обеспечивает структурно-смысловое единство.

Для начала рассмотрим понятие «оппозиция», которое включает в себя как лингвистические, так и логические аспекты. С точки зрения логики «*оппозиция* — это категория, выражающая отношение несовместимости между отрицающими друг друга концептами из-за способности выражения чего-либо положительного, нежели отрицательного в несовместимых понятиях» [Кондаков, 1975, с. 594]. Логи-

ка делит оппозиции на понятия *контрадикторные* — исключающие друг друга, и *контрарные* — понятия, которые не только отрицают друг друга, но несут в себе нечто положительное взамен отрицаемого. Нас же больше интересует понятие оппозиции с точки зрения лингвистики, в которой языковая оппозиция — это лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот. С точки зрения современной лингвистики оппозиция — это парадигматическая категория, которая рассматривается на различных уровнях языковой системы. В этом смысле говорят о *фонологической* оппозиции между фонемами, о *грамматической* оппозиции, и о *семантической* оппозиции.

Применительно к фонологии учением об оппозициях лингвистика обязана выдающемуся русскому филологу Н. С. Трубецкому, бывшему одним из создателей Пражской лингвистической школы [Трубецкой, 1987]. Перечислим коротко те положения теории, которые лежат в основе метода. Он утверждает, что оппозиция возможна лишь тогда, когда между ее членами имеются не только различия, но и общие признаки. Эти последние называются основанием для сравнения, а различительный признак принято называть дифференциальным признаком. Оппозицию можно определить как семантически релевантное различие по одному признаку при сходстве остальных.

Н. С. Трубецкой различает оппозиции по отношению к системе и оппозиции между членами оппозиции. Оппозиции между членами оппозиции подразделяются на привативные, или бинарные, градуальные, или ступенчатые, и эквиполентные, или равнозначные. Оппозициям между членами оппозиции противопоставлял оппозиции по отношению к системе, различая при этом оппозиции пропорциональные, изолированные и многомерные.

И сам Трубецкой, и позднейшие исследователи наметили пути использования данного метода для выделения классов языковых единиц и их множеств, над которыми возможны различные операции. Обращение к теории оппозиций особенно перспективно для раскрытия системности в языке и при составлении всякого рода классификаций.

Оппозиция как специфический вид парадигматических отношений (корреляций) иногда противопоставляется контрасту как особому виду синтагматических отношений (реляций). В наиболее общем понимании «*контраст*» в лингвистике определяется как один из типов выдвижения, организуемый принципом конвергенции и на основе эквивалентности, сущность которого заключается в противопоставлении характеров, явлений, предметов и их свойств для

более яркого отображения действительности. Однозначное толкование понятия контраста имеет большое значение для систематизации синтаксико-стилистических приемов, но между тем в исследованиях по стилистике это понятие квалифицируется по-разному.

Чаще всего он рассматривается как «принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения, который заключается в резком противопоставлении различных элементов текста с целью создания определенного стилистического эффекта» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др, 2003, с. 690].

Исследователи по-разному подходят к пониманию сути контраста. Во избежание терминологической путаницы целесообразно называть *контрастом родовое понятие* — общий принцип организации различных синтаксико-стилистических приемов, а частные принципы их организации называть *противоречием и противопоставлением*. Еще одним основанием для выделения указанных групп приемов является различие в выполняемых ими функциях. Так, приемы противоречия, являясь разновидностью алогизма, наиболее часто используются в функции создания эффекта неожиданности, парадоксальности, что вовсе не характерно для приемов противопоставленности, служащих, в частности, для уточнения противопоставляемых понятий, суждений, признаков и т.д.

Контраст в тексте охватывает разные уровни его структуры, упорядочивает и организует текст. Он может проявляться как на фонетическом, морфологическом, лексическом, так и на синтаксическом уровнях текста как один из видов семантико-стилистической организации текста.

На морфологическом уровне контраст проявляется через артикли, личные местоимения, видовременные формы глаголов. Например, противопоставление, реализованное с помощью личных местоимений (он — она, я — они, я — вы), которое может усиливаться также видовременным контрастом сказуемых.

Что касается контраста на лексическом уровне, несомненный интерес представляет исследование Г. В. Андреевой, которая сделала попытку классификации контрастоспособных единиц, участвующих в репрезентации контраста на лексическом уровне целого текста. Под контрастоспособностью лексических единиц Г. В. Андреева понимает «свойство слова вступать в больший или меньший набор парадигматических противопоставлений, одно из которых реализуется в данном тексте» [Андреева, 1988, с. 136]. Исследователь разделяет контрастоспособные единицы на следующие группы: 1) реальные контрастивы, к которым относятся антонимы, способные образовывать автономные лексические оппозиции); 2) потенциальные кон-

трастивы — это те единицы, которые способны выражать контраст лишь в зависимости от конкретного речевого использования и тесно связаны с контекстом описываемых в тексте ситуаций или даже с контекстом целого текста.

Разделение контрастоспособых единиц на реальные и потенциальные типы Г. В. Андреева производит на основании метода оппозиций Трубецкого, дающего возможность установить отношения между различными группами контрастивов. Все контрастивы группируются исследователем в порядке убывающей эксплицитности противопоставления, что представляется нам удачным, т. к. из подобного расположения становится ясной немаловажная роль контекста в обеспечении контраста.

На синтаксическом уровне контраст, по наблюдениям исследователей, обеспечивается некоторыми формами транспозиции, или переосмысления, под которыми понимаются случаи употребления синтаксических структур в несвойственных им денотативных значениях и с дополнительными коннотациями. Примерами этому могут служить восклицательные по форме и повествовательные по содержанию предложения. Такая форма транспозиции может употребляться для изображения сдержанности, сомнения, а подчас и скрытого осуждения поступков одних персонажей другими, и тем самым их противопоставленности.Реализации контраста на синтаксическом уровне текста способствуют также инверсия, параллельные конструкции, повторы с антонимическим усилением, полисиндетон, отрицание, асиндетон, парцелляция.

Контраст, пронизывающий все уровни текста и формирующий его структуру, зачастую не ограничивается пределами текста, а выходит за его рамки, вступая во взаимодействие со всей культурой. Контекст культуры, совокупность всех внетекстовых факторов, участвующих в порождении контраста в тексте, составляют «экстратекстовой контекст контраста» [Седых, 1997, с. 11]. Мы считаем подобное уточнение справедливым, т.к. тексты художественных произведений могут соотноситься с культурой, эпохой, базируясь на ассоциациях как по контрасту, так и по аналогии.

Контраст может проявляться в тексте и в плане выражения, и в плане содержания. Сложное переплетение обоих планов не позволяет создать точную типологию контрастов, а дает возможность лишь наметить основные направления изучения контрастов, установить некоторые тенденции в системе приемов построения контраста в художественном тексте. Так, В. М. Аврасиным выделяются следующие наиболее распространенные направления типологизации контраста. Контраст рассматривается исследователем:

1. на уровне слова и словосочетания (контраст в оксюмороне, цветовой контраст, контраст между противопоставляемыми атри-

бутивными словосочетаниями, контрастное противопоставление прямого и переносного значения слов, пространственные контрасты, контраст слов с различной экспрессивно-стилистической окраской, контраст через противопоставление, связанное с игрой слов, и т. д.);

2. на уровне текста (контраст между литературной и обиходно-разговорной речью, столкновение в тексте авторской речи с несобственно-прямой речью, контраст между уровнями содержания, контраст между кажимостью и сущностью, контраст через парадокс, имплицирующий контраст и т.д.);
3. композиционно-синтаксические контрасты (КСК) («контрастирование тех или иных синтаксических параметров предложений, входящих в текст»): а) контраст по объему предложения в рамках абзаца или иного надфразового единства; б) контраст но типу предложений по цели высказывания; в) контраст предложений по степени строгости / разрыхленности;
4. контраст, возникающий через варьирование грамматических форм (стилистико-морфологический контраст) [Аврасин, 1990, с. 130].

Итак, феномен контраста является частотным явлением текста, пронизывающим все его уровни, что свидетельствует о том, что рассматриваемое явление содержит в себе текстообразующий потенциал и, обеспечивая структурно-смысловое единство текстового пространства, выступает в качестве своеобразного стержня произведения.

В ходе проделанной работы выяснилось, что контраст и оппозиция могут усиливать друг друга, проникать и являться частью друг друга. Анализ фактического материала подтверждает факт проявления вышеозначенных принципов на всех языковых уровнях текста: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом, графическом. Контраст и оппозиция присутствуют и в содержании текста, в его образной системе, композиции и символике, что также немаловажно, так как исследование структурно-семантической организации целого текста возможно лишь при условии одновременного учета и содержания и формально-языковых способов его выражения.

Список литературы:

1. Аврасин В. М. Контраст в тексте: сущность и основы типологии // Структура языкового сознания: Сб. статей. М.: Наука, 1990. С. 128–138.
2. Андреева Г. В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1984.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник, М., 1975, 721 с.

4. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003, 840 с.
5. Седых Э. В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Б лейка): Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб, 1997.
6. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. — М., 1987, 560 с.

Сведения об авторе: Анна Васильевна Кулешова, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, e-mail: grifos@mail.ru

THE CATEGORIES OF CONTRAST AND OPPOSITION IN THE LINGUISTIC ANALYSIS

Anna V. Kuleshova
graduate student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, e-mail: grifos@mail.ru

Abstract

From the point of view of linguistics, linguistic opposition — is linguistically significant difference between the units of the expression, which corresponds to the difference between the units of the content, and vice versa. The opposition as a specific kind of paradigmatic relations is sometimes contrasted with the contrast as a special kind of syntagmatic relations. In the most general sense, «contrast» in linguistics is defined as a type of promotion, organized by the principle of convergence and on the basis of equivalence.

Key words: opposition, contrast relationship, contradictive relations, the theory of phonological oppositions, the generic concept of contrast, contradiction and opposition

References:

1. Avrasin V. (1990) The contrast in the text: the nature and basis of typology // The structure of language awareness: Sat articles. Moscow: Nauka. S. 128–138.
2. Andreeva V. (1984) Linguistic expression of contrast and stylistic features in prose (in the English language): Author. dis. Candidate. Philology. Science. L.
3. Kondakov N. I. (1975) Logic dictionary catalog, Moscow. 721 p.
4. Culture of Russian Speech: Dictionary of catalog (2003) / ed. L. Y. Ivanov, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaev, etc. — M. Flint: Science. 840 p.
5. Sedich E. V. (1997) The contrast in poetry as a type of extension (for example, a cycle of poems «Songs of Ignorance» and «Songs of Knowledge» by William B watering): Author. dis. Candidate. Philology. Science. St. Petersburg.
6. Troubetzkoy N. S. (1987) Selected works on philology. — M. 560 p.

Полидискурсивность в рамках художественного произведения

Д. С. Лапенков
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета

Аннотация
В предлагаемой статье рассмотрены вопросы определения и использования понятий «дискурс» и «полидискурсивность» в художественном произведении. Кратко освещается история становления и развития понятия «дискурс» в отечественной и зарубежной лингвистике. В статье утверждается, что понятие дискурса возникло в связи с выходом лингвистических исследований за пределы предложения, а именно в область сверхфразового синтаксиса. Поэтому с точки зрения лингвистики дискурс — это, прежде всего комплексная единица, состоящая из последовательности предложений, находящихся в смысловой связи. Результаты исследования показали высокий уровень важности взаимовлияния нескольких дискурсов в рамках художественного произведения, а также высокую степень вовлеченности полидискурсивности в процесс развития сюжета произведения на примере романа Б. Ансворта «Моралите», где взаимопересечение театрального и теологического дискурсов становится основным механизмом развития сюжета.

Ключевые слова: дискурс, полидискурсивность, текст, моралите

В последнее десятилетие на передний план научных исследований, проводимых в различных сферах гуманитарного знания, выходит анализ дискурса как объекта, включающего в себя помимо вербально выраженного текста также иные содержательные области. При этом обращает на себя внимание то, что дискурс как операционное понятие научного поиска используется не только в лингвистических исследованиях, но и в других научных изысканиях (например, в истории, психологии, юриспруденции и т.д.).

Понятие дискурса возникло в связи с выходом лингвистических исследований за пределы предложения — в область сверхфразового синтаксиса. Поэтому с точки зрения лингвистики дискурс — это, прежде всего комплексная единица, состоящая из последовательности предложений, находящихся в смысловой связи.

Первые исследования внутренней организации дискурса датируются рубежом 50-х годов XX века, когда появились работы, полностью посвященные конструкциям, состоящим более чем из одного

предложения — «сложным синтаксическим целым» и «сверхфразовым единствам». В отечественной лингвистике исследовались главным образом логико-грамматические отношения между связанными по смыслу высказываниями, образующими в речи сверхфразовое единство [Слюсарев, 1981, с. 159].

Термин «сложное синтаксическое целое» употреблялся Л. В. Щербой уже в 1920-е годы по отношению к единому комплексному высказыванию, сочетающему в себе различные виды синтаксической связи компонентов (сочинение, подчинение, обособление, вводные конструкции).

В зарубежной лингвистике синтаксические регулярности в организации дискурса были открыты в начале 1950-х годов З. Хэррисом, который установил факт повторяемости морфем и синтаксических конструкций в смежных высказываниях, а также смысловую эквивалентность различных выражений, попадающих в идентичное окружение.

Поскольку текст оказался в поле зрения разных дисциплин, в науке, объектом которой традиционно считается язык, возникла необходимость более четко осмыслить заявивший о себе новый предмет. Было констатировано расширение границ лингвистических исследований за пределы предложения — на уровень дискурса.

Высказывалась также идея о создании грамматики дискурса как нового раздела языкознания [Жинкин, 1982, с. 77].

Но и термин текст не утрачивает своих позиций и оказывается более широким по сфере своего применения, чем термин дискурс. Текстом является и целый роман, и сборник сентенций, при этом, роман представляет собой один дискурс с подразделениями на многочисленные единства, а сборник сентенций содержит столько же дискурсов, сколько сентенций.

Для лингвиста «текст» представляет собой, в первую очередь, фиксированный в письменной форме языковой материал, используя который возможно установить те или иные закономерности в развертывании дискурсивного процесса, в устройстве языковой системы, а также выявить разнообразные свойства языковых единиц. В зависимости от теоретической установки текст может рассматриваться как последовательность единиц любого уровня — слов и словосочетаний, морфем и фонем, а вовсе не только как последовательность предложений. Не всякий текст содержит в себе дискурс.

Понятие текста вполне правомерно использовать как для обозначения любого лингвистического материала в его письменной форме, так и в качестве синонима для дискурса, если данный текст является его письменным представлением, учитывая широкое использование термина текст в лингвистических работах именно в последнем значении.

В 1980-е годы понятие дискурса в западноевропейской лингвистике стало вполне традиционным, к тому же и опыт классической структурной лингвистики говорит о невозможности получения адекватных результатов структурно-семантических исследований без обращения к дискурсу.

Перед наукой открылась возможность обобщить многие разрозненные данные о языке, исследуя его дискурсивную реализацию. «Необходимо наконец признать, что в действительности есть лишь единое поле исследования, которое в настоящее время безжалостно разделено между семантиками и филологами, социо- и этнолингвистами, специалистами по философии языка и психологами» [Панфилов, 1982, с. 143].

Театральный дискурс (текстовой и сценический) есть освоение сценических систем, индивидуальное использование их сценического потенциала. Театральный дискурс — это вопрос о статусе слова: кто с кем говорит, в каких условиях и как. В театре существует разделение дискурса на высказанное (то, что сказано) и высказывание (то, как сказано).

Теологический дискурс — это совокупность коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений. Теологический дискурс включает как реликтовый материал в виде мифологем, так и привнесенные и видоизмененные теологические взгляды, которые объединяются в рамках одной синтетической традиции, которая, впрочем, представляется их носителям вполне органичной.

Одним из наиболее ярких проявлений взаимовлияния и взаимопроникновения двух дискурсов — театрального и теологического — стал роман «Моралите», вышедший из-под пера Барри Антворта, одного из современных британских писателей. В романе ярко прослеживаются события средневекового периода английской истории. Главный герой, монах Николас Барбер, был вынужден бежать из своего монастыря из-за греховной связи с одной из прихожанок. В романе описывается современное положение церкви, отношение крестьян к ней. Монах попадает в компанию актеров, хозяин которых находится на войне с Францией. Далее действие разворачивается в деревне, которую решают посетить герои романа, где происходит убийство молодого парня. Труппа решает поставить спектакль, посвященный этому событию, раскрыв на сцене истинную суть вещей и изобличив настоящего убийцу, информацию о котором герои романа получили в ходе своего небольшого частного расследования.

Роман получил свое название не случайно. Изначально считается, что спектакль «morality play» начал развиваться в XIII веке благодаря монахам, которые добавляли актеров и театральные элементы в церемонию церковной службы. Это облегчало обычным людям запоминание некоторых церковных заповедей. Тем не менее, в данном романе отсутствует первоначальное значение «morality play». Здесь автор не

показывает читателям четких представителей добра и зла. Он показывает присутствие нравственности, и важность Бога в тот период английской истории. Автор пытается показать сущность «morality play» как через саму пьесу, которую играют актеры, так и через саму жизнь в этот период времени. Так, например, главный герой, который сбежал из своего монастыря, на протяжении всего романа продолжал служить Богу. И другой пример, когда актеры решают ставить спектакль, посвященный убитому парню.

Существует несколько видов дискурсов. Характеризуя данный роман, мы можем отметить, что лексика в нем относиться к художественному дискурсу. Это можно доказать следующим: наличие индивидуального стиля автора, который не укладывается в унифицированные знаковые стандарты. Одновременно искусство, как выражение исторической эпохи, несет в себе отчетливый контекст, составляющий смысл произведения.

Это подтверждается также тем, что Барри Ансворт на протяжении всего романа использует как теологическую, так и театральную лексику. Что касается теологической лексики, то неудивительно, что здесь автор использует устаревшие слова. Это заметно в тексте всего романа, в речи всех действующих лиц, живших в средние века. Так, например, в тексте произведения часто используются такие лексические единицы, как cur, sin, Bishop, God, virtue, vice, monk, priest, hose, parish, mea maxima culpa, wouldst thou, hie и другие [Unsworth,1995].

Христиане XIV века были увлечены библейскими историями. Многие из них не умели читать на латыни, поэтому не понимали языка Библии. Единственными источниками познания Библии были священники или старцы, которые передавали эти истории из поколения в поколение. В романе представлено множество примеров библейских историй, которые используются в речи героев. [Footpath…, с. 7]

Что касается театральной лексики, то в романе также можно выделить наиболее употребимые слова, такие как: player, to act, play, triumph, scene, actor, performing bears, performance и другие [Unsworth,1995].

Антворт описывает в деталях одежду актеров, которую они перевозят из города в город в своей телеге. Обозначение телеги как cart тоже выбрано автором не случайно. В переводе на русский язык термин cart обозначает именно телегу для багажа, используемую актерами. Актеры странствуют по разным городам, местностям. Они должны быть готовы к изменению климата, погоды, поэтому в их театральной телеге множество разной одежды. Например: grander clothes, nobility clothes a mask of lard, kirtle, scarves, hose, bonnet [Hewitt, 2008, с. 5].

Взаимодействие двух видов дискурса достигает апогея взаимовлияния, когда группа странствующих актеров начинает показывать сцены Библии: the play of Adam, the play of Noah, Mystery Plays

[Unsworth,1995], в названиях которых и пересекаются два вида дискурса. Подобное взаимовлияние можно проследить и через само название произведения. «Morality play» означает так называемые игры-спектакли, в которых актеры олицетворяют собой абстрактные понятия и качества, такие как добродетели, пороки или смерть.

Главным носителем и проводником теологического дискурса на протяжении всего романа остается монах Николас, который, несмотря на то, что сбежал из своего монастыря, продолжает использовать церковные слова и заповеди. Например, mea maxima culpa — грехи мои тяжкие: слова, являющиеся с XI века в религиозном обряде католиков формулой покаяния на исповеди. В этой фразе сливается воедино страх Николаса перед карой Господней за его актерство и непреодолимое желание стать актером, членом бродячей труппы.

На протяжении всего романа автор использует теологическую лексику вместе с театральной, описывая те или иные события. Смешение этих разных типов дискурса связанно с тем, что действие романа происходит в средние века, где влияние церкви на умонастроение народа оставалось еще очень сильным, притом, что взаимодействие и взаимовлияние этих двух типов дискурса является движущей силой развития сюжета всего романа.

Список литературы:

1. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
2. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 357 с.
3. Слюсарев Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981. 206 с.
4. Footpath. A journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2010. Вып. 2.
5. Hewitt K. Morality Play by Barry Unsworth. A commentary with annotations. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2008. 48 с.
6. Unsworth B. Morality Play. Penguin Books, 1995. 188 с.

Сведения об авторе: Денис Сергеевич Лапенков, кандидат филологических наук, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета, e-mail: oscar21@yandex.ru

POLYDISCURSIVENESS WITHIN THE LIMITS OF A PIECE OF FICTION

Dr. Denis S. Lapenkov,
Associate Professor, Orsk Humanitarian and Technological Institute of Orenburg State University, e-mail: oscar21@yandex.ru

Abstract

In the given article we deal with the items of definition and usage of the notion of "discourse" and "polydiscursiveness" within the limits of a piece of fiction. The history of establishment and development of the notion "discourse" in the home and foreign linguistics is briefly dwelt upon. We state in the article that the notion of discourse appeared due to the expansion of linguistic studies above the level of sentence, exactly in the sphere of super phrasal unity. That is why from the point of view of linguistics, discourse is the complex unity consisting of the sequence of sentences being in semantical unity. The results of the research showed the high level of importance of interference of several discourses within the limits of a piece of fiction as well as the high grade of involvement of polydiscursiveness in the process of the development of a plot with the example of B. Unsworth's novel "Morality Play", where the interrelation of theatrical and theological discourses becomes the main mechanism of plot development.

Key words: discourse**,** polydiscursiveness, text, morality play

References:

1. Zhinkin N. I. (1982) Rech kak provodnik informatsii. M.: Nauka. 157 p.
2. Panfilov V. Z. (1982) Gnoseologicheskie aspekty filosofskikh problem yazikoznaniya. M.: Nauka. 357 p.
3. Slyusaryev N. A. (1981) Problemy funktsionalnogo sintaksisa sovremennogo angliyskogo yazika. M.: Nauka. 206 p.
4. Footpath. (2010) A journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. Perm, Vypusk 2.
5. Hewitt K. (2008) Morality Play by Barry Unsworth. A commentary with annotations. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 48 p.
6. Unsworth B. (1995) Morality Play. Penguin Books. 188 p.

Семиотика шпионского романа

(на материале антропонимических средств английского языка)

Е. Ф. Косиченко

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов функционирования антропонимов в шпионском романе и выявлению их роли как жанрообразующих средств. Анализ художественного ономасти-

кона произведения Г. Грина «Человеческий фактор» позволяет сделать вывод о высокой значимости используемых автором антропонимов для текстообразования и смыслоформирования.

Ключевые слова: художественный текст, антропоним, авторский замысел, текстообразование, смыслоформирование

В отличие от детективных произведений, изучаемых лингвистами в самых разных аспектах, жанр шпионского романа не пользуется особой популярностью, хотя и обладает определенной спецификой. В данной статье предпринимается попытка установить роль собственных имен в жанровой организации произведения, а также его смыслоформировании.

При анализе языкового материала мы исходили из ряда теоретических посылок. Во-первых, текст, вслед за Ю. М. Лотманом, мы трактуем как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман, 2010, с. 71]. Во-вторых, мы разделяем точку зрения лингвистов, полагающих, что осмысление прочитанного художественного произведения возможно только при условии выхода за его пределы, и что прочтение литературного произведения практически никогда не является последовательным, поскольку требует обращении к дополнительным источникам информации. Такой выход за рамки собственно текста означает, переход в гипертекст, обращение к которому «становится необходимым, когда нам не хватает фоновых знаний», при этом очередная статья гипертекста рассматривается как «промежуточная точка движения мысли в информационном пространстве» [Шехтман, 2005, с. 110–111]. Именно идея о нелинейном прочтении художественного текста объясняет, почему один человек выносит из произведения гораздо больше информации, нежели другой, и почему отступ от данного произведения, как правило, приближает читателя к пониманию авторского замысла.

В нашем исследовании в качестве такого рода ссылок на другие тексты рассматриваются имена собственные. Отметим, что, в круг исследования включены единицы, которые не маркированы так или иначе в авторском тексте, поэтому распознавание знаковости таких собственных имен зависит от фоновых знаний и установки читателя, который сам решает, нужна ли ему некоторая дополнительная информация и в каком объеме.

Обращение к книге Г. Грина не случайно, поскольку этот автор уделял собственным именам особое внимание, зачастую определяя им центральное место в текстообразовании и реализации глобального замысла произведения. Прочтение книг Г. Грина может быть

представлено как игра, где нужно все время идти по ссылке, и где отправной точкой выступают собственные имена, иначе книги писателя теряют свой драматизм и интригу.

В силу того, что число использованных в тексте романа «Человеческий фактор» личных именований достаточно велико, и все они не могут быть рассмотрены в одной статье, обратимся к анализу наиболее показательных случаев. Вместе с тем подчеркнем, что мы придерживаемся точки зрения, которую еще сто лет назад высказал Ю. Н. Тынянов, полагавший, что в художественном произведении нет неговорящих имен [Тынянов, 1977]. Это означает, что, все антропонимы, используемые в текстах художественной литературы, могут трактоваться как ссылки на дополнительную информацию.

Роман «Человеческий фактор» [Greene, 2005] повествует о жизни агента британских спецслужб, Морисе Кастле (Maurice Castle), работавшем в Южной Африке во времена апартеида. В силу личных обстоятельств Кастл был вынужден прибегнуть к содействию русских, которые помогли его темнокожей любовнице и ее ребенку покинуть страну и перебраться в Англию, где впоследствии он числился специалистом по Африке, продолжая при этом в знак благодарности сотрудничать с советской разведкой.

Важной оппозицией любого шпионского романа является противопоставление по принципу «свои» — «чужие», часто выраженное соответственно местоимениями «мы» — «они», как это видно из следующей цитаты:

We told you to get out at once, though **we never thought** that you'd bring the girl with you. «…» '**We**', she thought, '**we**'. It was a mistake on his part to speak like an organization. … '**We**' and '**they**' were uncomfortable terms. They were warning, they put you on your guard. «…» So **they** had the news [Greene, 2005, c. 47; 234].

Интересно, что в романе «Человеческий фактор» важную роль в презентации данной оппозиции играет личное имя. В отличие от фамилии — родового понятия, имя связано с индивидуализацией человека и считается сущностью интимной, создающей вокруг человека своеобразную ауру таинства и очерчивающей границу, переступать которую дозволено только близким людям. Это хорошо видно из следующих ниже примеров, содержащих имя *Морис*:

'Good night, Maurice.' The use of the name was a **sign of love**. Endearments — dear and darling — were everyday currency to be employed in company, but **a name was strictly private**, never to be betrayed to a stranger outside the tribe [Greene, 2005, c. 63].

'It's good to see you, Maurice.' Strange, he thought, that Sarah and Boris were the only people in the world who ever called him Maurice. To his mother he was simply 'dear' in moments of affection, and at the office he lived among surnames or initials [Greene, 2005, c. 10].

Выступая в качестве критерия, позволяющего делить людей на «своих» и «чужих», используемые в романе личные имена могут рассматриваться как жанрообразующее средство, участвующее в создании интриги и напряжения. В этом отношении интересен также следующий отрывок, где речь идет об агенте Артуре Дейвисе (Arthur Davis) — коллеге Мориса, известном среди сотрудников в основном по фамилии. Использование личного имени *Артур* девушкой-секретарем дает Кастлу повод думать о том, что между коллегами установились интимные отношения:

'Arthur is not well…' For a moment Castle wondered who the hell Arthur was; he was unused to thinking of Davis as anyone but Davis. Was Cynthia, he wondered, beginning to yield at last to the long siege? Was that why she now used his Christian name? [Greene, 2005, с. 118].

Личные имена двух других персонажей, также агентов британской разведки, вовсе не упоминаются в тексте, и данный факт неоднократно эксплицируется автором, благодаря чему создается ощущение, что для этих людей все «чужие», а сами они очень одиноки:

Nobody called Daintry by his first name because *nobody knew* it. … Daintry was glad Percival was there, for *nobody seemed to know* Percival's name either [Greene, 2005, с. 20, 21].

Если обратиться к анализу имени и фамилии главного героя, то нетрудно найти подтверждения тому, что их выбор далеко не случаен, и с большой долей вероятности, фамильный оним *Кастл* был выбран автором на основании его внутренней формы (англ. *castle* — русск. *крепость*). Не случайно в тексте книги проводится параллель между главным героем и полуразрушенным замком, чьи развалины всегда привлекали Кастла:

'…when he came back from South Africa, he chose to return to his birthplace: to the canal under the weeping willows, to the school and the ruins of *the once-famous castle*, which had *withstood the siege* of Prince Louis of France …[Greene, 2005, с. 11].

Помимо слов *withstood* и *siege,* которые, безусловно, дополняют образ человека стойкого и выносливого, мы выделили слово *the once-famous*, обозначившего своего рода границу между прошлым и настоящим, принципиальную для повествования в целом.

Мужское имя *Морис* (*Maurice*) довольно распространено в англоязычных культурах и имеет значение «темнокожий». Как отмечалось, в Южной Африке главный герой полюбил темнокожую женщину, ставшую впоследствии его женой, и даже усыновил ее ребенка. В контексте романа, идеей которого является также осуждение расовой дискриминации, имя Морис, как представляется, призвано стереть грань между людьми с разным цветом кожи.

Если имя *Морис Кастл* служит способом создания художественного образа и реализации авторской идеи об особенностях профес-

сии разведчика, то упомянутое выше имя *Артур Дейвис* может рассматриваться как жанрообразующее средство. В первую очередь следует отметить, что данные имя и фамилия широко распространены в англоговорящих культурах и при этом имеют довольно размытую этимологию, поэтому хорошо подходят для наречения человека, чья профессия требует оставаться в тени. Впечатление неясности и загадочности усиливается благодаря авторским описаниям Артура как человека, который имел склонность к необоснованным кратковременным исчезновениям и, как многократно отмечал сын Кастла, был отличным игроком в прятки.

Arthur Davis, his assistant, with whom he shared a room, departed for lunch punctually at twelve and *returned, but often only in theory, one hour later* [Greene, 2005, с. 3].

Другим средством создания образа Артура Дейвиса, также выполняющим жанрообразующую функцию, является имя *Джеймс Бонд*, использование которого в шпионском романе абсолютно предсказуемо. На протяжении всего повествования Артур сравнивает себя с супергероем книг Флеминга, благодаря чему реализуется идея о том, что в действительности жизнь разведчика довольно монотонна и однообразна:

'No, we've never been very James Bond minded here. I wasn't allowed to carry a gun, and my only car was a second-hand Morris Minor'. «…» 'Like James Bond killing the girl he slept with. Only she hasn't even slept with me.' «…» 'I wasn't talking about marriage. Bond never had to marry.' «…» [Greene 2005, с. 41; 42; 43].

В книге есть и другие случаи использования имени *Джеймс Бонд*, где оно служит средством актуализации стереотипного представления о профессии разведчика как полной тайн:

'The Colonel is one of the *hush-hush boys. James Bond and all that.*' … a deep silence fell over the little bar as though each one was thinking of something different — of a novel by *Ian Flemming*, of a shooting party, or a funeral [Greene, 2005, 159].

Широко и достаточно разнообразно в романе представлен, так называемый, ономастический фон, компонентами которого являются собственные имена из области шпионажа. В отличие от всеобще известного, хотя и вымышленного имени *Джеймс Бонд*, приводимые далее имена принадлежат реально существовавшим людям и используются Г. Грином как ссылки на достаточно специальную информацию. Курсивом в отрывках мы выделили имена разведчиков, а также языковые средства, при помощи которых актуализируются эталонные ситуации и стереотипизированные представления о мире шпионажа.

The trial of *Penkovsky gave all of us a great boost in morale*, they even exaggerated his importance. «…» *That would put Penkovsky in the shade* «…» *Remember Dreyfus*. Don't leave it (report) in a rubbish bin for the cleaner

to find «…» He is not an advanced alcoholic *like Burgess and Maclean*, but he drinks a lot — and he has been drinking more since the check started, I think. *Like those two and Philby*, he is obviously under some sort of strain «…» We'll look after them. *Remember Blake* — we look after our own «…» You would really have thought *I was a sort of Mata Hari*. [Greene, 2005, с. 29; 42; 66; 75; 114; 249].

Отмеченные имена не входят в область фоновых знаний среднего читателя, поэтому установка на более полное понимание содержания романа влечет за собой выход в гипертекст, при этом читатель самостоятельно определяет необходимый для него объем дополнительной информации.

Поскольку главный герой, Морис Кастл, был двойным агентом и поставлял информацию также русским спецслужбам, правдоподобность повествования обеспечивается за счет использования русского имени *Борис*, участвующего таким образом в жанровой организации произведения. Отметим, что данное имя является элементом весьма немногочисленного корпуса славянских имен, используемых в русском языке по настоящее время.

The situation is impossible, there is no one in the world with whom I can talk of everything, except this man Boris whose real name even is unknown to me [Greene, 2005, с. 111].

Часть действия романа разворачивается в Москве, что объясняет использование значительного числа имен, олицетворяющих советскую эпоху и выступающих одновременно средством создания местного колорита и критерием, в соответствии с которым мир делится на «свой» и «чужой». Здесь следует отметить высокую степени идеологизированности жанра шпионского романа, где именам отводится роль презентации определенной идеологии:

'Oh, well, I tell myself when I'm feeling low, *Marx* never knew Moscow either…' «…» The room where they waited was lined up with ugly economy buildings. Castle read the names of *Stalin, Lenin, Marx* in Russian script «…» The old man made a gesture with his hand towards the book-shelves as though he were inviting *Stalin, Lenin and Marx* — yes, and there was Engels too — to welcome the novelists whom he picked for them [Greene, 2005, с. 214; 245; 246].

Проведенный анализ используемых в романе «Человеческий фактор» собственных имен позволяет сделать вывод о том, что Г. Грин относится к собственным именам как многофункциональным языковым средствам, способным участвовать в создании художественного образа, реализации глобального замысла произведения, а также выступать в качестве жанрообразующего средства. С точки зрения их участия в жанровой организации повествования, имена собственные распадаются на две группы. Первая группа включает имена из

области шпионажа — как вымышленные, так и принадлежащие реально существовавшим людям, — благодаря чему авторский вымысел приобретает черты достоверности. Вторая группа содержит имена — символы советской эпохи, за счет чего реализуется один из важнейших принципов построения шпионского романа — противостояние между двумя идеологиями.

Наиболее характерной особенностью использования собственных имен, узнаваемой чертой идиостиля Г. Грина является обращение к самому понятию «личное имя» как средству выстраивания оппозиции «свой — чужой», основополагающей для любого романа данного жанра.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 томах / РАН. Ин-т мир. лит. — М.: Рус. словари. Яз. слав. культуры Т. 2. Работы 1922–1929 годов. — 2000. 780 с.
2. Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. 416 с.
3. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. С. 255–269. http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet4.htm
4. Шехтман Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст. — Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2005. 167 с.
5. Greene G. The Human Factor. — London: Vintage Books, 2005. 259 p.

Сведения об авторе: Елена Фёдоровна Косиченко, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, e-mail: ekosichenko@gmail.com

SEMIOTICS OF A SPY NOVEL (THE ROLE OF ENGLISH PERSONAL NAMES IN FICTIONAL TEXTS)

Dr. Elena F. Kosichenko

Associate Professor, Moscow State Linguistic University, e-mail: ekosichenko@gmail.com

Abstract

The paper focuses on the functional aspect of personal names in the spy genre and reveals their capacity to provide the reader with additional sociocultural or special information. The undertaken analysis of the personal names used in the novel "The Human Factor" by G. Greene brings to the surface the significant role these linguistic signs play in text formation and in conveying the author's message.

Key words: fictional text, personal names, author's intent, text formation, author's message

References:
1. Bahtin M. M. (2000) Works of 1922–1929. Collected Works in 7 Volumes (1). — Moscow.
2. Lotman J. M. (2010) How People Learn. Articles and Essays. — Moscow.
3. Tyinianov J. N. (1977) Literature Fact. Poetics. History of Literature. Cinema. — Moscow, 255–269. http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet4.htm
4. Shekhtman N. A. (2005) Text Understanding and Hypertext. — Orenburg: Orenburg Pedagogical University.
5. Greene G. (2005) The Human Factor. — London: Vintage Books.

Лингвистический аспект исследования категории времени в языке

В. А. Ильина
Российский новый университет

Аннотация
В контексте исследования лингвистического аспекта категории времени нами описываются способы ее репрезентации в языке как компонента содержания контекста, а также речевой ситуации на материале семантического поля номинанта *одиночество* в русском языке и номинанта *loneliness* в английском языке.

Ключевые слова: значение долговременности, значение кратковременности, ситуативно-темпоральное значение, контекстуально-темпоральное значение, категория темпоральности

В контексте исследования лингвистического аспекта репрезентации категории времени в языке в рамках структурно-семантического подхода мы полагаем, что значение времени может овнешняться, во-первых, как компонент содержания минимальной единицы языка (слова), во-вторых, как компонент содержания лингвистического контекста, в-третьих, как компонент содержания ситуации, интерпретируемой на основе анализа не только лингвистического, но и психологического контекста. В данной статье мы проанализируем, как категория субъективного времени соотносится с категорией контекстуального времени, которое овнешняется в языке как *контекстуально-темпоральное* значение, определяемое как *значение длительности, овнешненное в лингвистическом контексте*, которым обладают не только темпоральная лексика (лексическое значение времени), глаголы (грамматическое значение времени), определенные

синтаксические конструкции (синтаксическое время), но и слова с аффективно-когнитивной составляющей (контекстуальное время). Под словами с аффективно-когнитивной составляющей мы подразумеваем номинанты чувств, эмоций, отношения, состояния, процессов, темпоральная характеристика переживания которых детерминируется длительностью, т.е. временной протяженностью, определяемой как *кратковременность* и *долговременность*. При этом под значением ***долговременности*** мы понимаем *субъективно оцениваемое как продолжительное эмоциональное переживание, овнешненное в лингвистическом контексте конкретной ситуации речевого общения*. Значение ***кратковременности*** определяется как *субъективно оцениваемое как непродолжительное эмоциональное переживание, овнешненное в лингвистическом контексте конкретной ситуации речевого общения*. Контекстуально-темпоральное значение является компонентом содержания любой языковой единицы, обладающей лингвистическим (лексическим, грамматическим, синтаксическим) значением времени.

Как уже отмечалось выше, категория темпоральности овнешняется в языке как компонент содержания ситуации, интерпретируемой на основе анализа не только широкого лингвистического, но и психологического контекста. Другими словами речь идет еще об одном виде лингвистического времени, а именно ситуативном времени, которое овнешняется в языке как ситуативно-темпоральное значение и определяется как *значение субъективно интерпретируемой характеристики длительности, овнешненной в широком лингвистическом и психологическом контексте ситуации речевого общения*. При этом под характеристикой длительности понимается ее дискретность, т.е. непосредственно прерывный или непрерывный характер протяженности временного процесса, осмысляемого индивидом. В качестве видов ситуативно-темпорального значения мы полагаем логичным выделить значение *прерывной/непрерывной долговременности*, а также значение *прерывной/непрерывной кратковременности*.

Ситуативно-темпоральное значение также является компонентом содержания любой языковой единицы, обладающей лингвистическим (лексическим, грамматическим, синтаксическим или контекстуальным) значением времени, которое рассматривается в структуре ситуативно-темпорального значения как лингвистический компонент, а в качестве психологического компонента выделяется субъективное или эмотивное время, имеющее непосредственное отношение к сфере перцепции субъекта, и в значительной степени детерминируемое личностными особенностями индивида.

Национально-культурные особенности репрезентации ситуативно-темпорального значения в структуре содержания компонентов семантического поля номинанта *одиночество* (потерянность,

покинутость, ненужность, невостребованность) в русском языке, а также компонентов семантического поля номинанта *loneliness* (forsakenness, forlornness, desolation, detachment) в английском языке были описаны в процессе экспериментального исследования методом семантического дифференциала. В результате чего в русском языке значение долговременности было выявлено у слов *покинутость*, *одиночество*, *ненужность*, а значение кратковременности — у слов *невостребованность* и *потерянность*. Значение непрерывности было выявлено у номинантов *невостребованность*, *покинутость*. Значение прерывности было описано у языковых единиц *одиночество*, *ненужность*. Таким образом, было выявлено, что в семантической структуре номинантов *одиночество* и *ненужность* присутствуют значение прерывности и долговременности как составляющие значения прерывной долговременности, которое является компонентом ситуативно-темпорального значения данных номинантов. В семантической структуре номинанта *невостребованность* присутствуют значение непрерывности и значение кратковременности как составляющие значения непрерывной кратковременности. В качестве компонента ситуативно-темпорального значения номинанта *покинутость* были выявлены значение непрерывности и значение долговременности как составляющие значения непрерывной долговременности. В семантической структуре номинанта *потерянность* присутствует значение кратковременности, которое является видом контекстуально-темпорального значения данного номинанта.

В английском языке были выделены значение кратковременности у номинантов *loneliness*, *desolation*, *detachment* и значение долговременности у номинантов *forsakenness*, *forlornness*. Значение прерывности было выявлено у языковых единиц *loneliness* и *detachment*. Значение непрерывности является компонентом содержания слов *loneliness*, *forsakenness*.

Таким образом, в семантической структуре номинанта *loneliness* присутствует значение прерывности и непрерывности, а также значение кратковременности как составляющие значения прерывной/непрерывной кратковременности, которые являются видами ситуативно-темпорального значения данного номинанта. В семантической структуре номинанта *detachment* присутствуют значение прерывности и значение кратковременности как составляющие значения прерывной кратковременности. В семантической структуре номинанта *forsakenness* присутствует значение непрерывности и значение долговременности как составляющие значения непрерывной долговременности, которое также является видом ситуативно-темпорального значения данного номинанта. В семантической структуре номинанта *desolation* было выявлено значение кратковременности как компонент контекстуально-темпорального значе-

ния, а в семантической структуре номинанта *forlornness* — значения долговременности, которое также следует интерпретировать как вид контекстуально-темпорального значения данного номинанта [Ильина, 2011] (Ilyina, 2011).

Таким образом, лингвистический аспект исследования категории времени в языке был рассмотрен с опорой на анализ специфики овнешнения ситуативно-темпорального и контекстуально-темпорального значений как структурных компонентов содержания членов семантического поля номинанта *одиночество* в русском и английском языках и заключался в том, что в семантической структуре номинантов *одиночество* и *ненужность* было выявлено значение прерывной долговременности, у номинанта *невостребованность* — значение непрерывной кратковременности, в содержании номинанта *покинутость* — значение непрерывной долговременности, у номинанта *потерянность* — значение кратковременности. В семантической структуре номинанта *loneliness* было выделено значение прерывной / непрерывной кратковременности, у номинанта *detachment* — значение прерывной кратковременности, в содержании номинанта *forsakenness* — значение непрерывной долговременности. Значение кратковременности номинанта *desolation* и значение долговременности номинанта *forlornness* были описаны как виды контекстуально-темпорального значения.

Список литературы:

1. Ильина, В. А. Одиночество в языковом сознании носителей русской и английской культур [Текст] / Ильина В. А. — М.: МГОУ, 2011. — 416 с.

Сведения об авторе: Виолетта Александровна Ильина, доктор филологических наук, Российский новый университет, e-mail: violette-viola@inbox.ru

A LINGUISTIC ASPECT OF TIME CATEGORY REPRESENTATION IN THE LANGUAGE

Dr.Violetta A. Ilyina
Professor, Russian New University (RosNOU), e-mail: violette-viola@inbox.ru

Abstract

In this article, we investigate the linguistic aspect of the time category representation in the language. We research the ways of its representation as components of a contextual and situational meaning. We use a Russian and English semantic field of the word *loneliness* to show how the time category represents as components of the contextual and situational meaning.

Key words: meaning of duration, time contextual meaning, time situational meaning, meaning of short-duration, time category

References:

1. Ilyina, V. A. (2011) Loneliness in the linguistic consciousness of Russian and English culture representatives. Moscow: MGOU.

Категоризующая функция английских артиклей и семантика неопределенности

С. И. Потапенко

Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя (Украина)

Аннотация

Артикли английского языка рассматриваются в статье как сигналы соотнесения референтов с контекстом через разные уровни категоризации. Определенные фразы локализуют референты на субординатном уровне относительно телесных, пространственных и динамических координат, представленных образ-схемами. Неопределенные именные группы вводят внеситуативные референты на базовом и суперординатном уровнях категоризации, связывая их с источниками деятельности, представленными местом, одушевленными и неодушевленными референтами.

Ключевые слова: определенность / неопределенность, артикль, категоризация, образ-схема, именная группа

Английский артикль связывают с различными аспектами речемыслительной деятельности человека. Его значение и функции описаны в терминах определенности / неопределенности [Lyons, 1999, с. 2], знаний адресата [Hawkins, 1979, с. 122] и идентификации, понимаемой как направление внимания реципиента к референту, который он способен соотнести с видимой или известной сущностью [Lyons, 1999, с. 5–6].

Новое понимание процедурного назначения артиклей английского языка получаем в результате объединения когнитивной теории категоризации [Rosch, 1978, с. 30] с экспериенциальным подходом, оперирующим образ-схемами [Johnson, 1987, с. 116].

Когнитивная теория категоризации дифференцирует три уровня вычленения объектов: базовый, на котором они воспринимаются как перцептивное и функциональное целое; суперординатный, объединя-

ющий объекты с отдельными общими чертами; субординатный, представляющий индивидуальные проявления категорий [Rosch, 1978, с. 30].

В когнитивной лингвистике теория категоризации, в основном, применяется для классификации единиц, обозначающих различные физические объекты, напр., *колли, собака, млекопитающее, животное* [Rosch, 1978, с. 30]. Однако она может быть привлечена для объяснения функций артиклей как средства соотнесения номинативных единиц с объектами, принадлежащими к различным категориям. Соответственно, нулевой артикль указывает на суперординатный уровень категоризации, напр., *furniture, evidence*; неопределенный артикль соотносит отдельные сущности с суперординатным уровнем категоризации, напр., *a mammal*, но в большинстве случаев с базовым уровнем, напр., *a chair*; определенный артикль служит сигналом субординатной категоризации, указывающей на конкретные проявления категории, напр., *the kitchen chair*.

В русле предлагаемого подхода именные группы (ИГ) рассматриваем как средство локализации референтов в ситуации, структурированной разными блоками образ-схем, т.е. повторяющихся динамических моделей нашего сенсомоторного опыта, используемых для формирования более сложных образов сознания [Johnson, 1987, с. 116]. Определенные ИГ локализуют референты относительно соматических (СПЕРЕДИ — СЗАДИ, СЛЕВА — СПРАВА, ВВЕРХ — ВНИЗ, ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ), пространственных (ОБЪЕКТ — ПОВЕРХНОСТЬ — КОНТЕЙНЕР — СОДЕРЖИМОЕ — ПОЛНЫЙ/ПУСТОЙ) образ-схем, а также соотносят с последовательностями и группами, сформировавшимися в результате переосмысления понятий движения и силы [см. Потапенко, 2011, с. 64].

Неопределенные ИГ вводят референты, продуцируемые внешне- или внутриситуативными источниками деятельности, концептуализируемыми как КОНТЕЙНЕР.

Источники неопределенных ИГ представлены двумя типами КОНТЕЙНЕРА: внешнеситуативным, включающим пространство вне текущего контекста, напр., *Three men entered the room* ***from the kitchen*** [Grisham, 2011, с. 2], и внутриситуативным, включенным в текущий контекст, напр., ***Lake****'s first reaction was to suppress a laugh* [Grisham, 2011, с. 26]. В первом из приведенных примеров мужчины заходят в комнату из кухни, т.е. из КОНТЕЙНЕРА, расположенного за пределами описываемой ситуации, а во втором предложении смех продуцируется участником события, тело которого концептуализируется как КОНТЕЙНЕР, в который вкладываются определенные вещи и откуда они возникают [Johnson, 1987, с. 21].

Различная природа источников-КОНТЕЙНЕРОВ, продуцирующих референты, обуславливает три базовые модели употребления неопределенных ИГ: локативную, согласно которой источником,

порождающим неопределенный референт, является пространство, отличное от воспринимаемой ситуации; одушевленную, при которой источник неопределенного референта представлен деятельностью людей или организаций; неодушевленную, соотносящую неопределенные референты с физическими объектами или событиями.

Локативные модели связывают референты, обозначаемые неопределенными ИГ, с двумя фундаментальными составляющими ситуации: пространством, напр., *A friend* ***on the outside*** *had found it* [Grisham, 2011, с. 1], и временем, напр., ***Then*** *an entirely new set of doctors took over* [Newsweek, 4.06.2012, с. 53]. Пространственный источник неопределенных референтов обозначается дейктиком *here*, а также названиями физических мест (*under the door, in the city, in the embassy*), групп людей (*in the middle of the litigants*), разнообразных приспособлений (*on radar jamming*), тела человека, напр., *A large tattoo had been applied* ***to his left calf*** [Grisham, 2011, с. 3]. Кроме обстоятельства *then,* темпоральный источник неопределенных ИГ обозначен существительным *time*, напр., ***The time*** *is perfect for a new strongman, a new dictator* (Grisham 2011: 21), а также рядом обстоятельств со значением времени и частотности (*during visitation, sometimes, often*), напр., *No political action committee* ***in recent history*** *had appeared with as much muscle behind* (Grisham 2011: 107).

В **модели соотнесения неопределенных референтов с одушевленными источниками** последние представлены индивидами и социальными группами.

Индивидные модели связывают категоризуемые референты с четырьмя измерениями человека, концептуализируемого как КОНТЕЙНЕР: два внутренних вместилища включают тело и мозг, а два внешних — ПОВЕРХНОСТЬ, представленную внешностью, и окружающую индивида среду.

Модель соотнесения референтов с телом как КОНТЕЙНЕРОМ обуславливает употребление неопределенных ИГ, обозначающих пищу, напр., '*Would* ***you*** *like a drink?' Liz asked* [Grisham, 2011, с. 15], органы человека, напр., ***Chenkov*** *has a brain* [Grisham, 2011, с. 20], чувства, напр., ***Britt*** *felt a slight propriety interest* [Grisham, 2011, с. 81], и т.д.

Мозг, концептуализируемый как КОНТЕЙНЕР, заполненный ментальными сущностями, проецирует вовне результаты интеллектуальной деятельности неопределенными ИГ, обозначающими решения и планы, напр., ***We*** *decided to gamble by taking a big position in ValueNow* [Grisham, 2011, с. 8], мечты и желания, напр., ***Justice Beech*** *said it relishing a debate with a stock broker* [Grisham, 2011, с. 11], выбор объектов, мест или людей, напр., ***We****'ve elected an unmarried president only once* [Grisham, 2011, с. 31], и т.д.

ПОВЕРХНОСТЬ как источник референтов, обозначаемых неопределенными ИГ, предполагает описание общего впечатления, произво-

димого индивидом, напр., ***Teddy*** *said this with an air of respect* [Grisham, 2011, с. 28], его внешности, напр., ***He*** *wore old khakis, a white cotton shirt, a yellow bow tie* [Grisham, 2011, с. 55], поведения, напр., ***No one*** *made an effort to stand* [Grisham, 2011, с. 2], и т.д.

Внешний КОНТЕЙНЕР, образованный окружающей индивида средой, эксплицируется неопределенными ИГ, указывающими на происхождение, напр., ***Spicer*** *was from a rural country* [Grisham, 2011, с. 43], круг родственников и знакомых, напр., *Said* ***he*** *had a buddy at Goldman Sux* [Grisham, 2011, с. 9], личные принадлежности, напр., ***He*** *walked the track every day with a pack of Marlboros* [Grisham, 2011, с. 43], собственность, напр., ***His family*** *has owned banks for two generations* [Grisham, 2011, с. 40], состояние, напр., *Right now* ***they*** *are having a difficult time* [Grisham, 2011, с. 40], установление новых отношений, напр., ***They*** *were corresponding with a dozen or so potential victims* [Grisham, 2011, с. 41], и др.

Интерпретационный вариант модели соотнесения референтов с одушевленными источниками референтов предполагает употребление неопределенных ИГ для экспликации точки зрения неназванного автора. Эта модель представлена атрибутивными конструкциями, раскрывающими новые черты хорошо известных явлений, напр., *Scared of a dangerous world* [Grisham, 2011, с. 96], приложениями, по-иному называющими ранее категоризованные объекты, напр., *Its seed money came from a Chicago financier named Mitzger, an American with dual Israeli citizenship* [Grisham, 2011, с. 107], предикативными конструкциями, напр., ***Democracy*** *is a joke* [Grisham, 2011, с. 21], и т.д.

При **модели соотнесения неопределенных референтов с неодушевленными источниками** последние представлены объектами или явлениями. Так, в приведенном ниже примере сцена (*the hastily built stage*) служит вместилищем для знамен, обозначенных неопределенной ИГ *in banners*: ***The hastily built stage*** *was also covered in banners* [Grisham, 2011, с. 61]. Рассматриваемая модель представлена двумя вариантами: общим, совпадающим с соотнесением неопределенных референтов с одушевленными источниками, и специфическим, отражающим особенности неживых источников деятельности, например, при именовании последствий событий: ***The outcome*** *might set a serious precedent* [Grisham, 2011, с. 90].

Таким образом, изучение английских артиклей в аспекте категоризации раскрывает зависимость моделей их употребления от структуры ситуации. Референты, обозначенные определенными ИГ, локализуются относительно телесных, пространственных и динамических образ-схем, а референты, именуемые неопределенными ИГ, проявляют связь с источниками деятельности, представленными местом, людьми и объектами, соотносимыми с разными видами КОНТЕЙНЕРА.

Дальнейшее применение категориально-экспериенциального подхода для объяснения артиклей предполагает описание комплексных моделей употребления определенных и неопределенных ИГ, а также

дифференциацию значений неопределенного и нулевого артиклей как средств соотнесения референтов с базовым и суперординатным уровнями категоризации

Список литературы:

1. Потапенко С. И. Семантика определенности в английском языке: когнитивный ракурс // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 6. СПб: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2011. С. 64–70.
2. Grisham J. The Brethren. L.: Arrow Books, 2011. 441 p.
3. Hawkins J. A. Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction. L.: Croom Helm, 1978. 316 p.
4. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 233 p.
5. Lyons Ch. Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 380 p.
6. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Сведения об авторе: Сергей Иванович Потапенко, доктор филологических наук, профессор, Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя (Украина), e-mail: potapenko.sergey@mail.ru

CATEGORISING FUNCTION OF ENGLISH ARTICLES AND SEMANTICS OF INDEFINITENESS

Dr. Sergey I. Potapenko
Professor, Nikolai Gogol State University of Nizhyn (Ukraine),
e-mail: potapenko.sergey@mail.ru

Abstract

The paper treats English articles as signals relating referents to the context via different categorization levels. The definite phrases represent referents at the subordinate categorization level relative to the ground-structuring patterns based on somatic, spatial, and dynamic image schemas. The non-definite phrases relate the non-grounded referents, introduced at the basic or superordinate categorization level, to places, animate and inanimate entities.

Key words: definiteness / non-definiteness, article, categorization, image schema, noun phrase

References:

1. Potapenko, S. I. (2011) Semantics of indefiniteness in English: Cognitive linguistic view. *Voprosy germanskoj i romanskoj filologii*. Vyp. 6. (pp. 64–70). SPb: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina.

2. Grisham, J. (2011) *The Brethren*. L.: Arrow Books.
3. Hawkins, J. A. (1978) *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. L.: Croom Helm.
4. Johnson, M. (1987) *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: The University of Chicago Press.
5. Lyons, Ch. (1999) *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Rosch, E. (1978) Principles of Categorization. In E. Rosch, & B. B. Lloyd (Eds.), *Cognition and Categorization* (pp. 27–48). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Особенности пополнения национальных терминологий в эпоху глобализации

Т. С. Федорченко
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация
В работе рассмотрены особенности пополнения национальных терминологий в эпоху глобализации. Быстрое развитие науки, техники и технологий рождает во многих сообществах потребность в создании наименований для новых понятий. Однако, в условиях гегемонии английского языка, как одного из последствий глобализации, другие языки перестают пользоваться собственным языковым материалом, будучи вынужденными ассимилировать новые английские термины. На основе международных документов ООН и Европейского союза, касающихся языковой и культурной политики государств, в докладе рассматриваются наиболее частые и продуктивные модели терминообразования. При анализе документов было установлено, что самым широко распространенным способом пополнения национальных терминологий на данный момент является калькирование, неизбежно ведущее к ошибкам и «неровностям» в языке перевода.

Ключевые слова: глобализация, языковая политика, гегемония английского языка, национальные терминосистемы

Недавно начавшийся XXI век отмечен необычайно быстрым и стремительным развитием науки, техники и технологий. Интернет и технические новшества уже не представляются чудом, но ученые продолжают совершать новые изобретения. Экономика и политика, в свою очередь, ни в чем не отстают от науки и техники: они также находятся в непрерывном развитии. Официальные представители государств все чаще организуют встречи для того, чтобы обсудить политику и меры по

укреплению сотрудничества. Это вызывает необходимость создания множества документов, связанных с новыми направлениями политики. Такой прогресс требует создания большого количества наименований для новых понятий и реалий на многих языках.

Однако стоит помнить, что в XXI характеризуется таким явлением как глобализация, распространяющая на весь мир процессы унификации политики, экономики и культуры. При этом глобализация распространила на мир гегемонию английского языка, поскольку именно США являются центром экономики и сильнейшим государством в современном мире. В ситуации экономического, технического, финансового и военного доминирования англо-американский язык фактически превратился в *lingua franca*. За последние несколько десятков лет он приобрел неслыханную популярность, а владение английским языком стало практически жизненно необходимым.

Согласно гравитационной модели, предложенной французским ученым Жаном-Луи Кальве, описывающей современную языковую ситуацию в мире, в центре мировой системы языков располагается «гиперцентральный» язык — английский, носители которого придерживаются тенденции к монолингвизму. Вокруг «гиперцентрального» английского вращается десяток «суперцентральных языков» (испанский, французский, хинди, арабский, русский …). Носители этих языков, чаще билингвы, в качестве второго языка выбирают либо английский, либо язык того же уровня, то есть другой «суперцентральный» язык. Вокруг «суперцентральных» языков образуется, в свою очередь, плеяда из около двухсот центральных языков, вокруг которых, наконец, вращается около семи тысяч периферийных языков.

Подобное языковое явление редко упоминается и учитывается при разговоре о последствиях глобализации. И все же оно не менее значимо, чем все остальные. Гегемония английского языка прерывает естественный процесс формирования терминосистем на национальных языках: поскольку большая часть терминов изначально возникает и распространяется на английском языке, другие языки перестают пользоваться собственным языковым материалом и способами образования новых слов и вынуждены тем или иным способом ассимилировать новые английские термины.

Как известно, существует 3 основных способа «перехода» терминов в другие языки: полное калькирование, неполное калькирование и идиоматичность.

Подобное утверждение основывается на теории В. А. Чижаковского о том, что в двуязычной ситуации существует три типа соотношений единиц исходного языка и языка перевода: полная калькируемость, квазикалькируемость и некалькируемость.

1. Полная калькируемость предполагает однозначное соответствие (изоморфность) единицы исходного языка соответствующей еди-

нице языка перевода. Например, термин *official language* находится в соотношении полной калькируемости с его русским или, например, французским эквивалентами *официальный язык* и *langue officielle* соответственно. Перевод единицы исходного языка осуществляется здесь путем пословной перекодировки на языке перевода без нарушения парадигматических или синтагматических отношений.

2. Квазикалькируемость возникает в тех ситуациях, когда между элементами исходного языка и языка перевода нет однозначного соответствия морфологических и синтаксических отношений. Примером такой квазикалькируемости может послужить термин *cultural cohesion* и его эквивалент в русском языке — *культурные связи*. Здесь наблюдается несоответствие числа существительного *cohesion* в английском варианте и *связи* в русском. Помимо этого, значение, выраженное русским *связи*, передается в английском языке несколькими синонимами *cohesion — connection — ties*, как и значение английского слова *cohesion* имеет не одно соответствие в русском языке *связи — единство — связность — когезия*.
3. Некалькируемость термина исходного языка возникает из-за морфологической, синтаксической или семантической неоднозначности одного или нескольких элементов исходного и переводного словосочетаний. В ситуации некалькируемости переводчик вынужден прибегать к идиоматичному переводу термина, то есть такому переводу, при котором единицы исходного языка и языка перевода не будут соответствовать друг другу с морфологической, синтаксический или семантической точки зрения, но при этом входной отрезок в целом будет эквивалентен отрезку выходному. Например, такая пара эквивалентных терминов как *awareness-raising* и *sensibilisation* являются результатом идиоматичного перевода, поскольку ни у одного элемента двусоставного английского термина *awareness-raising* нет того значения, которое присутствует у французского слова *sensibilisation*; при этом значение, которое придается термину *awareness-raising* в «*Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия*» полностью соответствует значению французского *sensibilisation*.

С целью исследования тенденций создания новых терминов в романских языках было выбрано четыре международных документа, касающихся языковой политики ООН и Европейского союза, а именно:

1. Европейская хартия региональных и миноритарных языков;
2. Международная конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия;
3. Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения;
4. Всемирная декларация языковых прав.

Выбор источников обусловлен тем, что тексты таких документов существуют на многих языках одновременно, что позволяет проследить тенденции и пути номинирования одних и тех же понятий в нескольких языках.

Из 4 документов было отобрано 212 одно- и многокомпонентных терминов на английском языке, а затем были найдены их эквиваленты в русском, французском, итальянском, испанском, каталанском и португальском языках.

Очевидным «рекордсменом» по калькированию (полное + частичное калькирование) терминов является каталанский язык (96,2% среди выбранных 212 терминов), а языком, использующим меньше всего калек стал русский язык (15,03%).

Стоит также отметить, что русскому языку калькирование присуще меньше, чем другим вследствие того, что многие конструкции и модели словообразования, типичные для английского языка и для некоторых романских языков, совсем не свойственны русскому языку. Вот почему наиболее высокий процент «идиоматичного перевода» именно у русского языка.

Таким образом, анализ документов показал, что, действительно, в современном мире системы национальных терминологий в абсолютном своем большинстве пополняются не за счет собственных языковых ресурсов, а путем калькирования исходных английских терминов.

Интересно при этом отметить, что в некоторых случаях из-за выбора калькирования в качестве способа создания нового термина, выходной термин не полностью отражает исходное понятие или даже является ошибочным.

Взять, к примеру, термин *language loyalty*, который, согласно английскому определению, означает выбор носителя, отдающего предпочтение миноритарному языку. У слова *loyalty* в английском языке есть значение «соблюдение права, законов»[1], однако русский перевод «языковые права говорящих» является не эквивалентным, так как речь в данном случае идет вовсе не о правах, а именно о выборе самого носителя, какой язык использовать в близком кругу друзей и родных.

Однако бывают случаи, когда вину за неправильно созданный эквивалент, к сожалению, нельзя даже частично перенести на калькирование. Иногда причиной является исключительно некомпетентность «создателя термина». Так, например, в текстах «Европейской Хартии региональных и миноритарных языков» встречается такая пара терминов, как *minority language — язык меньшинств*. *Миноритарный язык* — именно тот, о котором идет речь в Хартии — язык, отличаю-

1 URL: http: //www.coe.int/t/dg4/linguistic/division_FR.asp (дата обращения: 15.03.2013).

щийся от языка титульной нации. Если следовать определению в Хартии, то «*minority language is a language which is different from the official language(s) of the State*» (то есть язык, отличающий от официального языка (языков) этого государства). Как правило, миноритарный язык выполняет значительно меньше социальных функций, чем мажоритарный язык, и не функционирует в наиболее престижных сферах общения (международная деятельность, наука, высшее образование и т.д.). Согласно тексту Хартии, понятие *региональный или миноритарный язык* не включает в себя ни диалекты официального языка (языков), ни языки мигрантов.

Языки меньшинств, в свою очередь, — языки, на которых говорят национальные меньшинства, т.е. представители не титульной нации.

Таким образом, при переводе *minority languages* как *языки меньшинств* Хартия будет направлена на защиту не языков, имеющих ограниченное хождение в определенной местности, а языка, имеющего подавляющее распространение в данной местности, а при переводе *миноритарные языки* все становится на свои места. В этом случае Хартия будет защищать языки как раз тех меньшинств, язык которых ограничен более мощным языковым полем.

Вследствие этой ошибки стал языковой конфликт в Украине, где меньшинствами являются русские, евреи, татары, поляки и т.д.; однако язык такого национального меньшинства как русские, напротив, в Украине имеет всеобщее распространение и не является миноритарным.

Осуществляя перевод, стоит также быть предельно аккуратными с терминами, имеющими латинские корни и являющимися схожими по смыслу.

Например, необходимо очень четко различать термины *multilingualism* и *plurilingualism*, довольно часто употребляющиеся как синонимы, имеющие, между тем, разные значения. Разница между ними определена в документе Совета Европы о языковой политике в области образования[1]: термин *multilingualism* относится к странам и государствам; так, например, Франция является мультиязычной страной, поскольку в ней говорят на многих языках, но моноязычным государством (в ней один официальный язык, в то время как в ЮАР их одиннадцать). Термин *plurilingualism*, в свою очередь, носит индивидуальный характер и относится к людям, владеющим несколькими языками; синонимом «плюрилингва» («plurilingual») может являться полиглот.

Таким образом, благодаря анализу документов, установлено, что калькирование исходных терминов английского языка на другие языки — самый широко применяемый способ пополнения национальных терминологий в эпоху глобализации. Однако, выбирая

1 URL: http: //www.coe.int/t/dg4/linguistic/division_FR.asp (дата обращения: 15.03.2013).

калькирование в качестве способа создания эквивалента, необходимо обращаться предельно аккуратно и относиться с большой осторожностью к исходным терминам и языку, на котором создается новый термин, чтобы избежать ошибок и создать в действительности «эквивалентный» термин.

Список литературы:

1. Валлерстайн И. М. Миросистемный анализ: Введение/ пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2006. 248 с.
2. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. О предмете и задачах терминоведения. Терминология в языковых процессах // Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. С. 7–18.
3. Лейчик В. М. В мире науки. Конференции терминологов // «Научно-техническая терминология», 2003. URL: http://dop.uchebalegko.ru/docs/index-14435.html?page=9
4. Лейчик В. М. Перевод терминов как процесс терминотворчества // Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов» 7–9 сентября 1988 г. (Тезисы докладов и сообщений). Москва, 1988. С. 127–130.
5. Марусенко М. А. Языковая политика Франции. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. 624 с.
6. Фенько А. «English уходит по-английски», журнал «Коммерсантъ Власть», №7, 2001. URL: http://www.kommersant.ru/doc/168823
7. Цаплин В. С. Глобализация и проблема единого языка. Часть 18 монографии «Странная цивилизация». URL: http://nounivers.narod.ru/pub/vtc_sc18.htm
8. Чижаковский В. А. Нетрадиционный подход к некоторым лингвистическим понятиям // Автоматическая переработка текста. Кишинев,1972. С. 72–79.
9. Шу-Юань Т. Синонимия и идиоматичность терминов в двуязычном русско-китайском переводном терминологическом словаре: на материале авиационной боевой техники. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 1999. 231 с.
10. Briu J.-J. Origine des langues, origine des peuples // Sens public, 3 février 2007 URL: http://www.sens-public.org/IMG/SensPublic_Peuple_JJBriu.pdf
11. Calvet, L.-J., La mondialisation au filtre des traductions. Traduction et mondialisation, Hermès, n°49, Paris, CNRS Editions, 2007.
12. Dimitrova A. Le «jeu» entre le local et le global : dualité et dialectique de la globalisation // ***Socio-anthropologie*** N°16, 2005. URL: http://socio-anthropologie.revues.org/index440.html#ftn1
13. Han B.-O. Translation — tool in the process of cultural globalization. 2008. URL: http://www.translationdirectory.com/articles/article2072.php
14. Truchot Cl. En Europe, l'anglais gagne du terrain. // La Recherche. L'actualité des science, n°429, 2009. P. 42. URL: http://www.larecherche.fr/savoirs/dossier/europe-anglais-gagne-du-terrain-01–04–2009–81240

15. Van Parijs P. L'anglais lingua franca de l'Union européenne : impératif de solidarité, source d'injustice, facteur de déclin ? // Économie publique, n°2, 2004. P. 13–32. URL: http://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/etes/documents/vanparijs05EconPub.pdf

Сведения об авторе: Татьяна Сергеевна Федорченко, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: t.fedorchenko@gmail.com

WAYS OF RENEWAL OF NATIONAL TERMINOLOGIES IN THE GLOBALISATION ERA

Tatiana S. Fedorchenko
Student, Saint Petersburg State University, e-mail: t.fedorchenko@gmail.com

Abstract

The article is devoted to ways of renewal of national terminologies in the globalisation era. The 21st century is characterized by a very fast and swift development of the science and technologies. Due to this fact most linguistic communities have to create names to new concepts. At the same time, the English language hegemony as a consequence of globalisation forces other languages to assimilate new English terms instead of using their own language sources. The most popular and productive models of term formation were studied on basis of international documents on the language and cultural policy of European Union and United Nations Organisation.

Key words: globalisation, language policy, English language hegemony, national terminologies

References:

1. Wallerstein, I. (2006) *Word-Systems Analysis: An Introduction.* Moscow, Territory of the future.
2. Leychik, V. (2003) World of science. Terminology congresses. *Scientific terminology.* URL: http://dop.uchebalegko.ru/docs/index-14435.html?page=9
3. Leychik, V. (1988) Translation of terms as a process of creativity. *International conference «Perfection of science literature translation»*.
4. Marusenko, M. (2011) *Language policy of France*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Edition.
5. Fenko, A. (2001) English takes French leave. *Business man. Power*, 7. URL: http://www.kommersant.ru/doc/168823
6. Tsaplin, B. Globalisation and the problem of the common language. *Strange civilization.* URL: http://nounivers.narod.ru/pub/vtc_sc18.htm
7. Chijakovsky, A. (1972) Non-traditional approach to some linguistic concepts. *Mechanical text handling*.

8. Shu-Yuan, T. (1999) *Synonymy and idiomatic nature of terms in the Russian-Chinese terminological dictionary: on basis of aviation machinery.* Saint-Petersburg.
9. Briu, J.-J. (2007) Origins of languages, origins of nations. *Public sense.* URL: http://www.sens-public.org/IMG/SensPublic_Peuple_JJBriu.pdf
10. Calvet, L.-J. Globalisation through translation. *Hermès*, 49. Paris, CNRS Editions.
11. Dimitrova, A. (2005) Game between the local and the global: duality and dialectic of globalisation. *Socio-anthropologie*, 16. URL: http://socio-anthropologie.revues.org/index440.html#ftn1
12. Han, B.-O. (2008) *Translation — tool in the process of cultural globalization.* URL: http://www.translationdirectory.com/articles/article2072.php
13. Truchot, Cl. (2009) English consolidate its position. *The research. Actual science*, 429. URL: http://www.larecherche.fr/savoirs/dossier/europe-anglais-gagne-du-terrain-01–04–2009–81240
14. Van Parijs, P. (2004) English — lingua franca of the European Union: imperative of solidarity, source of injustice, factor of decline? *Public economy*, 2. URL: http://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/etes/documents/vanparijs05EconPub.pdf

Конструктивизация действительности в микротерминосистемах матричного типа

(на материале английской экономической терминологии)

Т. С. Росянова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В работе обсуждается необходимость использования достижений когнитивного терминоведения в процессе обучения английскому языку специальности. Ознакомление студентов с номинативными «изюминками» в иноязычной терминологии помогает студентам войти в мир профессии на иностранном языке и конкурировать на международном уровне.

Микротерминосистемы матричного типа, состоящие из родового термина-гиперонима и четырех видовых терминов-согипонимов, номинирует целостную концепцию определенной области знания по принципу фрейма. Характерной особенностью подобных микротерминосистем является то, что они представляют собой компактную, свернутую систему знаний, выработанных профессионалами-экономистами в своей предметной области. В качестве примера микротерминосистемы матричного типа, функционирующей в английской экономической терминологии, рассматривается матрица PEST-анализа. Акроним PEST характеризует четыре группы факторов, наиболее

существенных для стратегии предприятия ***(political, economic, sociocultural, technological forces)***, реализуя логическую структуру знания, организованную в матричном формате.

Понимание принципов PEST-анализа поможет студентам-политологам и международникам лучше сориентироваться в глобальной экономике. Возможно также, что они смогут применить PEST-анализ для мониторинга и оценки событий дипломатического формата.

Ключевые слова: терминосистема, микротерминосистема матричного типа, когнитивное терминоведение, термин-гипероним, термины-согипонимы

Применение достижений современных лингвистических теорий в лингводидактике позволяет преподавателям идти в ногу со временем, а иногда и опережать его.

Одним из базовых аспектов обучения профессиональному иностранному языку является изучение терминологии специальности и принципов ее системно-структурного и концептуального построения. Овладение иностранным языком для молодого специалиста означает не только пассивное усвоение существующей терминологии и знаний, но и способность творчески применять терминологический инструментарий, конкурируя на международном уровне. Задача преподавателя английского языка — показать студентам, магистрантам и аспирантам современные принципы терминологической номинации, использующие достижения когнитивных технологий.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, какова роль термина в процессах конструктивизации предметных областей и продемонстрировать необходимость использования достижений терминоведения в учебном процессе.

На современном этапе развития языкознания представления о том, каким образом люди концептуализируют и категоризируют окружающий мир, существенно изменились. В основе формирования лексических групп лежат те или иные структуры знания о мире: разные типы концептов, фреймы, когнитивные модели, образы, прототипы, сценарии.

В настоящее время английская экономическая терминология является динамично развивающейся системой и характеризуется большим количеством номинативных инноваций в формальном и семантическом планах.

Настоящая работа представляет результаты изучения микротерминосистем «матричного типа», которые ранее терминоведением не рассматривались. Подобные «матричные» микротерминосистемы позволяют увидеть, каким образом структурируется современное экономическое знание стран с экономиками рыночного типа.

Под *микротерминосистемой* в настоящей работе понимается устойчивая ограниченная тематическая совокупность терминов, связанных друг с другом на формальном и семантическом уровне и организованных по системному принципу.

Под микротерминосистемой «матричного типа» понимается микротерминосистема, состоящая из четырех видовых терминов-согипонимов, обладающая целостностью, автономностью, внедренностью в профессиональную область, высокой частотностью употребления и имеющая родовой термин-гипероним. Микротерминосистема матричного типа номинирует целостную концепцию определенной области знания по принципу фрейма. Характерной особенностью подобных микротерминосистем является то, что они представляют собой компактную, свернутую систему знаний, выработанных профессионалами-экономистами в своей предметной области.

В качестве примера микротерминосистемы матричного типа, функционирующей в английской экономической терминологии, рассмотрим так называемый PEST-анализ.

Акроним **PEST** представляет собой инициальное сокращение следующих терминов-согипонимов, характеризующих внешнюю среду: ***p****olitical,* ***e****conomic,* ***s****ocio-cultural,* ***t****echnological forces.* PEST-анализ представляет собой оценку важнейших для предприятия факторов макроокружения, на которые оно не может оказать непосредственного влияния.

Выделенные четыре группы факторов наиболее существенны для стратегии предприятия: **political** (government stability, spending, taxation), **economic** (inflation, interest rates, unemployment), **socio-cultural** (demographics, education, income distribution), **technological forces** (knowledge generation, conversion of discoveries into products, rates of obsolescence). Мониторинг изменений внешней макросреды на основе анализа PEST позволяет компаниям минимизировать нежелательное влияние внешних сил.

Родовой термин-гипероним PEST, характеризующий четыре направления, реализует логическую структуру знания, организованную в матричном формате. Данный формат фиксирует определенный срез макросреды, дает возможность сканировать динамику развития событий и помогает оценить рынок, на котором работает компания. В англоязычных экономических монографиях описание PEST-анализа обычно сопровождается графической репрезентацией — схемой, создающей визуальную опору для восприятия.

Следует подчеркнуть, что термин PEST используется в русской экономической литературе без перевода, то есть заимствуется вся концепция анализа в целом. Следовательно, в данном случае матрица, существующая в англоязычном экономическом пространстве, переносится в новую жизнь и обретает новую территорию.

Микротерминосистемы «матричного типа» основаны на когнитивных принципах номинации, то есть соответствуют самым передовым познавательным технологиям в области специальных знаний, использующим достижения когнитивной науки последних десятилетий.

Как представляется, в задачу вузовских преподавателей иностранных языков входит ознакомление студентов с номинативными «изюминками» в терминологии. Мы надеемся, что знание принципов PEST-анализа поможет нашим коллегам, преподающим английский язык студентам-политологам и международникам, лучше сориентироваться в глобальной экономике. Возможно также, что вы вдохновите своих студентов применить PEST-анализ для мониторинга и оценки событий дипломатического формата.

Сведения об авторе: Татьяна Сергеевна Росянова, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: rosyanova@mail.ru

REALITY CONSTRUCTIVISATION IN MATRIX-TYPE MICROTERMINOSYSTEMS
(BASED ON ENGLISH ECONOMIC TERMINOLOGY)

Dr. Tatiana S. Rosyanova
Senior lecturer, St. Petersburg State Economic University, Russia,
e-mail: rosyanova@mail.ru

Abstract

The paper discusses the necessity of practical using of cognitive terminology in the process of teaching English for professional purposes and academic studies. Knowledge of nominative innovations in foreign language terminology helps students to enter the world of profession and compete on the global level.

Matrix-type terminosystems, consisting of term-hyperonym and four terms-co-hyponyms, nominate wholistic concept of definite field of knowlegde according to the framework principle.

The specific feature of matrix-type terminological sistems is the fact that they represent the succinct, compact system of knowledge, developed by the experts of economics within their professional field.

As the example of matrix-type microterminological system, functioning in English economic terminology, PEST-analysis matrix is being studied.

Acronym PEST characterises four groups of factors, essential for the company strategy ***(p**olitical, **e**conomic, **s**ocio-cultural, **t**echnological forces)* and embodies the logical structure of knowledge, organized in the matrix-format.

Understanding of PEST-analysis principles helps politology and diplomatic practice students to be better orientated in global economy. It's quite

possible for them to apply PEST-analysis for monitoring and assessment of events on the diplomatic level.

Key words: cognitive terminology, terminological system, microterminosystem of matrix type, hyponym, hyperonym

Тенденции развития и изменения содержания научных понятий
(на материале терминов философии)

А. В. Синелева
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Аннотация
В работе представлен способ использования фреймового представления информации при анализе содержания словарных статей в терминологических словарях с целью выявления формальной и собственно смысловой релевантности философских терминов в словарях разного времени издания. Теория фреймовой семантики стала одной из самых популярных с конца XX века благодаря тому, что она имеет междисциплинарный характер, интегрируя различные лингвистические и нелингвистические науки. Фреймовый подход применяется при разработке технологии фреймовой организации знаний, семантико-синтаксическом моделировании естественного языка. Концепция представления данных в виде фреймов с успехом применяется на современном этапе логико-понятийного моделирования терминосистем.

Качественно-количественное сопоставление содержания дефиниций значительных массивов терминов, о котором говорится в статье, может позволить установить степень их формальной релевантности, констатировать статические явления или, возможно, предположить изменение смысловых аспектов, обусловленное изменением набора существенных признаков у отдельных групп терминов, формирующих содержание словарной статьи. Вопросы, которых автор касается в статье, представляют не только терминологический, но и лексикографический интерес.

Ключевые слова: логико-смысловой аспект, понятие, признак, содержание понятия, структура словарной статьи, термин, фрейм

Процессы образования абстрактных понятий и, как закономерное следствие, отражения содержания этих понятий в терминологичес-

ких словарях являются сложными и противоречивыми. Постоянно углубляющееся познание выявляет новые закономерности, уточняет уже полученные. Определения терминов также подвергаются эволюции: пополняются новыми существенными и несущественными признаками. При этом понятие существенного признака является относительным, т.к. зависит от прогресса процесса познания.

Как известно, любое определение понятия в терминологическом словаре должно удовлетворять требованию необходимости и достаточности перечисленных признаков, которые единственным способом идентифицируют данный термин. Следуя классификации типов объектов познания в логике [Лейчик, 2009], термины философии, пример анализа, которых приводится в статье, относятся к теоретическим объектам познания абстрактного или идеального типа, представляя собой некоторые свойства и отношения предметов действительности, превращенные в самостоятельные предметы мысли, или результаты творческой деятельности мышления, не имеющие прообразов в действительности. Поэтому, учитывая специфику терминов этой области знания, можно предположить, что состав признаков в определении может меняться и качественно, и количественно.

Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, является изучение динамики формирования понятийного содержания абстрактных философских терминов, представленных в терминологических словарях разного временного периода: в Философском словаре Э. Л. Радлова 1913 года, Философском словаре под редакцией М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина 1968 года, и Философском словаре под редакцией И. Т. Фролова 2001 года.

Было проанализировано логико-понятийное содержание словарных статей терминов, которые являются абстрактными понятиями, объединенными по логическому аспекту словарной дефиниции в категорию ***средство***.

При анализе содержания словарных статей был использован фреймовый метод, а также искусственный формализованный язык [Синелева, 3]. После выделения логико-смысловых аспектов для каждого термина был построен соответствующий фрейм. Фрейм включал в себя следующие элементы (слоты): *тождество* (T), *признак* (A), *действие* (D), *функция* (F), *значение* (Z), *условие* (Y), *следствие* (S). Слот *тождество* содержит дефиницию, слот *признак* представляет информацию о свойствах, характерных особенностях анализируемой единицы (отличительной чертой этого содержательного аспекта является то, что его содержание всегда можно переформулировать для явного выявления атрибутивного значения, в отличие от всех остальных смысловых составляющих), содержание слотов *функция* и *значение* соотносятся с областью и методами использования и значимостью в общей системе знаний, слот *условие* содержит информацию

о необходимых условиях существования данной реалии, слот *действие* — информацию о том, когда, кем был введено, применено, изменено данное понятие, слот *следствие* отражает связь признаков и отношений анализируемого термина с другими явлениями.

Объектами анализа стали термины *аксиома, гипотеза, индукция, интуиция, теория, язык*, т.к. только эти единицы включены во все словари. В словарях 1968 и 2001 годов терминов этой группы значительно больше (19), что также служит доказательством развития научного знания.

Для удобства анализа выделенные в словарных статьях формальные показатели логико-смысловых аспектов названных терминов сведены в таблицу.

Таблица. Количественные показатели логико-смысловых составляющих терминов категории *средство* в философском словаре.

А) 1913 год.

	термин/аспект	T	A	Z	F	Y	S	D	Σ
1	**Аксиома**	1		1				1	3
2	**Гипотеза**	1	3						4
3	**Индукция**	1							1
4	**Интуиция**	1							1
5	**Теория**	1	3						4
6	**Язык**	3	3					3	9
	Σ по каждому аспекту	8	9	1				4	
	Σ по всем аспектам								22

Б) 1968 год.

	термин/аспект	T	A	Z	F	Y	S	D	Σ
1	**Аксиома**	1	3						4
2	**Гипотеза**	1	9	1					11
3	**Индукция**	2	11						13
4	**Интуиция**	2	3			1			6
5	**Теория**	1	6	2		2			11
6	**Язык**	3	8	3	2	1		2	19

	термин/аспект	T	A	Z	F	Y	S	D	Σ
	Σ по каждому аспекту	10	40	6	2	4		2	
	Σ по всем аспектам								64

В) 2001 год.

	термин/аспект	T	A	Z	F	Y	S	D	Σ
1	**Аксиома**	1	1			1			3
2	**Гипотеза**	1	15	2	4				22
3	**Индукция**	2	6		3				11
4	**Интуиция**	1	4		1	2			8
5	**Теория**	2	29	1		1			33
6	**Язык**	2	8	3	3	1		2	19
	Σ по каждому аспекту	9	55	6	11	4		2	
	Σ по всем аспектам								96

Анализ количества выделенных в содержании словарных статей разных периодов издания логико-понятийных аспектов показывает наличие трансформаций в системе признаков и отношений в сторону их количественного увеличения. Среднее значение количества логических категорий в словаре 1913 года составило 3,6, в словаре 1968 года — 10,6, 2001 года — 16. Также отметим появление и увеличение в словарях таких логико-смысловых аспектов, как функция, значение, действие, хотя, конечно, аспекты-признаки преобладают по сравнению с аспектами, характеризующими связи и отношения понятий: 9 и 5 (словарь 1913 года), 40 и 14 (словарь 1968 года), 55 и 32 (словарь 2001 года). Подобная статистика является следствием того, что в ходе развития наук возникают противоречия, ем обусловленные несоответствием существующей теории вновь открываемым фактам.

Сопоставление собственно смысловой релевантности философских терминов в словарях разных лет издания показало, что смысловое совпадение статей в словаре 1968 года и словаре 2001 года значительней, чем в предыдущий период времени (1913 и 1968 годов): у терминов *гипотеза, индукция, интуиция, язык* полностью отсутствуют совпадения в понятийном содержании, остальные термины имеют совпадения, которые составляют 100% — для термина *аксиома*, 25% — *теория*; в словарях 1968 и 2001 годов наблюдаем следующее:

словарные статьи терминов *аксиома*, *интуиция*, *язык* совпадают соответственно на 66,6%, 100% и 100%, тогда как термины *гипотеза*, *индукция* и *теория* не имеют никаких смысловых соответствий. Отсутствие смысловых совпадений в содержании словарных статей, а также наблюдаемое количественное колебание логико-смысловых аспектов может быть рассмотрено как подтверждение относительности существенных признаков, формирующих понятия.

Таким образом, набор существенных признаков того или иного абстрактного научного понятия изменяется со временем. Вследствие этого остается актуальным вопрос об определении и отборе наиболее существенных признаков, связей и отношений, включаемых в статью терминологического словаря при его создании.

Список литературы:

1. Лейчик В. М. Терминоведение. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009, 255 с.
2. Радлов Э. Л. Философский словарь. М.: Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ, 1913, 175 с.
3. Синелева А. В. Фреймовый метод анализа структуры и содержания словарных дефиниций в терминологических словарях // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского, №6(2), Н. Новгород, 2011. С. 638–642.
4. Философский словарь под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. М.: Изд. политической литературы, 1968, 432 с.
5. Философский словарь под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001, 719 с.

Сведения об авторе: Анастасия Васильевна Синелева, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, e-mail: sinstasi@mail.ru

TRENDS AND CHANGES IN THE CONTENT OF SCIENTIFIC CONCEPTS (BASED ON PHILOSOPHICAL TERMS)

Anastasia V. Sineleva

Associate Professor, Nizhny Novgorod State University of N. I. Lobachevsky, e-mail: sinstasi@mail.ru

Abstract

The paper presents the way of using frame submission information that is used for analyzing dictionary entry content of terminological dictionaries necessary for identifying the formal and the actual semantic relevance of philosophical terms in the dictionaries of various time of publication.

The theory of frame-oriented semantics is one of the most popular of late 20th — early 21st centuries due to its interdisciplinary nature that integrates various linguistic and nonlinguistic sciences. At the moment the frame approach is used for developing of frame-oriented knowledge organization technology, semantic and syntactic modeling of natural lan-

guage. The concept of the frame form data presentation is successfully used for modern logframe conceptual modeling term systems.

Qualitatively-quantitative comparison of the definition content of the of large tracts of terms may enable the their formal relevance degree, verify static phenomena or assume the semantic aspects variation due to changes in the a set of essential features of individual groups of terms, forming the contents of the entry. The problems regarded in the article are both of terminological and lexicographic nature.

Key words: logic and semantic aspect, concept, sign, content of concept, entry structure, term, frame

References:

1. Leychik V. M. (2009) Terminology. M.: Librokom publishing house, 255 p.
2. Radlov E. L. (1913) Philosophical dictionary. M: Ya Dancin and J. Komutov, 175 p.
3. Sineleva A. V. (2011) Tiling method of analysis of the structure and content of the dictionary definition of terminological dictionaries // Bulletin of the NNSU named after N. I. Lobachevsky, (6/2). 638–642.
4. Philosophical dictionary edited by Rosenthal M. M., Yudin P. F. (1968) M: Political literature, 432 p.
5. Philosophical dictionary edited by Frolov I. T. (2001) M: Republic, 719 p.

Лингвострановедение: функционально-семантические особенности фразеологизмов-англицизмов

Е. А. Татьянченко
Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко,
Институт международных отношений

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам заимствования англоязычной лексики и, как результат, процессу отражения языковых изменений в словарном запасе конкретного носителя языка-реципиента. Одним из характерных проявлений изменений в лексико-семантической системе конкретного языка и его функционирования является обогащение языка за счет заимствования языком-реципиентом неологизмов, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний и других лексических единиц. Такой процесс способствует более точному, конкретному, лаконичному выражению мысли, взаимопониманию на разных уровнях решения конкретных задач. Как свидетельствует проведенное нами

исследование, заимствование лексических единиц носителями языка-реципиента осуществляется на разных уровнях общения и контактов. Особенно этот процесс стал актуальным в последние годы, когда значительно расширилась сфера международных связей в области экономической, политической и культурной жизни народов мира.

Ключевые слова: лингвострано-ведение, функционально-семантические особенности, заимствования, англицизмы, фразеологизмы, неологизмы

Проблема языковых изменений представляется особенно актуальной в последние годы, когда возросла роль масс-медиа, интернета. Огромное влияние на развитие общественно-политической жизни оказывают информационная революция, экономические преобразования, международный терроризм и борьба с ним, проблемы окружающей среды. Изменения в социально-политической жизни, безусловно, находят свое отражение в языковой системе, а именно, в изменении лексического состава, его обогащения за счет заимствования англоязычной лексики.

Одним из способов расширения словарного запаса является заимствование неологизмов, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний и других лексических единиц. Под фразеологическими выражениями мы понимаем особые синтаксические конструкции языка, состоящие из двух или более раздельно оформленных компонентов и характеризующиеся цельностью значения, воспроизводимостью в речи и устойчивостью лексического состава и синтаксической структуры [Гужва, 1973, 90].

Многочисленные фразеологические единицы отражают традиции и обычаи английского народа: ***beat the air*** (или ***the wind***) **—** *попусту стараться, понапрасну затрачивать энергию*); русский эквивалент *переливать из пустого в порожнее*, толочь *воду в ступе.* Выражение происходит от средневекового обычая размахивать оружием в знак победы, корда противник не являлся на суд чести для разрешения спора оружием. ***Put somebody in the cart*** *— поставить кого-либо в тяжелое положение.* Словом cart называли повозку, в которой доставляли преступников к месту казни или возили по городу с позором. ***Play fast and loose*** *— вести нечестную, двойную игру* — Выражение связано со старинной игрой, в которую играли главным образом на ярмарках в Англии. На палец то туго наматывался, то распутывался ремень или веревка, причем зрители не могли уловить ловкую манипуляцию, и неизменно проигрывали пари.

Многие фразеологизмы, вошедшие в русский язык, настолько ассимилировались, что употребляются даже без пояснений, и уже не воспринимаются как заимствованные лексемы, например: ***хлеб***

с маслом *(bread and butter) — средства к существованию, источник существования;* ***сделать все возможное*** *(do one's level best) — не жалеть усилий, сделать все возможное;* ***зеленая улица, зеленый свет*** *(the green light) — свобода действий;* ***держу пари, как пить дать, даю голову на отсечение*** *(you bet!* или *you bet your boots!* или *you bet your life!) — спорить, на спор, уверять* и многие другие.

Употребление каждого заимствованного фразеологизма имеет свою историю ассимиляции языком-реципиентом, и некоторые из них имеют свои особенности, например: ***хорошо проводить время*** *(have a good time) — веселиться.* Возникновение этого выражения связано с тем, что данная фразеологическая единица была широко распространена в Англии в XVI–XVII веках, но в XVII веке она вышла из активного употребления в Англии и попала в Американский лексикон, и там сохранилась. Оттуда выражение было заимствовано русским языком в XIX веке, и с тех пор широко употребляется как в разговорном, так и в художественном стилях языка.

Некоторые фразеологизмы стали известными и распространенными благодаря политическим деятелям. Так, например, Бенджамин Франклин подарил миру выражение: ***Время — деньги.*** *Time is money.* (Advice to a Young Tradesman.).

Авраам Линкольн после избрания его президентом США в 1860 году употребил фразеологическое выражение: *Swap horses while crossing a stream. —* ***Менять коней во время переправы***, то есть *производить важные изменения в неподходящее время*. (Reply to National Union League). Позже появились варианты: *Never swap horses while crossing the stream. —* ***Коней во время переправы не меняют***. — а так же: *To change horses while crossing the stream. —* ***Менять коней во время переправы.***

Или, например, оборот ***большая дубинка*** *(big stick),* позже — *политика большой дубинки политика силы, символ военной мощи страны или политика, за которую выступали многие государственных деятели США в XX веке*, стал широко известным после выступления президента США Теодора Рузвельта в Штате Миннесота в 1991 году: «Speak softly and carry a big stick. You will go far». — «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку. Так можно многого добиться». (Roosevelt, Theodore (Teddy). Speech Minnesota State Fair). Уместно отметить, что фразеологизм ***холодная война*** *(the cold war) — противостояние двух политических систем, которые ассоциировались с двумя ядерными сверхдержавами — США и СССР* был введен американским журналистом Уолтером Липпманом и употреблен премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем во время его фултонского выступления. Сейчас это выражение часто употребляется в переносном смысле.

Реалиями, определяющими активизацию процесса заимствования лексических единиц, является коммуникативная потребность

в контактах политической, социальной, научной, культурной жизни народов, которая особенно прослеживается в последние годы в условиях глобализации. Одним из примеров таких контактов, а именно, социально-политических могут быть следующие англицизмы-фразеологизмы:

Бритни (*Britney*) *— девушка или молодая женщина, одевающаяся слишком легкомысленно;*

дементор *(dementor) — выдуманное существо, которое может лишить кого-либо счастья (из книг о Гарри Поттере);*

потер мания *(pottermania) — человек, увлекающийся произведениями о Гарри Поттере;*

поколение хип хоп *(hip hop generation) — молодое поколение афроамериканцев;*

кока-колонизация *(coca-colonization) — распространение Западного (особенно американского) образа жизни в мире* и другие.

Если проанализировать своеобразное лексическое обогащение языка, то есть фразеологизмами, заимствованными из английского, то очевидно, что значительный пласт заимствованной лексики относится к сфере масс-медиа, пилитики, экономики, к проблемам международного терроризма, охраны окружающей среды, дискриминации, например:

вольво-демократ *(Volvo Democrat)* — американец, европейского происхождения, член демократической партии, хорошо образованный, умеренно богатый, живет в предместье;

американская исключительность *(America-firstism, American exceptionalism)* — доктрина о лидерстве, исключительности Америки как наиболее развитой страны;

асимметричный конфликт *(asymmetric conflict)* — конфликт между сторонами-комбатантами с разным военным потенциалом, при котором более слабая в военном отношении сторона применяет «нетрадиционную», тактику террора;

«Наследующий день» (*«The Day After», «Day-After-Tomorrow»*) — ужасное, апокалиптическое событие, например, природная или техногенная катастрофа; громкий телефильм 1983, в котором с шокирующими подробностями были отражены все ужасы и последствия гипотетичной ядерной атаки на город Канзас-Сити. Транслировался компанией Эй-би-си [ABC] и вызвал противоречивые отзывы, хотя посмотрело его рекордное число зрителей — 100 млн и другие.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что существуют различные условия заимствования лексем — это экстралингвистические, общественно-политические, экономические, культурные, и другие, которые влияют на развитие языка, а также лингвистические, а именно, тенденция на каком-либо языке точно и коротко выражать свою мысль на уровне межъязыковых контактов.

Язык, в свою очередь, как общественное явление является не только способом общения между людьми, но и способом выражения их менталитета, исторического опыта предыдущих поколений, духовных приобретений и в тоже время отражает изменения, происходящие в общественной жизни. Поэтому вопрос языковых изменений тесно связан с развитием общества и, следовательно, с лексическими новообразованиями и лексическими заимствованиями из других языков.

Список литературы:

1. Гужва Ф. К. Современный русский литературный язык. Киев: «Вища школа», 1973. 164 с.
2. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. — М., 1996.
3. Татьянченко Н. Ф. Толковый словарь русского языка. М.: Изд. дом «Диалог», 1998. 544 с.
4. Lexicon of Terms and Concepts in Public Administration, Public Policy and Political Science, — by S. Badger, M. Bejzyk. Kyiv: Osnovy Publishers, 2005. 448 с.

Сведения об авторе: Елена Александровна Татьянченко, кандидат филологических наук, доцент, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Институт международных отношений, e-mail: assel@ua.fm

CULTURE ORIENTED LINGUISTICS: FUNCTIONAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF LOANS FROM ENGLISH

Dr. Elena A. Tatianchenko

Associate Professor, Taras Shevchenko National University of Kiev,
e-mail: assel@ua.fm

Abstract

This article is devoted to the problem of language changes especially lexical changes, improvement of the language vocabulary by loans and word-borrowing from the English language. One of the ways of improvement of the language vocabulary is borrowing of idioms and neologisms. There are such reasons for word-borrowing as extralinguistic, social, political, economic, cultural and other ones. On the other hand the tendency of any language to be laconic and shorter impacts on the language development. An important role in the process of lexical changes is played by loans because word-borrowings shape and reflect lifestyles of people. Word-borrowings reflect social trends and they are closely connected with social and political events in the life of any society. Nowadays the language system specially the language vocabulary reflects the changes of social and political life.

Key words: Culture oriented linguistics, functional peculiarities, semantic peculiarities, loan, word-borrowing, idiom, neologism

References:

1. Guzhva F. K. (1973) The Modern Russian Language. Kiev: Vysch shkola.
2. Krysin L. P. (1996) Loans in Modern Life. // *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya.* Moskow.
3. Lexicon of Terms and Concepts in Public Administration, Public Policy and Political Science, — by S. Badger, M. Bejzyk. (2010) Kyiv: Osnovy Publishers.
4. Tatyanchenko N. F. (1998) The Russian Language Dictionary. Moskow: Izdatelskiy Dom «Dialog».

Причины употребления многокомпонентных терминов

(на материале немецкой авиационной терминологии)

Н. С. Шарафутдинова

Ульяновский государственный технический университет

Аннотация

В немецких технических текстах активно употребляются длинные по структуре сложные и сложносоставные термины, состоящие из трех и более компонентов. В качестве компонентов термина могут быть самостоятельные слова, символы, графические изображения и полусуффиксы. Нами изучены причины возникновения и активного употребления многокомпонентных авиационных терминов в немецком языке. В качестве материала для исследования были использованы современные авиационные журналы, изданные в Германии. Основная причина создания и употребления многокомпонентных терминов — это стремление к экономии усилий по восприятию и узнаванию обозначаемого термином понятия благодаря родо-видовым отношениям. Вторая основная причина — это стремление показать в наименовании несколько отличительных признаков технического изделия и тем самым избежать дополнительных уточнений. Восприятие длинных композитов сопряжено трудностями. Для обозримости в многокомпонентных немецких терминах имеется тенденция к использованию поясняющего дефиса, облегчающего визуальное восприятие.

Ключевые слова: многокомпонентный термин, сложный термин, терминоообразование

Актуальность темы исследования определяется потребностью в эффективном наименовании новых специальных понятий, отра-

жающих развитие науки и техники. Значительная часть новых отраслевых терминов имеет относительно длинную структуру. В этой связи изучение словообразовательной структуры многокомпонентных терминов, причины их формирования и употребления представляют большой интерес для терминоведения и лингвистики.

Цель нашего исследования — изучить причины формирования и употребления многокомпонентных терминов на примере современной немецкой авиационной терминологии.

Материалом для нашего исследования послужили 2760 немецких авиационных терминов, полученных методом сплошной выборки из современных авиационных журналов «Flieger Revue», «Flug Revue», «Pilot», изданных в Германии. Нами была изучена словообразовательная структура выявленных терминов и подсчитано в них количество компонентов с целью определить долю многокомпонентных терминов в современной авиационной терминологии немецкого языка.

К многокомпонентным терминам относятся сложные термины и терминологические сочетания (отличающиеся цельностью номинации), содержащие три и более корневых морфемы. Компонентами сложного термина могут быть буквенные или числовые символы (T-Leitwerk, T-образное оперение, M-Flügel, M-образное крыло, 14-Zylinder-Doppelsternmotor), графические символы, моделирующие своей формой объект [Scharafutdinowa, 2009, с. 24]. Одной из основ сложного термина может служить и полуаффикс. Так, словообразовательные элементы –werk, –zeug в составе терминов со значением nomina instrumenti (Flugzeug, Tragwerk, Fahrwerk, Triebwerk, Leitwerk, Hebewerk) являются полусуффиксами и компонентами сложных терминов, так как существует семантическая связь, хотя и слабая, между элементами –werk, –zeug и соответствующими самостоятельно употребляемыми лексемами [Вашунин, 1982, с. 28; см. также Erben 1993, с. 133–134]. По мнению М. Н. Володиной, использование специализированных терминообразующих морфем, символов и моделей при терминологической номинации обусловлено необходимостью создавать мотивированные термины [Володина, 2003, с. 121]. Разновидность многокомпонентных терминов представляют цепочечные термины, в составе которых имеется не менее трех относительно самостоятельных (обычно соединенных дефисами) основ. Например: Vier-Achsen-Autopilot, U-Boot-Bekämpfungsflugzeug, Turbinen-Luftstrahl-Triebwerk, Zug-Druck-Zylinder.

Результаты исследования показали, что в немецкой авиационной терминологии 1-компонентные термины составляют 6,7 %, 2-комп. — 45,1 %, 3-комп. — 28,8 %, 4-комп. — 11,6 %, 5-комп. — 5,0 %, 6-комп. — 1,9 %, 7-комп. — 0,6 %, 8-комп. — 0,3 %. Таким образом, многокомпонентные термины в немецкой авиационной терминологии составляют 48,2 % от числа изученных 2760 терминов. При этом следует заметить, что в авиационной терминологии немецкого языка более всего

представлены двухкомпонентные термины (45,1 %). Трехкомпонентные термины образуются достаточно часто (28,8 %). Четырехкомпонентные термины применяются в два раза реже, чем трехкомпонентные, но в два раза чаще, чем однокомпонентные термины. Пятикомпонентные термины встречаются в два раза реже, чем четырехкомпонентные термины. Шести-, семи- и восьмикомпонентные отраслевые термины употребляются крайне редко, девятикомпонентные термины в немецких авиационных журналах нами не обнаружены.

Рассмотрим причины, по которым, на наш взгляд, происходит создание и функционирование многокомпонентных терминов:

1. Отличительный признак в наименовании новой модификации технического изделия осуществляется путем добавления определяющего компонента к уже существующему двухкомпонентному термину, по словообразовательной структуре сложному или составному. Например, на основе термина Landesystem создан термин Mikrowellenlandesystem. Чаще всего отраслевой термин образуется именно на базе родового термина путем присоединения компонента, несущего отличительный признак нового терминологического понятия. Углубление знаний человечества о ранее открытых предметах и явлениях заставляет специалистов добавлять все большее число компонентов к известным терминам, поскольку «процесс познания мира первичен, а номинация познанных объектов вторична» [Авербух, 2006, с. 156].
2. Новый термин, созданный путем удлинения структуры ранее функционирующего термина, позволяет сэкономить усилия по его восприятию, поскольку в языковом сознании легко устанавливаются связи (например, родо-видовые отношения) между новым удлиненным (видовым) и базовым (родовым) терминами, а также другими терминами данной терминосистемы. Этим и объясняется активное использование «удлиненных» терминов при наименовании новых модификаций технических изделий.
3. Структура термина-композита удлиняется, если в ней закрепляется несколько отличительных признаков терминируемого понятия во избежание дополнительных уточнений, т. е. происходит сосредоточение самого рационального в одной терминологической единице. Например: Sechsblatt-Druckpropeller, Zweiblatt-Zugpropeller, Junkers-Dreiblatt-Metallpropeller. Многокомпонентный термин-композит представляет собой возможность кодировки отношений между понятиями в самой экономной форме, а именно контактным положением или соположением компонентов. Многокомпонентные термины образуются по аналогии с уже существующими сложными терминами.
4. Термин с двумя и более детерминантами по сути дела является характеристикой технического изделия, поэтому он предпочитается в текстах, подробно описывающих конструкцию той или иной

самолетной детали, и в рекламных текстах, в которых необходимо отразить максимальное количество преимуществ и особенностей технического изделия. Например: Pfeilflügeljagdflugzeug, Rotax-Zweizylinder-Zweitaktmotor.

5. Нередко узуальный композит принимает определение, используя при этом синтаксическую связь, тем самым, образуя терминологическое словосочетание. Например: doppelstöckige Bremsklappe, abgestrebte Höhenruderflosse, zweiflügige Holzluftschraube, viermotoriges Langstreckenverkehrsflugzeug. Раздельное оформление многокомпонентных терминов улучшает не только визуальное, но и слуховое восприятие терминологического наименования и способствует сочетанию в наименовании нескольких дифференциальных признаков, тем самым образуя мотивированные термины.

   Мотивированность термина — это прозрачность его внутренней формы, позволяющая получить представление об отражаемом в термине внеязыковом содержании. Термины с прозрачной внутренней формой относительно легко воспринимаются и запоминаются, поэтому при наименовании нового терминологического понятия выбор обычно делается в пользу мотивированных терминов. Предлагаются различные способы создания мотивированных терминов, среди которых морфематический способ, графический способ, дефинитивный способ, которые могут быть также использованы при создании многокомпонентных терминов.
6. С целью конкретизации стандартизованного термина вводится новый уточняющий компонент в качестве среднего компонента. Ср.: Kraftstoffsystem — Kraftstoffpumpsystem, Warnanlage — Warnblickanlage.
7. Восприятие многокомпонентных терминов, особенно композитов, сопряжено трудностями. «Идеально обозримыми являются двусоставные детерминативные композиты» [Вашунин, 1990, с. 49]. Стремясь к двусоставности, многокомпонентные термины в немецком языке имеют тенденцию использовать поясняющий дефис, облегчающий визуальное восприятие. Например: Oberflügel-Kraftstoffbehälter, Querruder-Spaltklappe, Infrarot-Suchkopf, Zweistrom-Zweiwellentriebwerk. Следует заметить, что активно функционируют две формы правописания некоторых немецких авиационных терминов: слитная и дефисная. Ср.: Mittelstrecken-Verkehrsflugzeug // Mittelstreckenverkehrsflugzeug; Überschall-Verkehrsflugzeug // Überschallverkehrsflugzeug; Doppelseitenleitwerk // Doppel-Seitenleitwerk. При этом выбор правописания не влияет на семантическую структуру термина. Рассмотрение многокомпонентных терминов по бинарной схеме позволяет легче определить категориально-семантический и детерминативно-семантический признаки термина.

Согласно нашим исследованиям, 14 % трехкомпонентных немецких авиационных терминов пишутся через дефис, 73,5 % — слитно,

12,5 % — раздельно. Из числа четырех- и пятикомпонентных немецких терминов 36 % пишутся через дефис, 33 % — слитно, 31 % — раздельно. Из этого следует вывод, что с увеличением числа микрокомпонентов растет потребность немецкого термина в улучшении обозримости, что достигается путем применения дефиса или создания сложносоставного термина.

Результаты нашего исследования могут быть использованы на курсах по лексикологии немецкого языка и терминоведению, а также в практике создания немецких отраслевых терминов.

Список литературы:

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006. 252 с.
2. Вашунин В. С. Структура определительных сложных существительных в современном немецком языке. Куйбышев: Куйбышевский пединститут, 1982. 90 с.
3. Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.
4. Володина М. Н. Специфика терминологической номинации // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1993): Хрестоматия. М.: Московский Лицей, 2003. С. 119–122.
5. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 3., neubearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1993. 182 S.
6. Scharafutdinowa N. S. Daf-Fachsprache: Wortbildungsmodelle von Komposita in der deutschen Fachsprache der Computertechnik // Deutsch als Fremdsprache aus internationaler Perspektive. Neuere Trends und Tendenzen / Fan Jieping, Li Yuan (Hrsg.). München: IUDICIUM Verlag GmbH München, 2009. C. 21–29.

Сведения об авторе: Насима Саетовна Шарафутдинова, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Ульяновский государственный технический университет, e-mail: nassima@mail.ru

REASONS UNDERLYING THE USE OF MULTICOMPONENT TERMS — EVIDENCE FROM GERMAN AVIATION TERMINOLOGY

Nasima S. Sharafutdinova

Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Ulyanovsk State Technical University, e-mail: nassima@mail.ru

Abstract

In German technical texts there are many long compound and phrase terms consisting of three or more components. The words, symbols, graphic images and semi-suffixes can be used as components of these terms. We investigated the reasons and active use of multicomponent aviation

terms in German. As the material for the study we used modern aviation journals published in Germany. The main reason for the building and use of multicomponent terms is desire for economy of efforts in perception and getting to know terms concept thanks to generic-form relations. The second main reason is desire to show several distinctive features of a technological product in the term and to avoid complementary specifications. The perception of multicomponent composites causes difficulties. For visibility there is a tendency to use a clarifying hyphen that facilitates visual perception of German multicomponent terms.

Key words: multicomponent term, complex term, term formation

References:

1. Averbukh K. Y. (2006) General theory of the term. Moscow: Moscow State Open University Press, 252.
2. Vashunin V. S. (1982) Structure of attributive complex nouns in modern German. Kuibyshev: Kuibyshev Pedagogical Institute, 90 pp.
3. Vashunin V. S. (1990) Substantive compound words in German. Moscow: Higher School. 159.
4. Volodina M. N. (2003) Specificity of terminological nomination // Tatarinov V. A. History of Russian terminology: in 3 volumes. Volume 3. Aspects of the terminological research (1973–1993): Reader. Moscow: Moscow High School, 119–122.
5. Erben J. (1993) Introduction to German word formation. 3rd, revised edition. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 182.
6. Sharafutdinova N. S. (2009) German as foreign technical language: word formation models of compound words in German computer terminology // German as a foreign language from an international perspective. Newer trends and tendencies /Fan Jieping, Li Yuan (ed.). Munich: IUDICIUM Verlag GmbH Munich, 21–29.

Национально-культурная специфика новозеландского национального варианта английского языка

А. Р. Бекеева
Российский университет дружбы народов

Аннотация

В статье автор изучает фонетические и лексические особенности новозеландского национального варианта английского языка, обращает внимание исследователей на то, что исследование «новозеландского английского» находится на начальной стадии в современной

лингвистике. В работе также рассматриваются примеры заимствований из языка маори.

Ключевые слова: национальный вариант, национальная литературная норма, национально-культурное своеобразие, централизация, дифтонгизация, заимствование

В языке запечатлен потенциал общественно-исторического опыта, отражающий национально-культурное своеобразие истории, культуры, психологического склада народа. Научный интерес к английскому языку обусловлен широкими возможностями изучения его национально-культурной специфики.

Социолингвистический статус английского языка в Новой Зеландии определяется как новозеландский вариант английского языка, так как он является государственным языком страны; на нем говорит абсолютное число жителей государства; обладает литературной нормой и национально-культурной спецификой. В Новой Зеландии также государственным является язык маори.

В декабре 1642 г. А. Тасман открыл остров, назвав его *Stateen Landt* (позже — *Nieuw Zeeland* с голландского языка — new sea-land). Аборигенами страны являются маори, назвавшие страну *Aotearoa* (*the land of the long white clouds* — страна белых длинных облаков). Появление английского языка в Новой Зеландии относится к 1769 г., когда берегов Новой Зеландии достиг Д. Кук.

Основные фонетические и лексические инновации в новозеландском национальном варианте английского языка возникли на основе диалектов Великобритании и языка маори, в результате взаимодействия которых сформировалась собственная национальная литературная норма.

В годы колонизации особенности произношения новозеландцев воспринимались как ошибки и вульгаризмы. Одним из самых распространенных и «коварных вульгаризмов» новозеландской речи было употребление безударного [i] как [ə]: *it is* [it iz] это произносилось как [ət əz]; реализация дифтонгов [ai] как [ei] и [ei] как [ai]: *lady* [leidi] леди произносилось [laidi], *days* [deiz] дни как [*daiz*], *cake* [keik] торт — [kaik].

В 1861 г. «золотая лихорадка» в г. Отаго и Уэстленд оказала значительное влияние на темпы роста населения, экономического развития и продовольственного потенциала Новой Зеландии. Данный период отмечен расширением торгово-экономических связей с Англией, Австралией, Францией и США. Иммигранты привносили в английский язык Новой Зеландии свои языковые особенности, например: озвончение [t] в интервокальной позиции узуально и в США, юго-восточных графствах Англии (Гемпшир, Дорсет); выпадение палатального

аппроксиманта [j] (Y-dropping) в позиции после альвеолярных согласных в словах new [nju:] новый, dew [dju:] роса, tune [tju:n] мелодия также встречается в диалектах Англии (северный Кент, северо-западный Ворвикшир, восточный Беркшир) и США; употребление первого компонента дифтонга [ai] более открытого характера является одним из самых частотных в речи жителей Лондона, юго-восточных графств Англии (Корнуолл, Девон, Суффолк и северо-восточной Шотландии); вокализация [l] наблюдается и в лондонском диалекте, эстуарном диалекте юго-восточной Англии (Estuary English), в Нью-Йорке и Филадельфии в США.

Яркими чертами фонетического уровня новозеландского национального варианта английского языка в системе вокализма являются: «централизация» гласных звуков [i]; слияние дифтонгов [iə] и [ǫə]; дифтонгизация гласного «центрального» звука [i:] в [əi]; подъем и сужение гласных переднего ряда [e] и [i].

«Централизация» [i] в словах типа milk [milk] молоко и silk [silk] шелк в новозеландской национальной литературной норме является инновацией, возникшей в результате «сдвига» кратких гласных переднего ряда. Иногда в безударном положении звук [i] заменяется нейтральным ненапряженным гласным среднего подъема [ə]: *ship* [ʃip] корабль слышится как [ʃəp].

Отличительной особенностью новозеландского национального варианта английского языка является дифтонгизация гласного «центрального» звука [i:] в [əi]: *feet* [fi:t] ноги — [fəit], *fleece* [fli:s] руно — [fləis].

В новозеландской национальной литературной норме краткий нейтральный звук [æ] по своим артикуляционно-акустическим характеристикам «сужается» в сторону гласного высокого подъема переднего ряда [e], например, fantastic фантастика [fæn'təstic] — [fen'testic], *exactly* [ig'zæktli] точно — [ig'zektli], *travel* [trævl] путешествовать — [trevl], *cat* [kæt] кошка.

Распространенными случаями в новозеландском национальном варианте английского языка является сходство компонентов слов в силу близости акустической структуры этих дифтонгов [iə] и [ǫə]: *ear* [iə] ухо и *air* [ɛə] воздух, *chair* [tʃeə] стул — *cheer* [tʃiə] приветственное восклицание, *really* [riəli] действительно — *rarely* [rɛəli] редко, *hear* [hɛə] волосы — *here* [hiə] здесь. В лексемах, в которых гласный корня восходит к среднеанглийскому дифтонгу [ai], например, в словах *fair, air,* дифтонг реализуется как [iə]: *fair* [fɛə] прекрасный произносится как [fiə]; *air* [ɛə] воздух — [iə].

В новозеландской национальной литературной норме имеются случаи реализации дифтонга [ai] как [ei], также наблюдается тенденция звуковой реализации [ei] вместо [ai]. Лексемы *same* [seim] одинаковый произносятся как [saim]; *great* [greit] великий — [grait].

Дифтонг [ai] в словах *price* [prais] ‘цена’, *nice* [nais] хороший, *five* [faiv] пять заменяется аллофоном [Æe]: [prÆes], [nÆes], [fÆev].

Дифтонг [ei] в словах типа *name* [neim] имя, *fame* [feim] слава, *face* [feis] лицо в речи новозеландцев слышится как [naim], [faim], [fais].

Реализация дифтонга [ai] вместо [ei] в словах типа *great* [grait] великий, *day* [dai] день была характерна для жителей юго-восточной Англии еще в XV веке. Обращает на себя внимание тот факт, что случаи произношения слов типа *knife* [naiv] нож, *mice* [mais] мыши с дифтонгом [ei] вместо [ai] наблюдались в литературном английском языке XVII века.

Национально-культурное своеобразие новозеландского национального варианта на лексическом уровне выражается в использовании словосложения: bobby calf новорожденный теленок, eye-dog пастушья собака, sheep stations овцеводческие фермы, fish and chip brigade группа молодых членов парламента, которые поддерживали Д. Ланга в 1980 г., the backbone club группа консервативных членов Лейбористской партии.

Имена политических лидеров Новой Зеландии служат не только для образования новых слов и словосочетаний, но и содержат культурно-историческую информацию: greyism (губернатор Дж. Грей), masseyism (премьер-министр Новой Зеландии 1912–1925 гг. У. Масси), muldoonism (премьер-министр 1975–1984 гг. Р. Малдун), clarkism (премьер-министр 1999–2008 гг. Х. Кларк) — политические режимы; seddonite, greyite, masseyite, vogelite — приверженец, отличающийся фанатизмом по отношению к указанным политическим деятелям; muldoonist — последователь политической партии, возглавляемой Р. Малдуном. В 1914 г. имя премьер-министра У. Масси стало нарицательным, обозначающим любой вид армейского снаряжения и деятельности; masseys — армейские сапоги; bill massey — мундир, китель; bill massey’s tourists — волонтеры в период Первой мировой войны.

Наличие заимствований из языка маори является важной чертой национально-культурного своеобразия лексического фонда новозеландского национального варианта английского языка. Существенный вклад в активизацию заимствований из языка коренного населения маори внес Д. Кук. В его записях впервые были зарегистрированы такие слова из языка маори, как: pa — крепость, haka — танец маори, kumara — сладкий картофель.

Заимствования из языка маори используются для обозначения эндемичных растений, животных и рыб, например: *kiwi* киви, *kokako* новозеландский скворец, *kea* попугай кеа, *kakapo* совиный попугай, *tui* новозеландский туи, *weka* лесной пастушок’, *takahe* нелетающая птица пастушок такахе, *hoiho* желтоглазый пингвин хоихо, *kakariki* прыгающий попугай — породы птиц; *hapuku* морская рыба, *moki* рыба-трубач моуки, *terakihi* большеперый джакас, *paua* новозеландский съедобный моллюск — разновидности рыб; *manuka* чайное дерево, *totara* красное дерево тотара, *katipo* ядовитый паук; *weta* гигантский

бескрылый кузнечик вета; *tuatara* туатара или гаттерия, древнейшее наземное позвоночное животное.

Сведения об авторе: Анна Рапкатовна Бекеева, кандидат филологических наук, ассистент, Российский университет дружбы народов, e-mail: annabeck@radio.fm

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF NEW ZEALAND ENGLISH

Dr. Anna R. Beckeyeva
Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: annabeck@radio.fm

Abstract
The author studies the phonetic and lexical peculiarities of the New Zealand English, draws the attention of the researchers on the study of the New Zealand English that is at the initial stage in modern linguistics. The paper provides the examples of borrowings from the Maori language.

Key words: national variety, national norm, national and cultural identity, centralization, diphthongization, borrowing

Мифы и реальность

(к проблеме освоения грамматических категорий иностранного языка на примере финского)

Н. С. Братчикова
МГУ имени М. В. Ломоносова

Аннотация
В статье раскрываются основные категории, относящие финский язык к уральской семье языков и делающие его необычным в сравнении с индоевропейскими языками. Автор через существующие мифы о сложной структуре финского языка раскрывает их фактическую сторону, убеждая читателя в правомерности или неправомерности сложившихся стереотипов. Рассматривается специфика фонетической, именной и глагольной системы финского языка.

Ключевые слова: уральская семья языков, грамматическая категория, фонетическая система финского языка, сингармонизм, чередо-

вание согласных, долгота и краткость звуков, общие местные падежи, внутренне- и внешнеместные падежи, система притяжательных суффиксов в финском языке, инфинитивные формы в финском языке, категория определенности/неопределенности, диалект, слэнг

Любой новый предмет изучения требует погружения в иное лингвокультурное сообщество, некоторого отчуждения родной культуры и максимум терпения и настойчивости.

Финский язык не исключение из данного правила. Какие проблемы встают на пути тех, кто всерьез решился заняться изучением языка, не входящего в индоевропейскую группу языков, и представляющего уральскую языковую семью (так называемые периферические языки). Многие языковые факты о финском окружены мифами, не совсем верными установками, доходящими до фобий. Выступим в качестве разрушителя ложных стереотипов и обоснуем реальные факты о финском языке.

Первый миф

В финском языке необычайно длинные слова, одно из которых занесено в книгу рекордов Гиннеса:

lentokonesuihkuturbiinimoottoriapumekaanikkoaliupseerioppilas.

Оно означает ученика помощника младшего офицера-механика по турбинам реактивных самолетов в Вооруженных силах Финляндии.

Реальность. Слова действительно длинные, многосложные. Например, к таким односложным словам, как työ ‘работа’ присоединяются производные и падежные окончания, которые ввиду преобладания в них гласных звуков увеличивают количество слогов: työ — työssä-ni-kö (вопросительная форма от työ в инессиве с притяжательным аффиксом 1 л. ед. ч.).

Перевод на русский язык таких финских образований надо начинать с последнего слова, которое является главным. Рассмотрим:

kolmi|vaihe|vaihto|virta|kilowatt|tunti|mittari трехфазный счетчик, измеряющий мощность переменного тока в киловаттах (чертой | отделены слова, составляющие композит).

Второй миф

Для финского языка характерна бедная система морфем.

Реальность. Частично бедность системы морфем компенсируется долготой и краткостью гласных и согласных звуков, которые имеют смыслоразличительное значение:

mutaa (партитив от muta ‘тина’) — muuta (партитив от muu ‘иной, другой’) — muutta (абессив от ‘muu’): muuttaa ‘изменять, переделывать’: mutta ‘но, а, однако’ или tule (2 л. ед. ч. повел. накл. от глагола tulla ‘приходить’): tulee (3 л. ед. ч. от ‘tulla’): tullee (3 л. ед. ч. возможн.

накл. от tulla): tuullee (3 л. ед. ч. от ‘tuulla’): tuule (2 л. ед. ч. повел. накл. от tuulla ‘дуть’): tuulee (3 л. ед. ч. от tuulla).

Третий миф

Большое количество падежных форм, которые трудно усвоить и понять их логику.

Реальность. Финно-угорские языки на протяжении своего развития испытывали тенденцию к расширению падежной системы, тогда как падежная система индоевропейских языков постоянно сокращалась, уступая место предлогам. В результате синтетичность первых языков возросла, а последних снизилась и приобрела аналитические черты.

Современная падежная система финского языка представляет собой три большие группы — 1. общие местные падежи; 2. внутренние местные падежи (с репрезентантом –s); 3. внешние местные падежи (с репрезентантом –l). За каждым падежом закреплена своя морфологическая форма и семантика.

Таким образом, обладая элементарными лингвистическими сведениями о падежной парадигме финского языка, можно спрогнозировать значение словоформы или конструкции в целом, а лексическое значение уточнить с помощью словаря.

Четвертый миф

Необычной с позиции индоевропейской системы языков является способы выражения притяжательности.

Обоснование. Категория притяжательности в финском языке выражается с помощью притяжательных местоимений и аффиксов. Притяжательные аффиксы свойственны для многих уральских языков, что отличает их от индоевропейской языковой семьи (ср.: финск. perhee-ni, франц. ma famille, шведск. min familj, русск. ‘моя семья’). С точки зрения финно-угорских языков явление притяжательных суффиксов не уникально. Они представлены в венгерском языке, а также во многих прибалтийско-финских языках.

Притяжательные суффиксы употребляются также с некоторыми именными глагольными формами, например, в долгой форме 1-го инфинитива (целевой инфинитив) saadakseni ‘для того, чтобы мне получить’; в форме 2-го инфинитива saadessani ‘во время получения мной’; в форме агентного причастия saamani ‘полученное мной’; 4-го инфинитива saamaisillani ‘я едва не получил’; в конструкции с 1-ым причастием активного залога olin saavinani ‘я делал вид, что получаю; я притворялся, что получаю’; в конструкции с 1-ым/ 2-ым причастием активного залога luulin saavani/ saaneeni ‘я предполагал, что получу/ я получил’; в форме 2 причастия пассивного залога saatuani ‘когда я получил’.

Пятый миф

В финском языке непривычно много инфинитивных форм, которым невозможно подобрать эквивалент в родном языке.

Реальность. В современном финском языке насчитывается четыре инфинитива, каждый из которых имеет свой грамматический показатель и образует от двух до шести падежных форм, что составляет двенадцать инфинитивных форм. Некоторые ученые выделяют пятый инфинитив — с одной падежной формой. Инфинитивными являются именные или неличные формы глагола, сочетающие в себе признаки имен существительных (изменяются по падежам) и глаголов (спрягаются и изменяются по грамматическим временам) и противостоящим личным формам глагола, которые имеют только глагольные признаки. В современном финском языке инфинитивы образуются от глагольных основ с помощью показателей: –a, –ä, –da, –dä, –ta, –tä; –e-, –de–, –te-; –ma–, –mä– и –minen. Как видим, за каждой формой инфинитива закреплен свой репрезентант. Сложность заключается в употреблении форм, например, русскому субъектному инфинитиву соответствует по меньшей мере три, а иногда и пять финских инфинитива: 1. *(я) хочу порыбачить* — фин. haluan kalastaa, где kalastaa — краткая форма I инфинитива; *(я) пошел порыбачить* — фин. menin kalastamaan, где kalastamaan — иллативная форма III инфинитива; *(я) перестал рыбачить* — фин. lakkasin kalastamasta, где kalastamasta — элативная форма III инфинитива; *(я) закончил рыбачить* — фин. lopetin kalastamisen, где kalastaminen — отглагольное процессуальное существительное. Кроме того, возможны такие конструкции, как *(я) купил блесну, чтобы порыбачить* — фин. kalastaakseni ostin uuden uistimen, где kalastaakseni — долгая (транслативная) форма I инфинитива; *(я) провел отпуск без рыбалки* (не рыбача) — фин. olin lomalla kalastamatta, где kalastamatta — абессивная форма III инфинитива. Русскому объектному инфинитиву могут соответствовать два финских инфинитива. Ср.: *(я) попросил его порыбачить* — фин. pyysin häntä kalastamaan, где kalastamaan — иллативная форма III инфинитива; *(я) запретил ему рыбачить* — фин. kielsin häntä kalastamasta, где kalastamasta — элативная форма III инфинитива. Русскому присубстантивному инфинитиву тоже соответствуют два финских инфинитива. Ср.: возможность рыбачить — фин. mahdollisuus kalastaa, где kalastaa — краткая форма I инфинитива; мастер ловить рыбу (рыбачить) — фин. mestari kalastamaan, где kalastamaan — иллативная форма III инфинитива. Эти два инфинитива могут относиться форма III инфинитива к прилагательному, выступающему в роли именной части сказуемого. Ср.: Mies on hyvä kalastamaan ‘Мужчина хорошо рыбачит (букв. Мужчина хорош рыбачить)’ On hauska kalastaa ‘Приятно рыбачить’. При всем множестве вариантов инфинитивных форм существуют исто-

рически сложившиеся и функционирующие в современном языке закономерности их употребления.

Шестой миф

Из предложения неясно, о ком идет речь — о мужчине или о женщине.

Реальность. Грамматического рода нет, но гендерная категория выражается через контекст, соответствующий выбор слов. Например, Он (она) президент — фин. Hän on presidentti. Тарья Халонен — первая женщина-президент — фин. Tarja Halonen on ensimmäinen naispresidentti.

Седьмой миф

Грамматической категории вида нет, поэтому трудно передать результат действия.

Реальность. Видовые значения совершенности/ несовершенности действия выражаются лексическими средствами, например: читать:прочитать — lukea:lukea loppuun букв. 'читать до конца'. В определенных синтаксических позициях оппозиция завершенности/ незавершенности, действия, результативности/ иррезультативности выражается дихотомией падежных форм прямого дополнения аккузатива и партитива: syön omenan (akk.) — русск. '(я) съем яблоко', но syön omenaa (part.) — русск. '(я) ем яблоко'.

Восьмой миф

Поскольку грамматической категории будущего времени в финском языке нет, то непонятно, к какому времени относится действие.

Реальность. Темпоральная система финского глагола смещена влево, в сторону прошлого. Будущее как знаковая реальность представлена на лексическом уровне наречиями, например: huomenna 'завтра', pian 'скоро', lähiaikoina 'в ближайшее время'. Глагольная форма оформляется через презенсные формы. Ср.: Ostan taloa 'Я покупаю (несовершенный вид) дом'; Huomenna ostan talon 'Завтра я куплю (совершенный вид) дом'.

Любая система ужасает лишь только при первом столкновении с ней. Мы хотели опровергнуть лишь самые нелепые мифы, показать их несостоятельность и показать сущность языка, раскрыть наиболее яркие позиции, отличающие финский от индоевропейских языков.

Список литературы:

1. Suomen kielen iso kielioppi. — scripta.kotus.fi/visk

Сведения об авторе: Надежда Станиславовна Братчикова, доктор филологических наук, профессор, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, e-mail: n.bratchikova@mail.ru

MYTHS AND REALITY (TOWARD THE PROBLEM OF LEARNING GRAMMATICAL CATEGORIES OF A FOREIGN LANGUAGE — EVIDENCE FROM FINNISH)

Dr. Nadezda S. Bratchikova
Professor, Lomonosov Moscow State University, e-mail: n.bratchikova@mail.ru

Abstract
The article is devoted to the basic categories of the Finnish language, which relate it to the Uralic family and make it unusual compared to the Indo-European languages. Through existing myths about the complex structure of the Finnish language the author reveals the actual state of things, persuading the reader to support or reject the established stereotypes. The article analyses the specific features of the phonetic, nominal and verbal systems of the Finnish language.

Key words: The Ural language family, grammatical category, the phonetic system of the Finnish language, vowel harmony, long and short sounds, the general local cases, affixes of local cases, the system of possessive suffixes in Finnish, infinitive forms of the Finnish language.

References:

1. Suomen kielen iso kielioppi. — scripta.kotus.fi/visk

Контекстуализация речевого поведения личности

Т. А. Чеботникова
Оренбургский государственный педагогический университет

Аннотация
В статье освещается вопрос вхождения личности в социокультурный контекст. На основе анализа фактического материала установлено, что индивид, прошедший различные уровни социализации и ставший личностью, обладает способностью модифицировать свое речевое поведение с целью создания и изменения собственного образа в соответствии с поставленными целями и решаемыми задачами.

Ключевые слова: личность, речевое поведение, роль-маска, контекстуализация

Личность говорящего и предъявляемый ею для всеобщего обозрения образ играет весьма важную роль в процессе человеческого взаимодействия. Наблюдая за поведением, манерами, мимикой и пантомимикой, умением владеть собой, внешностью, осанкой, одеждой — всем тем, что позволяет личности так или иначе «подать себя», мы складываем представление о ней, формируем в своем сознании ее образ и делаем вывод, что представляет собой данная личность.

Особую роль в экспонировании образа играет речевое поведение. Речь воссоздает говорящего. Она выполняет все функции самовыражения: экзистенциональную, коммуникативную, идентификационную, саморегуляции, самовоплощения, преобразовательную, регуляции межличностных отношений.

«Заговори, чтоб я тебя увидел», — эта мысль, приписываемая Сократу, наиболее точно отражает сущность и направленность нашего исследования, предметом описания которого является личностный аспект речевого поведения, а именно: намеренные и осознанные модификации речевого поведения личности с целью создания необходимого образа в различных ситуациях общения. Совокупность осуществляемых/осуществленных личностью речеповеденческих мероприятий с целью создания/изменения востребованного образа, мотивированных структурой социальной ситуации, компонентами которой являются место, время, участники, отношения между ними, тональность общения, цель общения, средство общения (язык, его подсистема, параязыковые средства — жесты, мимика), способ общения и/или культурным контекстом, определяющимся нормами, ценностями, типами контактов и совместных действий, а также различными ролевыми предписаниями, мы называем контекстуализацией. Понятие контекстуализации (contextualisation) введено Дж. Гамперцем.

Сущностью контекстуализации является то, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию [Крысин, 1989, с. 135]. Ярчайший пример контекстуализации речевого поведения привел М. Кронгауз на лекции «Язык и коммуникация: новые тенденции», прочитанной 19 февраля 2008 года в клубе — литературном кафе Bilingua: академик лингвист регулярно попрекал свою домработницу за то, что она говорила «ложит». В какой-то момент она ему сказала: «Ну, знаю я, что правильно будет «класть», но мне жить с теми людьми, которые «ложат». Аналогичным образом ведет себя академик И. П. Бардин, который на вопрос, как правильно говорить: киломЕтр или килОметр., ответил: «Когда как. На заседании президиума Академии — *киломЕтр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском

заводе, конечно, *килОметр*, а то подумают, что зазнался Бардин». Как видим, личность, независимо от социального статуса и образовательного уровня ощущает необходимость модифицировать свое речевое поведение в различных ситуациях общения таким образом, чтобы органично «вписаться» в социокультурный контекст, не выглядеть белой вороной. Сформированный с помощью вербальных средств образ выступает в качестве социальной одежды, подчеркивающей или, наоборот, скрывающей те или иные черты и формы, но непременно способствующей комфортности существования и успешности продвижения личности в среде ее обитания.

Анализ различных речеповеденческих вариантов показал, что человек, прошедший различные уровни социализации и ставший личностью владеет различными технологиями изменения речевого поведения с целью формирования собственного образа, в числе которых мы можем назвать такие, как коррекция, трансформация и имитация. Отличительным признаком, позволяющим дифференцировать названные технологии, является прежде всего то, что принимается за ориентир.

При коррекции ориентиром становятся фиксированные или осознаваемые и освоенные личностью нормы и правила коммуникативно-ролевого поведения, соблюдаемые в стандартных ситуациях большей частью социума или группы.

В случае трансформации ориентиром является интуитивно выбранный образ самого себя и та речеповеденческая модель, которые, в представлении личности, максимально эффективны в сложившейся коммуникативной ситуации для решения возникших проблем.

Имитация — это подделка под кого-то, и поэтому ориентиром становится этот «кто-то», то есть другой.

Эти адаптационные по своей сути механизмы, всегда семантически и прагматически нагруженные, представляют собой совокупность осуществляемых мероприятий, направленных на изменение имеющейся в наличии формы, которая под их влиянием то наращивает, усиливает некие качества и свойства, то самопроизвольно «снимает» или нивелирует их.

Так, например, желание скрыть свое бедственное положение и нищенское существование, создать своеобразную «дымовую завесу», прикрыть себя такою бронею, «которая составляла бы некий decorum», чтобы не расстраивать старушку мать и вселить в нее надежду на лучшее будущее, заставляют потерявшего работу и перебивающегося случайными заработками сына предстать в образе преуспевающего чиновника, прибегая с этой целью одновременно к трансформации и к имитации:

Пока Домна ходит за кипятком, мать и сын молчат и быстрыми пронзительными взглядами точно ощупывают друг друга…

— Вид у тебя неважный, Ванек, — говорит старушка и сухой рукой гладит руку сына, лежащую на столе. — Побледнел ты, усталый какой-то.

— Что поделаешь, ***маман.*** *Служба. Я теперь, можно сказать, на виду. Мелкая сошка, а вся канцелярия на мне. Работаю буквально с утра до вечера. Как вол. Согласитесь,* ***маман****, надо же карьеру делать? (Куприн А. И. «Святая ложь»)*

Имеющиеся в тексте рассказа авторские комментарии относительно поведения сына позволяют понять, что здесь представлен типичный случай самопрезентации, которая осуществляется посредством технологий трансформации (неудачник представляется чиновником, успешно продвигающимся по служебной лестнице) и имитации (развязный тон и обращение «*маман*» скопированы у «прикомандированных» шалопаев): «*Этот робкий, забитый жизнью человек всегда во время коротких визитов к матери держится развязного независимого тона, подражая тем светским «прикомандированным» шалопаям, которых он прежде видел в канцелярии. Отсюда* ***и дурацкое*** *слово «****маман****». Он всегда звал мать и теперь мысленно называет* ***«мамой», «мамусенькой», «мамочкой»*** *и всегда на* ***«ты».*** *Но в* ***названии «маман» есть что-то беспечное и аристократическое».*** *(Куприн А. И. «Святая ложь»)*

Речевое поведение личности, преимущественно направленное на формирование внешнего образа с целью сокрытия того, что имеется в реальности выполняет функции маски: с одной стороны, скрывает то, что имеется в наличии; с другой — предъявляет то, что отсутствует в действительности. Личность, оформляющая себя подобным образом исполняет роль-маску, под которой понимается тип поведения и тип сознания, представленный в виде своеобразной речеповеденческой модели, включенной одновременно в контекст речи и в контекст жизни, отражающей не сущностные характеристики личности а ее дискурсивные проявления, имеющие определенные аксеологические и этические аспекты; поведение, оформляющее образ личности, которое не отражает, а изображает ее внутреннее состояние или положение вещей. Ведущей особенностью роли-маски является наличие двух планов содержания: внешнего плана — Я-для другого и внутреннего плана — Я-для себя [Бахтин, 1986, с. 220]. Посредством роли-маски личность получает возможность продемонстрировать собственные потенциальные возможности, желания и стремления, затаенные или подавленные:

Ср., «Тут Фреда остановил юноша в серебристой куртке. Состоялся несколько загадочный разговор:

— Приветствую вас.

— Мое почтенье, — ответил Фред.

— Ну как?
— Да ничего.
Юноша разочарованно приподнял брови:
— Совсем ничего?
— Абсолютно.
— Я же вас просил.
— Мне очень жаль.
— Но я могу рассчитывать?
— Бесспорно.
— Хорошо бы в течение недели.
— Постараюсь.
— Как насчет гарантий?
— Гарантий быть не может. Но я постараюсь.
— Это будет фирма?
— Естественно.
И так далее. Фред сказал:
— Обратите внимание на этого фраера. Год назад он заказал мне партию дельбанов с крестом…
Я перебил его:
— Что такое — дельбаны с крестом?
— Часы, — ответил Фред, — неважно… Я раз десять приносил ему товар — не берет. Каждый раз придумывает новые отговорки. …Я все думал — что за номера? И вдруг уяснил, что он не хочет покупать мои дельбаны с крестом. ***Он хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара. Хочет без конца задавать мне вопрос: «Как то, о чем я просил?»****(С. Довлатов «Чемодан»)*

Мотивы создания и выбора маски многообразны: это может быть желание и потребность приспособиться к среде, вписаться в культуру, соответствовать, сложившимся представлениям о себе самом, стать своим или чужим, восхищать, вызывать зависть, злить, эпатировать, так или иначе манифестировать свою индивидуальность.

Таким образом, роль-маска выступает в качестве своеобразного компенсатора — механизма, с помощью которого осуществляется контекстуализация, выравнивается несоответствие личностных притязаний и того, что имеется в наличии, вызывается чувство приближенности к тому, к чему личность в действительности не принадлежит, дается «ощущение нового мира, нового бытия, где я «Федот, да не тот», а нечто получше, повыше, поинтереснее» [Евреинов, 1923, с 18]. От этого повышается самооценка личности и она растет в своих собственных глазах, достигает психологического равновесия. Игрой, ролью-маской личность организует себя и свое существование, борется с действительностью и стремится сохранить свое достоинство. «Идея «жизнь есть игра» или «жизнь

как игра» — идея выживания, спасения и надежды на удачу» [Апинян, 2003, с. 322]. Таким образом, личность, вступающая в общение, представляет собой не пассивный субъект, всякий раз воспроизводящий известные речеповеденческие модели, а активная, творческая (креативная) языковая личность, входящая в мир личностно опосредованной системой поступков.

Список литературы

1. Апинян, Т. А. Игра в пространстве серьезного [Текст]: игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие / Т. А. Апинян. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2003. — 400 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
3. Евреинов, Н. Н. Театр для себя. [Текст] / Н. Н. Евреинов. — М., 1923. — 121 с.
4. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — М.: Наука, 1989. — 188 с.

Сведения об авторе: Татьяна Алексеевна Чеботникова, доктор филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, e-mail: chebotnikoff1@rambler.ru

CONTEXTUALISATION OF SPEECH BEHAVIOUR OF A PERSONALITY

Dr. Tatyana A. Chebotnikova
Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University,
e-mail: chebotnikoff1@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the personality entrance to the sociocultural context. Basing the analysis, it is determined that an individual, having passed different levels of socialisations and having become a personality, possesses the ability not only to transmit, but also to transform verbal and non-verbal aspects of his behaviour, the goal of which is constructing and changing his own image and manipulating according to his goals and tasks.

Key-words: personality, speech behavior, role-mask, contextualization

References:

1. Apinjan T. A. (2003) The game in the space of the serious, 400 p.
2. Bakhtin M. M. (1986) Aesthetics of verbal creativity, 445 p.
3. Evreinov N. N. (1923) Theatre for itself, 121 p.
4. Krysin L. P. (1989) Sociolinguistic aspects of modern Russian language studies, 188 p.

Концепт «американская мечта» на лексикографическом материале и тексте романа «The Great Gatsby»

В. А. Тырыгина
Нижегородский государственный лингвистический университет

Аннотация
В докладе рассматривается воплощение концепта «американская мечта» в тексте романа «The Great Gatsby». Концептуальный анализ литературного произведения — это своего рода инструмент, используемый для его понимания и интерпретации. Более того результаты анализа могут оказаться полезным при переводе текста оригинала на другой язык, поскольку они позволят смоделировать структуру языкового сознания автора в виде концептосферы исходного текста, а затем подобрать адекватные ресурсы для его перевода. Выполненный в работе анализ основывается на изучении когнитивно-пропозициональной структуры рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, когнитивно-пропозициональная структура концепта

Обращение к концептуальному анализу художественного произведения обусловлено поиском объективного метода, позволяющего приблизиться к решению сложной проблемы понимания и интерпретации текста. Если до недавнего времени такой поиск ограничивался применением только лингвистических или литературоведческих методов [Галь 1980; Гак 1979; Комиссаров 2000; Чуковский 1968; Федоров 2002], то исследования последних лет, рассматривающие язык в неразрывной связи с культурой, обществом и мышлением [Вежбицкая 1997, 2001; Гаспаров 1988; Залевская 2005; Маслова 2004; Тер-Минасова 2004 и др.], придали научным разработкам новое оригинальное направление. Естественный язык понимается и рассматривается как неотъемлемая часть когнитивной системы, обеспечивающей познавательную и мыслительную деятельность человека.

Применение концептуального анализа представляется логичным для решения проблемы понимания и интерпретации художественного текста, поскольку концепты определяются большинством исследователей как лингвоментальные образования, которые репрезентируются с помощью языка [Арутюнова 1999; Воркачев 1997, 2004; Залевская 2005; Карасик 2005; Степанов 1993, 2004 и др.]. В результате концептуального анализа художественного произведения

можно получить данные, позволяющие смоделировать структуру языкового сознания автора в виде концептосферы [Лихачев, 1997] исходного текста, а затем подобрать адекватные ресурсы для его перевода.

Термин «концепт», несмотря на его широкое употребление в современной лингвистике, не имеет общепринятого определения и интерпретируется по-разному — в зависимости от научной школы и личных предпочтений исследователя.

Концепт рассматривается как «оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга… всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Гринбаум, Уиткат, 1990, с. 90]; как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2004, с. 43]; как «условная исследовательская единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Слышкин, 2000 с. 39]; как «единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Гак 1979, с. 51].

Вопрос о структуре концепта рассматривался различными учеными, большинство которых вслед за Р. М. Фрумкиной различает ядро и периферию концепта. «Ядро — это словарные значения той или иной лексемы. Периферия же — субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации».

Концепт dream / мечта относится к этноспецифическим концептам-регулятивам в лингвокультуре США, поскольку он характеризует устремления нации создать особую модель поведения, сформировать идеалы, достойные подражания, внушить оптимизм в национальном масштабе.

Авторство термина «американская мечта» присваивают историку Джеймсу Адамсу, который в данное понятие включал не столько вождение дорогого автомобиля и наличие высокого заработка, но скорее мечту о социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут достичь статуса, максимально высокого для своего уровня развития.

В концепте «Американская мечта» можно выделить следующие признаки: 1) как вырваться из нищеты и достичь богатства, 2) активность и упорный труд, 3) эффективность деятельности, 4) прогресс, 5) вещи как признак благополучия, 6) уважение.

Американской мечте посвящены многочисленные труды писателей и поэтов, философов и политиков. Среди них и роман «The Great Gatsby» («Великий Гэтсби») Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, классика американской литературы XX века. По данным культурологического словаря Хирша [Hirsch, 2002], роман является одним из прецедентных текстов американской культуры, поэтому его концептуальное

исследование представляет интерес не только для лингвистического, но и для культурологического аспекта переводоведения.

Замысел романа возник у Фицджеральда в 1924 году в Америке, первоначально он назывался «Тримальхион», по имени одного из персонажей «Сатирикона» Петрония. Тримальхион — бывший раб, который разбогател и роскошными пирами пытается завоевать расположение элиты. В процессе работы «Тримальхион» превратился в «Великого Гэтсби». Как представляется, и название, и эпиграф, и горько-ироничный тон повествования указывают на то, что окончательный вариант «The Great Gatsby» выбран по аналогии с многочисленными знаковыми американскими реалиями: Great Seal of the United States (герб США); Great Awakening («Великое пробуждение», религиозное движение XVIII в.); the Great Society (Великое общество, США); the Great Land (Великая Земля, Аляска); the Great Central State (Великий Центральный штат, Северная Дакота); theGreat Lakes region (район Великих озер) и др. Образ главного героя, по замыслу автора, приобретает обобщенно-знаковый смысл: Гэтсби «велик» потому, что его жизнь связана с Американской мечтой.

На двухстах страницах романа Ф. С. Фицджеральда ключевое слово *dream* встречается всего 15 раз, что может вызвать сомнения в его состоятельности как репрезентанта базового концепта. Однако вокруг него группируются синонимичные и антонимичные единицы, образуя семантические комплексы, тождественные и синонимические повторы. Их связь подкрепляется сюжетным построением, в котором у каждого из персонажей существует мечта. Так, Ник Каррауэй приезжает в Нью-Йорк, чтобы заняться финансовым бизнесом, Дейзи желает любви и покоя, Том ищет развлечений, Миртл Уилсон мечтает «выйти замуж за джентльмена», а ее супруг хочет разбогатеть, но в долине праха (a valley of ashes), которая становится эпицентром событий, мечтам не суждено сбыться. Здесь даже существует символ несбывшейся мечты — остаток рекламного щита с «глазами доктора Эклберга». Когда-то сюда прибыл окулист, желая расширить врачебную практику, но и его мечта не осуществилась. Таким образом, концепт ‘dream’ становится текстообразующим и может стать предметом анализа.

Ключевое слово романа связано с образом главного героя, что подчеркивает его концептуальную значимость. Компонентный анализ семантики слова ‘dream’ обнаруживает, что с этой лексемой в ее основном значении связано представление носителя английского языка о положительном эмоционально-психическом состоянии — 'надежды на лучшее будущее', 'ожидания лучшего. На это указывает и происхождение слова: древнеанглийское ‘dream’ означало 'радость', 'песня'. Существует и иное семантическое наполнение данной лексемы, связанное со сновидениями, грезами, что показывает отдаленность воображаемого от действительного.

В словаре Вебстера слово 'dream' определяется как 1) совокупность мыслей, образов или эмоций, возникающих во сне; 2) уход от реальности; 3) нечто высочайшего качества; очень красивое, превосходное; 4) главная цель, стремление или желание. В качестве наиболее частотных сочетаний в словарях приводятся следующие: *have a dream* (*видеть сон*), *in a dream* (*во сне*), *a dream job / holiday / home* (*превосходные — работа, отдых, дом*), *beyond your* (*wildest*) *dreams* (*предел мечтаний*), *a dream come true* (*мечта, ставшая явью*), *in a dream* (*задумавшись*), *inyourdreams* (*юмор, помечтай*), *like a dream* (*очень хорошо или очень необычно*), *not / never in your* (*wildest*) *dreams* (*намного больше или лучше, чем вы могли предполагать*), *of your dreams* (*кто-то или что-то вашей мечты*), *somebody's dream* (*чья-то мечта*) [10, С. 688]. Словарная выборка показывает, что в англоязычном сознании 'dream' связывается с психологическим состоянием ожидания, надежды и радости, если надежды оправдались.

В романе Фицджеральда актуализируются три словарных значения существительного 'dream': 1) сны; 2) идеал, идеалы; 3) мечта, мечты. В тексте реализуется и синонимический ряд *dream: hope* (*надежда*), *idea* (*идея*), *wish* (*желание*), *fantasy* (*фантазия*), *fancy* (*мысленный образ*). Анализ всех контекстов, обнаруживающих индивидуальные авторские представления о 'мечте', позволяет их обобщить и представить когнитивно-пропозициональную структуру концепта. Она складывается из следующих позиций: субъект — предикат — объект — атрибутивная характеристика мечты.

Позиция субъекта мечты отводится главному герою Джею Гэтсби. Это бедный парень из американской глубинки, мечтающий разбогатеть и завоевать право быть с любимой женщиной: *He had been full of the idea so long, dreamed it right through to the end, waited with his teeth set, so to speak, at an inconceivable pitch of intensity. — Он так долго был полон этой идеей, храня мечту до конца и ожидая со стиснутыми зубами, с нечеловеческой волей, когда же она сбудется.*

Анализ объектной позиции позволяет выделить несколько концептуальных признаков: МЕЧТА имеет пределы (границы) — Пр.: *beyond the dreams of Castile* (*предел мечтаний в Кастилии*); *Daisy tumbled short of his dreams* (*Дейзи оказалась не такой, как в его мечтах — букв, короче, чем его мечты*); МЕЧТА материальна: *the wake of his dreams* (*вслед его мечтам*); *headed to the pattern of his fancies* (*он пополнил набор своих фантазий*); *to carry well-forgotten dreams* (*хранить давно забытые мечты*); *in whispers to the last and greatest of all human dreams* (*шепотом обращаясь к последней и самой великой мечте человека*); МЕЧТА — иллюзия: *the colossal vitality of his illusion* (*колоссальная жизнеспособность его иллюзии*); *to recover some idea of himself* (*восстановить одну идею*); *he had committed himself to the following of a grail* (*он посвятил себя поискам Грааля*); МЕЧТА — воздух: *living too long*

with a single dream (*слишком долго живя одной-единственной мечтой*); *breathing dreamslike air* (*дыша мечтами как воздухом*); МЕЧТА — сновидение: *in I tossed half-sick between grotesque reality and savage, frightening dreams* (*я беспокойно метался между гротескной реальностью и дикими, пугающими сновидениями*); *figures in my more fantastic dreams* (*фигурирует в моих самых фантастических снах*); МЕЧТА — тайна: *concealing his incorruptible dream* (*скрывая неподкупную мечту*).

Атрибутивные параметры позволяют отчетливее выявить специфику индивидуального авторского представления о мечте: *the dead dream* (*умирающая мечта*); *well-forgotten dreams* (*хорошо забытые мечты*); *his incorruptible dream* (*его непорочная мечта*); *a single dream* (*одна-единственная мечта*); *dreamslike air* (*мечты как воздух*); *the last and greatest of all human dreams* (*самая последняя и великая мечта из всех, присущих человеку*). Из примеров видно, что 'мечта' в представлении Фицджеральда абсолютизируется как единственная, непорочная, необходимая как воздух, величайшая и последняя из когда-либо свойственных человеку. Другой аспект 'мечты' как бесполезного, гибнущего существа выражается в метафоре *dead dream* (*умирающая мечта*): *and only the dead dream fought on as the afternoon slipped away, trying to touch what was no longer tangible, struggling unhappily, undespairingly, towards that lost voice across the room — … и только умирающая мечта еще боролась вместе с медленно уходящим днем, пыталась коснуться того, что перестало быть материальным, слабо и безуспешно сопротивлялась и пыталась пробиться навстречу его потерянному голосу на другом конце комнаты.*

Размышления автора говорят о том, что мечты героев иллюзорны, а потому неосуществимы в современном им обществе, где иллюзорна сама реальность: *If that was true he must have felt that he had lost the old warm world, paid a high price for living too long with a single dream. He must have looked up at an unfamiliar sky through frightening leaves and shivered as he found what a grotesque thing a rose is and how raw the sunlight was upon the scarcely created grass. A new world, material without being real, where poor ghosts, breathing dreams like air, drifted fortuitously about… like that ashen, fantastic figure gliding towards him through the amorphous trees — Возможно, онпочувствовал, чтоутратилстарыйуютныймир, заплативвысокуюценузато, чтотакдолгожилодной-единственной-мечтой. Может быть, он взглянул на ставшее чужим небо сквозь листву, которая угрожающе шелестела, и вздрогнул, поняв, что даже роза может показаться уродливой, а солнечный свет будет грубо смотреться на фоне только что появившейся травы. Неизвестный новый мир, материальный, но ненастоящий, в котором бедные привидения дышали мечтами, как воздухом, и беспорядочно двигались…, как та фантастическая, серая фигура, что кралась между призрачными деревьями.*

В приведенном отрывке буквально «аккумулируются» слова лексико-семантического поля «мечта / иллюзия»: существительные — *a dream* (*мечта*); *ghosts* (*привидения*), *dreamslike air* (*мечты как воздух*); прилагательные — *a grotesque thing* (*гротескная штука*); *material without being real* [*world*] (*материальный, но ненастоящий*), *fantastic figure* (*фантастическая фигура*); *the amorphous trees* (*призрачные деревья*). Эти лексические единицы создают образ окружающего мира как фантастического пространства, населенного призраками, а мечты оказываются воздухом, которым те дышат.

Итак, проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что концепт 'dream' является ядерным концептом романа Ф. С. Фицджеральда. Основным приемом его актуализации является когнитивно-пропозициональная структура, в которой лексема *dream,* ее синонимы и антонимы занимают позиции субъекта, предиката, объекта, имеют атрибутивные параметры. В американской лингвокультуре концепт 'dream' выражает идею о том, что любой гражданин США может разбогатеть и стать счастливым, но в романе Ф. С. Фицджеральда эта идея представляется как иллюзия, которая ведет к гибели. Индивидуально-авторская специфика концепта состоит, прежде всего, в том, что 'dream' в представлении Ф. С. Фицджеральда становится живым существом, а не идеей-регулятивом, руководяще массами. Это живое существо борется, но терпит поражение и гибнет, так как в самой окружающей реальности нет условий для его выживания.

Список литературы:

1. Гак В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ [Текст] / В. Г. Гак // Тетради переводчика. — Вып. 16. — М.: Междунар. отношения, 1979. — С. 11–21.
2. Гринбаум С, Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка [Текст] / С. Гринбаум, Дж. Уиткат. — М.: Рус. яз., 1990. — 780 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Инт народов России, Общество любителей российской словесности; Под общ. ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 280–287.
4. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 38–45.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов // Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. — 245 с.
7. Hirsch E. D. Literature in English [Электронныйресурс] / E. D. Hirsch // The New Dictionary of Cultural Literacy, Third Edition. — Edited by E. D. Hirsch, Jr.,

Joseph F. Kett, and James Trefil. Copyright. — 2002. — Код доступа: htth.:www.bartleby.com
8. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged [Текст]. — Chicago: Encyclopedia Britanica, 1986. — 1692 p.
9. Fitzgerald F. S. The Great Gatsby [Текст] / F. S. Fitzgerald. — Ghatham: Wordsworth Editions Limited, 1993. — 123 pp.

Сведения об авторе: Валентина Алексеевна Тырыгина, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет, e-mail: tyryguinav@gmail.com

THE CONCEPT «AMERICAN DREAM» IN THE TEXT OF «THE GREAT GATSBY»

Dr. Valentina A. Tyryguina
Professor, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
e-mail: tyryguinav@gmail.com

Abstract

The paper treats the concept «American dream» as it is embodied in the text of the novel «The Great Gatsby». Conceptual analysis of a literary work is believed to be instrumental in understanding and interpreting it. Moreover data obtained as a result may prove to be beneficial in translating the text into another language since they can give access to the set of concepts of the target text author and help decide on the most adequate language resources. The analysis carried out in the paper involves study of cognitive propositional structure of the concept in question.

Key words*:* culture, professional disciplines, international relations students …

References:

1. Gak V. G. (1979) Comparative studies and translation analysis // Translator's notebooks. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija (16), 11–21.
2. J. Whitcut, S. Greenbaum (1990) Longman guide to English usage Moscow: Russkij jazyk, 780 p.
3. Likhachjov D. S. (1997) The Russian language conceptual sphere // Russin literature: from literature theory to text structure: Anthology / Russia peoples institute, Society of Russian literature lovers; Ed. V. P. Neroznak. — Moscow: Academia, P. 280–287.
4. Slyshkin G. G. (2000) Discourse and concept (culturological approach to discourse studies) In Linguistic personality: institutional and personal discourse. / Ed. V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. — Volgograd: Peremena. P. 38–45.
5. Stepanov J. S. (2004) Constants: Russian culture dictionary: 3rd edition, Moscow: Akademicheskij Projekt, 992 .

6. Short dictionary of cognitive terms (1996) by E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, J. G. Pankrats, L. G. Luzina. — Moscow State University Press, 245 p.
7. Hirsch E. D. (2002) Literature in English / E. D. Hirsch // The New Dictionary of Cultural Literacy, Third Edition. — Edited by E. D. Hirsch, Jr., Joseph F. Kett, and James Trefil. Copyright. — http//:www.bartleby.com
8. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged (1986) — Chicago: Encyclopedia Britanica, 1692 p.
9. Fitzgerald F. S. (1993) The Great Gatsby. — Ghatham: Wordsworth Editions Limited, 123 p.

Diagnosis of Personal Characteristics in Implicit Pragmalinguistics

Dr. Irina A. Zyubina
Associate Professor, Southern Federal University,
e-mail: i-r-a-z@rambler.ru

Abstract
At all times, as an important means of expression, human speech possesses a considerable psycho-diagnosing potential. Our speech can reveal many interesting things about a person. Data obtained through the pragmalinguistic experiment proves this position, coinciding with the characteristics of the public prosecutors, based on the memoirs of their contemporaries and on the results of psycho-diagnostic methods. Most of the representatives of the public prosecutors professional group have such individual personal qualities as initiative, self-confidence, concentration on the objective side of things, and the ability to cooperate and to communicate with people. However, at the same time, in the speech behaviour of the state prosecutors there is a tendency to express overconfidence and a pronounced pessimistic attitude towards life. So, the task of the article is within the framework of Implicit Pragmalinguistics to show that human speech possesses a considerable psycho-diagnosing potential.

Key words: Implicit Pragmalinguistics, speech behaviour, individual-personal features

To prove that human speech possesses a considerable psycho-diagnosing potential we will show the fragments of Russian-speaking prosecutors' speech behaviour in the USSR in the 1920s to 1940s before a professional trial, according to three implicit speech strategies: «Participation/Nonparticipation of members of communication in a speech event», «Sure/Unsure

speech behaviour of an author» and «The sender's formation of addressee's attitude to a speech event by evaluation». Let's identify some individual-personal features of these public prosecutors. In accordance with these strategies, we have analysed 4,793 minor syntactic groups (MSGs).

The implicit speech strategy «Participation/Nonparticipation of members of communication in a speech event»

According to the Table, created with the results of the study of seven speeches for the prosecution, the average speech-genre index of the plane of personal participation is 10 %. This is the average speech-genre index, the indicator of unwritten standard for the genre of speeches for the prosecution in the 1920–1940s before a professional trial. However, the indicators diagnosing the individual-personal features of a personality will be the indicators which are higher or lower than this average speech-genre index.

The most frequent actualisation of the plane of personal participation can be seen in the speeches for the prosecution of Koni (22.1%) and Krylenko (17%). As we know, Krylenko had a high position in government: he was the prosecutor of the RSFSR (Russian Soviet Federative Socialistic Republic), the head of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR and then of the Soviet Union. As a state prosecutor, Krylenko took part in all the major political processes, as well as in some of the processes that were very important because of their social value or were devoted to the fight against economic dislocation in the RSFSR [Ivakina, 1995, p. 31]. People who have a higher plane of personal participation than the average speech-genre index (10%), such as Koni (22.1%) and Krylenko (17%) are distinguished by such individual personal traits as authoritarianism, courage, determination and independence. What is more, Krylenko's contemporaries noted that he was a man of exuberant nature, principled, uncompromising and straightforward [Zaitsev, 1977, p. 102].

The indicators less than the average speech-genre index (10%) are observed in the speeches for the prosecution of Lunacharskiy (2.5%), Pokrovskiy (4.5%) and Vyshinskiy (5.6%). It indicates the low self-esteem of all these authors. That is why they do not seek or fear (taking into account the political situation in the USSR in that period) to show their individuality.

The average speech-genre index of the plane of social participation is 13.6%. We see the signals of this plane in the speeches for the prosecution of Krasikov (29.7%) and Lunacharskiy (20%) more often than in the speeches of the other addressers. The authors who have a high level of the social plane have a cooperative type of behaviour. These public prosecutors act in accordance with the idea: «who is not with us is against us». There is one thing to note: Krasikov also actualises his personal participation in a speech event, thus not pulling away from the facts given by him (his

index of the plane of personal participation is 9.7%, so it is almost equal to the average speech-genre index of this plane), but Lunacharskiy on the contrary does not want to be morally responsible for his own words (his index of the plane of personal participation is very low — 2.5%).

The low levels of the social plane of the speeches made by Kondrushkin (6.9%) and Vyshinskiy (7.9%) indicate that these prosecutors did not have any sense of collectivism. We cannot say that these authors have such individual personal qualities as responsiveness and sympathy, friendliness, open-heartedness, cheerfulness, optimism and carelessness.

Now we will turn to the plane of objective participation. The average speech-genre index of this plane is 76.4%. The predominance of the plane of objective participation in the speeches for the prosecution in this period is explained by the fact that in the Soviet state a criminal prosecution process was only a form of cover for the opponents' reprisal. The state prosecutors with high indices of objective participation (Pokrovskiy 87%; Vyshinskiy 86.5%; Kondrushkin 86.3%) did not even consider it to be necessary to convince their listeners that they were right due to the lack of adversarial proceedings, listing only the «evil deeds» of the defendants, almost without expressing their personal attitude. From the psychological point of view, one can say that Pokrovskiy, Vyshinskiy and Kondrushkin are people characterised by focus on inanimate objects. In psychology, such people are called «introverts». They are calm, assertive, reserved, closed. Introverts tend towards introspective reflection, don't laugh very often and have depressive tendencies. They never get bored with themselves, and they tend to be solitary [Kunitsyna…, p. 427].

The implicit speech strategy «Sure/Unsure speech behaviour of an author»

The average speech-genre index of the plane of certain statement is 43.5%. The largest deviations upwards from the average speech-genre index are observed in the speeches of Krasikov (59.1%) and Vyshinskiy (49.5%). A high level of a categorical judgment in the speeches for the prosecution is explained by the fact that these state prosecutors had to play at the trials as well as an actor acts out the play, and this fact is confirmed by the mechanical speech behaviour of Krasikov and Vyshinskiy. A frequent use of the speech signals on the plane of certain statement by these state prosecutors is a vivid proof that, in the example of Vyshinskiy, the prosecutors' body was a tool of punishment, as well as security. Vyshinskiy put forward a terrible theory: «The avowal of guilt is the queen of all proofs», and everybody knows how these evidences of all the arrested were «beaten out». Therefore, a so-called «strong belief» is based on the famous theory of presumption of guilt. This assumption is also proved by a high rate of negative attitude to a speech event, indicating pessimism of these authors. Self-confident people are generally cheerful and optimistic.

Less commonly, the speech signals of the plane of certain statement are actualised in the speeches for the prosecution made by Pokrovskiy (29.2%) and Koni (33.3%) compared with the average speech-genre index of 43.5%. It indicates a low confidence level of their speech behaviour. These public prosecutors are not categorical in their opinions because of their shyness and hesitation, and have no courage. These people are prisoners of constant doubt, and are highly selective and cautious in the contacts [Kunitsyna…, p. 426]. Very often, unsure people have a low self-esteem and they often tend to reproach themselves and are sensitive to any criticism.

The implicit speech strategy «The sender's formation of addressee's attitude to a speech event by evaluation»

As it is shown by the material of our study, the average speech-genre index of the plane of forming the addressee's positive attitude to a speech event by evaluation has significantly lower rates (14.3%) than the rates of forming the negative attitude (49.8%). Let us take the latter into account with the fact that the negative attitude prevails in the court speeches for the prosecution of all the addressers.

Most often, the markers of the plane of forming the addressee's negative attitude to a speech event by evaluation are used by Vyshinskiy (64.8%) and Pokrovskiy (57.4%). Vyshinskiy's emphasis had to be not on the evidence, mainly because the verdict was already a foregone conclusion, but on rhetoric and pathos. Such speeches were full of coarse, insulting statements, called «invectives».

From a psychological point of view, high indices of negative attitude tell us about pessimism of these speakers. In Vyshinskiy's speeches, the same is conferred by the low level of the plane of personal participation and the high percentage of the plane of objective participation of the implicit speech strategy «Participation/Nonparticipation of members of communication in a speech event». Moreover, contemporary reports show that Vyshinskiy delivered his speeches at the court emotionally and with a great passion [Zvyagintsev, 2001, p. 80], and it is also shown by the lowest neutral evaluation (19%).

But even a greater pessimist is Pokrovskiy, in whose speeches we see a combination of a high negative attitude to a speech event at 57.4% (the average speech-genre index is 49.8%), a low positive evaluation (9.1%, the average speech-genre index is 14.3%), a low level of certain statement at 29.2% of the implicit speech strategy «Sure/Unsure speech behaviour of an author» (the average speech-genre index is 43.5%), and a low index of the plane of personal participation at 4.5% of the implicit speech strategy «Participation/Nonparticipation of members of communication in a speech event» (the average speech-genre index is 10%).

All things considered, none of the seven public prosecutors during the 1920s to 1940s, whose judicial speeches we have studied, is an optimist by

nature, as the indicators of the negative evaluation are significantly higher than those of the positive attitude. Considering the average speech-genre index of forming a positive attitude to a speech event by evaluation at 14.3%, more often we find the markers of this plane in the court speeches of Koni (21%) and Lunacharskiy (18%). These authors are trying to arouse positive emotions in their listeners, or at least have a minimum psychological intention of raising positive emotions of addressees in the face of global condemnation, reflecting not only the optimistic mood of these public prosecutors but also a certain humanity.

Thus, we have analysed the individual speech behaviour of the public prosecutors of the USSR in the 1920–1940s and have diagnosed some individual personal qualities of these prosecutors.

References:

1. Zaitsev S. I. (1977) Nikolai V. Krylenko. Soviet prosecution. History and modernity. M.: Legal Literature, 90–103.
2. Zviagintsev A. G. (2001) Prosecutors of the two eras: A. Vyshinskiy and R. Rudenko. M.: Olma-Press. 382 p.
3. Ivakina N. N. (1995) Culture of judicial speech. Moscow: BECK, 1995. 334 p.
4. Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogolsha V. M. (2002) Interpersonal communication. St. Petersburg: Peter. 544 s.

List of the Speeches:

1. Vyshinskiy A. Y. (1955) Judicial speeches. M., 586 s.
2. Kon F. (1965) Indictment. Judicial speeches of Soviet prosecutors. Collection. Comp.: Aleksandrov G. N., Finn E. A. M., 88–102.
3. Kondrushkin I. S. (1965) The case against corrupt officials and thieves in the transport. Judicial speeches of Soviet prosecutors. Collection. Comp.: Aleksandrov G. N., Finn E. A. M., 104–118.
4. Krasikov P. A. (1965) Indictment. Judicial speeches of Soviet prosecutors. Collection. Comp.: Aleksandrov G. N., Finn E. A. M., 70–83.
5. Krylenko N. V. (1964) Judicial speeches. M., 61–80.
6. Lunacharskiy A. V. (1965) The case of the Right SRs. Judicial speeches of Soviet prosecutors. Collection. Comp.: Aleksandrov G. N., Finn E. A. M., 8–28.
7. Pokrovskiy M. N. (1965) The case of the Right SRs. Judicial speeches of Soviet prosecutors. Collection. Comp.: Aleksandrov G. N., Finn E. A. M., 28–36.

Секция 5

Межкультурная коммуникация: разработка моделей эффективного межкультурного общения

Лингвокультурологические и ассоциативно-психолингвистические основы межкультурного общения

Н. В. Дмитрюк
Южно-Казахстанский государственный
педагогический институт (Казахстан)

Аннотация
В работе обсуждаются инновационные приемы обучения межкультурной коммуникации, которые целесообразно строить на основе комплексной методики. Психодинамический (эмотивный) аспект речи должен обусловливаться четкой мотивацией и ориентацией на прагматическое основание лингвокультурологических знаний; когнитивный аспект обучения (восприятие, понимание, память, мышление) сопровождается опорой на ассоциативные методики — вербальные ассоциации. В статье обосновывается настоятельная необходимость использования современных иллюстративных и интерактивных методов и их роль в формировании навыков развития речи.

Ключевые слова: обучение, межкультурное общение, этнокультурологический, психолингвистический, мотивация, ассоциативный, интерактивный, инновационный

В современном интеграционном обществе развитие цивилизации отличается сложностью и противоречивостью происходящих в мире процессов. С одной стороны, расширяется межкультурное общение, деловое сотрудничество и обмен научными и культурными ценностями, а с другой стороны, отмечается определенная этническая консолидация, что обусловливает возрастающую актуальность поиска адекватных форм межкультурного общения.

В этих условиях проблемы обучения второму языку, которые выступают как средство более глубокого понимания изучаемой культуры и способствуют формированию толерантности личности, приобретает особую актуальность. Между тем, в настоящее время в Казахстане (в частности, в Южно-Казахстанской области) приходится констатировать тот факт, что выпускники общеобразовательных школ и неязыковых вузов слабо владеют техникой коммуникации, обмена информацией на русском языке, мотивация владения которым заметно снизилась в последнее десятилетие. Еще более сложным оказывается обучение русскому языку студентов-иностранцев, получающих высшее специальное образование в Республике Казахстан.

Актуализовавшаяся таким образом проблема обучения русскому языку побудила авторов к созданию учебника нового типа, построенного на основе комплексной методики с учетом когнитивных, психодинамических, мотивационных, ассоциативно-культурологических аспектов обучения.

Обучение языку — процесс когнитивно-психический, связанный с такими компонентами речевой деятельности, как восприятие речи (аудирование и чтение) и ее производство (говорение и письмо), ассоциативная память и мышление. Исследования в области мента-, нейро- и психолингвистики выявили, что "ответственным" за речевую деятельность является левое полушарие головного мозга человека, а в нем — зона Брока (расположенная в лобной его части, регулирующая производство речи) и зона Вернике (расположенная в височной части, регулирующая восприятие речи). Чрезвычайно важным представляется учитывать работу этих ментальных процессов (регуляции речи) при определении последовательности и дифференциации видов работ, заданий и упражнений в процессе обучения языкам. Важное значение при этом имеют и другие сопутствующие этой деятельности психические и ментальные процессы, такие, как восприятие и память, мышление и языковое сознание, механизмы переключения с одного языка на другой и способы хранения лексики в памяти обучаемого, а также множество других психолингвистических факторов процесса обучения.

Психолингвистические исследования последних десятилетий [РАС 1994; Уфимцева 2000, Горошко 2001, Дмитрюк 1998, Дмитрюк 2012 и мн. др.] доказали, что моделировать языковое сознание и вербальную память человека, выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира способны ассоциативные реакции, получаемые в ходе разного рода лингвистических ассоциативных экспериментов (свободных и направленных, прямых и обратных, комплексных и фрагментарных и т.п.). Материалы, представленные в ассоциативных словарях, позволяют по-новому увидеть процессы владения и овладения языком, речевого воздействия, мотивации обучения и речевого поведения, определить характер ценностных ориентаций в мире, что представляется ценным и необходимым в процессе обучения языку.

Кроме того, стало очевидным, что с точки зрения культурологических и психолингвистических позиций обучение неродному (русскому как иностранному) языку должно строиться на основе коммуникативно-мотивационных задач обучения и приобщения к изучаемой (русской) культуре, как процесс целенаправленный, четко организованный с учетом разнообразных данных наук о человеке и его языке. Недостаточный учет этих данных в течение многих лет и приводил к неэффективности традиционного обучения языкам: многие выпускники казахских школ и казахских отделений вузов в последние годы не приобретают

навыков свободного владения русским языком, слабо владеют техникой коммуникации, обмена информации на русском языке. Эта ситуация, на наш взгляд, объясняется формализмом и некоммуникативностью многих используемых учебных упражнений и заданий, искусственностью и зачастую случайным отбором учебных текстов, морально устаревших, оторванных от современной жизни и плохо адаптированных, а также отсутствием положительной мотивации. Повсеместно используемый грамматико-переводный метод лишает обучаемых творческого проявления в изучении языка, сужает круг используемых возможностей обучения языку как живому функционирующему устройству, в то время как коммуникативный аспект обучения языкам находит все большее применение в практике современных методик.

В настоящее время ученые смежных специальностей — лингвисты, психологи, методисты — пришли к пониманию того, что нерационально обучать языку только системно-грамматическим методом, без учета функционально-коммуникативных свойств языка и в отрыве от культуры народа — носителя этого языка. Язык есть отражение жизни народа, в языке, как в зеркале, отражается лишь то, что есть в реальной действительности. Поэтому обучение новому языку целесообразно строить на основе комплексной методики, учитывающей межпредметные и внутрипредметные связи. Так, психодинамический (эмотивный) аспект речи обусловливается четкой мотивацией обучения и ориентацией на прагматическое основание лингвокультурологических знаний; когнитивный аспект обучения (восприятие, понимание, память, мышление) сопровождается опорой на ассоциативные методики — визуальные (предметные и иллюстративные) и вербальные (прямые и опосредованные) ассоциации.

В процессе овладения речевой деятельностью первостепенное значение следует придавать формированию навыков устной речи, причем последовательно — аудированию (восприятию речи) и говорению (производству речи). При обучении письменным формам речевой деятельности процессы восприятия (чтения) и производства речи (письмо) формируются вначале в той же последовательности, затем практически совмещаются.

В идеале при обучении языкам следовало бы стремиться к совмещенной модели двуязычия: к созданию в индивидуальном сознании обучаемых своеобразного лексико-семантического ядра, единой системы понятий, при которой речемыслительный механизм производства и восприятия речи работал бы одновременно, т.е. — к формированию совмещенного типа двуязычия. Это может произойти при постоянном и активном пользовании обоими языками, когда актуализация их в различных сферах общения жестко и однозначно мотивирована, когда происходит постоянный тренинг механизма производства и восприятия речи и систематическая востребованность обоих языков общения.

Именно такой психолингвистический и культуроло-гический подход и положен в основу предлагаемого авторами экспериментального учебника русского языка для студентов, изучающих русский язык как иностранный. При создании учебника учтены также основополагающие дидактические принципы: сведения по грамматике располагаются с учетом повышения степени сложности, постепенно увеличивается объем текстов, от урока к уроку расширяется лексический минимум, накапливается и усложняется словарный запас, в который включаются слова не только для активного усвоения, но и для понимания предлагаемых текстов. Должное внимание уделяется развитию устной монологической и диалогической речи, чему призвана служить тщательно продуманная система тренировочных упражнений на отработку навыков аудирования и продуцирования речи, задания на воспроизведение деформированных текстов и диалогов, прямой и обратный перевод русских и казахских (турецких, арабских) текстов и их фрагментов.

Красочное иллюстративное сопровождение слайдами всех тем (грамматический материал, лексические задания по развитию речи, адаптированные тексты и иллюстрации к ним, таблицы и проч.) помогает последовательно развивать и активизировать у студентов навыки говорения, ведения дискуссии, умение строить диалог.

Список литературы:

1. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков — М.: Изд-во «РА — Каравелла», 2001. 320 с.
2. Дмитрюк Н. В. Ассоциативный эксперимент как средство выявления ментально маркированных концептов языкового сознания / Вестник КазНУ им. аль-Фараби, Серия филол., № 5–6 (139–140), Алматы, 2012, С. 12–19.
3. Дмитрюк Н. В. Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент — М.: ИЯ РАН, 1998. 246 с., или http://dmitryuk-nv.livejournal.com
4. Русский ассоциативный словарь [Под ред. Ю. Н. Караулова и др.]. М.: «Помовский и партнеры», 1994. 224 с.
5. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян / Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207–219.

Сведения об авторе: Наталья Васильевна Дмитрюк, доктор филологических наук, профессор, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

LINGUISTIC CULTURAL AND ASSOCIATIVE PSYCHOLINGUISTIC BASICS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Dr. Natalia V. Dmitryuk
Professor, South-Kazakh State Pedagogical Institute,
e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Abstract

The topic of the report is to discuss innovative techniques of the intercultural communication study; the techniques are to be developed on the base of the complex methods. Psychodynamic (emotive) speech aspect must be determined by the strong motivation and be oriented to the pragmatical basics of the lingua cultural knowledge; cognitive learning aspect (perception, realization, memorization, thinking) is based on the associative methods — verbal associations. The article proves the urgent need for the use of modern illustrative and interactive methods and their role in formation of skills in the development of speech.

Key words: training, intercultural communication, ethno-cultural, psycholinguistic, motivation, associative, interactive, innovative

References:

1. Goroshko E. I. (2001) Integrative model of the free associative experiment. Kharkiv — M: Publishing house «RA — Karavella». 320 P.
2. Dmitryuk N. V. (2012) Associative experiment as a means to identify mentally marked concepts of the language consciousness / the Bulletin of KazNU. al-Farabi, Series p hilolog., № 5–6 (139–140), Almaty. 12–19.
3. Dmitryuk N. V. (1998) Kazakh-Russian associative dictionary. Shymkent — M: IL RAS, 246 P., or http://dmitryuk-nv.livejournal.com
4. Russian associative dictionary. (1994) [Ed. Y. N. Karaulova and others]. M: «Pomovsky and partners». 224 P.
5. Ufimtseva N. V. (2000) Linguistic consciousness and the image of the world of Slavs. / Language consciousness and the image of the world. — M., IL RAS. 207–219.

Межкультурная коммуникация: лакунарное и омонимичное невербальное поведение и связанная с ним фразеология

Г. М. Фадеева

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

В каждой лингвокультуре существуют специфические национально маркированные мимика и жесты, часто зафиксированные во фразеологии. Для успешной межкультурной коммуникации (МК) значения этих вербальных и невербальных средств должны быть известны всем ее участникам. Особый интерес для МК представляют лакунарные (отсутствующие) или омонимичные в одной из сопоставляемых

культур мимика, жесты и соответствующие фразеологизмы, которые требуют освоения в процессе обучения. Именно в невербальной МК часто происходит «коммуникативный сбой», а различия во фразеологии разных языков накладывают определенные ограничения на ее употребление. Данные вопросы рассматриваются в статье на примере русско-немецкой МК.

Ключевые слова: лингвокультура, межкультурная невербальная коммуникация, лакунарные и омонимичные мимика и жесты, кинеграммы

Мнения исследователей о значимости и роли невербальных средств в межкультурной коммуникации (МК) расходятся. Одни утверждают, что эта роль чрезвычайно высока, поскольку удельный вес невербальной коммуникации в общении составляет от 65 до 93% [Леонтович, 2007, с. 312]. Другие авторитетные авторы, например, Х. Ю. Херингер, считают подобные утверждения недоказанными, так как обоснованной научной методологии по этому вопросу не разработано [Heringer, 2010, с. 81].

Однако большинство ученых поддерживают следующие тезисы:

— в исследованиях межкультурной коммуникации невербальная коммуникация справедливо занимает важное место, поскольку именно здесь нередко происходит коммуникативный сбой [Heringer, 2010, с. 86];
— в случае редуцированной вербальной коммуникации язык жестов приобретает бóльшее значение;
— мимика и жесты не универсальны, так как часто имеют национально-культурную специфику [Heringer, 2010, с. 81; 86].
— мимика и жесты, относятся к переменным составляющим МК [ср. Леонтович, 2007, с. 26–27];
— человек с низким уровнем языковой компетенции чаще прибегает к мимике и жестам как к компенсаторным коммуникативным средствам;
— жестикуляция и другие телодвижения могут выдавать неносителя лингвокультуры даже в том случае, если он великолепно владеет иностранным языком [Леонтович, 2007, с. 30; 315].

В данной статье разделяется точка зрения П. Н. Донца, который считает, что среди жестов существует гораздо больше культурно-специфических знаков, чем в мимике, а с точки зрения межкультурной коммуникации особый интерес представляют лакунарные (отсутствующие) или «омонимичные» в одной из сопоставляемых культур жесты, способные приводить к коммуникативному сбою [Донец, 2001, с. 216–219].

В немецко-русской коммуникации примером, доказывающим последний тезис, может служить широко известное в обеих культурах жестовое действие *mit den Fingerknöcheln auf den Tisch (auf die Tischplat-*

te) klopfen — постучать костяшками пальцев о стол. Этот действие используется для выражения разных смыслов в различных коммуникативных ситуациях и сферах. В некоторых случаях их смыслы могут совпадать: например, постукивание по столу учителя / профессора / оратора во время лекции / любого публичного выступления как призыв к тишине и вниманию.

Национально-культурная специфика данного действия, знание которой необходимо в МК, проявляется в Германии в следующих ситуациях:

а) в учебных заведениях, когда студенты стучат костяшками пальцев по столу в конце лекции / доклада в знак одобрения и положительной оценки лектора;
б) при приветствии или прощании группы людей (часто в пивной или кафе) как невербальный эквивалент привычных вербальных «*Hallo!*» или «*Tschüß!*».

Оба данных смысла отсутствуют в указанном жестовом действии в России, где «постучать костяшками пальцев по столу» имеет следующие смыслы:

а) *некто глуп как дерево;*
б) *не дай бог сглазить (тьфу-тьфу!).*

Жест понимается как особая система сигналов, передаваемых при помощи движений рук, ног, мышц лица и тела, но не все эти движения несут определенное значение, то есть не все они являются жестами [Акишина, Кано, 1980, с. 4]. В коммуникации жесты играют гораздо большую роль, чем только выражение эмоций. Их функции многообразны:

— жест может сопровождать речь, дополняя, подчеркивая, уточняя ее, или даже придавая ей иное значение;
— жест может заменить фразу или слово (например, в ответ на вопрос: «Как ты поживаешь?» в ряде культур показывают большой палец, что означает «хорошо»);
— жест может быть самостоятельным сигналом (поцелуй, рукопожатие и т.д.) [Акишина, Кано, 1991, с. 142].

С таким подходом к типологии жестов совпадают и семиотические классы кинем, выделяемые Г. Е. Крейдлиным в «Словаре языка русских жестов»:

— кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста — эмблематические, или **эмблемы,** по Д. Эфрону;
— кинемы, выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации — иллюстративные, или **иллюстраторы**, по Д. Эфрону;
— кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуни-

кацию — регулятивные, или **регуляторы,** по Д. Эфрону [Гришаева, Цурикова 2006, с. 35].

Отметим, что в устной коммуникации жесты и мимика относятся к важнейшим сигналам иронии [Фадеева, 2012, с. 313]. На это указывает и Х. Вайнрих (Weinrich) в своей знаменитой работе «Лингвистика лжи», рассматривая феномен иронии и его лингвистические и нелингвистические сигналы [Weinrich, 2000, с. 63–64].

Специфические национально маркированные мимика и жесты часто зафиксированы в идиоматике. Для успешной МК значения мимики, жестов и соответствующих фразеологизмов должны быть хорошо известны всем ее участникам. Сравнительный анализ двух семиотических систем: одной невербальной — русских жестов, и одной вербальной — русских фразеологизмов, был проведен А. Д. Козеренко и Г. Е. Крейдлиным, которые подчеркивают устойчивые и многоплановые связи между жестом и фразеологизмом. Многие фразеологизмы являются семантическими дериватами жестов [Козеренко, Крейдлин, 1999, с. 270].

Х. Бургер называет зафиксированное в языке конвенционализированное невербальное поведение *кинеграммами,* к которым относятся, например, выражения: *die Achseln zucken — пожать плечами*; *die Nase rümpfen über etw. — презрительно, брезгливо поморщиться; крутить носом* [Burger, 2007, с. 48]. Подобные мимика и жесты, а также связанные с ними кинеграммы, не потеряли своей актуальности в современной немецкой культуре.

Наряду с этим в языке сохранились и широко используются «псевдо-кинеграммы», т.е. фразеологизмы типа: *sich die Haare raufen — рвать на себе волосы (например, от отчаяния)*. Такие кинеграммы кодируют жесты, которые мы легко можем себе представить, но которые, по утверждению Х. Бургера, вышли из употребления и сохранились лишь во фразеологизмах [Burger, 2007, с. 48].

Обучение паралингвистическому языку мимики и жестов, как и усвоение соответствующих фразеологизмов (в том числе и псевдокинеграмм), необходимо и возможно, так как этот язык имеет устойчивое значение в той или иной культуре. В первую очередь речь при обучении должна идти о наиболее частотных, социально и культурно значимых невербальных средствах и фразеологизмах, лакунарных или омонимичных в одной из сопоставляемых культур.

Примером лакунарного в русской культуре жеста является немецкий жест, описанный в романе Д. Шваница «Кампус»:

«Wegen dem! Ein Deutsch sprachen die, dachte Martin, während er sich nach Bekannten im Hörsaal undrehte. Plötzlich gewahrte er zwischen zwei Zuschauern das Gesicht von Professor Schäfer. Als Schäfer ihn sah, *faßte er mit dem Mittelfinger sein linkes Augenlid und zog es nach unten*. Darauf hob Martin den Daumen. Wir verstehen uns!» [Schwanitz, 1996, с. 341].

В переводе на русский язык эта сцена выглядит так:

«Ну и немецкий язык у них, думал Мартин, отыскивая взглядом знакомых в аудитории. Вдруг он разглядел между двумя зрителями лицо профессора Шефера. Увидев его, Шефер *оттянул средним пальцем руки нижнее левое веко вниз.* В ответ Мартин поднял большой палец. Мы понимаем друг друга!» [Шваниц, 1996, с. 341] (Перевод наш. — *Г. Ф.*)

Жест *оттянуть средним пальцем руки нижнее левое веко вниз* означает в немецкоязычном культурном пространстве, что сказанному или тому, что происходит, нельзя верить. Этот жест отсутствует в русской культуре. В тексте романа студенты-германисты, как правило, не замечают этого места, при вопросе преподавателя предлагают самые разнообразные толкования, в большинстве случаев очень далекие от истинного значения жеста, а при просмотре художественного фильма, снятого по роману, не могут интерпретировать эпизод. Из таких примеров следует, что необходимо целенаправленно и последовательно включать в процесс обучения материалы и задания, обращающие внимание студентов на жестовый язык и на проблему невербальной национально-культурной коммуникации в целом.

Сведения об употреблении жестов и мимики, которые зачастую обладают национально-культурной спецификой, включены в «Немецко-русский словарь речевого общения» М. Д. Городниковой и Д. О. Добровольского (1998). Авторы стремились показать «язык в действии», то есть способствовать решению задачи, как в повседневном общении на немецком языке обеспечить передачу информации в форме, характерной для естественной выразительной речи носителей языка. Это не словарь жестов, но авторы предприняли успешную попытку обратить внимание на то, что речевое общение — сложный вид деятельности, так как информация передается одновременно по словесному, интонационному, мимико-жестикуляционному и ситуативно-предметному каналам [Городникова, Добровольский, 1998, с. 7]. Как справедливо утверждает немецкий исследователь языка жестов И. Ваксмут: те, кто не жестикулируют, лишают себя важного канала информации [Wachsmuth, 2006, с. 42].

Основные выводы по рассматриваемым в статье вопросам сводятся к следующему:

— Изучение иностранного языка должно включать обучение социально приемлемому коммуникативному поведению.
— Мимика, жесты и соответствующие фразеологизмы, являются видом значимых социокультурных единиц. Они нередко отличаются национальной спецификой и требуют «освоения» в процессе обучения.
— Социально-культурная значимость этих средств, а, следовательно, их роль в обеспечении успешной МК, может существенно различаться в различных культурах.

— Для обучения иностранному языку и культуре необходим отбор корпуса культурно значимых для данного языкового сообщества единиц. Речь идет, прежде всего, о тех невербальных средствах и соответствующих фразеологизмах, которые имеют устойчивое значение в данной культуре.
— Иллюстрированные словари национально-специфических невербальных средств коммуникации имеют важнейшее прикладное значение для формирования межкультурной коммуникативной компетенции, в том числе, для переводчиков художественной литературы, для работников театров, работающих над спектаклями зарубежных авторов и др. сфер, связанных с межкультурным общением и трансляцией культуры [Акишина, Кано, 1980, с. 7–8].
— Освоение фразеологизмов, связанных с мимикой и жестами, является важной составной частью формирования межкультурной коммуникативной компетенции, особенно в случае несовпадений, которые могут привести к употреблению идиомы в неправильном контексте и к коммуникативному сбою.

Список литературы:

1. Акишина А. А., Кано Х. Словарь русских жестов и мимики. (Наука) Токио, 1980. 341 с.
2. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: «Русский язык», 1991. 144 с.
3. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Рус. язык, 1998. 332 с.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: «Академия», 2006. 336 с.
5. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации. Харьков: «Штрих», 2001. 386 с.
6. Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 269–277.
7. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 368 с.
8. Фадеева Г. М. Язык жестов и жестовые фразеологизмы в межкультурной коммуникации // Диалог культур — культура диалога. Материалы международной научно-практической конференции. Кострома, КГУ им. Н. А. Некрасова, 5–11 сентября 2012 г., Кострома, Дармштадт, Минск и др. С. 312–316.
9. Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. 240 S.
10. Heringer H. J. Interkulturelle Kommunikation. Tübingen und Basel: A. Francke, 2010. 240 S.
11. Schwanitz D. Der Campus. Der Goldmann Verlag, 1996. 383 S.

12. Wachsmuth I. Der Körper spricht mit // Gehirn&Geist, 4/2006. S. 40–47.
13. Weinrich H. Linguistik der Lüge. München: C. H. Beck, 2000. 90 S.

Сведения об авторе: Галина Михайловна Фадеева, профессор, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: LACUNAE AND HOMONYMS IN NONVERBAL BEHAVIOUR AND CORRESPONDING PHRASEOLOGICAL UNITS

Dr. Galina M. Fadeeva
Professor, Moscow State Linguistic University, e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

Abstract

Each linguaculture is characterized by culturally marked facial expressions and gestures that are often reflected in its phraseology.

For cross-cultural interaction to be successful it is essential that the participants share verbal and nonverbal knowledge. Facial expressions, gestures and respective phraseological units conspicuous for common lacunae (non-existing notions), or known for homonyms found in one of the compared linguacultures, are at the heart of cross-cultural research. Being a source of communication failures and thus imposing restrictions on the use of corresponding phraseology, the so-called 'body language' requires special classroom activity. These issues are discussed with regard to Russian-German cross-cultural communication.

Key words: linguaculture, nonverbal cross-cultural communication, lacunae and homonyms in facial expressions and gestures, kinegrams.

References:

1. Akishina, A. A., Kano, H. (1980) *A Dictionary of Russian Gestures and Facial Expression*. Tokyo: Nauka. — 341 pp.
2. Akishina, A. A., Kano, H., Akishina T. E. (1991) *Gestures and Facial Expression in the Russian Language. A Linguocultural Dictionary*. Moscow: Russian Language. — 144 pp.
3. Gorodnikova, M. D., Dobrovolsky, D. O. (1998) *A German-Russian Dictionary of Communication*. Moscow: Russkiy yazyk. — 332 pp.
4. Grishaeva, L. I., Tsurikova, L. V. (2006) *Introduction to the Theory of Intercultural Communication*. Moscow: Academia. — 336 pp.
5. Donets, P. N. (2001) *Foundations of Intercultural Communication.* Kharkov: Shtrih. — 386 pp.
6. Kozarenko, A. D., Kreidlin, G. E. (1999) *Body as an Object of Nature and Culture (the Semantics of Gestural Phraseological units)* // Phraseology in Cultural Context. Moscow: Languages of Russian Culture. — P. 269–277.

7. Leontovich, O. A. (2007) *An Introduction to Intercultural Communication*. Moscow: Gnosis. — 368 pp.
8. Fadeeva, G. M. (2012) *The Language of Gestures and Gestural Phraseological Units in Intercultural Communication* // Dialogue between Cultures — the Culture of Dialogue. International scientific conference. Kostroma: Kostroma State Nekrasov University, Sept. 5–11. — P. 312–316.
9. Burger, H. (2007) *Phraseology. An Introduction to the German Language.* Berlin: Erich Schmidt. — 240 pp.
10. Heringer, H. J. (2010) *Intercultural Communication*. Tübingen und Basel: A. Francke. — 240 pp.
11. Schwanitz, D. (1996) *The Campus*. Goldmann Verlag. — 383 pp.
12. Wachsmuth, I. (2006) *The Body Speaks* // Gehirn&Geist, 4/2006. — P. 40–47.
13. Weinrich, H. (2000) *The Linguistics of Lying*. München: C. H. Beck. — 90 pp.

Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации

А. Э. Левицкий
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко (Украина)

Аннотация
Этнические стереотипы рассматриваются как относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, а также чертах поведения, присущих представителям разных этнических групп. Данные стереотипы выступают средствами интенсификации процесса межкультурной коммуникации, что возможно лишь с учётом их динамики, субъективности восприятия и глобализационного фактора. Этнические стереотипы имеют онтологическую основу и реализуют когнитивную, аксиологическую и социально-поведенческую компоненты в процессе общения представителей разных культур.

Ключевые слова: этнический стереотип, межкультурная коммуникация, функционирование, глобализация

Существование ментальной бинарной оппозиции «своё — чужое» входит в систему своего рода опорных пунктов сознания во время контактов человека с внешним миром. В эпоху глобализации контакты людей разной этнической принадлежности становятся практически постоянными. Подобное взаимодействие представителей разных

этносов не только расширяет кругозоры в историческом, этнологическом, культурологическом и бытовом аспектах, но и способствует созданию и развитию стереотипов по отношению к представителям различных наций и народностей.

Термин «стереотип» имеет различное понимание в современной лингвистике. Он трактуется как негативное явление в межкультурной коммуникации. Так, стереотип понимается как упрощенная ментальная репрезентация определенной категории людей, преувеличивающая моменты сходства и игнорирующая различия [Леонтович, 2002]. Служат когнитивным образцом для категоризации мира, помогают адаптироваться, обобщают социальный опыт носителей определенной языковой культуры.

В тоже время отмечается, что стереотипы делятся на оценочные (положительные и отрицательные) или нейтральные [Гришаева, Цурикова, 2006]. Показатель социальной и стилевой стратификации [Trudgill, 1992]. Стереотип также трактуется как когнитивно-психологическое образование, схематизированный и односторонний образ явления, человека и т.д., который основывается на небольшом количестве свойств оценочного характера, принимаемых за прототипические для всего класса данных явлений или людей; субъективное понятие мышления и речи, неотъемлемая часть языковой картины этноса [Бацевич, 2007].

В начале XXI века межкультурная коммуникация в значительной мере отражает глобализационные процессы в человеческом обществе. Поскольку нынешняя глобализация инициирована США, она является отражением ключевых черт американской культуры, в частности, бытующих в ней этнических, коммуникативных и концептуальных стереотипов. Безусловно, информация о традициях коммуникативного поведения, базовых культурных концептах, традициях и верованиях, бытовых предпочтениях, особенностях культуры и религии максимально облегчат и без того сложный процесс межэтнического общения.

Этнический стереотип — относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, а также моделях поведения, присущих представителям различных этнических образований. В их содержании могут присутствовать предписания к действию в отношении людей данной национальности.

Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации позволяют человеку быть «вооружённым» необходимой информацией о своём партнёре в аспекте создания кооперативной атмосферы. Они возникли вследствие того, что неодинаковые природные и социальные условия обусловили различные особенности характеров, типов мышления, форм поведения и быта у разных этнических групп. Кстати, данная особенность предопределила относительность этнических

стереотипов, их динамический характер и «привязку» к определенной культуре. Таким образом, для человека, готовящегося открыть для себя сферу контактов с иностранцами, следует учитывать ряд факторов, которые могут превратить опору на бытующие в социуме стереотипы из позитивной в негативную. К ним отнесём: а) информацию, которая не отвечает условиям современности, т.е. отмеченные ранее стереотипы в отношении каких-либо этнообразований не отвечают сегодняшней действительности; б) выводах, сделанных лишь на основании общения с узкой социальной группой в рамках определенного этноса; в) интерпретации полученных данных сквозь призму своего мировидения, что вызвано чувством собственного превосходства по отношению к «чужим»; г) информацию, которая распространяется представителями другой культуры, т.е. является нерелевантной для человека, ее использующего.

Именно последнее становится наиболее существенной проблемой для современного человека в эпоху глобализации, которая базируется на данных американской культуры. Таким образом, мы зачастую видим мир и самих себя сквозь призму американского мироощущения, что лишает нас, с одной стороны, нашей собственной способности обобщать и делать выводы, исходя из особенностей нашего этноса, а с другой, — смотреть на окружающую действительность глазами американца. Так, на основании анализа художественных произведений современной англоязычной художественной литературы нами сделаны выводы о базовых этнических стереотипах, которые получили распространение в эпоху глобализации. Так, считается, что восточные народы скрывают свои истинные чувства и эмоции; англичане чопорны; вьетнамцам чужды глубокие эмоциональные переживания; жители Латинской Америки необразованны и ленивы; американцы же независимы, практичны и законопослушны.

Явление стереотипизации связано с обобщающим характером человеческого мышления, необходимостью постоянного движения мысли от единичных, конкретных случаев к их объединения, от факта общего правила и в обратном направлении к этому самому факту [Завгородня, 2000, с. 198].

Этнический стереотип, с точки зрения содержания, является фрагментом концептуальной картины мира, которая существует в сознании индивида как стойкое, обусловленное национально-культурной спецификой представление об определённом этносе. Он используется для характеристик этнокультурных групп как символ, а также в тех случаях, когда речь идет о стереотипном восприятии «типичных» их представителей. Как элементы картины мира стереотипы в сознании индивидов проходят все стадии развития: они рождаются, переживают период становления, существуют в достаточно стабильном виде, поддаются распаду и прекращают существование [Силинский, 1995].

Стереотипы включают в себя три компонента: когнитивный (знания об объекте общения), оценочный (отношение к объекту сообщения) и поведенческий (готовность действовать определённым образом).

Когнитивный компонент прослеживается, в частности, как генерализация в ходе представления информации, которая бросается в глаза и связана с внешним видом и физическими характеристиками представителей определённого народа: *I wonder if Dessous themed all his meals, so that if we'd eaten Chinese we'd have been surrounded by pigtailed* ***Chinamen****, while an* ***Italian*** *dinner would have been served by dark, slim-hipped young men called Luigi* [I. Banks].

Оценочность стереотипов отражает этноцентризм, т.е. противопоставление позитивного «своего» негативному «чужому». Такая оценка является также эмоциональной, что способствует субъективности отражения мира: *"Bill," the Economic Attaché said, "we want to know who Mick is." "Search me." "But you brought him here." "The* ***Frogs*** *can't take Scotch. He passed out"* [G. Green].

Этнические стереотипы являются когнитивно усложнёнными ментальными образованиями, что обусловлено наличием в них не только специфической информации онтологического, но и оценочных фокусов: *I began — almost unconsciously — to run down everything that was* ***American****. My conversation was full of the poverty of American literature, the scandals of American politics, the beastliness of American children. It was as though she were being taken away from me by a nation rather than by a man. Nothing that America could do was right. I became a bore on the subject of America, even with my French friends who were ready enough to share my antipathies* [G. Green].

Социально-поведенческий компонент стереотипа состоит в регуляции поведения индивида в процессе межкультурного общения. Таким образом, речь идёт об оценке объекта и готовности действовать при определённых обстоятельствах на основе имеющегося опыт]: *I was glad that the colour of my skin and the shape of my eyes were a passport — they [****the Vietnamese****] wouldn't shoot now even from fear* [G. Green].

Итак, этнические стереотипы выступают своего рода константами процесса межкультурной коммуникации, маркируя устоявшееся восприятие представителей разных этнокультурных образований. Дальнейшее исследование роли этнических стереотипов предполагает рассмотрение их динамического характера с учетом глобализационных тенденций и процессов.

Список литературы:

1. Бацевич Ф.С. Словник термінів лінгвістики та міжкультурної комунікації. К.: Вид-во «Довіра», 2007. 205 с.

2. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
3. Завгородня Л. В. Природа стереотипу та стереотипні інновації у публіцистиці // Семантика мови і тексту. Івано-Франківськ: Плай, 2000. С. 197–201.
4. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию М.: Гнозис, 2007. 368 с.
5. Силинский С. В. Речевая вариативность слова: на материале английских имён лица. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 128 с.
6. Trudgill P. Introducing Language and Society. L.: Penguin English, 1992. 80 p.

Сведения об авторе: Андрей Эдуардович Левицкий, доктор филологических наук, профессор, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина), e-mail: andrelev@list.ru

ETHNIC STEREOTYPES WITHIN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Dr. Andrei E. Levitsky
Professor, Taras Shevchenko National University of Kiev (Ukraine), e-mail: andrelev@list.ru

Abstract
Ethnic stereotypes are treated as relatively stable ideas on moral, rational, physical features, as well as behavioral traits typical of people who belong to different ethnic groups. These stereotypes are viewed as the means of intensification of intercultural communication process, which is reasonable only with regard to their dynamics, subjective perception and the globalization factor. Ethnic stereotypes prove to be ontologically grounded and manifest their cognitive, axiological and social-behavioral components.

Key words: ethnic stereotype, intercultural communication, functioning, globalization

References:

1. Batsevich F. S. (2007) *Dictionary of Linguistics and Intercultural Communication Terminology*. Kiev: Dovira.
2. Grishayeva L. I., Tsurikova L. V. (2006) *Introduction to the Theory of Intercultural Communication*. M.: Academia.
3. Zavgoronya L. V. (2000) The Origin of a Stereotype and Stereotypical Innovations in Mass Media. *Semantika movy i tekstu*. Ivano-Frankivsk: Play. 197–201.
4. Leontovich O. A. (2007) *Introduction to Intercultural Communication*. M.: Gnozis.
5. Silinsky S. V. (1995) *Speech Variety of a Word: Names of People in English Analysed*. SPb: SPb University Publ.
6. Trudgill P. (1992) *Introducing Language and Society*. L.: Penguin English.

Образ России глазами французов: история вопроса

В. Е. Смирнова
МГУ им. М. В. Ломоносова

Аннотация
Большую роль в формировании существующих представлений о России во Франции сыграли свидетельства французских путешественников, посетивших Россию в различное историческое время. Данная статья предлагает анализ свидетельства французского путешественника Ж.-Ш. д'Отроша, рассмотренного через призму идей комплексного исследования языка и культуры. Результаты анализа позволяют выделить ряд дифференциальных признаков французского и русского культурного ареала XVIII века, которые легли в основу представлений французов о нашей стране.

Ключевые слова: Россия XVIII века, Сибирь, свидетельство путешественника, повседневная жизнь

Изучение истории формирования национальных стереотипов открывает возможность понимания современных процессов культурного взаимодействия между Францией и Россией. В XX веке развитие новых технологий предоставило много средств получения сведений о географически удаленных районах. Но до XX века одним из основных источников информации о другом народе, были свидетельства путешественников.

В докладе будет предпринят культурологический анализ текстов французского путешественника, аббата, ученого-астронома, Ж.-Ш. д'Отроша, посетившего Россию во второй половине XVIII века. Анализ будет проводиться с учетом концепции этнотекста для комплексного исследования языка и культуры, предложенной французским исследователем Ж.-К. Бувье и впоследствии разработанной российским ученым Т. Ю. Загрязкиной. Этнотекстом, согласно Ж.-К. Бувье, является устный или письменный документ о региональной народной культуре [Bouvier et al., 1980, с. 5–7]. Основной особенностью данного документа является субъективность изложенной в нем информации, поэтому в речи анализируются маркеры субъективности.

Центром интересов Ж.-К. Бувье были региональные культуры Франции. Т. Ю. Загрязкина считает, что концепция этнотекста может быть применена и для исследования взаимодействия национальных культур. Очерчивая собственный культурный ареал, этнотекст устанавливает дистанции с «иными культурными ареалами»

и обнаруживает признаки, противопоставляющие «своих» и «чужих» [Загрязкина, 1996, с. 216]. Анализ документов с учетом данной концепции позволяет указать реалии, наиболее значимые для рассказчика, выявить дифференциальные признаки культурных ареалов, на основании которых складывается представление о «чужом» культурном регионе.

С учетом данных положений проанализируем записки французского ученого, который находился в России с февраля 1761 по май 1762 года и пересек всю страну от Рижской губернии, которая в этот период входила в состав Российской империи, до Тобольска [Альбина, 1987, с. 73].

Наиболее высокая частотность отмечается у культурных реалий, которые можно условно обозначить как «временные ограничения». В первую очередь к ним относятся дороги и транспорт. Судя по описаниям путешественника, плохие дороги не были особенностью России. Еще в Европе он жалуется на то, что его экипажи проваливались в ямы 1,5–2 метра глубиной [D'Auteroche, 1768, vol. 1, p. 2]. Особенностью же российских дорог была их заснеженность. Теперь, вместо того чтобы «полночи вытаскивать повозку из ямы» [Ibid. P. 7], как они это делали в Германии, путешественник и его спутники вынуждены были «полдня откапывать ее из снега». Но, не смотря на отрицательные впечатления, ученый пытается внести свой вклад в развитие дорожной сети: производит работы по нивелированию дорог, необходимые для составления дорожного атласа России. Детальностью отличаются описания саней. Ж.-Ш. д'Отрош отмечает, что быстро и комфортно ездить на новом виде транспорта только в начале зимы, а концу сезона это очень неудобно, так как на дорогах «глубокие параллельные углубления» [Ibid. P. 29]. Прочность саней не выдерживала подобных дорог: через 4 дня после выезда из Санкт-Петербурга, все четверо саней были разбиты. Таким образом, путешествия на далекие расстояния на транспорте в эту эпоху были доступны лишь знатным или богатым людям.

Тема ограничений в записках путешественника тесно переплетается с темой привилегий. Француз замечает исключительные возможности, которые открывали рекомендательные письма, а также возможность беспрепятственного проезда, обусловленного социальным статусом: по пути в Сибирь едущий ему навстречу транспорт уступал дорогу [Ibid. P. 40].

Поскольку ученый очень торопился, он выехал из Петербурга, пренебрегая ограничением, обусловленным местными традициями: шла неделя Масленицы, и французскому гостю рекомендовали не выезжать из-за разгула, которому предается народ, не перестающий пить [Ibid. P. 28].

Важное место в описаниях ученого занимает погода. Ж.-Ш. д'Отрош регулярно фиксирует температуру воздуха в дневнике.

Уже в Германии при температуре –18 С он жалуется на суровые холода. В России температура понижается, но записи показаний термометра в дневнике становятся реже, ученый привыкает к холоду, приобретает тулуп. Помимо сильного холода путешественник отмечает в России и противоположную крайность: непривычно высокие температуры воздуха натопленных изб. Посещение бани оказалось для него даже болезненным, но он идет в баню в исследовательских целях и строит следующую гипотезу: баня нужна русским для того, чтобы ускорить обмен веществ, потому что зимой они почти не выходят из дома из-за холодов, мало двигаются и дышат свежим воздухом, что влияет на нрав и плохое настроение. Русский нрав француз определил как недружелюбный, и причину этого он видит не только в климате. Народ, по его мнению, запуган, что ученый объясняет деспотизмом господ, которым они принадлежат.

Подробностью отличаются описания рациона жителей Сибири, который путешественник нашел очень скудным. Многие болели цингой, от которой спасались клюквой, березовым соком, немногочисленными овощами. Пища крестьян состояла в основном из каши, супа из капусты или просто капусты, которая была самым популярным овощем в России [Павловская, 2009, т. 2, с. 458]. Был также черный хлеб, на вкус француза, приготовленный плохо. Но белый пшеничный хлеб и в Европе долго оставался предметом роскоши. В неурожайные годы в Париже запрещалось выпекать белый хлеб. [Бродель, 1986, т. 1, с. 153]. Однако следует учесть, что путешественник попал в Сибирь во время Великого Поста. Он отмечает строгость, с которой русские соблюдают пост все, включая детей. Аббата — ученого интересовала религиозная жизнь России. Он заметил, что во всех домах, независимо от сословия, есть иконы, что люди молятся и крестятся перед каждым делом. Но, зачастую религиозность сводится к исполнению обрядов, без понимания вероучения, например, крестятся и перед небогоугодным делом. Подобные явления, как и широко распространенные предрассудки, он объясняет невежеством. Ж.-Ш. д'Отрош интересуется образованием. Он восхищается почтением к учителям, к ним относятся, как к отцам своих детей. «И если, при таком отношении образование в России не имело больших успехов, то исключительно потому, что любовь славы и добродетель могут вызревать только внутри свободы» [D'Auteroche, 1768, vol. 1, p. 134]. Следует отметить частое упоминание свободы как высшей ценности собственной референциальной системы ученого.

Подводя итог, можно сказать, что черты русской жизни, на которые обратил внимание Ж.-Ш. д'Отрош, представляют собой дифференциальные признаки французского и русского культурного ареала того времени, свидетельства того, что отделяло один

ареал от другого в действительности или в субъективном представлении путешественника. В некоторых случаях можно говорить не о наличии — отсутствии тех или иных признаков, а об их разной интенсивности, частотности проявления. Исходя из этого, можно выделить следующие группы признаков: наличие — отсутствие признака (сани, снег, водка, клюква, березовый сок, тулуп, баня); разная степень интенсивности проявления (возможность быстрее передвигаться на санях; холода и чрезмерно высокие температуры внутри помещений; строгий пост; крепостная зависимость; более скудный, по сравнению с Францией, рацион; употребление алкоголя в больших количествах); различный уровень частотности (большое количество в году холодных дней; широкое распространение цинги, популярность капусты; повсеместное исполнение религиозных обрядов; высокая степень распространения протекционизма и предрассудков).

Данные отличительные особенности легли в основу формирования образа России для посетившего ее француза и его современников. Некоторые из них за давностью потеряли свою актуальность, но многие и сегодня присутствуют в представлениях французов о нашей стране, стали экзотическим компонентом «русского туризма». Другие, превратились в стереотипы, пугающие иностранцев.

Из данного опыта межкультурного взаимодействия можно извлечь ценное: описания не ограничиваются оценкой, но сопровождаются размышлениями, попыткой обоснования культурных феноменов жизни России, желанием внести вклад в развитие культуры страны, что способствует взаимопониманию и установлению контактов между представителями разных культур.

Список литературы:

1. Альбина Л. Л. Россия — Франция. Л.: Эрмитаж, 1987. 301 с.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
3. Загрязкина Т. Ю. Этнотекст как средство изучения языка и культуры: речь о России как вид этнотекста //Россия и Запад: диалог культур. Вып. 3. М.: МГУ, 1996. С. 216–219.
4. Павловская А. В. Русский мир. Характер, быт и нравы. Т. 2. М.: Город, 2009. 542 с.
5. D'Auteroche J.-C. Voyage en Sibérie. Vol. 1. Paris, 1768. 347 p.
6. Bouvier J.-C., Bremondy H.-P., Joutard P., Mathieu G., Pelen J.-N. Tradition orale et identité culturelle. Problèmes et Méthodes. Paris: CNRS, 1980. 136 p.

Сведения об авторе: Вера Ефимовна Смирнова, ст. преподаватель, МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: veras777@mail.ru

THE IMAGE OF RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE FRENCH: HISTORY OF THE MATTER

Vera E. Smirnova
Senior Lecturer, Moscow State University, e-mail: veras777@mail.ru

Abstract

Testimonies of French voyagers which visited Russia in different historical time contributed to the formation of ideas of Russia in France. This article suggests the analysis of the testimony of the French traveler J.-C. d'Auterauche given through the theory of integrated approach to the language and the culture. Results of this analysis give an opportunity to mark out a number of distinctive features of French and Russian cultural areas of the 18th century underlying the representation of Russia in France.

Key words: Russia of the 18th century, Siberia, the traveler testimony, everyday life in Russia

References:

1. Al'bina L. L. (1987) Russia — France. Leningrad: Jermitazh.
2. Bouvier J.-C., Bremondy H.-P., Joutard P., Mathieu G., Pelen J.-N. (1980) Oral tradition et cultural identity. Problems et Methods. Paris: CNRS.
3. Brodel' F. (1986) Structures of everyday life: possible and impossible. Material civilization, economics and capitalism, 15–18th centuries (Vol. 1). Moscow: Progress.
4. D'Auteroche J.-C. (1768) Voyage to Siberia (Vol. 1). Paris: Debure.
5. Zagrjazkina T. Y. (1996) Ethnic text as a way to explore the language and the culture: discourse about Russia as a type of the ethnic text. *Rossija i Zapad: dialog kul'tur* (3). M.: Moscow State University, 216–219.
6. Pavlovskaja A. V. (2009) Russian world. Character, way of life and customs (Vol. 2). Moscow: Gorod.

Стереотипные представления агрессии в языковом сознании американцев и россиян

А. Г. Фомин, Н. С. Якимова
Кемеровский государственный университет

Аннотация

В статье приводятся результаты комплексного психолингвистического исследования, направленного на выявление представлений россиян и американцев об агрессии, обосновывается исследовательский и методический потенциал метода психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, психолингвистический эксперимент, межкультурная коммуникация

Изучение феномена агрессии представляется актуальным в силу того, что агрессия присутствует во всех сферах деятельности современного человека и общества. Кажется, что динамика современного общества будет нарушена, если оно не будет обладать агрессивностью.

Современные лингвокультуры становятся также агрессивны, хотя по своей сути не должны являться таковыми. Само слово «лингвокультура» содержит в себе два абсолютно неагрессивных корня: «лингво» и «культура». Однако современная ситуация выглядит следующим образом: культура как отличительная черта человека и агрессивность, приближающая человека к животным, — реализация двух противоположных начал: стремления к созиданию, творчеству и направленности на разрушение.

Агрессия является неотъемлемой динамической характеристикой активности и адаптивности человека. В социальном плане личность должна неизбежно обладать определенной степенью агрессивности. Агрессивность личности в «норме» является качеством социально приемлемым и даже необходимым для современного члена общества — представителя определенной лингвокультуры. Не являясь агрессивным, индивид не может быть успешным в получении социального статуса, необходимого для занятия значимых позиций в иерархии современного общества.

Формы проявления агрессивности могут быть самыми разными — от внешне безобидных до самых деструктивных, от негативных до положительных, поскольку сама агрессивность буквально во всем пронизывает все формы деятельности человека. В каждом обществе степень проникновения агрессии зависит от культурных традиций, складывающихся на протяжении веков. Поэтому особый интерес представляет изучение различных лингвокультур с точки зрения значимости феномена агрессивности для данного социума.

Проведенное экспериментальное исследование включало в себя изучение феномена агрессии в американской и русской лингвокультурах на нескольких этапах: свободный ассоциативный эксперимент, ситуативный эксперимент, эксперименты с использованием методики стимульного текста и анкетного опроса. Полученные экспериментальные данные легли в основу диссертационного исследования Н. С. Якимовой «Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур» [Якимова, 2012].

Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 203 человека, из них — 101 русский (студенты Кемеровского государственного университета) и 102 американца (студенты университета г. Лок-Хэйвен, США). Исследование проводилось в письменной форме на родном языке респондентов.

Целью проведения ассоциативного эксперимента является моделирование фрагмента лингвокультурного сознания русской и американской языковой личности. Испытуемым были предложены идентичные списки слов-стимулов на русском и английском языках: 16 существительных, которые составляют семантическое поле агрессии и соотносятся с тем, ***как***, ***когда*** и ***почему*** она проявляется. Некоторые результаты эксперимента нашли отражение в публикациях: [Фомин, Якимова, 2012а, б].

В целом, реакции россиян характеризуются большим разнообразием, большим количеством единичных ассоциатов. Установлено, что картина мира россиян, в целом, характеризуется большим разнообразием. Тогда как в американской лингвокультуре степень общности образов значительно выше, чем в русской, что отразилось в большей общности полученных реакций.

Реакции россиян характеризуются большей эмоциональностью, образностью и метафоричностью. Например, среди реакций российских респондентов на слово-стимул *преступление* наряду с нейтральными *преступник* и *человек в маске* встречались и образные реакции, например *мужик в черной шапочке,* на слово-стимул *беспокойство* — реакция *руки трясутся* и др. Это объясняется богатством лексических средств и словообразовательных моделей в русском языке. При этом наиболее частотными реакциями американцев чаще всего были синонимы или однокоренные слова. В то же время для носителей англоязычных культур (как американцев, так и британцев) характерна пониженная экспрессивность, что нашло подтверждение в результатах данного исследования.

На втором этапе исследования с целью выявления стратегий и тактик вербальной агрессии был проведен ситуативный эксперимент: респондентам были предложены 10 ситуаций, в каждой из которых они должны были выбрать один вариант ответа из предложенных либо предложить свой вариант, например: (см. рисунок).



Большинство американских респондентов в данной ситуации выбрали вариант ответа «а», соответствующий стратегии автоагрессии (48,57 % мужчин и 53,73 % женщин). Наиболее частотный вариант ответа у русских «в» (45,71 % мужчин, 40,85 % женщин) отражает попытку договориться и не содержит агрессивных намерений. Объяснить различие в реакциях можно различием в отношении россиян и американцев ко времени как базовой культурной ценности: с точки зрения американской культуры, время строго фиксировано и невосполнимо, в понимании россиян время — неисчерпаемый ресурс.

Случаи выбора варианта «д» также частотны для российских групп испытуемых (25,71 % у мужчин и 30,99 % у женщин). Большая часть ответов, предложенных самими респондентами, сводится к варианту *пойду в другой магазин или домой*. Следовательно, большинство россиян в данной ситуации предпочтут стратегию вербального поведения, не содержащую агрессивных интенций.

Второй вид ситуативного эксперимента подразумевал использование ситуаций с открытым ответом: респондентам предлагалось сами написать предполагаемую реакцию в каждой из 10 ситуаций. Результаты данного этапа исследования отражены в статье [Фомин, Якимова, 2012 в]

Стимульный текст был смоделирован таким образом, чтобы у респондентов была возможность указать в первую очередь, изменилось ли их отношение к другому человеку в положительную или отрицательную сторону. Наряду с определением того, какой опыт (положительный или отрицательный) более ценен для респондентов (и как следствие вспоминается в первую очередь), данный вид исследования позволил также определить важность личности собеседника в ситуации агрессии. Из результатов эксперимента следует, что отрицательные воспоминания респондентов чаще всего связаны с человеком того же пола. Подробнее см. в статье [Фомин, 2012].

Для определения общей склонности представителей исследуемых лингвокультур к проявлению агрессии, в том числе и вербальной, было проведено исследование методом анкетного опроса (субъективного шкалирования). Испытуемым был предложен список из 16 утверждений, а также шкала оценок («+», «–», «0»), при помощи которых им необходимо было отметить, насколько каждое из утверждений было справедливо для них.

При отборе утверждений мы опирались на разработанные А. Басом опросники для выявления степени агрессивности. Полученные результаты были обработаны приложением Statistica 5.5 с использованием модуля ANOVA. Вычисления показали, что вероятность статистической ошибки первого рода (p-level) для исследуемых групп составляет p=0,021828. Следовательно, можно утверждать с 98% вероятностью, что исследуемые группы респондентов различаются по уровню агрессивности.

Ценность проведенного экспериментального исследования представляется очевидной в силу большого объяснительного потенциала психолингвистической методики исследования. Экспериментальные данные демонстрируют реальную картину состояния исследуемых лингвокультур в аспекте проявления агрессивности.

Очевидна перспективность использования психолингвистического эксперимента в качестве методики исследования различных лингвокультур, что может являться заданием для проектной работы при обучении межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Фомин А. Г. Гендерные различия в агрессивном речеситуативном поведении носителей русского и английского языков (по материалам экспериментального исследования) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №3. С. 214–218.
2. Фомин А. Г., Якимова Н. С. Репрезентация тактик вербальной агрессии в языковом сознании россиян и американцев // Язык и культура. 2012а. №3. С. 41–50.
3. Фомин А. Г., Якимова Н. С. Репрезентация феноменов «агрессия» и «конфликт» в языковом сознании россиян и американцев // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012б. №1. С. 206–211.
4. Фомин А. Г., Якимова Н. С. Тактики и маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев (по материалам речеситутивного исследования) // Сибирский филологический журнал. 2012в. №2. С. 197–207.
5. Якимова Н. С. Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: дис. … канд. филол.н. — Кемерово, 2012. — 252 с.

Сведения об авторах:

Андрей Геннадьевич Фомин, доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, e-mail: andfomin67@mail.ru

Наталия Сергеевна Якимова, кандидат филологических наук, Кемеровский государственный университет, e-mail: nataliyayakimova@mail.ru

STEREOTYPIC REPRESENTATION OF AGGRESSION IN RUSSIANS' AND AMERICANS' VERBAL CONSCIOUSNESS

Dr. Andrey G. Fomin

Professor, Kemerovo State University, e-mail: andfomin67@mail.ru

Dr. Nataliya S. Yakimova

Kemerovo State University, e-mail: nataliyayakimova@mail.ru

Abstract
The paper addresses the results of the complex psycholinguistic study of Russians' and Americans' understanding of aggression. The research and teaching potential of the psycholinguistic experiment method is proved.

Key words*:* aggression, aggressiveness, psycholinguistic experiment, intercultural communication

References:

1. Fomin A. G. (2012) Gender Differences in Aggressive Speech Behaviour of Russian and American Native Speakers (as revealed in an experimental study). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (3), pp. 214–218.
2. Fomin A. G., Yakimova N. S. (2012a) The Representation of Verbal Aggression Tactics in Russians' and Americans' Verbal Consciousness. *Iazyk i kul'tura* (3), pp. 41–50.
3. Fomin A. G., Yakimova N. S. (2012b) Represenatation of the Phenomena of Aggression and Conflict in Russians' and Americans' Verbal Consciousness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (1), pp. 206–211.
4. Fomin A. G., Yakimova N. S. (2012c) The Tactics and Markers of Verbal Aggression in the Communicative Behavior of Russians and Americans. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* (1), pp. 197–207.
5. Yakimova N. S. (2012) Means of Expressing Verbal Aggression in the Context of Studying Linguistic Cultures.

Отражение менталитета в языковой картине мира на примере организации письменного текста

В. С. Соседова
МГИМО (У) МИД России

Аннотация
Учет особенностей менталитета при обучении иностранному языку является обязательным условием успешного усвоения языка. В статье предлагается выделить те черты русского менталитета, которые могут препятствовать обучению написанию английского эссе, а также ответить на вопрос, почему умение писать текст на английском языке так важно.

Автор рассматривает такие особенности, как романтическая коннотация понятия эссе в русском языке; маловажность концептов 'закон' и 'порядок' для русского человека; различные установки при написании эссе на русском и английском языках; переложение ответственности за создание текста на 'судьбу'; страх выражения собственной мысли.

Автор приходит к выводу, что учет перечисленных особенностей русского менталитета может упростить процесс обучения письму, особенно если студент осознает, что использование английского языка дает возможность войти в роль и спрятаться за маской вторичной языковой личности.

Что касается важности умения писать на английском языке, то при ведущей роли данного языка в науке, политике, коммуникации оно является единственной возможностью быть замеченным на международном уровне.

Ключевые слова: менталитет, эссе, языковая картина мира

Тема статьи интересует меня уже несколько лет, с тех пор как я начала обучать студентов написанию эссе. Все это время я задавала себе вопросы: почему написать хорошее эссе на английском языке так непросто? И что плохого в том, что студент пишет «русское» эссе по-английски? Разумеется, я понимала, что ответ на первый вопрос очевиден — разность менталитетов. Но эта формулировка казалась мне слишком общей и расплывчатой. Ответ же на второй вопрос вызывал большие затруднения.

Начиная ответ на первый вопрос, обратимся к теоретической стороне вопроса. В упомянутом выше ответе мы используем термин менталитет, который необходимо определить. Опуская бесконечное перечисление определений данного понятия, перейдем к наиболее близкой нам, позаимствованной у профессора МГУ А. А. Джиоевой дефиниции: «Менталитет — это особый способ восприятия действительности, результатом которого является модель мира, отражающая национальные особенности этноса и часто детерминируемая его культурой и историей» [Джиоева, 2006, с. 46]. Получается, что менталитет — это культурно и исторически обусловленный взгляд на мир.

Каким же образом рассмотренное выше понятие связано с языком? Воспользуемся следующим определением языковой картины мира: «языковая картина мира — это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности», то получим, что фактически языковая картина мира — это отраженный в языке менталитет народа.

На данном этапе изучение взаимосвязи менталитета и языка является одним из основных направлений развития лингвистики. Итак, мы постараемся выделить те особенности русского и английского менталитета, которые касаются рассматриваемой нами проблемы написания эссе на английском языке русскими студентами, какое выражение эти особенности находят на письме.

В начале доклада приведу несколько словарных статей об эссе:

1. (фр. essai — попытка, проба) прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. В XVIII–XIX вв. Э. — один из ведущих жанров английской и французской журналистики. В XX в. эссеистика переживает расцвет; крупнейшие прозаики, поэты, философы обращаются к жанру Э. в целях популяризации достижений естественнонаучной и гуманитарной мысли и сближения разных кругов читателей. Для русской и советской литературы жанр Э. не характерен; образцы стиля обнаруживают у А. С. Пушкина, А. И. Герцена, К. Паустовского. (*Большая советская энциклопедия)*
2. A short piece of writing usually dealing with its subject from a limited or personal point of view. *(Longman Dictionary)*
3. A short written composition that discusses a subject or proposes an argument without claiming to be a complete or thorough exposition. It is more relaxed than the formal academic dissertation. *(The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms)*

Прежде всего, следует сказать о том, что слово «эссе» имеет для русского человека некий романтический подтекст, ведь это не нудное школьное сочинение и не пугающая курсовая работа, а некий полет мысли, свободная форма самовыражения. Удивительным образом данная коннотация сохраняется у многих студентов, хорошо знакомых с четкой структурой экзаменационного эссе в ЕГЭ по английскому языку. Для англоговорящего же студента часто написание эссе является стандартным видом работы, причем, не только на уроках литературы или языка, но и на других предметах.

Кроме того, что русский студент умеет работать в основном с литературным произведением, давать комментарий к тексту, рассуждать о написанном, но не продуцировать свой самостоятельный текст. Это наблюдение, по нашему мнению, ярко иллюстрирует тот факт, что студенты находят сложность в написании эссе на английском языке, основным форматом которого является problem-solution essay.

Большую сложность вызывает структура эссе. Интересное приводит в своем труде Н. Д. Арутюнова: «В русском менталитете и русской социальной психологии не укоренено понятие закона, ни юридического, ни научного, ни общественного. Русская ментальность не формальна. В ней поверх триады *истина — закон — право (правило*), характерной для англосаксонского менталитета, расположена другая триада: *правда — совесть — справедливость,* сосредоточившая в себе основные ценности. Ради правды русский человек готов стать узником совести. Однако судить по правде, поступать по совести и быть справедливым вовсе не означает для него неукоснительно следовать

правилам, соблюдать законы и стремиться к истине [Арутюнова, 1999, с. 594]. На наш взгляд, данный пример иллюстрирует тот факт, что русскому человеку очень сложно держаться в рамках определенной структуры, следовать четким правилам, что отражается и на письме.

Далее необходимо выделить общую установку написания эссе. Какова основная цель написания сочинения в русском языке? Предложить возможные варианты решения проблемы, пути развития событий и предоставить читателю самому выбирать лучший. А английского? Доказать, что ваш вариант является верным [Kachru, 1999, с. 79]. Это два принципиально разных подхода.

Еще одной отличительной чертой русского характера является такой ключевой концепт, как «судьба», отсюда обилие безличных конструкций. Многим авторам «пишется» или «не пишется», «можется» или не «можется». То есть, например, текст сам может появляться из-под пера писателя без большой на то его воли. Занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем над ней не властен, он подчинен некоторой — внешней или внутренней — силе [Арутюнова, 1999, с. 795]. Следовательно, русский человек часто не чувствует ответственности за свой текст.

Следующей особенностью менталитета, препятствующей усвоению английской манеры письма, является боязнь открыто выражать свою точку зрения, которая жила в русском человеке и при царе, и при Советах, продолжает она жить и до сих пор, несмотря на демократию, свободу слова и прочие достижения современного общества. Это препятствие можно подать в хорошем свете, объяснив, что изучение иностранного языка дает возможность относительно свободно выразить свое отношение к поставленной проблеме, вооружая человека средствами изучаемого языка, выводя его за границы собственной культуры. Сюда же можно отнести и проблему плагиата: для русского человека лучше списать, чем выразить собственное мнение.

Таким образом, мы смогли выделить пять особенностей русского менталитета, оказывающие влияние на овладение навыками написания эссе, которые должны быть учтены при работе в аудитории, поскольку представляют сложность для студентов. Мы предлагаем объяснять и регулярно напоминать студентам, что эссе — это четкий, структурированный текст, предполагающий последовательное изложение мысли, за который автор несет ответственность. Кроме того, мы можем использовать разницу в менталитетах с пользой для студента, показав, что написание эссе — это прекрасная возможность надеть на себя маску и попробовать играть по новым правилам, вжиться в роль вторичной языковой личности, выйти за границы собственной культуры.

Ответ на второй вопрос формировался довольно долго, пока я не нашла четкую его формулировку в одной из статей сборника [Kachru, 1999, с. 83]. Дело в том, что различия в построении текста, заложен-

ные в истории и культуре каждого народа, переходят на письмо на иностранном языке. Сколько раз мы чувствовали, что читаем абсолютно русский текст, хотя бы и написанный английскими буквами. Любой англоязычный человек, скорее всего, посчитает такой текст нелогичным и плохо структурированным, недостойным его внимания, недостаточно авторитетным.

Какое нам дело до того, что посчитает этот человек? А такое, что английский язык является языком науки и политики, основным языком коммуникации в современном мире, а значит, чтобы быть услышанным, замеченным, нужно играть по правилам английского языка. Чтобы опубликовать статью, чтобы получить признание, необходимо усвоить правила построения английского текста.

Вы можете возразить: нас, неносителей английского языка, так много! Неужели мир готов терять такое количество светлых мыслей и рациональных идей? Как это ни прискорбно, готов. Ждать того момента, когда что-то изменится, можно бесконечно долго. Таким образом, освоение навыка написания английского текста — это не просто часть программы, не дань уважения изучаемому языку, это ваше будущее преимущество, ваш шанс выйти на мировой уровень и добиться успеха.

Список литературы:

1. Джиоева А. А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: Understatement. // Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. 2006. С. 45–56.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
3. Kachru Y. Culture, context, and writing. Culture in Second Language Teaching and Learning, Cambridge University Press, 1999. P. 250

Сведения об авторе: Варвара Сергеевна Соседова, преподаватель кафедры английского языка №1, факультет международных отношений МГИМО (У) МИД России, e-mail: sosedovavarvara@gmail.com

NATIONAL MENTALITY AS REFLECTED IN THE LANGUAGE WORLD VIEW — EVIDENCE FROM THE ANALYSIS OF WRITTEN TEXTS

Varvara S. Sosedova

Lecturer, MGIMO University, e-mail: sosedovavarvara@gmail.com

Abstract

Taking into account specific mentality features in learning a foreign language is absolutely necessary for successful language acquisition. The article proposes to highlight the features of Russian mentality which can

interfere with learning English essay writing, as well as to answer the question of why the ability to write the text in English is so important.

The author considers such features as a romantic connotation of the concept 'essay' in the Russian language; the unimportance of concepts of 'law' and 'order' for Russian people; different settings when writing essays in Russian and English; delegating responsibility for creating a text to the 'fate'; the fear of expressing own thoughts.

The author comes to the conclusion that taking these features of Russian mentality into account can simplify the process of learning to write, especially if the student is aware that the use of the English language is a great field for the experiment, it gives the opportunity to play a role and hide behind the mask of the second language identity.

Regarding the importance of the ability to write in English, the answer is that the leading role of English in science, politics, and communication makes it the only way to be noticed and achieve success on the international level.

Key words: mentality, language worldview, essay

References:

1. Dzhioeva A. A. (2006) English mentality through key words: Understatement [Angliiskii mentalitet skvoz' prizmu kliuchevykh slov: Understatement] // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. № 3. S. 45–56.
2. Arutiunova N. D. (1999) Language and anthropology [Iazyk i mir cheloveka]. 2-e izd., M.: «Iazyki russkoi kul'tury». S. 896.
3. Kachru Y. (1999) Culture, context, and writing. Culture in Second Language Teaching and Learning, Cambridge University Press. P. 250.

Межкультурная коммуникация — общение в зоне рисков?

Е. В. Акулова
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Аннотация

В статье межкультурная коммуникация рассматривается как общение в зоне рисков. Автор анализирует факторы рисков, возможные при общении русских и немцев: различные языковые нормы, расхождения в менталитете, в языковой и концептуальной картинах мира, в коммуникативных идеалах и ценностях, нарушение коммуникативных норм русской/немецкой культуры, речежанровую специфику.

Преодоление конфликтов и оптимизация общения возможны при условия развития коммуникативной компетенции обучающихся иностранному языку, включающей языковую компетенцию, риторическую грамотность, этическую и собственно коммуникативную составляющие, выразительность и творческое своеобразие речи.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, риски коммуникации, коммуникативная компетенция

Общение неотделимо от жизни человека: человек не существует в изоляции, ежедневно он вступает в многочисленные акты общения с окружающим миром, довольно часто оказываясь в зоне риска: риска, быть неправильно понятым/непонятым, послужить причиной конфликта (оскорбить, обидеть собеседника) [Сиротинина, 2012]. В случае межкультурной коммуникации (далее — МК) фактор риска присутствует акта общения [Фешкина, 2009, с. 3].

Традиционно выделяются различные виды коммуникативных неудач: неудачи, вызванные собеседниками, речевой ситуацией и кодом (языком) [Бацевич, 2006 цит. по Мустайоки, 2012, с. 123]; универсальные и национально обусловленные (связанные с нарушением коммуникативных и языковых норм данной лингвокультуры) [Дементьев 2013, с. 264] .

Факторы риска в МК могут иметь различную природу, вслед за О. А. Леонтович мы выделяем физиологические, языковые (вербальные), поведенческие, психологические, культурологические факторы риска [Леонтович, 2003, с. 273–274].

В общении русских и немцев можно выделить следующие проблемные области:

1. Различные языковые нормы: к непониманию может привести **интерференция** на фонетико-фонологическом уровне (*Er fällt* 'он падает'вместо *er fehlt*' он отсутствует' — замена фонемы /ɛ:/ на /e:/), на лексическом уровне (напр., *Er ist hoch* вместо *Er ist groß),* на морфологическом уровне (неправильный выбор артикля — *Ольга Н.:* Ich sagte / dass ich brauche *die Leiter* // Und er zeigte mir *eine Leiter* // Aber ich brauchte ja *sein Leiter* //), на синтаксическом (частотны нарушения порядка слов).

2. Расхождения в менталитете, в языковой и концептуальной картинах мира:

— Принципиально разным является отношение русских и немцев к труду, закону, порядку, чем обусловлены многочисленные коммуникативные сбои в ситуациях делового общения. Анализ ситуаций делового общения на одном крупном немецко-русском производстве показал, что резкое осуждение немцев вызывает бездействие, безынициативность русских сотрудников. Русские оправдываются тем, что инициатива должна исходить от началь-

ства. Осуждение немцев вызывает неуважение русских к закону и порядку, немецкие респонденты оценили такое отношение как *typisch russisch* (6 из 10 наблюдаемых, живущих более года в России и хорошо знакомых с российской действительностью).

— Культурно-специфичны представления о мужчине, женщине и об отношениях между ними. Исследование русских и немецких мужских и женских объявлений о знакомстве показало, что специфичными для русских женщин и мужчин являются представления о любви как о чувстве иррациональном, любовь подразумевает проявление заботы, беспокойства о любимом. В немецких объявлениях отношения, основанные на любви, мыслятся как партнерство (*Partnerschaft*). Объект любви — партнер, близкий человек, разделяющий взгляды и интересы того, кто его любит [Акулова, 2010].

3. Расхождение коммуникативных идеалов и ценностей:

Русская культура в высшей степени коммуникативна, высоко ценится общение, стремление открыть душу собеседнику. В англо-саксонской культуре (а именно к ней ближе всего стоит немецкая культура) роль межличностных отношений сильно редуцирована [Дементьев, 2013, с. 7]. В этом отношении показательна модель коммуникативного идеала, сформулированная с помощью семантического метаязыка А. Вежбицкой:

— русский коммуникативный идеал: «**хорошо, если человек** хочет сказать другим людям, что он думает; **хорошо, если человек** хочет сказать другим людям, что он чувствует»;

— современный англо-саксонский идеал: «**хорошо, если люди** могут знать, что другие люди хотят сказать» [Там же, с. 135].

4. Речежанровая специфика

Наше жанровое знание иностранного языка складывается из опыта общения на иностранном языке. В случае недостаточно высокого уровня жанровой компетенции говорящий на иностранном языке испытывает значительные трудности в повседневной коммуникации с носителями данного языка. К наиболее частотным речежанровым неудачам в бытовом общении русских и немцев следует отнести несовместимость оформления жанра с требованиями коммуникативной ситуации: обращение к табуированным темам (для немцев это смерть, ВОВ); неправильное структурирование жанра: например, носители русского языка, снимая трубку и начиная *телефонный разговор,* часто не называют себя по имени/фамилии, что недопустима для немецкого жанра.

Очевидно, что в случае высокого уровня коммуникативной компетенции коммуниканты способны избежать большинства проблем и непонимания [Питерс, 2011, с. 135–136]. Этому способствует мониторинг адресата, умелый жанровый дизайн («способность приспосабливать речь к различным коммуникативным ситуациям») и дизайн адресанта [Мустайоки, 2012, с. 128].

Оптимизация общения должна занимать центральное место при обучении иностранному языку. Для этого необходимо развивать коммуникативную компетенцию учащихся — способность личности «осуществлять эффективную речевую деятельность и эффективное речевое поведение, которые соответствуют нормам социального взаимодействия, присущим конкретному этносу» [Седов, 2010, с. 184]. Преподаватель/учитель иностранного должен развивать следующие составляющие коммуникативной компетенции:

— языковую компетенцию (правильность речи, творческая целесообразность речевых изменений в значении слов, их сочетаемости);
— этическую составляющую (приоритет убеждения при ограниченности манипулирования, уважение к адресату и забота о нем, вежливость, толерантность, ограниченность категоричности, приоритет скромности);
— риторическую грамотность (знание риторических законов и умение ими пользоваться, стремление к гармонизации речи и поиску компромисса);
— собственно коммуникативную составляющую (умение учитывать конкретную ситуацию общения и конкретного адресата);
— выразительность и творческое своеобразие речи [Кормилицына, 2010, с. 14–15].

«„Говорить по-разному“ значит не просто говорить на другом языке, с другим лексиконом и другой грамматикой — это, прежде всего, вопрос уважения культурных ценностей и коммуникативных норм, которые различаются от одного языкового сообщества к другому» [Питерс, 2011, с. 137]. Думается, что именно в этом секрет успешной МК.

Список литературы:

1. Акулова Е. В. Жанр объявление о знакомстве: этнокультурная и гендерная специфика: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2010. 19 с.
2. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
3. Кормилицына М. А. Актуализация содержания публикаций в современной прессе как способ реализации собственно коммуникативной составляющей журналиста // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 14–24.
4. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
5. Мустайоки А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач / пер. В. В. Дементьева // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Памяти Константина Федоровича Седова. С. 123–140.
6. Питерс Б. Язык и культурные ценности: этнолингвистическая модель / пер. В. В. Дементьева // Жанры речи. Саратов: Наука, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 134–150.

7. Седов К. Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2010. Вып. 10. С. 183–210.
8. Сиротинина О. Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации. Саратов. 2012. С. 5–13.
9. Фешкина И. А. Фактор риска в условиях межкультурной коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2009. 24 с.

Сведения об авторе: Евгения Владимировна Акулова, кандидат филологических наук, доцент, НИУ Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: jewgenija.a@rambler.ru

INTERCULTURAL COMMUNICATION — A RISK ZONE?

Dr. Evgeniya V. Akulova
Associate Professor, Saratov National Research State University named after N. G. Tshernyshevsky, e-mail: jewgenija.a@rambler.ru

Abstract

The article discusses intercultural communication as a communication in risk zone. The author analyses possible risk factors during the communication between Russians and Germans: different language values, differences in mindsets, perceptions of the world, the way perception and conceptualization influences language, different communicative ideals and values, communicative rule breaking, specific of the speech genres. Conflict management and optimization of the communication are possible on condition that the communicative competence will be developed. The communicative competence includes such parameters language competence, rhetoric competence, ethic and communicative skills, expressiveness of speech.

Key words*:* intercultural communication, communicative risks, communicative competence

References:

1. Akulova E. V. (2010) *Text type «Personal advertisement»: ethno cultural and gender specific*: Thesis for the degree in Philogical Sciences. Saratov: Saratov University.
2. Dementev V. V. (2013) *Communicative values of Russian Culture: category of personality in lexis and pragmatic*. Moscow: Global Com.
3. Kormilitsyna M. A. (2010) Actualization of the article content in the modern print media as means of realization of journalists communicative skills. In M. A. Kormilitsyna (Ed.), *Problemy rechevoy kommunikazii* (pp. 14–24). Saratov: Saratov University.
4. Leontovich O. A. (2003) *Russia and USA: Introduction to Intercultural Communication.* Volgograd: Peremena.

5. Mustajoki A. (2012) Text types and risks of communicative failures. In *Speech genres* (pp. 123–140) Saratov: Saratov University.
6. Peeters B. (2011) Language and cultural values: the ethnolinguistic pathway model. In *Speech genres* (pp. 134–150) Saratov: Saratov University.
7. Sedov K. F. The model of communicative competence. In *Speech genres* (pp. 183–210) Saratov: Saratov University.
8. Sirotinina O. B. (2012) Communication in the risks and trends to diffuse values. In *Speech genres* (pp. 5–13) Saratov: Saratov University.
9. Feshkina I. A. (2009) *A risk factor in intercultural communication:* Thesis for the degree in Philogical Sciences. Saratov: Saratov University.

Национальная идентичность, социокультурный имидж и разборчивость речи: современные фонологические теории и обучение межкультурной коммуникации

Т. И. Шевченко
Московский государственный лингвистический университет

Аннотация
Вопрос о том, насколько актуально сегодня обучение фонетике и фонологии английского языка для нужд межкультурной коммуникации, решается на основе следующего: а) разнообразные модели национальной идентичности английского языка в мире, б) когнитивные фонологические исследования и теории, включая «модель экземпляра», в) экспериментальные данные о социальной оценке английских типов произношения, в том числе носителей и не-носителей языка. Представлены минимальный и максимальный инвентари фонологически значимых единиц, соответствующие одному из двух уровней владения языком: «пороговому» уровню разборчивости речи и национальной идентичности или «продвинутому» уровню; они имеют значение с точки зрения культуры для национальной идентификации, разборчивости речи и социокультурного образа участников коммуникации.

Ключевые слова: национальная идентичность, когнитивные фонологические модели, социокультурный имидж, обучение фонетике и фонологии английского языка

Введение
Целью настоящей статьи является рассмотрение современных фонологических теорий, которые помогут ответить на один важный для межкультурной коммуникации вопрос: Нужно ли обучать анг-

лийской фонетике и фонологии сегодня? Предстоит сделать выбор между сохранением национальной идентичности и созданием определенного социокультурного имиджа.

Для решения предложенной проблемы опишем условия формирования национальной фонетико-фонологической идентичности в речи на английском языке, модели усвоения фонологии родного и иностранного языка, опыт восприятия акцентной речи носителей и не-носителей английского языка. Далее на основе опыта фонологов английского языка рассмотрим возможные варианты ее решения.

Модели формирования национальной идентичности в английском языке

Масштаб распространения английского языка в современном мире требует учитывать многообразие исторических условий его бытования на различных территориях и современных языковых контактов, которые обеспечивают процесс межкультурной коммуникации. Известны следующие модели распространения английского языка в мире [Шевченко, 2013]:

— Во-первых, древовидная *вертикальная модель*, в которой от английского языка среднеанглийского периода ответвляются национальные варианты Англии, Шотландии и США и далее к Канаде; от Англии идет ветвь к Австралии и Новой Зеландии [Bauer, 2002].
— Во-вторых, *концентрическая модель* Р. Качру [Kachru 1986]: в центре находится «внутренний круг» со странами, в которых английский язык является родным для большинства населения; следующий, «внешний круг», включает страны с «новыми» постколониальными вариантами английского языка, где он становится вторым официальным языком; и, наконец, «расширяющийся круг» охватывает все страны, где английский язык — самый распространенный в системе образования иностранный язык.
— Третья модель, предложенная Э. Лоу [Low, 2010], назовем ее *моделью налагающихся кругов*: внутренний, внешний и расширяющийся круги расположены так, что они частично налагаются друг на друга; модель отражает вероятность языковых контактов между носителями языка из всех кругов в процессе межкультурной коммуникации.
— И, наконец, четвертая, самая современная *сетевая модель*, также имеет в своей основе древо языка со множеством ответвлений, но отражает наличие разнонаправленных горизонтальных связей между новыми вариантами языка, что дает возможность переноса языковых черт путем взаимовлияния между вариантами языка на разных этапах их развития. [Thomas, 2011]. *Сетевое* представление в большей степени отражает языковую реальность.

Когнитивные фонологические модели

Наряду с принятием усложненной модели образования новых вариантов английского языка важным является признание еще одной теории, *модели экземпляра*, которая первоначально была разработана для восприятия речи, а в настоящее время получила дальнейшее развитие применительно к производству речи. Теория экземпляра опирается на экспериментальные данные о том, что в памяти человека хранятся все произнесенные и услышанные варианты слов (фонетически — все аллофоны). Аллофоны, вероятнее всего, хранятся в составе морфем и слов, частотность которых влияет на их запоминание. Человек помнит, кто, как и в какой ситуации произнес каждый вариант; при этом частотные и недавно услышанные варианты запоминаются лучше и легче воспроизводятся [Pierrehumbert, 2006].

Модель экземпляра объясняет постепенное овладение фонологией родного языка и возможность дальнейшего развития фонетического репертуара в течение жизни человека. Применительно к обучению фонологии иностранного языка важным является частотность предъявления образцов и динамика развития произношения.

Восприятие акцентной речи носителей и не-носителей яыка

Еще в 70-е гг. прошлого столетия в Англии на примере психолингвистических экспериментов Г. Джайлза, в которых использовался метод «подобранных масок» (чтение текста одним человеком с разными акцентами) было установлено, какими личностными характеристиками слушатели наделяют одного и того же человека в зависимости от типа произношения [Giles, 1970]. Так были установлены устойчивые ассоциации между носителями престижного стандартного орфоэпического произношения и высоким социальным статусом, высоким уровнем интеллекта и образования, в отличие от носителей региональных типов произношения, которых считают малообразованными, но добрыми и искренними людьми, лишенными амбиций и самодовольства правящего класса. Местный акцент вызывал чувство солидарности, а акцент рабочего класса обнаружил скрытый престиж мужества и силы.

Для преподавания английского языка в России важными оказались эксперименты по восприятию чтения английского текста с тремя уровнями русского акцента в английском языке [Абрамова, 2009]. Жители Бирмингема были толерантны по отношению к тем людям, голоса которых они оценивали: сильный русский акцент вызвал ассоциации с людьми скромными, застенчивыми, добрыми, которые могут работать продавцами, почтальонами и т.п. Средний уровень акцента поднял статус до администраторов, менеджеров и инженеров, а высокий уровень произношения произвел впечатление голосов политиков, преподавателей, артистов и ученых. Социальная оценка по

одному только уровню английского произношения свидетельствует о перенесении стереотипов своей культуры на людей с иностранным акцентом. Знакомство с такой оценкой очень полезно для мотивации обучающихся; в еще большей степени эти знания должны быть доступны специалистам-профессионалам: преподавателям, переводчикам, дипломатам.

Минимум и максимум в обучении фонетической культуре речи

Учитывая бесконечное многообразие национальных фонетико-фонологических форм английской речи, растущее число языковых контактов, а также численное превосходство тех, для кого английский язык является вторым, а не первым (родным) языком, преподаватели английского языка, которые имели опыт работы в Юго-Восточной Азии, предлагают отказаться от такой цели обучения, как стандартное южно-английское британское или стандартное американское произношение. В качестве более доступного образца предлагают индийский или шотландский варианты, в которых сохранилось произношение *r*, соответствующее орфографии. Минимальным набором фонологических черт, составляющих «фонологическое ядро», чтобы обеспечить *разборчивость речи*, называют: произношение всех согласных, кроме межзубных (допускается произношение *th* как *t, d, v*); сохранение кластеров согласных только в начале слова (и упрощение в конце слогов и слов); долготу гласных; ядерное ударение во фразе [Jenkins, 2000]. Мы считаем такой уровень *пороговым*, но если учесть интерференцию родного языка, то сохранение *национальной идентичности* он обеспечивает.

Что касается более совершенного, *продвинутого уровня* владения языком, которое приближается по беглости и чистоте произношения к уровню естественных носителей языка, то фонологический инвентарь обучающегося включает (для британского варианта): 20 гласных, 24 согласных, около 300 слоговых структур, 45 акцентных моделей слов и около 10 интонационных моделей. Этот набор фонологических единиц можно считать максимальным, но необходимым для сохранения высокого *социокультурного имиджа*.

Список литературы:

1. Абрамова И. Е. Фонетическая вариативность в условиях искусственного билингвизма и ее восприятие носителями языка. Вестн. СПбГУ. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009, вып. 2, ч. 2, с. 66–76.
2. Шевченко Т. И. Типологический взгляд на вариативность вокализма и интонации в современном английском языке. Фонетико-фонологические аспекты дискурса. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та, вып. 1 (661), сер. Языкознание, с. 168–182.

3. Bauer L. An Introduction to International Varieties of English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. 135 p.
4. Giles H. Evaluative reaction to accents. Educational Review, 1970, 23, p. 211–227.
5. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. Oxford: Oxford University Press, 2000. 226 p.
6. Kachru B. The Alchemy of English: the spread, functions and models of non-native Englishes. New York: Pergamon Institute of English, 1986. 200 p.
7. Low E. The Acoustic Reality of the Kachruvian Circles. World Englishes, 2010, Vol. 29, 3, p. 394–405.
8. Pierrehumbert J. The next toolkit. Journal of Phonetics, 2006, V. 34, 4, p. 516–530.
9. Thomas E. Sociophonetics: An Introduction. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 356 p.

Сведения об авторе: Татьяна Ивановна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, e-mail: tatashevchenko@mail.ru

NATIONAL IDENTITY, SOCIOCULTURAL IMAGE AND INTELLIGIBILITY: MODERN PHONOLOGICAL THEORIES AND TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION

Dr. Tatyana I. Shevchenko
Professor of English Phonetics Department, Moscow State Linguistic University, e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Abstract

The question of whether teaching English phonetics and phonology for the needs of intercultural communication is still relevant today is solved on the basis of the following: a) diversity of national identity models in global English, b) cognitive phonology research and theories, including the «exemplar model», c) research data on social evaluation of English accents, both native and non-native. Minimal and maximal sets of phonologically distinctive units are presented, which correspond either to a "threshold" level of intelligibility and national identity or to an "advanced" level of proficiency, with cultural implications for national identity, intelligibility and sociocultural image of the participants in the intercultural communication.

Key words: national identity, cognitive phonological models, sociocultural image, teaching English phonetics and phonology

References:

1. Abramova I. E. (2009) Phonetic variation in classroom bilingualism and its evaluation by native speakers. Vestn. S-P U, Ser. 9 Philology, Oriental Languages and Journalism. Vyp. 2, p. 2, 66–76.

2. Bauer L.(2002) An Introduction to International Varieties of English. Edinburgh: Edinburgh University Press.
3. Giles H. (1970) Evaluative reaction to accents. Educational Review, 23, 211–27.
4. Kachru B. (1986) The Alchemy of English: the spread, functions and models of non-native Englishes. New York: Pergamon Institute of English.
5. Low E. (2010) The Acoustic Reality of the Kachruvian Circles. World Englishes, Vol. 29, 3, 394–405.
6. Pierrehumbert J. (2006) The next toolkit. Journal of Phonetics, V. 34, 4, 516–30.
7. Shevchenko T.I. (2013) Variation in Modern English Vowels and Intonation: a Typoloical Perspective. M.: MSLU, Vestn. MSLU, Vyp. 1(661), ser. Linguistics, 168–182.
8. Thomas E. (2011) Sociophonetics: An Introduction. New York: Palgrave Macmillan.

Современная технология обучения межкультурной коммуникации

Т. А. Дмитренко
Московский педагогический государственный университет

Аннотация
Автором анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с повышением качества профессиональной подготовки будущих специалистов в области языкового образования. Автор придаёт большое значение новым технологиям преподавания иностранного языка, которые способствуют достижению эффективной коммуникации между специалистами в различных сферах в условиях поликультурной среды.

Ключевые слова: языковая подготовка, межкультурная коммуникация, новые технологии обучения, вербальные и невербальные средства, конфликт культур

Для эффективного общения с представителями других культур необходимо не столько знание соответствующего языка, сколько ещё и норм иноязычной культуры. Разнообразная практика общения с носителями иной культуры показала, что даже глубокие знания иностранного языка не исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка. В связи с этим, сегодня необходимо готовить студентов к эффективным межкультурным контактам на уровне повседневного межличностного общения. Это предполагает знание иностранного языка и особенностей культуры народа изучаемого

языка, знание природы межкультурного непонимания, наличие практических навыков и умений в поведении, которые в совокупности позволяют свободно понимать представителей других культур.

Каждая культура формирует свою уникальную систему ценностей, приоритетов, моделей поведения. В связи с этим, в процессе международных контактов каждый быстро осознаёт, что одного владения иностранным языком явно недостаточно для межкультурного взаимопонимания, что требуется знание всего комплекса форм поведения, психологии, культуры своих партнёров по общению, чтобы предусмотреть возможности неверного понимания и избежать его.

Современная технология обучения межкультурной коммуникации предполагает широкое использование ролевых и деловых игр, а также тренингов межличностного общения, которые позволяют развернуть проблемы в динамике, дают возможность участникам прожить необходимое количество времени в конкретных ситуациях межкультурной коммуникации. С помощью этих методов обучения приобретаются необходимые навыки общения и взаимодействия, развивается уверенность в себе и способность к гибким взаимоотношениям.

При моделировании соответствующих ситуаций межкультурного общения в качестве моделей межкультурного взаимодействия используются описания поведенческих реакций представителей соответствующих культур. Недостаток подготовленности к межкультурному общению призван компенсировать тренинг по межкультурной коммуникации, основная цель которого заключается в формировании и совершенствовании умений и навыков у студентов в сфере профессионального и делового общения с представителями иной культуры. Тренинг как один из методов обучения межкультурной коммуникации [Садохин, 2013, с. 251], развивает умение слушать своего собеседника, держать себя уверенно с представителями иной культуры, строить эффективную модель взаимоотношений с партнёрами по коммуникации, предотвращать и конструктивно разрешать возможные конфликты, преодолевая осложняющие общение привычки и манеры поведения.

Современная технология обучения взаимодействию с представителями других культур ставит перед собой две основные задачи:

— Через проигрывание ситуаций, протекающих по-разному в различных культурах, познакомить обучающихся с межкультурными различиями во взаимоотношениях с представителями других культур;
— Познакомить обучающихся с самыми характерными особенностями чужой культуры, подготовить перенос полученных знаний на другие ситуации межкультурного общения.

В результате проведения ролевых и деловых игр, а также тренин-

гов по межкультурной коммуникации, студент осознаёт себя представителем конкретной культуры, выводит на уровень сознания нормы, ценности и правила поведения, соответствующие данной культуре. Для этого чаще всего предлагается в ходе занятий рассмотреть различные конфликтные ситуации, которые решаются с позиции разных культур и фиксируют внимание на стереотипах и нормах родной культуры.

Такие занятия позволяют целенаправленно готовить студентов к коммуникации в рамках той или иной конкретной культуры, снабжая студента информацией о другой культуре, обучая практическим навыкам, необходимым для жизни в чужой культуре, при этом объясняется, каким образом представители разных культур интерпретируют поведение и результаты деятельности с точки зрения другой культуры. Ведь большая часть проблем в общении с представителями других культур возникает из-за непонимания причин поведения друг друга.

Попадая в чужую культуру, целесообразно поступать в соответствии с нормами, обычаями, традициями этой культуры, не навязывая своих ценностей, образа жизни, так как система ценностей каждой культуры складывается на протяжении длительного времени и остаётся неизменной в жизни многих поколений [Тер-Минасова, 2000, с. 14]. Поэтому при межкультурной коммуникации, чтобы понять коммуникативное поведение представителей другой культуры, необходимо его рассматривать в рамках их культуры, а не своей, т.е. следует проявлять эмпатическое отношение к партнёру по коммуникации.

Эмпатия помогает взглянуть на окружающий мир глазами представителя другой культуры, почувствовать его состояние и учесть всё это в своём поведении и поступках. Механизм эмпатии заключается в перенесении элементов внутреннего мира другого в свой собственный. Эмпатический тип коммуникации с его стремлением понять проблему культурных различий и найти необходимые пути и способы для взаимопонимания существенно увеличивает вероятность полного понимания между партнёрами. Для этого необходимо придерживаться основных характеристик эмпатии: внимательно слушать, что говорят; стремиться понять, как чувствуют себя другие; быть искренне заинтересованным в том, что говорят и делают другие; проявлять сочувствие к нуждам и интересам других; понимать точку зрения другого. Если это удаётся, то открываются переживания собеседника и возникает чувство понимания его поведения.

Знание студентами культурных различий упрощают их осознание и понимание. Это позволяет гибко реагировать на неожиданные действия партнёров по межкультурной коммуникации и избегать возможных конфликтов при контактах с представителями других культур. Для адекватной коммуникации с носителями других языков

и культур необходима культурная грамотность, которая представляет наиболее динамичный компонент межкультурной компетенции, требующей постоянного пополнения текущей культурной информации. В связи с этим, культурная грамотность, которой должен обладать будущий специалист, особенно в сфере межкультурных коммуникаций, подразумевает не только культурно-специфическую информацию, но и информацию о мире в целом, а также некий жизненно необходимый культурный минимум своих партнёров по коммуникации, достаточный для эффективного межкультурного взаимодействия.

Окружающий человека мир преломляется в его сознании через призму культуры. Чтобы понять, почему представитель другой культуры ведёт себя именно так в определённом социокультурном контексте, следует, прежде всего, разобраться, как он воспринимает этот мир, увидеть ситуацию его глазами. Чтобы отношения с представителями другой культуры были плодотворными, человек должен не только понимать её на эмоциональном уровне, но и уметь делить с другими людьми свои чувства, т.е. воспринимать чужую культуру на аффективном уровне. Для этого необходимо знать, какие эмоциональные высказывания и реакции можно позволить себе, ведь в каждом обществе есть определённый критерий сентиментальности и эмоциональности. Для подготовки человека к межкультурному взаимодействию нужно развить у студентов межкультурную чуткость. При достижении необходимого аффективного уровня в процессе межкультурного взаимодействия, можно делить с партнёрами по коммуникации юмор, веселье и восторг, также как разочарование и боль.

Знать о новой культуре, но не иметь с ней контакта на аффективном уровне, не позволяет адаптироваться к новой культуре. Мировой опыт показывает, что наиболее успешной стратегией достижения межкультурной компетенции является интеграция — сохранение собственной культурной идентичности наряду с овладением культурой других народов. В связи с этим, в процессе обучения межкультурной коммуникации необходимо развивать у студентов умения:

— интерпретировать специфические для данной культуры сигналы готовности собеседника начать коммуникацию или, напротив, нежелание общаться;
— адекватно выражать свою мысль и понять мысль собеседника;
— направить беседу в нужное русло;
— сохранять принятую для данной культуры коммуникативную дистанцию;
— использовать вербальные и невербальные средства, приемлемые для данной культуры;
— корректировать собственное коммуникативное поведение.

Естественно, межкультурная компетенция включает в себя также понимание фоновых знаний, ценностных установок, психологической

и социальной идентичности, характерных для культурной среды общения. Всё это очень важно для эффективного межкультурного общения.

Поведение людей, принадлежащих к другим культурам, не является чем-то непредсказуемым, оно поддаётся как изучению, так и прогнозированию, но для этого требуется специальная подготовка к межкультурной коммуникации. В связи с этим, в практике обучения межкультурному общению получили распространение активные методы: дискуссии, разнообразные игры, анализ ситуаций, тренинги по межкультурному взаимодействию, позволяющие полностью погрузиться в активное контролируемое общение.

Список литературы:

1. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М.: Альфа-М., 2013. С. 288.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 14–15.

Сведения об авторе: Татьяна Алексеевна Дмитренко, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, академик Международной академии наук педагогического образования, e-mail: dmit.t.a@mail.ru

MODERN TECHNOLOGY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION TEACHING

Dr. Tatyana A. Dmitrenko
Professor, Moscow pedagogical university, academician of International Teacher's Training Academy of Science, e-mail: dmit.t.a@mail.ru

Abstract

The author examines some problems connected with the quality improvement of vocational training of the future specialists in the field of language education. The author highlights the role of new technologies in teaching foreign languages, which facilitate an effective communication of specialists of various spheres in multicultural environment.

Key words: foreign language training, intercultural communication, new teaching technologies, verbal and non verbal means, conflict of cultures

References:

1. Sadokhin A. P. (2013) Cross-cultural Communication. Teaching Aid. M.: Alpha-M. P. 288.
2. Ter-Minasova S. G. (2000) Language and Cross-Cultural Communication. M.: Slovo. P. 14–15.

Особенности словообразования имен со значением цвета в русском и испанском языках

Е. Ю. Бережных
МГУ им. М. В. Ломоносова

Аннотация
В работе рассмотрены вопросы словообразования новой лексики русского и испанского языков. Результаты показали, что увеличение цветонаименований в современном русском и испанском языках связано не только с номинаций цвета по предмету, но и с предметами, цвет которых не так однозначен, а если используется предмет, имеющий вполне определенную окраску, то он имеет какой-либо экспрессивный атрибут. Каждый из языков традиционно приумножает лексико-семантическую систему за счёт словообразовательного аппарата. Особенностью испанского языка является использование многосоставных сочетаний для номинации сложных тоновых обозначений, а также использование у имён прилагательных абсолютной превосходной степени в составе такого типа сочетаний.

Факторы, определяющие появление новых значений, указывают на основные аспекты изучения их как языковых феноменов, отражающих объективную действительность в языке, с одной стороны, и как элементарных единиц лексико-семантической системы языка — с другой. Именно поэтому, исследуя в данной работе массив неологизмов со значением цвета, мы рассматриваем их как средства обращения в языке объективного мира и как структурно-функциональные единицы лексико-семантической системы языка.

Ключевые слова: словообразование, цветообозначения, современный русский и испанский языки

В лингвистических исследованиях можно встретить разнообразные попытки разграничения новых слов. Нашей задачей является изучение номинативного аспекта значения слов-неологизмов. В процессе вторичной номинации необходимо учитывать взаимодействие четырёх компонентов: действительность — понятийно-языковая форма её отображения — переосмысляемое значение языковой формы, опосредующее отнесенность нового смысла к действительности, — языковая форма во вторичной для неё функции наречения [Телия, 1977, с. 120]. Особенностью данного словообразовательного типа является наличие обязательных иерархических отношений между новым и историческим предшествующим значением слова, выступающим в качестве прототипа мотивирующей основы семантической

инновации. Связи между новым и историческим предшествующим значением основываются на семантической мотивированности, выводимости одного (нового) из другого (исходного) и «в системе языка оказываются повторяющимися, типичными, закономерными» [Смирницкий, 1956, с. 162]. Именно осознание типичности, повторяемости, регулярности, пропорциональности связей значений создает эффективность и продуктивность семантической деривации.

Появление семантических новообразований связано с мощными интеграционными процессами, протекающими во всех странах без исключения. Открытые границы, все более концентрирующееся промышленное производство, всё более сближающиеся культурные запросы и ценности — все эти факторы ведут к нивелированию определенной части социально-культурных традиций соответствующих сообществ. Данный процесс неминуемо затрагивает и национальные языки. Принято считать, что язык, в частности, его лексика постоянно изменяется, накапливая новые слова и понятия. Испанские физики Рамон Феррер-и-Канчо и Рикард Солее из университета Помпеу (Барселона) построили математическую модель развития языка, в которую в качестве крайностей были заложены однословный и невообразимо большой словарь. Введя в модель соответствующие параметры, они получили, что язык должен развиваться скорее скачкообразно. Тот «всплеск» названий цвета, который мы наблюдаем в настоящее время в России и Испании, в полной мере подтверждает выводы модели.

Языковая ситуация в России выглядит следующим образом. Резко увеличивается доля названий цвета по предмету:

— наименование металла, драгоценного камня — название цвета: тени-карандаш для век: *аквамарин* (3965), *александрит* (3966), *янтарь* (3967), *светлый нефрит* (3968), *речной жемчуг* (3969) [Oriflame №10, 2007, с. 9];
— наименование цветка — название цвета: лак для ногтей: *азалия* (11167), *коралловая роза* (11166), *камелия* (11163), *гортензия* (11164), *лиловая орхидея* (11162) [Oriflame №9, 2007, с. 25];
— наименование напитка — название цвета: устойчивая губная помада: *апельсиновый ликер* (4255), *латте* (4261) [Oriflame №6, 2007, с. 24–25];
— наименование ягоды — название цвета: блеск для губ: *красная смородина* (10672), *чёрная смородина* (10574) [Oriflame №9, 2007, с. 2–3]; устойчивая губная помада: *виноград* (4267), *дикая вишня* (425), *сочная малина* (4257) [Oriflame №6, 2007, с. 24–25].

Интересным фактом является использование в последнее время моделей *фиалка, лилия, коралловая роза* вместо традиционных форм *цвета фиалки, цвета коралловой розы* или *фиалковый, лиловый*. Основное назначение цветонаименований, образованных от

предметов, — дать возможность выразить как можно большее число оттенков цвета.

Однако в последнее время возникает все более настоятельная потребность не столько выразить сам цвет, сколько привлечь к нему внимание. Другими словами, названию цвета придается новая — рекламная — функция. Разумеется, естественным источником слов этого типа служат всё те же названия предметов, но в данном случае порождение новых относительных прилагательных идет другим путём.

А. П. Василевич, изучающий цветообозначения в психолингвистическом аспекте, приходит к выводу, что, во-первых, активно привлекаются такие предметы, цвет которых не так однозначен (например, названия географических объектов, слова типа *Мальдивы* 'ярко-зелёный', *Австралия* 'зелёный или песочно-жёлтый' и т.п.). Во-вторых, если берётся предмет, имеющий вполне определенную окраску, то он «снабжается» каким-то экспрессивным атрибутом, иногда необычным (*брусничный дождь, изумруд Нефертити*) [Василевич, 2005, с. 141].

Наличие в языке вышеперечисленных названий цвета подтверждают новое явление — бурное развитие лексики рекламного характера. Действительно, как показывают наблюдения за последние 15 лет, в русском языке слова, для которых рекламная функция — основная, становятся наиболее востребованными. И, как правило, поначалу активное проникновение значительной части подобных слов в русский язык происходило под влиянием лексических моделей английского языка.

За последние годы в испанском языке, как и в русском, к уже существующим цветонаименованиям резко прибавилась доля названий цвета по предмету. Все нижеприведённые примеры взяты из следующих испанских периодических изданий: Vogue Belleza 2008, Vogue 245. 2008, Cosmopolitan Mini 2008, Woman 2008:

— наименование металла, драгоценного камня — название цвета: *plata 'серебро', ámbar 'амбра, янтарь', aguamarina 'аквамарин', amatista 'аметист', esmeralda 'изумруд', granate 'гранат'*;
— флора (названия предметов растительного мира и сопутствующих понятий) — название цвета: *violeta 'фиалка', jenibre 'имбирь', lavanda 'лаванда', sesamo 'сезам, кунжут'. trigo 'пшеница', color menta 'цвет мяты'*;
— плод — название цвета: *albaricoque 'абрикос', limyn 'лимон', color mandarina 'мандарин', color melocotyn 'персик', color papaya 'папайя', color tomate 'томат'*;
— наименование напитка — название цвета: *chartreuse 'шартрез', Burdeo 'бордо', café 'кофе', capuchino 'капуччино', color ambrosna 'амброзия'*;
— наименование продукта — название цвета: *crema 'сливки, крем' caramelo 'карамель', color miel 'мёд', mostaza 'горчица', color carne 'цвет мяса', chocolate 'шоколад', coco 'кокосовый орех'*;

— явление природы — название цвета: *cielo 'небо', nieve 'снег', атро 'ослепительная, снежная белизна', luna 'луна'*;
— красящее вещество — название цвета: *ocre 'охра', acil 'индиго', carmesn 'кошениль', cartnn 'кармин', purpura 'пурпур'*.

Перспектива освоения новых слов и сочетаний языком напрямую зависят от наличия и качества соответствующего ассоциативного поля. Ассоциативное поле слова — вещь вполне реальная и самым тесным образом связана с культурно-исторической традицией данного народа [Василевич, 2005, с. 29]. В современном испанском языке, как и в русском, происходит процесс «изобретения» названий цвета, так или иначе связанных с географическим названиями: *blanco de Espaca 'белый Испании', azul de Prusia 'синий Пруссии', azul de Berlin 'Берлинский голубой', rojo indio 'индийский красный', verde Caribe 'зелёный Карибский'*; или с предметом, имеющим вполне определенную окраску, но отличающимся каким-то экспрессивным атрибутом: *azul elйctrico 'электрический синий', metblica 'металлический'*.

Несмотря на взаимодействие западных культур, народы России и Испании остаются со своим традиционным культурно-историческим языковым сознанием, своим видением мира. В настоящее время русский язык традиционно компенсирует относительный лексический «недостаток» богатым словообразовательным аппаратом: это не только морфологические средства, но и сложные прилагательные, и различные типы словосочетаний.

В русском языке в составе сложных цветообозначений выделяем: сложное цветовое обозначение: *золото-медвяный, коньячно-багровый, пенно-белый, фарфорово-белый*; сложное тоновое обозначение: *прозрачно-голубой, ядовито-зелёный, светло-светло-коричневый*. Такие сочетания являются весьма продуктивным способом цветоназывания, которым, безусловно, свободно владеет любой носитель русского языка. Однако сосредоточим внимание на процессе вхождения в языковой обиход новых терминов. Это словосочетания, одна из частей которого обозначает цвет, а другая не имеет цветового значения: *багряный клен, белая астра, бордовый мохер, голубая медуза, зеленоватый айсберг*.

Более непредсказуемыми кажутся словосочетания, где каждое слово в отдельности не имеет никакого отношения к номинации цвета. Освоение таких цветонаименований в языке напрямую зависит от наличия и качества соответствующего ассоциативного поля. Приведём несколько характерных примеров из разных разделов каталога: *полуночная вишня, царственный рубин, закатная орхидея, воспоминания о Египте 'песочно-желтый', московская метель 'холодный сапфирно-синий', русский ландшафт 'буровато-зелёный', очарование Рериха 'сочно-лиловый'*.

В современном испанском языке к сложным цветоообозначениям относим:

1. сложное цветовое обозначение: *rojo cartnn 'карминный красный', azul ultramar 'ультрамариновый синий', amarillo cromo 'хромовый жёлтый'*;
2. сложное тоновое обозначение: *cobre pblido 'бледная медь', almendra pblido 'бледный миндаль', cobrizo oscuro 'медный тёмный', castaco helado 'замёрший каштановый'*. К цветонаименованиям, имеющим сложное тоновое обозначения в испанском языке, в отличие от русского, относятся и сочетания, состоящие из трёх и более слов, что позволяет современному языку дать более точный оттенок цвета: *castaco claro dorado 'светло-золотой каштановый', castaco claro dorado cobrizo 'медный светло-золотой каштановый', caoba rojo intenso 'яркое красное дерево', cafй castaco oscuro 'тёмно-каштановый кофейный', cereza caoba rojizo 'красный цвета черешни'*.

Другая особенность сложного тонового обозначения в испанском языке заключается в использовании у имён прилагательных абсолютной превосходной степени в составе сочетаний, состоящих из трёх и более слов: *rubnsimos rubio natural extra claro 'очень светлый натурально-белокурый самый белокурый', rubnsimos rubio ceniza extra claro 'очень светлый пепельно-белокурый самый белокурый', rubnsimos rubio plato 'платиново-белокурый самый белокурый'*.

Как и в русском языке резко увеличивается количество словосочетаний, одна из частей которого обозначает цвет, а другая не имеет цветового значения: *azul turqun 'тёмно-синий', lavanda floral 'сиреневый', amarillo ocaso 'жёлтый заката солнца', amarillo crepъsculo 'жёлтые сумерки'*. Не только непредсказуемыми, но и трудно переводимыми на другой язык являются в испанском словосочетания, где каждое слово в отдельности не имеет никакого отношения к номинации цвета, поскольку, как мы говорили, такие цветонаименования в языке напрямую зависят от соответствующего ассоциативного поля: *color diente de leyn 'цвет львиного зуба', color encaje antiguo 'цвет старого смычка', color latyn* или *color almeza 'цвет ягоды каменного дерева', color latyn antiguo 'цвет старой латуни', color ahumado de pez 'цвет копченой рыбы'*.

Итак, имена со значением цвета представляют собой целую систему градаций в сознании индивидуумов. Познания о предмете могут обогащаться, обновляться, представления могут меняться. Нужно иметь ввиду, что эмоциональные окраски создаются вместе с представлениями и понятиями, соотносимыми нами к примеру с именем собственным, и делают значение этого имени намного превосходящим значение имени нарицательного.

Цветообозначения могут давать и случайно, но впоследствии у нас образуются ассоциации между этим именем и цветом, то есть устанавливается предметная соотнесенность.

В целом, в современном русском и испанском языках наблюдаем тенденцию к компрессии. Семантические неологизмы в двух языках возникают не только за счёт лингвистических элементов (компрессии и экспрессии), но и экстралингвистического фактора (использования в рекламе).

Однако несмотря на тенденции, которые можно связать с общемировыми чертами развития — резкое увеличение числа терминов в современном русском и испанском языках, в особенности тех, которые несут чисто рекламную функцию, русская и испанская лексика цветообозначений создаётся на основе культурно-исторического сознания народа, традиционного словообразовательного языкового аппарата: при помощи морфологических средств, сложных прилагательных, различных типов словосочетаний.

Неологизмы рассматриваемого периода занимают значительное место в современном русском и испанском языках. Продуктивность данного вида новообразований определяется как экстралингвистическими факторами и прежде всего способностью человеческого мышления обобщать и систематизировать в слове объекты окружающего мира, так и лингвистическими причинами — стремлением к экономии, унификации системных средств языкового обозначения.

Список литературы:

1. Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация : виды наименований. — М. : Наука, 1977. — С. 129–221.
2. Смирницкий А. Н. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. — 260 с.
3. Василевич А. П. Цвет и название цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. — М. : КомКнига, 2005. — 216 с.
4. Oriflame : [каталог косметики]. — М., 2007. — № 10 (16.07–04.08). — 100 с.
5. Oriflame : [каталог косметики]. — М., 2007. — № 9 (25.06–14.07). — 100 с.
6. Oriflame : [каталог косметики]. — М., 2007. — № 6 (23.04–12.05). — 100 с.
7. Cosmopolitan Mini / directora int. Helen Gurley Brown. — Madrid, 2008. — № 8. — 170 p.
8. Vogue Belleza / directora editorial Rocío Pintó. — Madrid : Ediciones Condé Nast, 2008. — №34. — 171 p.
9. Vogue 245 / directora Yolanda Sacristán. — Madrid : Ediciones Condй Nast, Agosto 2008. — 211 p.
10. Woman / directora Empar Prieto. — Spain : Redaccíon Central, 2008. — № 191. — 195 p.

Сведения об авторе: Елена Юрьевна Бережных, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет, e-mail: elenaberezhnykh@mail.ru

WORD-FORMATION OF COLOUR NAMES IN MODERN RUSSIAN AND SPANISH

Dr. Elena U. Berezhnykh
Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: elenaberezhnykh@mail.ru

Abstract

The article is devoted to word-formation of new words in the Russian and Spanish languages. The results have shown that the increase of words with colour meaning in modern Russian and Spanish languages are connected not only with nomination of colour according to a subject, but with the subjects, which can not be identified by their colour exactly and if there is a subject, the colour of which is definite, it can have some expressive attribute. Each of the languages traditionally increases the lexical system with the helping of its word-formation. The peculiarity of the Spanish language is to use complex word-combination phrases for colour's variety nomination and to use the adjectives in the Absolute Superlative degree.

The factors, which influence on the appearance of new meanings, on the one hand, note the main aspects of studying them as linguistic phenomenon, showing objective reality in the language and as simple units of lexical-semantic system of the language, on the other hand. That is why, studying a great number of new words with colour meaning in the article, we consider them as methods of communication in the language of objective world and as structure functional units of lexical-semantic system of the language.

Key words: word-formation, words with colour meaning, the modern Russian and Spanish languages

References:

1. Telia V. N. (1977) Double nomination and its types / V. N. Telia // Linguistic nomination : its types. — M. : Sience. P. 129–221.
2. Smirniskii A. N. (1956) Lexicology of the English language / A. N. Smirniskii. — M. : Publication lit. in foreign lang. 260 p.
3. Vasilevich A. P. (2005) Colour and its name in the Russian language / A. P. Vasilevich, C. N. Kuznecova, C. C. Mizenko. — M. : KomBook. 216 p.
4. Oriflame : [cosmetic journal] (2007) — M. — № 10 (16.07–04.08). — 100 p.
5. Oriflame : [cosmetic journal] (2007) — M. — № 9 (25.06–14.07). — 100 p.
6. Oriflame : [cosmetic journal] (2007) — M. — № 6 (23.04–12.05). — 100 p.
7. Cosmopolitan Mini (2008) / directora int. Helen Gurley Brown. — Madrid. — № 8. — 170 p.
8. Vogue Belleza (2008) / directora editorial Rocío Pintó. — Madrid : Ediciones Condé Nast. — № 34. — 171 p.

9. Vogue 245 (2008) / directora Yolanda Sacristán. — Madrid : Ediciones Condй Nast, Agosto. — 211 p.
10. Woman (2008) / directora Empar Prieto. — Spain : Redaccíon Central. — № 191. — 195 p.

Вторичные значения как конструирование мира и их роль в формировании межкультурной компетенции

(на материале немецких глаголов)

Н. В. Фурашова
Минский государственный лингвистический университет
(Белоруссия)

Аннотация
Согласно теории конструктивизма, реальность, в которой мы живем, — это не что иное, как конструкция самого субъекта. Разные языки отражают разные конструкции реального мира. Особенно ярко данное положение проявляется на примере глаголов со значением физического действия, которые в таких языках как английский, немецкий, русский принадлежат к базовому фонду и, в целом, совпадают как по числу, так и по значению. Однако их использование в процессах вторичной номинации и есть конструирование мира, которое различается от языка к языку. Осознание этого — важное условие формирования межкультурной компетенции.

Ключевые слова: конструкция, вторичные значения, глаголы физического действия

В философии и теории познания последних лет сформировался новый взгляд на процесс познания мира человеком: реальность, с которой имеет дело познание (как научное, так и обыденное) и в которой мы живем — это не что иное, как конструкция самого субъекта (Дж. Тэйлор, У. Крофт, Д. Круз, Д. Геерэртс, Р. Лэнекер, А. Верхаген и мн. др.). В науке о языке это привело к пересмотру взглядов на основополагающую категорию языка — значение.

Признание того факта, что слово именует понятие, т.е. **обобщенное представление** о существенных признаках класса объектов, абстрагированное от их различий и от несущественных признаков, уже препятствует пониманию языка как **отражения** мира. Еще

А. А. Потебня рассматривал процесс объединения в классы, всегда сопряженный с **устранением** из сознания значительного числа впечатлений, как «**самодеятельность** души», а отнесение чувственно воспринимаемого объекта или явления к какому-либо классу (категории) как придание **формы** отдельным восприятиям, как их **толкование** [Потебня, 1993, с. 98, 111].

Форма восприятий зависит и от биологического устройства человека как воспринимающего субъекта, о чем Дж. Локк писал: «Если бы наши чувства изменились и стали гораздо живее и острее, внешний вид и облик вещей был бы для нас совершенно иным … Если бы наше чувство слуха было лишь в тысячу раз острее нынешнего, то как оглушал бы нас постоянный шум!» [Локк, 1985, с. 352–353].

Общепризнанным является и факт, что разные языки, т.е. разные социумы, членят мир по-разному, «вырезают» в нем и именуют одни участки и оставляют без внимания другие. Классическим примером этому может служить определенная часть тела человека, которая в русском языке именуется словом *рука,* в английском и немецком членится на две части — *hand* и *arm* и *Hand* и *Arm* соответственно. Другой пример: общим как для русско-, так и для немецкоязычного социума является опыт, когда в результате неумелого манипулирования ножом человек наносит себе рану. Но говорящие на русском языке оставили его без внимания, в то время как в немецкоязычном социуме он получил определенную выделенность и дальнейшее переосмысление, а глагол — вторичное значение «сделать что-л. неправильно, совершить ошибку». Интересно, что примерно это же значение в русскоязычном социуме передается сквозь призму другого практического опыта — промахнуться, т.е. ударить мимо цели.

То, что раньше описывалось как выбор номинативного признака, в когнитивно ориентированных исследованиях описывается как **интерпретация,** которую мозг **приписывает** внешнему миру и которая не является ни достоверной, ни полной картиной того, что существует вне нас [Чейф, 2008, с. 78]. Интерпретация в широком понимании включает в себя и **оценку** воспринимаемого, **эмоциональное отношение** к нему самого субъекта, что дает основания утверждать, что лингвистические единицы не могут объективно отражать внешний мир «как он есть».

В новейших исследованиях пониманию значения как способа **репрезентации** накопленных знаний и опыта начинает противопоставляться идея **конструкции**, подчеркивающая роль интерпретативного, креативного, структурирующего аспекта деятельности сознания, который ярко проявляется в процессах вторичной номинации. Конструирование реальности различается в разных культурах, что приводит к различиям в лексических системах языков и становится источником трудностей как в освоении определенного языка как иностранного, так и в межкультурной коммуникации.

Так, немецкий глагол *stechen* «колоть» фиксирует ситуации проникновения чего-л. острого типа шипа, иглы, ножа, жала насекомого и под. вглубь чего-л. (в прототипическом случае — тела человека), например: *die Dornen stechen* «шипы колют(ся)», *die Mücke sticht* «комар кусает», *jemandem ein Messer in den Rücken stechen* «вонзить кому-л. нож в спину». Перевод данных примеров свидетельствует, что русский язык по-иному конструирует данные ситуации. Но еще ярче проявляются различия в процессе использования данного практического опыта для осознания более абстрактных ситуаций, например: ощущение палящего солнца *die Sonne sticht* (букв.: солнце колет), восприятие пронзающего взгляда *jemandes Augen stechen* (букв.: чьи-то глаза колют).

Интересны в данном отношении ситуации, которые в русском языке описываются как «выходить в море (о корабле)», «копать торф», «убирать урожай спаржи», «одна карта бьет другую» и др., которые в немецком языке именуются все тем же глаголом *stechen* «колоть». На первый взгляд, трудно найти что-либо общее не только между ними, но и между ними и приведенными выше значениями. Это приводит к трудностям в их усвоении и использовании.

Решением проблемы представляется отказ от принятого в структурализме разграничения синхронии и диахронии не только в лингвистических исследованиях, но и в овладении каким-либо языком как иностранным. Язык фиксирует и хранит опыт предшествующих поколений, обычаи, нравы, традиции народа и т.п., в которых и кроется объяснение современных языковых фактов и явлений. Так, значение *eine Karte sticht die andere* «одна карта бьёт другую» восходит к рыцарским турнирам, в которых один рыцарь, действительно, колол копьем, а значит, побеждал другого. Значение же *das Schiff sticht in den See* «корабль выходит в море» восходит к первичному опыту выхода в море на лодках, когда рыбаки буквально «втыкали» весла в толщу воды и отталкивались от берега.

Таким образом, можно сделать три основных вывода:

1. понять, осознать процесс появления у какого-либо глагола того или иного значения невозможно, ограничиваясь синхронным состоянием языка, без привлечения этимологических данных;
2. это является необходимым условием для дальнейшего корректного использования соответствующего глагола в том или ином его значении и тем самым для предотвращения коммуникативных неудач;
3. такой подход к вторичным значениям в процессе преподавания иностранного языка позволяет осознать стиль мышления, менталитет и — шире — культуру определенного социума через его язык.

И, наконец, говоря о вторичных значениях глаголов как о конструкциях, необходимо отметить, что согласно интенсивно разрабатываемой в последнее время грамматики конструкций, единицы всех уровней языка понимаются как знаки, т.е. единицы, имеющие форму и значе-

ние. Это значит, что конструирование ментального содержания фиксируется на всех языковых уровнях — лексическом, морфологическом (словообразовательном), синтаксическом и даже фонологическом.

Примером единицы морфологического уровня может служить конструкция [ab*Verb*], имеющая значение отделения. Любой глагол, встраиваемый в данную конструкцию, называет лишь способ достижения данного результата — отделения. Уровни языка различаются по степени абстракции, вышележащий уровень имеет приоритет по отношению к нижележащему, что является своего рода универсалией. Для глагола как единицы лексического уровня — и в этом отличие грамматики конструкций от вербоцентрической теории — это имеет то следствие, что он приобретает значение той морфологической или синтаксической конструкции, в которую он встраивается. Это может привести к появлению прямо противоположного значения. Например, глагол *binden* «связывать, соединять» в указанной выше конструкции [abbinden] приобретает значение «отвязать, развязать».

В предложении глагол всегда употребляется в какой-либо синтаксической конструкции, которая определяет его значение, например: [etw. **an** etw. *binden*] (einen Kahn an einen Pflock b. «привязать лодку к колышку»), [etw. **von** etw. *binden*] (das Tuch vom Kopf b. «снять платок с головы») [etw. **um** etw. *binden*] (eine Schnur um das Paket b. «обвязать пакет веревкой») и т.д. Поэтому значением глагола следует считать моторную программу, которую, например, в данном случае можно описать как манипулирование, придание определенной формы объектам с определенными свойствами типа веревки, нитки, ленты, галстука и т.п., чем могут достигаться разные цели:

— закрепить сами эти объекты где-либо (*das Tuch um den Kopf, den Schal um den Hals b.*) или, наоборот, снять их, развязать (*das Tuch vom Kopf b.* «снять платок с головы»);
— скрепить подобными объектами и удерживать вместе множество других однородных объектов (*Reisig, Blumen b.* «связывать хворост, цветы»);
— создать таким образом новый объект (*Besen, Kränze b.* «вязать веники, венки»);
— прикрепить с их помощью один объект к другому (*einen Kahn an einen Pflock b.* «привязать лодку к колышку») и др.

Определить, что в перечисленных ситуациях является первичным, можно лишь с определенной долей условности, хотя в словаре они и расположены под номерами 1, 2, 3 и т.п., что, кстати, не совпадает при сравнении словарей. Использование же данного и любого другого чувственно-практического опыта для осознания абстрактных сфер, а соответствующих глаголов для их номинации — процессы вторичные и культурно специфичные. Так, совокупность вторичных значений глагола *binden* позволяет сделать вывод о том, что особую выделенность в концептуальной

структуре данного глагола, по сравнению с русским языком, получила идея лишения чего-л. подвижности, о чем свидетельствуют сочетания *den Staub, die Flüssigkeit, das Kapital, ausgeflossenes Öl, Schadstoffe b.* «букв.: связать пыль, жидкость, вытекшую нефть, вредные вещества».

В отношении человека эта концептуальная структура послужила в немецком языке основой для конструирования смысла «ограничить свободу действий, связав какими-л. обязательствами, букв.: привязав к чему-л.»: *jmdn. an den Klub, an den Verein, an die Partei, an das Haus binden* «букв.: привязать кого-л. к клубу, объединению, партии, дому», *an die Einhaltung von etw., die Veträge, die Zusagen, bestimmte Voraussetzungen gebunden sein* «быть связанным соблюдением чего-л., договорами, чьим-л. согласием, определенными условиями».

Таким образом, языковые единицы отражают не реальность, а конструкцию реальности определенным языковым социумом. Поскольку в процессе ее конструирования задействованы культурно-исторические условия, субъективизм и креативность носителей языка и др. факторы, то конструкции реальности, зафиксированные в разных языках, оказываются разными. Осознание этого является необходимым условием формирования межкультурной компетенции у изучающих иностранные языки.

Список литературы:

1. Локк Дж. Сочинения : в 3-х т. [под ред. И. С. Нарского, А. Н. Субботина]. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
2. Потебня А. А. Мысль и язык. К.: СИНТО, 1993. 192 с.
3. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления. Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 78–88.

Сведения об авторе: Наталья Владимировна Фурашова, кандидат филологических наук, зав. кафедрой лексикологии немецкого языка, Минский государственный лингвистический университет, e-mail: nata.fur@gmail.com

SECONDARY MEANINGS AS A WORLD CONSTRUCTION AND THEIR ROLE IN INTERCULTURAL COMPETENCE DEVELOPMENT
(BASED ON GERMAN VERBS)

Dr. Natalia V. Furashova
Head of the German Lexicology Department, Minsk State Linguistic University, Belarus, e-mail: nata.fur@gmail.com

Abstract

According to the Constructivism theory, the reality, in which we do exist, is nothing else as the result of the subject's construction. Different languages reflect different constructions of the real world.

This is especially true for the verbs that have a meaning of the physical action, which, in such languages as English, German, Russian, all form part of the essential language core and, in general, match as in number so in their meaning. However, their utilization in the processes of secondary nomination constitutes world construction, which may vary, based on the language. To realize this — is an important factor in the formation of the intercultural competence.

Key words: construction, secondary meaning, physical action verbs

References:

1. Chafe W. (2008) The Role of Introspection, Supervision and Experiment in Understanding of Thinking. *Voprosy jazykoznanija* (4), 78–88.
2. Locke J. (1985) Work. V. 1. 621 p.
3. Potebnya A. A. (1993) Thought and Language. 192 p.

Невербальные компоненты коммуникации в художественном тексте как одно из средств обучения в сфере межкультурной коммуникации

О. В. Климашева
Московский государственный вечерний металлургический институт

Аннотация
Вопрос адекватного понимания текста у студентов весьма актуален на данный момент. Статья освещает психолингвистический аспект восприятия художественного текста в рамках интерпретации невербальных компонентов коммуникации. В процессе перевода и адекватного понимания этих компонентов непосредственно в тексте студенты формируют дополнительную коммуникативную и лингвистическую компетентность, способствующую в целом формированию необходимых моделей для межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: невербальные компоненты коммуникации (НВК), художественный текст (ХТ), процесс понимания, личностный смысл текста, межкультурная коммуникация

ХТ существенно отличается по степени интерпретируемости с другими текстами. Интерпретируемость — универсальное свойство текста. ХТ может быть подвергнут очень неопределенному, в конеч-

ном итоге неисчислимому количеству интерпретаций и особенностью текста является его психологичность, его психологическая природа. Текст неразрывно связан с процессом мышления, но в отличие от мышления текст вербален. Где нет вербальных элементов, нет и текста, но в самом тексте можно обнаружить и невербальные элементы, так как содержание может быть выражено не прямо, а косвенно. Не нуждается в вербализации лишь та часть содержания текста, которая ясна из ситуации общения. Понимание смысла текста — сложный ментальный процесс, который управляется смысловыми доминантами — актуальными смыслами данного речевого произведения, вокруг которых оно структурируется. «Личностный смысл не имеет своего надындивидуального, «непсихологического» существования, и поэтому может быть связан с психологическим значением многократно опосредованным индивидуальными ассоциациями, далеко не очевидными для других носителей определенного языка и культуры» [Пищальникова, 2010, с. 15]. Автор фиксирует свои личностные смыслы, фиксирует фрагмент своей картины мира конвенциональными языковыми единицами (модификации не изменяют конвенциональной их сущности), реципиент же порождает личностные смыслы и формирует свою картину мира на базе осмысления этих языковых выражений. До восприятия реципиентом ХТ существует как совокупность языковых знаков, которые в процессе восприятия ассоциируются со значениями, извлекаемыми из вербальной памяти читателя, и порождают смыслы. Каким этот смысл представится, будет зависеть от ряда причин, в том числе и от сформированной картины мира в процессе восприятия текста читателем.

НВК являются вспомогательным средством в понимании внутреннего смысла ХТ — уже в относительно простых речевых высказываниях или сообщениях наряду с внешним, открытым значением текста есть и его внутренний смысл, который обозначается термином подтекст. Он может существовать в любых формах высказываний. Скрытый подтекст можно выделить и понять внутренний смысл излагаемых событий. Проксемика, ориентация, временной фактор и последовательность являются обязательными компонентами невербальной коммуникации, способными актуализировать признаки социальной дифференциации и варьирования, поэтому их можно квалифицировать как социологические доминанты коммуникации. Наиболее «красноречивыми» средствами выражения признаков социальной дифференциации являются фонационные средства, особенно интенсивность, диапазон мелодического варьирования, а также темповые модуляции и тембр, несмотря на то, что они обусловлены индивидуальными психофизиологическими свойствами говорящего. Все это свидетельствует о том, что паралингвистические средства несут колоссальную социальную нагрузку в коммуникации. Например,

ниже представлены несколько случаев вербального описания НВК, а также их паралингвистического транскрибирования (вербального изображения НВК):

Вербальное описание: «Have I not lived all my life in India? […] His voice shot up rather crossly» (сила и оттенок звучания) [Здесь и далее примеры Ф. Поятоса: Forster P. 1, 31].

Паралингвистическое транскрибирование: «Fine ol' lady--fi-ne […] Well you'll have t'brace up and' be a comfort t' the' ol' mother» (акцент на определенных слогах) [Crane GM, 1].

В некоторых же случаях именно невербальные компоненты несут на себе основную коммуникативно-смысловую нагрузку, становясь, иногда бессознательно, ядром коммуникации.

Вербальное описание: «Victoria […] giving little cackles of swallowed laugher and murmuring, "Bless his heart!"» (вариант смеха) [Agee DF, 86].

Паралингвистическое транскрибирование: «"Jurgis, I—I think I have been out of my mind […] I walked—I walked all night, I think, and—and […]"» (изображение затрудненного дыхания) [Sinclair J, 15]; "Davy Byrne smiledyawnednodded all in one:/— Iiiiiichaaaaaaaach!" (изображение зевания) [Joyce U.].

Однако автор, возможно, не сможет найти способ транскрибировать, например, стон своего персонажа. Однако когда автор пишет «he groaned» — это наглядно представленное значение, которое описывает четыре фонемы речевой конструкции, которая действительно становится для наиболее чувствительного читателя слышимым значением, и это действительно очень важно, так как он слышит это благодаря своей отражаемой натуре; и это есть литературный прием, при помощи которого можно заполнить любое безмолвие в наглядно представленном тексте жизненными реалиями. Поятос утверждает, что художественное произведение всегда содержит в себе помимо эксплицитной, имплицитную паралингвистику, кинесику и проксемику, которая явно не описывается в тексте и не отображена графически, но может быть «увидена» и «услышана» более внимательным читателем.

Специфика невербального общения, в частности владение информацией, представленной в ХТ невербальными компонентами коммуникации является необходимым условием теоретической и практической готовности студентов к межкультурному взаимодействию. Для этого студентов необходимо обучать не только межкультурным вербальным умениям, но и невербальным, именно на уровне ХТ, обладающим большим потенциалом при формировании готовности обучаемых к межкультурной коммуникации, и учитывать возможность обоснования степени теоретической и практической готовности студентов к межкультурной коммуникации с учетом невербальных средств общения.

Список литературы:

1. Брудный А. А. Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования. — М.: Смысл, 2006. — 199 с.
2. Винниковецкая Т. А. Методика обучения интерпретации художественного текста. Дис. … канд. филол. наук. — М.: МГИИЯ им. М. Тореза, 1985. — 323 с.
3. Данилова Е. В. Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах. Дис. …канд. фил. наук. — М.: МГЛУ, 2003. — 204 с.
4. Залевская А. А. Текст и его понимание. — Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. — 177 с.
5. Кубрякова Е. С. Текст — проблемы понимания и интерпретации. // Семантика целого текста. — М.: Наука, 1987.
6. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика. — М.: АСОУ, 2010. — 144 с.
7. Хухуни Г. Т. Валуйцева И. И. Межкультурная адаптация художественного текста. — М.: МГПИ, 2003. — 172 с.
8. Advances in nonverbal communication: sociocultural, clinical, esthetic and language perspectives. / Ed. by F. Poyatos — Amsterdam: John Benjamins Publishing company, 1992. — 412 p.
9. Chase P. N., Parrot L. J. Psychological aspects of language. — Springfield: Tomas, 1986. — 246 p.
10. Javier R. A. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. — London: Springer, 2007. — 154 p.
11. Nonverbal communication and translation. / Ed. by F. Poyatos — Amsterdam: J. Benjamins Publishing Company, 1997. — 362 p.

Сведения об авторе: Ольга Владимировна Климашева, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный вечерний металлургический институт, e-mail: oklima@mail.ru

NON-VERBAL ELEMENTS OF COMMUNICATION IN LITERARY TEXTS AS A TEACHING TOOL IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Dr. Olga V. Klimasheva
Senior Lecturer, Moscow State Evening Metallurgical Institute,
e-mail: oklima@mail.ru

Abstract

The problem of adequate text perception by students is rather urgent now. The article is devoted to psycholinguistic aspect of text perception within interpretation of nonverbal components of communication. By translating and understanding of these components in the text students form the additional communicative and linguistics competences which help to form necessary models for cross-culture communication.

Key words: nonverbal components of communication (NVC), narrative text (NT), the process of perception, the personal text information, cross-cultural communication.

References:

1. Brudnyj, A. A. (Eds). (2006) *Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования* [Perception: the experience of interdisciplinary research]. Moscow: Smysl.
2. Vinnikoveckaja, T. A. (1985) *The technique of training of narrative text's interpretation.* Unpublished master's thesis, Moscow State Institute of Foreign Languages, Moscow, Russia.
3. Danilova, E. V. (2003) *Psycholinguistical analysys of narrative text in different cultures.* Unpublished master's thesis, Moscow State Linguistics University, Moscow, Russia.
4. Zalevskaja, A. A. (Eds). (2001) Text and its perception. Tver: Tver State University.
5. Kubrjakova, E. S. (1987) Text — the problem of understanding and interpretation // Semantika Tselogo Teksta, Kubrjakova, E. S. (Eds.), Moscow: Nauka.
6. Pishchalnicova V. A. (Eds). (2010) The history and theory of psycholinguistics. Part 3. Psychopoetics. Moscow: Altay State Educational University.
7. Huhuni G. T., & Valujceva I. I. (Eds). (2003) Intercultural adaptation of narrative text. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute.
8. Poyatos, F. (1992) *Advances in nonverbal communication: sociocultural, clinical, esthetic and language perspectives.* (Rev.ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing company.
9. Chase P. N., & Parrot L. J. (1986) Psychological aspects of language. Springfield: Tomas.
10. Javier R. A. (2007) The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. London: Springer.
11. Poyatos, F. (1997) *Nonverbal communication and translation.* (Rev. ed.). Amsterdam: J. Benjamins Publishing Company.

Типология английских, французских и русских слоганов

И. В. Скуратов, Н. В. Полякова, К. Бакэ
Московский государственный областной университет

Аннотация
Слоган является выразителем основного содержания рекламной концепции. Он представляет собой креативный образ и выступает как важнейший инструмент межкультурной маркетинговой коммуникации. Типология слоганов определяется сферой их функционирования.

Ключевые слова: реклама, рекламный слоган, типология, экспрессия, межкультурная маркетинговая коммуникация

Слоган — это романтика рекламного дела
М. Айзенберг

Общеизвестно, что слоган (sluagh-ghairm) происходит из гальского языка и означает «боевой клич». Еще в XIX веке понятие «слоган» было впервые использовано в современном значении.

С точки зрения Бернадской Ю. С., «… *боевой клич* — точно отражает суть рекламной константы: пленить потребителя и уничтожить конкурентов» [Бернадская, 2008, с. 51].

Слоган является выразителем основного содержания рекламной концепции.

Порой слоган представляет собой некий креативный образ, превращающийся в народный фразеологизм, придавая тем самым экспрессивность разговорной речи. Например, в русской рекламе «Бери от жизни всё» или во французской «Raffar**in** enf**in** la f**in**».

В современной литературе можно встретить большое количество определений слогана.

Наиболее распространенная его интерпретация сводится к следующему: «*Слоган — это рекламная фраза, в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение и входящая во все сообщения в рамках рекламной кампании*» [Морозова, 2001, с. 5].

Следует заметить, что слоган, как правило, стоит в конце рекламного сообщения, рядом с названием торговой марки или именем какой-либо фирмы.

Что касается текста, то он суммирует все сказанное и служит связующим звеном между отдельными сообщениями, которые входят в рекламную кампанию, в частности телевизионная и радиореклама, реклама в прессе и в Интернете.

Слоган выполняет главную интегрирующую функцию в рамках рекламного дискурса.

В условиях массмедийной коммуникации слоганы функционируют с текстом рекламы, видеорядом, музыкальным сопровождением.

Целью настоящего исследования является возможность рассмотреть слоган как некий микротекст с широкой гаммой семантических, стилистических и прагматических параметров.

Ближе всего к полюсу воздействия на условной шкале сообщение-воздействие располагаются тексты рекламные. Это обусловлено тем, что с функциональной точки зрения рекламные тексты наиболее полно совмещают в себе реализацию двух функций воздействия: функцию воздействия как функцию языка, реализуемую с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности, и функцию

воздействия как функцию массовой коммуникации, реализуемую с применением особых медиатехнологий, присущих тому или иному средству массовой информации.

К наиболее значимым признакам английского рекламного слогана на морфосинтаксическом уровне можно отнести частное употребление императивных форм глагола, что значительно усиливает динамичность рекламного обращения, например:

See. Buy. Fly.

Amsterdam Shopping Centre.

Глагольные сочетания типа *Buy this, Discover that, Try some today, Don't forget, Treat yourself* и т.п. весьма распространены в англоязычной рекламе, например:

***Share** the excitement. (Nissan)*

***Discover** gold. (Benson and Hedges)*

*Just **do** it! (Nike)*

***Eat** fresh. (Subway)*

***Think** different. (Apple)*

Анализ английских рекламных текстов показывает, что к наиболее часто употребляемым в императиве глаголам можно отнести следующие: *buy, try, ask, get, see, call, feel, taste, watch, smell, find, listen, drive, let, look, drink, do, discover, start, enjoy.*

Исследователи также обращают внимание на особый характер употребления в английских рекламных слоганах личных и притяжательных местоимений. Убедительная тональность рекламного обращения часто строится на последовательном применении следующей коммуникативной модели: "we, our" — для обозначения рекламодателя, "you, your" — для обращения к потенциальному покупателю, "they, their" — для ссылки на возможных конкурентов.

Особенно часто используются личные и притяжательные местоимения 2-го лица, так как они усиливают рекламное обращение:

***Your** own car. **Your** own phone. **Your** own place. **Your** dad's insurance? (Nationwide Insurance)*

Отметим, что в последние годы составители английской рекламы становятся всё менее свободны в выборе привлекательных рекламных образов и языковых средств выразительности. В соответствии с постановлением специальной комиссии по рекламе при британском правительстве The Advertising Standard Authority (ASA) от 1968 г. под названием "the Trade Description Act" в рекламных текстах не следует использовать слова и обороты, которые могут ввести потребителей в заблуждение относительно рекламных качеств и свойств рекламируемого продукта. Поэтому прилагательные с превосходными оценочными коннотациями типам magic и miraculous всё реже встречаются в английских рекламных текстах [Добросклонская, 2008, с. 188–191].

В большинстве работ слоган трактуется как краткое, афористическое, образно и эмоционально заряженное высказывание, связанное с брендом (товарным знаком) и выражающее рекламную идею. [Колокольцева, 201, с. 147]

Слоган является константой фирменного стиля. Наряду с другими элементами брендовой идентичности — именем бренда, фирменным знаком, брендперсонажем — он создает эффект узнавания марки.

Являясь атрибутом бренда, слоган сохраняет единство оформления — вербальное и визуальное (оформление единым шрифтом, цветом).

Он также может «вписываться» в товарный знак, например: ***Россия — щедрая душа***.

Некоторые современные рекламные имена могут иметь форму слогана и выражать эмоциональное состояние потребителя: кафе «Сели-поели» [Романова, 2012, с. 13], ресторан «Елки-палки». Тем самым, создается определенный эффект сближения с нуждами клиента.

В семантическом плане слоганы отличаются высокой степенью компрессии, имплицитностью смыслов и неоднозначным прочтением.

В качестве примера можно привести *Dirol Kids,* где базовая и инициальная части слогана выражены лаконично и отношения между ними не обозначены.

Говоря об имплицитности, многие рекламные девизы имеют различные варианты осмысления.

Например, слоган авиакампании «Уральские авиалинии»: *Ваши мечты — наши крылья.* Варианты его смыслового развертывания могут выглядеть следующим образом: *Ваши мечты нас окрыляют. Ваши мечты — о наших крыльях.* [Колокольцева, 2011, с. 154–155].

Во французском и английском языках наблюдается аналогичная картина: *Parce que je le vaux bien* или *Parce que nous le valons bien (L'Oréal), Because I'm worth it* и *Because we're worth it.*

Что касается стилистических особенностей слогана, то в нем наличествует приятный, гармоничный и ритмичный рисунок, например:

Milky Way — только для детей.

Nutella. Chaque jour, c'est du bonheur à tartiner.

Décathlon. A fond la forme.

La montagne, ça vous gagne. (в рамках французской кампании по развитию горного туризма)

В прагматическом плане слоган близок к позитивной оценке эксплицитного или имплицитного характера, например: *Orbit. Самая вкусная защита от кариеса,* или *Le calcium, c'est l'avenir de ma peau (L'Oréal)*

В современной литературе встречается большое многообразие способов классификации слоганов.

Общепризнанной является классификация в соответствии со сферой функционирования (слоганы коммерческой, политической и социальной рекламы) а также по типу объекта продвижения (корпоративные, товарные слоганы).

Другие существующие классификации являются авторскими и обычно не используются.

Французские исследователи очень часто замечают ошибки в слоганах, которые становятся нормой.

Так, Карин Бертело-Гийе пишет: «Dans le corpus général, environ 30% des annonces sont fautives, ce qui peut sembler important. La faute se concentre sur la néologie et plus spécifiquement sur l'emprunt et sur la création syntagmatique comme: «*Humanature*» (Marithé François Girbaud).

Les fautes orthographiques sont prépondérantes. La plupart d'entre elles sont des transcriptions phonétiques «sauvages»: «*SIELMONMARI!*» [Berthelot-Guiet, 2002, c. 85]. В русском языке встречается подобное явление: *Не тормози. Сникерсни!*

Таким образом, рекламные слоганы можно рассматривать как новое явление афористичности, свидетельствующее о специфике их функционирования в коммуникативном пространстве современного социума.

Создание слогана требует наличия высокого уровня профессиональных знаний, креативного мастерства и большого напряжения творческих сил.

Безусловно, хороший слоган — это всегда маленький шедевр массового искусства, который завораживает своей неповторимой экспрессией. Параллельно он выступает как важнейший инструмент межкультурной маркетинговой коммуникации, попадающий точно в цель и должен быть сконструирован по всем правилам рекламной науки.

Список литературы:

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 264 с.
3. Колокольцева Т. Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста / Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 296 с.
4. Морозова И. Слагая слоганы. М.: РИП-холдинг, 2001. 100 с.
5. Романова Т. Н. Современная слоганистика. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2013. 192 с.
6. Berthelot-Guiet, K. Imaginaire linguistique et publicité: quand le message publicitaire participe à la stigmatisation d'une langue fautive // Imaginaire linguistique sous la direction de Anne-Marie Houdbine-Gravaud. P.: L'Harmattan, 2002. 153 p.

Сведения об авторах:

Игорь Владимирович Скуратов, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет, e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Наталия Владимировна Полякова, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, e-mail: movistar_82@hotmail.com

Кевин Бакэ, лектор, Московский государственный областной университет, e-mail: kevinbacquet@yahoo.fr

TYPOLOGY OF ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN ADVERTISING SLOGANS

Dr. Igor V. Skuratov

Professor, Moscow Region State University, e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Dr. Nataliya V. Polyakova

Associate Professor, Moscow Region State University, e-mail: movistar_82@hotmail.com

Kevin Baquet

Lecturer, Moscow Region State University, e-mail: kevinbacquet@yahoo.fr

Abstract

The slogan conveys the basic content of the advertising concept. It represents a certain creative image. It is one of the most significant tools of cross-cultural marketing communication. The typology of slogans is defined by the sphere of their functioning.

Key words: advertising, advertising slogan, typology, expression, cross-cultural marketing communication

References:

1. Bernadskaja Y. S. (2008) Text in the advertising. M.: JuNITI-DANA. 288 p.
2. Dobrosklonskaja T. G. (2008) Media Linguistics: System Approach to the studying of Media Language. M.: Flinta: Nauka. 264 p.
3. Kolokol'ceva T. N. (2011) Slogan as Key Component of the Advertising Text. Advertising discourse and Advertising Text. M.: Flinta: Nauka. 296 p.
4. Morozova I. (2001) Composing Slogans. M.: RIP-holding. 100 p.
5. Romanova T. N. (2013) Modern Sloganistics. Samara: «Bahrah-M». 192 p.
6. Berthelot-Guiet, K. (2002) Imaginaire linguistique et publicité: quand le message publicitaire participe à la stigmatisation d'une langue fautive // Imaginaire linguistique sous la direction de Anne-Marie Houdbine-Gravaud. P.: L'Harmattan. 153 p.

Эффективное коммуникативное поведение в глобальной профессиональной коммуникации

Н. Н. Николаева
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Аннотация
В статье поднимается проблема формирования глобальной межкультурной коммуникативной компетенции у студентов на основе англосаксонской модели деловой коммуникации. Рассматривается вопрос о необходимости обучения студентов таким языковым навыкам, которые будут соответствовать требованиям современного глобального общекультурного и профессионально-ориентированного общения, а также будут способствовать эффективности их коммуникативного поведения на международном уровне. Автор приводит примеры и дает практические методические рекомендации.

Ключевые слова: глобальная профессиональная коммуникация, глобальная межкультурная компетенция, единые стандарты межнационального общения, языковая подготовка студентов

Мир сегодня становится все «меньше» и «ближе» благодаря Интернету и другим электронным видам связи. Однако означает ли это, что люди стали лучше понимать друг друга, особенно в профессионально-деловой сфере, где вопрос корректного понимания тесно связан с финансово-экономическими, политическими, производственными и другими задачами. Унификация норм профессионального общения / делового этикета сегодня стоит особенно остро. Национально-культурные различия порой приводят к провалу в деловых отношениях, поэтому в рамках курса английского языка в вузах необходимо обучать студентов (магистрантов, аспирантов) не просто лингвистически корректному общению на английском языке, но дискурсивно корректному общению, т.е. уместному и наиболее эффективному. Поскольку коммуникация — это не процесс передачи информации («трансляции знаний»), но ориентирующее воздействие[1], то учащиеся должны знать, как, каким образом, с помощью каких языковых средств можно достичь желаемого иллокутивного и перлокутивного

1 Под коммуникацией понимается сложная совокупность интегрированных действий, протекающих в реальном времени и направленных на ориентирование других в биосоциокультурном пространстве взаимодействий (см. [Кравченко, 2003]).

эффекта своего коммуникативного поведения в глобальном коммуникативном пространстве.

Сегодня быть коммуникативно грамотным специалистом означает обладать межкультурной и социокультурной коммуникативными компетенциями. Необходимо отметить, что данное утверждение не просто новое «веяние» в рамках компетентностного подхода в высшей школе, но требование глобализационных процессов, активно влияющих на языковую ситуацию в мире [Cameron, 2000] и выдвигающих требование унификации норм коммуникативного поведения. Здесь речь не идет об утопичной и бесперспективной идее создания «идеального языка» [Eco, 1995], типа эсперанто или волапюка, на котором бы без труда общались люди во всем мире, учитывая, что в настоящее время английский язык естественным образом становится *global lingua franca*. Очевидно, что искусственное навязывание *global lingua franca* не устранит когнитивной дисгармонии разных картин мира. Речь, однако, идет об адаптации людей разных национальностей и культур, говорящих на разных языках и, следовательно, имеющих разные картины мира, воспринимающих и осмысливающих мир по-разному, к единым стандартам межнационального общения, основанных на англосаксонских коммуникативных традициях. В связи с этим становится очевидным, что формирование межкультурной компетенции на занятиях английского языка будет оптимальной, если в основу отбора учебного материала и организации процесса обучения будет положена модель формирования *глобальной межкультурной компетенции* на основе англосаксонской модели деловой коммуникации. При этом будут учтены сферы, в которых проходит профессиональное общение — не только узкопрофессиональная, но и общеделовая, социокультурная и межкультурная.

Лингвистический «империализм» [Phillipson, 1992; Canagarajah, 1999] английского языка в определенной мере подразумевает этноцентричную аксиологичность норм и принципов, вырабатываемых носителями английского языка и представителями англосаксонской культуры. Это означает установление, распространение и «продвижение» определенных вербальных и невербальных норм общения, считающихся наиболее коммуникативно приемлемыми в культурах англоязычных стран, в информационном поле других языковых и социокультурных формаций. Поскольку язык — это «семиотическая реальность бытия человека, в которой формируется индивидуальное сознание и создается ценностная картина мира, позволяющая человеку ориентироваться, адаптироваться и управлять этим миром» [Николаева, 2008, с. 28], то изменение языка — это всегда изменение человека и мира, в котором он живёт. Очевидно, что активное целенаправленное внедрение в любую языковую среду — по определению, социокультурную — каких-либо «новых» нормативных тенденций

приведет к изменению культурно обусловленного языкового поведения, особенно, если это происходит в институциональных дискурсах. Так, по данным Р. Кубота [Kubota, 2012], японские студенты все чаще используют жанр дебатов, критики и логически выстроенных доказательств (западные образовательные тенденции) в своих письменных работах, чем традиционные для японцев техники размышления, наблюдения, созерцания и экспрессии. Это не означает, что западные стандарты «вытесняют» восточные, но, по мнению Р. Кубота, свидетельствует о том, что молодые японцы выбирают тот способ коммуникативного поведения, который считают наиболее приемлемым и адаптационно выгодным в современных условиях.

Подобная тенденция не детерминирует унификацию культур. Широко распространенная идея «единства в многообразии» стала одним из проявлений нового глобального капитализма. Иллюстрацией этому может служить реклама «транснациональной» одежды, производимой такими фирмами, как Benetton, Quelle, Gap, чьи модели — представители разных рас и национальностей — одеты в одни и те же брюки, юбки, свитера, рубашки. Молодые люди — это часть глобального сообщества и их расовая и этническая идентичность не является препятствием к выбору единого стиля одежды, который сам по себе служит идентифицирующим признаком молодости, новизны, дерзости, крушения старых устоев и т.п. Концепция глобальной коммуникации имеет аналогичные основания: национально-специфичные культурно-языковые различия могут быть нивелированы для целей эффективной глобальной коммуникации. Например, в нашей стране, как и во многих других странах мира (о чем свидетельствует простой запрос в поисковой системе Google: на словосочетание «business training» было получено 1130000000 ссылок (20.05.2013) [http://www.google.ru/#newwindow=1&output]), в последнее десятилетие появилось огромное количество курсов, тренингов, семинаров, учебников и учебных пособий, в том числе и на английском языке (типа: «Effective Negotiation», «Effective Telephoning», «Meeting Skills», «Presentation Skills») по бизнес общению и бизнес этикету, построенных на основе англосаксонского стиля общения и поведения. На поверхности сохраняется лингвистическое разнообразие, а на более глубоком уровне это ведет к достижению эффекта когнитивной ко-адаптации, генерированию единых ценностных установок, когда коммуниканты понимают и принимают поведение партнеров.

В связи с этим перед преподавателями английского языка стоит задача обучения студентов таким языковым навыкам, которые будут соответствовать требованиям современного глобального общекультурного и профессионально-ориентированного общения, а также будут способствовать эффективности их коммуникативного поведения. Приведем несколько примеров.

«Умение договариваться», т.е. владение приемами эффективного устного общения является «the new work order» («новым требованием к специалистам») [Gee, 1996] и одним из наиважнейших профессиональных качеств работника [Cope, Kalantzis, 2000]. В требованиях к сотрудникам многих организаций в англоговорящих странах во главу угла ставится не просто умение грамотно и вежливо говорить, но владеть целым комплексом коммуникативных умений, среди которых вежливость, внимательность, терпимость и толерантность к другой точке зрения играют ведущую роль. Например, в «спецификации личностных качеств работника *по уборке помещений*» Британского государственного центра медицинского обслуживания содержатся следующие положения: «Работник центра должен: уметь устанавливать доброжелательные межличностные взаимоотношения и проявлять интерес к психологическим и эмоциональным потребностям клиентов; понимать необходимость эффективной вербальной и невербальной коммуникации; поддерживать обстановку заботы и внимания при общении с клиентами и их родственниками, демонстрируя эмпатию и понимание» [Medical Science Monitor, 2004]. Несомненно, специфика работы в медицинских учреждениях априори требует от каждого работника владения вышеназванными умениями, однако то, что эти требования перечисляются как профессиональные качества, говорит об изменении понимания статуса коммуникации в целом.

Коммуникация — это не просто разговор, но профессиональная деятельность с определенным набором стандартов её выполнения, определяемым организацией, и этой деятельности нужно учиться, для чего и составляются программы по обучению коммуникативному поведению на рабочих местах, а также проводятся различные тренинги. Применение методик подобных тренингов на занятиях английского языка является очень эффективным. Например, одним из важнейших коммуникативных навыков работника, которому уделяется особое внимание на тренингах, — это «умение слушать» («listening skills»). Здесь имеется в виду не обучение аудированию в его традиционном понимании, а обучение «слышанию» и адекватной реакции на услышанное. Согласно статистическим данным [Lutz, Abu-Lughog, 2012], эффективность восприятия услышанного на *родном языке* у большинства людей составляет только 25%. Это связано как с физиологической ограниченностью человеческой памяти в целом, так и с физио-психо-эмоциональным состоянием слушающего в конкретной ситуации общения, поэтому навыкам «слышания» специально обучают. Например, на занятии-тренинге по «эффективному слушанию» студентам предлагается поработать в парах, сидя спиной друг к другу. По очереди каждый из них читает вслух сложный текст (уровень «сложности» зависит от уровня владения английским языком данной группы), другой учащийся должен его повторить как

можно более подробно. Задача усложняется, если текст дается на родном и английском языке попеременно.

Не менее важным является умение демонстрировать говорящему свое восприятие и понимание услышанного, как вербально, так и невербально. Обучение стратегиям реагирования (мимике, жестам, позам, уточняющим вопросам, повторам, перифразам, междометиям и др.) считается обязательным при работе с клиентами в бизнес коммуникации. Эти реакции помогают установить доверительные отношения, оценить «обратную связь», демонстрируют собеседнику, что его слушают и стараются понять, позволяют самому говорящему осознать правильность своей интерпретации услышанного, а также способствуют гибкой и своевременной коррекции направления разговора. Особенно сложно это сделать при разговоре по телефону, поэтому существует большое количество обучающих материалов по «эффективным телефонным переговорам». В качестве примера приведем список требований для работников колл-центров: «Вы должны демонстрировать, что активно слушаете собеседника путем вербального реагирования на его слова, используя фразы «yes, I see, fine, I'm making notes». Задавайте вопросы, чтобы направлять разговор в нужное русло и в тоже время побуждать клиентов формулировать их высказывания более четко и логично. Помните, что на разные типы вопросов (общие, специальные, разделительные, противительные, гипотетические) вы можете получить разные ответы. Анализируйте ответы и задавайте уточняющие вопросы. Проверяйте информацию, сказанную собеседником: перифразируйте или повторите сказанное вам и спросите клиента, правильно ли вы поняли его требования. В конце разговора суммируйте все вышесказанное и уточните окончательную позицию клиента. Будьте кратки и немногословны — вы не можете говорить и слушать одновременно» [Sieben, 2007].

Как видно из вышеприведенных примеров, принципы и стратегии коммуникации в англоязычной профессиональной среде начинают распространяться и в современной России, что способствует интеграции российского общества в единое межкультурное коммуникационное пространство. Это означает, что концепция глобальной коммуникации является перспективной и её принципам необходимо обучать, особенно на уроках английского языка.

В целом, с точки зрения концепции глобальной коммуникации определенный язык должен стать средством трансляции единых глобальных коммуникативных норм и ценностей, а представитель любой культуры должен разделять их и следовать им, если он хочет быть коммуникативно успешным в процессе межкультурного общения. Сегодня это — английский язык и англосаксонская модель межкультурного общения. В связи с чем, несмотря на глубокие различия языков и культур, менталитетов и картин мира, современному образованному человеку

любой национальности важно усвоить данную модель, что позволит ему преодолеть «лингвокультурные барьеры и дисгармонию дискурса, связанную с этими барьерами» [Павлова, 2010, с. 5.]. Именно поэтому изучение английского языка в рамках вузовской подготовки сегодня предполагает формирование межкультурной коммуникативной компетенции в глобальной перспективе, т.е. овладение общекультурными нормами делового общения и выработки готовности к корректному дискурсивному общению на международном уровне.

Формирование глобальной межкультурной компетенции создает основу для развития коммуникативного профессионализма и мастерства, предполагает интеграцию личности в систему мультилингвального межнационального делового пространства. Особенно это актуально в связи с возрастающими требованиями к языковой подготовке студентов российских вузов, необходимостью совершенствования методики обучения студентов профессиональному общению с учетом программы модернизации образования и дальнейшей разработки научно-теоретических и практических аспектов профессионально-ориентированного обучения английскому языку в глобальной перспективе.

Список литературы:

1. Кравченко А. В. Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) // Прямая и непрямая коммуникация : сб. научных статей / под. ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 2003. С. 27–39.
2. Николаева Н. Н. Гендерный аспект местоименной референции : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. М. 2008. 216 с.
3. Павлова Е. К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.20. М. 2010. 24 с.
4. Cameron D. Good to talk? Living and Working in a Communication Culture. London : Sage. 2000. 189 p.
5. Canagarajah A. S. Resisting Linguistic Imperialism in English Teaching. Oxford : Oxford University Press. 1999. 203 p.
6. Cope B., Kalantzis M. Multiliteracies: Literacy Learning and the Design of Social Futures. London : Routledge. 2000. 196 p.
7. Eco U. The Search for the Perfect Language / trans. by J. Fentress. Oxford : Blackwell. 1995. 340 p.
8. Gee J. P., Hull G., Lankshear C. The New Work Order: Behind the Language of the New Capitalism. Boulder : Westview Press. 1996. 251 p.
9. Kubota R. Japanese identities in written communication: Politics and discourses // Japanese Enactments of Culture and Consciousness / ed. by R. T. Donahue. Norwood, NJ : Ablex. 2012. P. 44–63.
10. Lutz C., Abu-Lughod L. Language and the Politics of Emotion. Cambridge : Cambridge University Press. 2012. 318 p.

11. Medical Science Monitor: International Medical Journal of Experimental and Clinical Research: List of Issues. 2004. [Электронный ресурс] URL : www.scimagojr.com/journalsearch (дата обращения 12.05.2013).
12. Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford : Oxford University Press. 1992. 284 p.
13. Sieben I., Grip A., Longen J., Sørensen O. Technology, Selection, and Training in Call Centers. ROA-RM-2007/4. [Электронный ресурс] URL: www.roa.unimaas.nl/resmem.htm (дата обращения 12.05.2013).

Сведения об авторе: Николаева Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, e-mail: nnn55n73@mail.ru

EFFECTIVE PROFESSIONAL COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORKPLACE

Dr. Natalja N. Nikolaeva
Associate Professor, Moscow State Technical University named after N. Bauman, Moscow, Russia, e-mail: nnn55n73@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of developing global intercultural communication competence of Russian students based on the contemporary Anglo-Saxon model of business communication. The urgent need of upgrading students' language proficiency and their communicative skills in order to meet global professional communication requirements is discussed. The paper provides some practical methodological techniques and approaches to promote effectiveness of communication behaviors in the international professional discourses.

Key words: global professional communication, global intercultural competence, common standards of intercultural communication, English language proficiency requirements

References:

1. Kravchenko, A. V. (2003) What is communication? (A Sketch of Biocognitive Philosophy of Language). In V. B. Dementjev (ed.) *Direct and Indirect Communication : collective scientific papers*. Saratov. 2003. 27–39.
2. Nikolaeva, N. N. (2008) Gender Aspect of Pronominal Reference. Diss. … kandidat of science in linguistics. Moscow. 216 p.
3. Pavlova, E. K. (2010) Political Discourse in the Global Communication (used Russian and English Texts). Abstract of Diss. … kandidat of science in linguistics. Moscow. 24 p.
4. Cameron, D. (2000) Good to talk? Living and Working in a Communication Culture, London: Sage. 189 p.

5. Canagarajah, A. S. (1999) Resisting Linguistic Imperialism in English Teaching. Oxford: Oxford University Press. 203 p.
6. Cope B., Kalantzis, M. (2000) Multiliteracies: Literacy Learning and the Design of Social Futures. London: Routledge. 196 p.
7. Eco, U. (1995) The Search for the Perfect Language, trans. J. Fentress. Oxford: Blackwell. 340 p.
8. Gee, J. P., Hull, G., Lankshear, C. (1996) The New Work Order: Behind the Language of the New Capitalism. Boulder, CO: Westview Press. 251 p.
9. Kubota, R. (2012) Japanese identities in written communication: Politics and discourses / in R. T. Donahue (ed.) *Japanese Enactments of Culture and Consciousness*. Norwood, NJ: Ablex. 44–63.
10. Lutz, C., Abu-Lughod, L. (2012) Language and the Politics of Emotion, Cambridge: Cambridge University Press. 318 p.
11. Medical Science Monitor: International Medical Journal of Experimental and Clinical Research: List of Issues. 2004 [Electronic Resource] URL: www.scimagojr.com/journalsearch (access date 12.05.2013).
12. Phillipson, R. (1992) Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press. 284 p.
13. Sieben, I., Grip, A., Longen, J., Sørensen O. Technology, Selection, and Training in Call Centers. ROA-RM-2007/4 [Electronic Resource] URL: www.roa.unimaas.nl/resmem.htm (access date 12.05.2013).

Публицистический текст в контексте межкультурной коммуникации: структурный и семантический аспекты

И. Г. Рябцева
Южный федеральный университет

Аннотация
В статье рассматриваются особенности восприятия и интерпретации иноязычного публицистического медиа текста. Выделяются его основные коммуникативно-прагматические параметры и намечаются возможные модели анализа с содержательной, аргументативной и языковой точек зрения. В центре внимания автора непрямая коммуникация, объединяющая такие явления, как эвфемизмы/дисфемизмы, аллюзия, намек, ирония, явление политкорректности, являющиеся серьёзным барьером в коммуникации. Обучение пониманию этих явлений может помочь читателю в распредмечивании культурных особенностей текста, что является важной составляющей межкультурного обучения.

Ключевые слова: оппозиционный дискурс, смысловая неопределенность, непрямая коммуникация, политкорректность, прецедентные феномены, аллюзия, имплицитность, рефлексивы.

В рамках межкультурной коммуникации изучение процессов восприятия и интерпретации инокультурного публицистического текста является достаточно актуальным объектом исследования. В данном случае публицистический медиа текст выступает в «качестве вербальной формы отражения культуры» и позволяет проследить национально-культурную специфику восприятия тем или иным народом окружающего Мира. Поскольку в описываемой нами ситуации автор текста (адресант) и читатель (адресат) являются представителями разных культур, чтение и понимание иноязычного текста можно рассматривать как акт *межкультурной* коммуникации.

Объектом нашего научного интереса являются *аналитические* тексты *оппозиционного* дискурса в англоязычных СМИ, представленные журналами *Executive Intelligence Review (EIR) и Economist (EC)* за период 2006–2013 гг. Обращение к оппозиционному дискурсу в англоязычных СМИ объясняется тем, что в них давно сформировалась устойчивая традиция оппонирования институтам власти со стороны отдельных качественных и влиятельных изданий. Их представленность в информационном пространстве США, Канады или Великобритании весьма заметно и ощутимо в силу их адресованности целевой аудитории.

Надо отметить, что для правильной интерпретации текста необходимо учитывать не только фактор его адресованности, но и фактор ответности. Подвергаемый анализу тип текстов — это ответная реплика автора текста в диалоге со своими политическими оппонентами. Оценивая их высказывания, адресант дает свою интерпретацию, ставит новые вопросы и ждет отклика на них со стороны читательской аудитории. Именно ответностью и обусловлена трехчленная субъектная организация текста аналитико-публицистической статьи «оппонент ← автор текста → читатель».

В рамках межкультурной коммуникации оппозиционный дискурс интересен тем, что он конструирует специфическую аксиологическую картину мира, основывается на критическом отношении к господствующим ценностям, это дискурс тех политических сил, которые не идут в фарватере нынешней американской политики. В нем четко прослеживается наличие противоборствующих сторон. Данное обстоятельство можно подкрепить выдержкой из статьи под названием "***What Happened to 'The Times'?"***

The count-down is already on-going; will it continue to rush to the presently steaming "brink"? The pages of the New York Times, would not, and, probably could not tell you; you must turn your attention to different pages.

Тексты данного типа дискурса интересны также с содержательной, аргументативно-прагматической и языковой точек зрения, так как

в них наиболее полно представлена картина тех умонастроений, которые царят в современном идеологически *неоднородном* американском или британском обществе.

Неоднородность ценностных ориентаций соперничающих партий и групп приводит к тому, что информационное поле, создаваемое представляющими их издательствами, оказывается весьма противоречивым, что способствует созданию множества репрезентаций одного и того же явления или события действительности, зачастую взаимоисключающих друг друга.

Это неизбежно выводит нас на такую проблему, как *фактор адекватности отражения действительности* в процессе опосредованной коммуникации. В целом политический дискурс является вербализацией измененного состояния сознания продуцента, что способствует раздвоению социальной реальности на реальную инстанцию и ее образ, характеризующийся завуалированностью и неясностью [см. Базылев, 1999]. Это, в свою очередь предопределяет такую прагматическую категорию политического дискурса, как смысловая неопределенность, приводящая к нарушению коммуникативных максим качества, количества и манеры.

Но, на наш взгляд, в аналитических текстах оппозиционного дискурса преобладает тенденция к снятию смысловой неопределенности и достижению понятийной точности. В связи с этим представляется особенно важным определить, с помощью каких языковых механизмов происходит снятие двусмысленности передаваемой информации, выяснение истинных намерений своих оппонентов, с их последующей оценкой. Приведем пример:

In a significant sign of the shift in the Democratic opposition, party strategist James Carville, confronted his debating opponent Robert Novak …with a simple challenge about privatizing Social Security: "I support a Social Security system thought by Franklin Roosevelt; you're supporting one thought up by Gen. Augusto Pinochet, an international criminal." Choose: FDR or Pinochet?" Conservative Novak was reduced virtually to silence .

Одно и то же понятие (*Social Security system)* противоборствующие стороны пропускают через разные «фильтры сознания». Но упоминание двух известных политических фигур (прецедентных имен), роль которых по-разному оценивается в истории двух стран, снимает двусмысленность в отношении трактовки понятия *Social Security*.

Аналитико-публицистический текст строится на основе аргументативного, экспрессивного и рефлексивного типов коммуникации. Именно эти типы коммуникации, сближают его с публицистическим и, в какой-то степени, научным дискурсом, подчеркивая его высоко интеллектуальный характер. В совокупности эти типы коммуникации сопровождаются высокой степенью выражения чувств, оценок, взглядов и установок адресанта. Поэтому в исследуемых текстах особенно

ярко проявляется игровое начало, ирония и сарказм, интертекстуальность, палитра образов политических фигур.

Типы коммуникации и жанровая характеристика публицистического текста предопределяют выбор языковых средств и их коммуникативно-прагматические параметры.

Как следствие особое значение приобретает стилистический компонент — наиболее эффективной становится непрямая коммуникация, которая по свидетельству В. В. Дементьева объединяет такие явления, как имплицитность, эвфемизмы, косвенные речевые акты, явления подобные косвенности — аллюзия, намек, метафора, ирония, подтекст [Дементьев, 2000, с. 4]. Например:

Any non-crazy person attempting to assess the Bush Administration's current policy towards Southwest Asia, quickly concludes that it is time to reach for the Excedrin headache pill. All at the same time, Team Bush is pursuing three contradictory policy objectives.

Этим высказыванием начинается статья "*Strategic Analysis: Bush's Middle East Policy Paradox*". Несмотря на свою имплицитность, намек *it is time to reach for the Excedrin headache pill* звучит достаточно определенно, заставляя адресата домысливать сообщение и подводя его к выводу о том, что здравомыслящему человеку очень трудно разобраться в противоречивых шагах администрации Буша.

При прочтении публицистического текста культуроспецифические установки общества проявляются также в таком языковом явлении, как политкорректность. В англо-американском обществе политкорректность является инструментом языковой политики, т.е. целенаправленным влиянием на язык.

В языке это форма поведения напрямую связана с использованием эвфемизмов. В прагматическом плане явление эвфемии справедливо ассоциируется с нарушением максимы образа действия — четкости и ясности изложения. Именно поэтому эвфемия и вытекающее из нее явление «политкорректности» в политическом дискурсе представляет собой стратегию камуфлирования нежелательной информации, стратегию сглаживания острых углов.

По своим прагматическим целям и семантическим изменениям процессу эвфемизации в языке противостоит процесс дисфемизации. Если эвфемизм употребляется для сокрытия информации или ее искажения с целью скрыть остроту проблем, то *цели дисфемизма* — вскрыть остроту социальных проблем, опровергнуть, и через расшифровку эвфемизма изобличить во лжи политического оппонента. Например:

*It (commission) found that the dead civilians were shot by marines, not killed by an insurgents' bomb, but concluded that the killings were «collateral damage» rather than murder. Top brass were not satisfied with this conclusion and launched a criminal probe, which is still underway.*В данном примере мы наблюдаем расшифровку эвфемизма «*collateral damage*»,

из которого изъята сема «уничтожение человека». Между ним и его дисфемизмом *murder* устанавливаются антонимические отношения с помощью противительного союза *but* и конструкции *rather than,* которая выражает предпочтение одного понятия другому. Несоответствие двух понятий подкрепляется контрастным употреблением предикатов *were shot — not killed* с указанием на агента действия *by marines*, что является синтаксическим средством дисфемизации.

Речевые акты дисфемизации, направленные на преодоление смысловой неопределенности, сопряжены с рефлектирующей деятельностью сознания адресанта. Аналитико-оценочная деятельность сознания адресанта обусловливает широкое использование рефлексивных речевых актов в исследуемом типе текстов.

В качестве косвенного маркера имплицитно вводимых рефлексивов могут выступать прецедентные феномены и разного рода аллюзии. Например:

…Throughout America's history, there have been parades in New York and Midwestern towns when the soldiers returned from foreign wars. They were welcomed back as heroes. This time, when the soldiers go back from Iraq, ***there are going to be no yellow ribbons on the trees****. They are going to slink back! They will not be welcomed as heroes!"*

В этом высказывании рефлексия автора начинается с обращения к прецедентной ситуации из истории Америки, которая имеет положительную коннотацию (желтые ленты на деревьях традиционно являются символами поддержки и солидарности в Америке). Но далее, автор, помещая некоторые признаки этой ситуации в негативный контекст, дает свою субъективную негативную оценку участию Америки в войне в Ираке.

Итак, при анализе публицистического текста аналитического характера мы исходим из того, что он является формой существования дискурса, в нашем случае оппозиционного. Процесс понимания иноязычного текста многократно усложняется для адресанта, принадлежащего к другой культуре. Учет таких факторов, как содержание сообщения и его цели; специфика обмена передаваемой информации в данном типе текста; фактор адекватности отражения действительности; зависимость эффективной коммуникации от типов коммуникации (аргументативной, экспрессивной, рефлексивной); знание прецедентных феноменов значительно облегчат восприятие публицистического текста как акта межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопоэтики к психополитике // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. — М., 1999. 235 с.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во СГУ, 2000. 248 с.

Сведения об авторе: Ирина Геннадьевна Рябцева, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e-mail: irina-17@yandex.ru

PUBLICISTIC TEXT WITHIN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECTS

Dr. Irina G. Ryabtseva
Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: irina-17@yandex.ru

Abstract

The article looks at the peculiarities of perception and interpretation of a foreign mass media text. The author defines its major communicative-pragmatic parameters and outlines the viable patterns of its analysis from the content, argumentative and linguistic points of view. The author especially emphasizes the role of indirect (implicit) communication, which embraces such phenomena as euphemisms/disphemisms, allusion, irony, implication, political correctness which may appear as strong barriers in communication. The skill of understanding these phenomena may help the reader disclose the cultural message of the text, thus being an indispensable component of intercultural communication.

Key words: discourse of opposition, argumentative, expressive communication, implication, indirect communication, political correctness, precedent phenomena, allusion, reflexive thinking.

References:

1. Bazylev V. N. (1999). Politicians' self-portraits: from Psychopoetry to Psychopolitics. Political Discourse in Russia (3).
2. Dementyev V. V. (2000) Indirect Communication and its Genres, 4.

Пищевой этикет индийцев: теория и практика. К вопросу о значимости невербальных компонентов кросс-культурной коммуникации

А. В. Челнокова
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В работе рассмотрены вопросы, связанные с профессиональной подготовкой востоковедов-индологов, на примере одной из важных

практических тем — этикета принятия пищи у индийцев. Данная работа построена на основе авторского лекционно-практического курса «Индийский этикет», который входит в Санкт-Петербургском государственном университете в обязательную программу подготовки бакалавров по специальностям «Индийская филология» и «История Индии» и предшествует отъезду студентов на практику в страны изучаемого региона. В ходе курса студенты расширяют базу этнографических знаний, знакомятся с теоретическими аспектами межкультурной и кросс-культурной коммуникации, значительно расширяют коммуникационные компетенции (как на языковом, так и на невербальном уровне). Курс строится с ориентацией на практическое освоение материала, для чего привлекается большое количество интерактивных источников и видов работы. Результаты чтения данного курса, а также лекций по его тематике в различных ВУЗах России и Европы показали, что наличие системных знаний по региональному этикету и умение грамотно применять их на практике, эффективно осуществляя реализацию оптимальных коммуникационных моделей, значительно повышает мотивацию студентов к профессиональному обучению.

Ключевые слова: профессиональные дисциплины, студенты-международники, востоковед-индолог, межкультурная коммуникация, этикет, пищевые традиции.

Данная работа построена на основе лекционно-практического курса «Индийский этикет», который входит в Санкт-Петербургском Государственном университете в программу подготовки бакалавров-индологов. Она призвана на примере конкретной темы продемонстрировать, насколько важной для востоковеда оказывается невербальная составляющая коммуникации, связанная с региональной спецификой. В ходе курса студенты расширяют базу этнографических знаний, знакомятся с теоретическими аспектами межкультурной коммуникации, развивают коммуникационные компетенции (на языковом и невербальном уровне).

Индийская кухня и этикет принятия пищи чрезвычайно разнообразны, и разнятся не только от региона к региону, но и от семьи к семье. Почти для всех индийцев актуальны пищевые табу — индуисты не употребляют в пищу мяса священного животного, коровы, а мусульмане не едят свинины, поскольку она происходит от «нечистого» животного. Индуистам-брахманам предписывается строгое лактовегетарианство, мусульмане, согласно традиции, могут есть лишь ритуально чистую (*халал*) пищу, а у джаинов, тоже лактовегетарианцев, существует запрет на корнеплоды, им разрешается есть стебли и листья растений, которые можно добыть, не лишая растение жизни [Индийская жена, 1996, с. 91]. В исламе, сикхизме, джаинизме

и у многих индуистов, в первую очередь брахманов, существует строгий запрет на алкоголь. Сикхам и джаинам запрещено также употребление табака [Котин, 2009, с. 102].

В индуистской традиции пища подразделяется по нескольким принципам. Первый из них — в древности разработанная индийской философией теория гун. Пища рассматривается как средство достижения и поддержания определенного состояния, гуны. На нижней ступени стоит пища, ассоциирующаяся с гуной *тамас* (инертностью, тяжестью, темнотой), это алкоголь, грибы, колбасы и другие мясные изделия, в некоторых северных регионах также корнеплоды и некоторые виды мяса. Считается, что эта пища вызывает в человеке гнев и зависть, она разрешена лишь шудрам. На следующей ступени стоит пища *раджас* (энергия и активность), она способна вызывать прилив сил, но при неумеренном употреблении может привести к печали и даже болезням. Это красное мясо, специи, а также лук и чеснок. Употреблять пищу раджас разрешено вайшью и кшатриям. Самой лучшей считается пища *саттва* (легкость, чистота), она способствует возвышению духа и достижению гармонии и рекомендована брахманам. К пище саттва относят молоко и молочные продукты, овощи, растущие над землей, листья и стебли растений, бобовые, крупы, зерно, орехи и семена. Считается, что у каждой гуны свой вкус. Пища тамас безвкусная, раджас — острая и горькая, саттва — сочная и вкусная. В местах паломничества разрешено употреблять лишь пищу саттва, там трудно найти мясо, яйца, и даже лук и чеснок. Наиболее ортодоксальные брахманы по всей Индии питаются лишь пищей саттва [Этикет…, 1990, с. 201].

Следующий принцип деления индуистами пищи — концепция *пакка* и *качча* (снк. приготовленное и сырое), «совершенной» и «несовершенной» пищи. Она также связана с сословными преставлениями и стремлением сохранить свою ритуальную «чистоту». К «соврешенной» пище (пакка) традиционно относят вегетарианские блюда, приготовленные с использованием топленого сливочного масла *гхи*, обычно хорошо прожаренные. Это могут быть лепешки или пирожки с овощной начинкой, жареные овощи, а также молочные сладости. Пищу пакка разрешается готовить заранее и брать с собой в дорогу, ее можно есть вместе с представителями различных сословий, а также (в особенности это характерно для южной Индии) принимать в дар из рук людей более низкой касты. Считается, что через такую пищу невозможно «осквернить», стать ритуально нечистым [Kakar, 2007, с. 208].

Пища *качча*, напротив, считается чувствительной к осквернению, поэтому ее принято есть дома, в молчании. Особенно строго в отношении пищи качча соблюдается правило — сначала едят мужчины, затем, на кухне, женщины доедают оставшуюся после них пищу. К категории качча относят рис, блюда из бобовых, отварные и сырые

овощи и фрукты, а также, в северных районах Индии и Непале, — лепешки, сделанные не из пшеницы.

«Чистой» пища считается лишь в момент, когда, после приготовления часть ее предложили божеству в качестве подношения (*прасад*), а есть еще не начали [Индийские праздники, 2005, с. 25]. Как только ее коснулась человеческая рука, и сама пища, и вкушающий ее человек становятся ритуально «нечистыми». Для того, чтобы по возможности уменьшить эту «нечистоту» индуисты, как правило, ничего не оставляют «на завтра» или «до ужина», а перед каждой трапезой готовят свежую еду.

Поскольку осквернение может произойти не только через пищу, но и через посуду и иную кухонную утварь, все задействованные в трапезе предметы также подразделяются на пакка и качча, т.е. на те, через прикосновение к которым нельзя или можно осквернить [Этикет…, 1990, с. 201]. Пакка, в первую очередь, считают металлическую посуду из нержавеющей стали, латуни, серебра (металлическая посуда популярна в Индии еще и потому, что является признаком зажиточности), а также некоторые виды стеклянной посуды. К категории качча относят посуду из глины и традиционные «тарелки» из листьев (это может быть большой пальмовый лист на юге либо тарелочка, сшитая из нескольких сухих круглых листьев на севере). Считается, что после того, как к посуде пакка прикасался представитель более низкой касты либо иной культуры, ее достаточно вымыть, в то время как посуду качча следует выбросить.

Следующий принцип традиционного деления пищи связан с сугубо прагматическими представлениями. Жители жаркой Индии считают, что определенная пища может вызывать жар или холод, и правильный рацион способен охладить в жару и согреть в холод. К охлаждающей пище традиционно относят рис, простоквашу и йогурт, а также некоторые овощи, к примеру, огурцы и редис. К согревающей — пшеничные лепешки, бобовые, специи и сладкие фрукты, в частности, манго [Bagla, 2008, с. 198].

Основная пищевая концепция, распространенная среди проживающих в Индии — как, впрочем, и по всему миру, — мусульман — концепция пищи «халал» (разрешенной) и «харам» (запрещенной) [Богучарский, 2010, с. 210]. Основные пищевые ограничения указаны в четвертом аяте пятой суры Корана: «Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свинины, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удавленная, и убитая ударом, и убитая при падении, и забоданная (скотина), и то, что ел дикий зверь»[1].

В наиболее традиционных домах за стол усаживаются гости (вне зависимости от пола), мужчины и дети, а хозяйка дома с другими

1 Цит. по «Коран», пер. и коммент. И. Ю. Крачковского М., 1986

женщинами подают блюда и едят сами лишь после того, как сидящие за столом закончили ужин, иногда уходя для этого в другое помещение, чаще всего на кухню. В городах этот обычай постепенно изживает себя, за стол садятся все вместе, а хозяйка или слуги приносят еду.

Обычно места, которые члены семьи занимают за столом, строго фиксированы и распределяются по старшинству. Будучи приглашенным в индийский дом, гостю, чтобы не нарушить никаких этикетных норм, крайне важно занять за столом указанное ему место либо попросить хозяина показать, где ему можно сесть. Возможна и ситуация, особенно в сельской местности, когда радушные хозяева накормят гостя первым, а собравшиеся будут внимательно наблюдать за тем, как он ест, и приступят к трапезе не раньше, чем гость закончит свой ужин [Индийские праздники, 2005, с. 118]. Отказаться от такой чести — значит обидеть хозяев, пренебречь их гостеприимством.

Может случиться и так, что хозяева посадят гостя отдельно. В большинстве случаев это объясняется не столько удобством гостя, сколько ритуальными взглядами хозяев, для которых не всегда приемлемо посадить за свой стол представителя иной культуры.

Представление о «чистоте» пищи и тех, кто ее ест, очень важно для индийцев. Для мусульман омовение является обязательным началом трапезы, в индуистских, сикхских и джаинских семьях чистоте рук, которыми предстоит вкушать пищу, уделяется большое внимание. Гостю могут предложить полотенце и проводить к раковине, либо (в особенности на западе Индии) хозяин из специального кувшина льет на руки сидящим вокруг стола воду, начиная с гостя и следуя по старшинству [Богучарский, 2010, с. 217].

Поскольку с первым прикосновением к пище она теряет «чистоту», принято съедать принесенные блюда, в особенности горячие, быстро, в молчании [Dubois, 1999, с. 324]. Как таковая «застольная» беседа не характерна для индийской традиции, беседуют в ожидании трапезы или после нее (хотя во многих северных и северо-восточных регионах окончание трапезы означает, что гостю, если он не приглашен остаться на ночь, пора уходить).

То, как еда распределяется в тарелке, в ряде регионов может иметь важное значение. К примеру, в Махараштре принято зрительно делить тарелку на четыре квадранта, в двух верхних из которых в определенном порядке располагаются овощи, специи и приправы, а в двух нижних — собственно еда, причем рис и пшеничные лепешки не должны соприкасаться, а сладкое должно лежать строго с краю тарелки, рядом с рисом [Глушкова, 2003, с. 151–152]. Однако универсальных правил «геометрии в тарелке» не существует, они разнятся от региона к региону. В любом случае, с точки зрения этикетных норм очень важно не «валить» в тарелку все подряд, а брать одно блюдо лишь после того, как полностью съедено предыдущее.

Едят обычно руками, точнее, правой рукой, при этом на севере не принято погружать пальцы в еду больше, чем по первую фалангу, а на юге может быть задействована ладонь целиком. Еще одно примечательное различие между пищевыми традициями севера и юга — обыкновение северян сначала отрывать кусок лепешки, ею брать с тарелки порцию еды и отправлять в рот вместе с лепешкой. На юге лепешку для еды используют реже, а еду берут непосредственно сложенными в щепотку пальцами [Kolanad, 2005, с. 163]. В домашней, неофициальной обстановке столовые приборы используются редко, однако если у гостя отсутствует желание есть руками, вполне удобно и правильно попросить принести их.

В некоторых, в особенности южных и восточных областях допустимо брать левой рукой стакан с водой или кувшин, откуда эту воду наливают, в некоторых областях левую руку на протяжении всей трапезы принято держать на колене, чтобы случайно не прикоснуться ею к еде и посуде. Об этих тонкостях гость может узнать из поведения хозяев, однако следует неукоснительно помнить, что брать еду левой рукой нельзя. Это не просто неприятно и даже оскорбительно для окружающих, это своего рода осквернение их дома и трапезы [Hinduism…, 2003, с. 2].

Список литературы:

1. Богучарский Е. М. Мусульманский этикет. М., Рипол классик, 2010. 271 с.
2. Глушкова И. П. Из индийской корзины. М., Восточная литература РАН, 2003. 296 с.
3. Индийская жена [под ред. И. П. Глушковой] М., Восточная литература РАН, 1996. 247 с.
4. Индийские праздники. Общее и локальное в календарной обрядности [под ред. И. Ю. Котина, С. А. Маретиной]. СПб, Петербургское востоковедение 2005. 295 с.
5. Котин И. Ю. Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб, Наука, 2009. 226 с.
6. Этикет у народов Южной Азии. СПб, Петербургское востоковедение, 1990. 299 с.
7. Bagla G. Doing business in 21th century India. N-Y, Business Plus, 2008. 254 с.
8. Dubois J. A. Hindu Manners, Customs and Ceremonies. Delhi, Low Price Publications, 1999. 741 с.
9. Hinduism in Public and Private. Reform, Hindutva, Gender and Sampaday. [ed. by Copley A.] Oxford, Oxford University Press, 2003. 303 с.
10. Kakar S. Indian Identity. London, Penguin Books, 2007. 413 с.
11. Kolanad G. Culture Shock. A Survival Guide to Customs and Etiquette. Singapore, Marshal Cavendish, 2005. 310 с.

Сведения об авторе: Анна Витальевна Челнокова, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ladyeng@mail.ru

INDIAN FOOD ETIQUETTE: THEORY AND PRACTICE. ON THE SUGNIFICANCE OF NON-VERBAL COMPONENTS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Dr. Anna V. Chelnokova
Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, e-mail: ladyeng@mail.ru

Abstract

The work deals with the issues of professional training of orientalists-indologists, particularly with one of the most important practical topics — Indian food etiquette. It is based on a unique course of lectures and practical classes "Indian etiquette", which have become a mandatory element of all bachelor's level indological programmes at St. Petersburg State University. This course aims at broadening ethnographical and cultural knowledge, introducing main concepts of cross-cultural communication and developing communicative skills and competences (both verbal and non-verbal ones). As this course is intended to be a practical one, it makes use of numerous interactive resources and methods. The results (both at Russian and European universities) show that systemic knowledge of regional etiquette rules and practical skills of their use as well as effective application of appropriate communicative models can significantly raise students' motivation for further professional education.

Key words: professional disciplines, international relations students, orientalist, Indian studies, cross-cultural communication, etiquette, food traditions.

References:

1. Bogucharskiy E. M. (2010) Muslim Etiquette. Moscow, Ripol classic. 271 p.
2. Glushkova I. P. (2003) From the Indian basket. Moscow, Oriental literature, Russian Academy of Science. 296 p.
3. Indian Wife [ed. by Glushkova I. P.] (1996) Moscow, Oriental literature, Russian Academy of Science. 247 p.
4. Indian Holidays. Common and Local in the Calendar Rituals. [ed. by I. U. Kotin, S. A. Maretina]. (2005) St-Petersburg, Petersburg Oriental studies. 295 p.
5. Kotin I. U. (2009) Pagri and «Union Jack». Migrants from South Asia in Great Britain. St-Petersburg, Nauka. 226 p.
6. Etiquette of the South Asians. (1990) St-Petersburg, Petersburg Oriental Studies. 299 p.
7. Bagla G. (2008) Doing Business in the 21st century India. NY, Business Plus. 254 p.
8. Dubois J. A. (1999) Hindu Manners, Customs and Ceremonies. Delhi, Low Price Publications. 741 p.
9. Hinduism in Public and Private. Reform, Hindutva, Gender and Sampaday. [ed. by Copley A.] (2003) Oxford, Oxford University Press. 303 p.
10. Kakar S. (2007) Indian Identity. London, Penguin Books. 413 p.
11. Kolanad G. (2005) Culture Shock. A Survival Guide to Customs and Etiquette. Singapore, Marshal Cavendish. 310 p.

Секция 6
Переводоведение: эквивалентность в поисках адекватности

От лингвистической теории к когнитивному подходу к переводческой деятельности

Е. П. Савченко
Московский государственный областной университет

Аннотация
В статье рассматриваются основные этапы становления и развития теории перевода в отечественном и зарубежном языкознании; проводится анализ основных подходов к определению места и роли переводоведения как особого раздела науки о языке. Особая роль уделяется лингвокогнитивному подходу к процессу перевода, обосновывается применение термина «переводная лингвокогнитология» — дисциплины, которая является самостоятельным направлением в сравнительно-сопоставительном языкознании и обладает целым рядом характерных особенностей и собственных черт.

Ключевые слова: антропоцентризм, перевод, когнитология, когниция, переводная лингвокогнитология, языковая личность

Развитие современных лингвистических теорий в их непосредственной близости с другими науками гуманитарного и естественнонаучного циклов связано в значительной мере с возвращением языкознания в лоно антропоцентризма и актуализацией *«человеческого фактора»* в языке и речи [Маслова, 2008, с. 6]. Истоки *антропоцентрической парадигмы* в науке о языке восходят к идеям В. фон Гумбольдта. Именно В. фон Гумбольдт впервые отметил, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» [Гумбольдт, 1984, с. 304–314].

В этом ракурсе одной из главных задач становится исследование языка как когнитивного механизма, на основе которого можно эффективно объединять как собственно лингвистические, так и экстралингвистические (фоновые) знания о мире и различные коммуникативные факторы.

Междисциплинарный характер современной науки о языке позволяет комплексно, полноценно и многопланово изучить и описать многие языковые явления, которые ранее представляли для лингвистов определённую трудность. Речь идёт об освещении всегда актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления и смежных с ними — языка и общества, языка и культуры, а самое главное, языка как основного механизма передачи информации, т.е. как инструмента общения конкретных языковых личностей.

Обращаясь к работам Е. С. Кубряковой, видим, что автор, описывая характерные черты современной лингвистики, указывает в частности на её экспансионизм, проявляющийся «и в возникновении новых «сдвоенных наук», и в упрочнении традиционных связей лингвистики со многими смежными науками, и в формировании новых областей знания внутри самой лингвистики» [Кубрякова, 2006, с. 53].

Среди всех направлений современного языкознания для «дисциплинарного диалога» более всего открыта лингвокогнитология, в результате чего и произошёл так называемый лингвокогнитивный «взрыв» в мировом и отечественном языкознании последних лет: «… стартуя с лингвистической площадки, мы заходим на территорию смежных дисциплин. Когнитивисты обречены на междисциплинарность, это предопределено самой их историей» [Демьянков, 1994, с. 23]. Вместе с тем объяснительная сила когнитологии, обусловленная самой природой этой науки, которая изучает процессы получения, усвоения, накопления и использования информации, наделяет её значительным практическим потенциалом. Можно предположить, что одним из перспективных прикладных направлений когнитологии является применение её концептуального аппарата в области *теории* и *практики перевода* [Хайруллин, 2010; Жирова, 2011].

Вслед за И. Г. Жировой, считаем, что переводная лингвокогнитология предполагает новые установки и цели перевода текстов, новые ключевые понятия и методики, новые подходы при работе с текстами исходного языка и переводящего языка» [Жирова, 2011, с. 48].

Перевод как особый вид человеческой деятельности подвержен влиянию «*человеческого фактора*» и не может рассматриваться в отрыве от деятельности «*человека говорящего*» или *языковой личности* (термин В. В. Виноградова, 1980).

Так, антропоцентрическая доминанта общелингвистических направлений совпадает с переводческими приоритетами на современном этапе развития науки о языке.

Ведущие отечественные учёные, работающие в области теории и практики перевода, признают особое значение, которое имеет для перевода культура, и подчеркивают роль перевода как важнейшего средства межкультурной коммуникации, призванной обеспечить взаимопонимание в области культур [Оболенская, 2010], эффективность так называемого культурного диалога. «В узком смысле *перевод* есть частная форма коммуникации, в широком смысле — то, что делает и диалог, и коммуникацию возможным» [Автономова, 2005, с. 652].

Перевод имеет «разновекторный» характер, будучи направлен, с одной стороны, к исходной культуре и её языку, а с другой стороны, к культуре, на язык которой выполняется перевод. Такой подход учитывает своеобразный характер взаимодействия языка и культуры, позволяет найти выход к сложной окружающей действительности,

т.к. каждый язык отражает основную информацию общечеловеческой *когнитивно-семантической сферы* через призму *собственного видения мира*, которое сформировано тысячелетними традициями и значительная часть которого обнаруживается в национальных языковых картинах мира.

Можно утверждать, что *перевод* и как деятельность, и как результат непосредственно связан с вопросами получения, восприятия, обработки, хранения и передачи информации, а также с процессами мышления, памяти и другими *когнитивными способностями* человека.

В. Н. Комиссаров утверждает, что процесс перевода на всех этапах носит эвристический, подчас интуитивный характер, связанный с последовательным выбором из целого ряда возможностей разного типа [Комиссаров, 1996, с. 7–22]. Вместе с тем автор отмечает, что в основе эвристических операций, направленных на выбор варианта перевода, лежат сложные когнитивные процессы, связанные с оперированием знаниями различного типа. Таким образом, *интуитивность перевода* — это лишь одна сторона проявления профессиональной компетенции переводчика [Там же. с. 99]. В то же время, исходя из понимания *когниции* как совокупности процессов, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа [КСКТ, 1996, с. 57] (Краткий словарь когнитивных терминов — КСКТ — прим. наше. — *Е. С.*), полагаем, что интуитивность перевода не столько интуитивна, сколько ментальна, и процесс выбора соответствующих единиц в процессе перевода является результатом когнитивной деятельности переводчика, что не позволяет говорить о переводе как о сугубо «эвристическом» процессе.

Когнитология рассматривает язык как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в сознании человека и определяющим его бытие и функционирование в обществе. Однако, поскольку язык является одной из составляющих *когнитивной инфраструктуры* человека, то для его адекватного описания необходимо привлечение сведений из иных областей (психолингвистика, лингвокультурология, нейролингвистика и т.д.), что подтверждает междисциплинарный характер современной науки о языке как единой целостности и переводоведения — как её особого раздела.

Говоря о переводе как определённой речевой деятельности, можно утверждать, что многие исследователи проявляют интерес к изучению того, что может стать преградой в осуществлении двуязычного коммуникативного акта, т.е. в процессе общения представителей разных национально-культурных сообществ, в их контакте с иной культурой (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон и др.). Своеобразие диалогических отношений в процессе перевода в пространстве культуры М. М. Бахтин видит в невозможности их сведения «ни к логическим,

ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям» [Бахтин, 1996, с. 225].

Принимая во внимание, что переводчик работает с устным или письменным текстом, т.е. занимается вопросами кодирования, декодирования и в определённой степени трансформацией полученной информации, сам *перевод* может рассматриваться как сложная *лингвокогнитивная деятельность*, в процессе которой переводчик сталкивается как с собственно лингвистическими трудностями, так и трудностями экстралингвистического характера, которые можно отнести к историко-культурологическим факторам и индивидуально-психологическим особенностям самого переводчика.

Именно поэтому большой интерес представляет *когнитивное описание процесса перевода*, в результате которого возможно установить взаимосвязь между рецептивной и репродуктивной частью исследуемого процесса (т.е. способностью понимать исходный текст и способностью создавать текст на языке перевода), с учётом всех элементов двух соприкасающихся в процессе перевода культур, а также индивидуально-психологических качеств переводчика как творящей языковой личности.

Так, почти не изученной ранее дисциплиной в сравнительно-сопоставительном языкознании, образовавшейся в результате взаимодействия когнитологии и современной теории перевода, стала *переводная лингвокогнитология*, интегрирующая в себе принципы и положения когнитивной науки, законы психолингвистики и основы лингвокультурологии, которая находит своё непосредственное применение в области теории и практики перевода. В центре внимания *переводной лингвокогнитологии* находятся взаимодействующие языки как системы знаков и как национально-культурные образования, что говорит о широком спектре интересов данной научной дисциплины.

Следовательно, учёт *когнитивных процессов* и *принципов* не только в переводоведении как теоретической науке, но и в качестве прикладной дисциплины позволяет выйти на новый качественный уровень перевода, по-новому рассматривать понятия переводческой адекватности и эквивалентности, явление переводной множественности, а также решать проблемы «непереводимого в переводе».

Список литературы:

1. Автономова Н.С. Философия и филология // Наука глазами гуманитариев. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 652–688.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. *М.: Русские словари, 1996. С. 159–226.*
3. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
4. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1994. Вып. 4. С. 17–33.

5. Жирова И. Г. Введение в переводную лингвокогнитологию // Проблемы теории языка и переводоведения: сб. науч. тр. М.: Изд-во МГОУ, 2011. №37. С. 45–51.
6. Жирова И. Г. Лингвистическая категория «эмфатичность» в антропоцентризме: Языковая категория Маргарет Тетчер в эмоционально-оценочном дискурсе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.
7. Жирова И. Г. Эмоциональный интеллект языковой личности // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2011. №2. С. 47–53.
8. Комиссаров В. Н. Интуитивность перевода и объективность переводоведения // Язык, поэтика, перевод. М.: Изд-во МГЛУ, 1996. С. 91–99.
9. Кубрякова Е. С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. №3. С. 5–14.
10. КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Кубряковой Е. С., Демьянкова В. З., Панкрац О. Г., Лузиной Л. Г. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
11. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Флинта: Наука, 2008. 296 с.
12. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
13. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 264 с.
14. Хайруллин В. И. Перевод и когнитология. Уфа: Всерос. центр переводов, 1997. 80 с.

Сведения об авторе: Елена Павловна Савченко, старший преподаватель кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Московский государственный областной университет, e-mail: lena161187@gmail.com

FROM LINGUISTIC THEORY TO COGNITIVE APPROACH IN TRANSLATION

Elena P. Savchenko
Senior Lecturer, Moscow State Regional University,
e-mail: lena161187@gmail.com

Abstract

The article grounds the application of cognitive approach to translation, expands the terminology of contemporary translation studies. A definition of "translation lingua-cognitology", a new discipline developing within the modern theory of translation that tends to become a separate branch of cognitive linguistics and occupies a certain position in the sphere of basic contemporary approaches to linguistic studies, is suggested and its relation to cognitology and the theory of translation is clarified.

Key words: anthropocentrism, translation, cognitive linguistics, cognition, lingua-cognitology, linguistic personality

References:

1. Avtonomova N. S. (2005) Philosophy and Philology // Nauka glazami gumanitariev. M.: Progress-Tradicija. P. 652–688.
2. Bahtin M. M. (1996) The problem of Verbal Sign. M.: Russkie slovari. P. 159–226.
3. Humboldt von W. (1984) Basic Works on Philology. M.: Progress. 398 p.
4. Dem'jankov V. Z. (1994) Cognitive Linguistics and Interpretational Appraoch // Voprosy jazykoznanija. M.: Nauka. № 4. P. 17–33.
5. Zhirova I. G. (2011) Introduction to Cognitive Linguistics // Problemy teorii jazyka i perevodovedenija: sb. nauch. tr. M.: Izd-vo MGOU. №37. P. 45–51.
6. Zhirova I. G. (2012) Linguistic category "emphatic" in anthropocentrism. Margaret Thatcher's linguistic personality in emotional and evaluative discourse. M.: URSS, 256 p.
7. Zhirova I. G. (2011) Emotional Intellect of Linguistic Personality // Vestnik Mosk. gos. oblastnogo un-ta. Ser.: Lingvistika. M.: Izd-vo MGOU. №2. P. 47–53.
8. Komissarov V. N. (1996) Intuitivness of Translation and Objectivity of Translation Studies // Jazyk, pojetika, perevod. M.: Izd-vo MGLU. P. 91–99.
9. Kubrjakova E. S. (2006) The Genesis of Language or Thoughts of Abstract Nouns // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. M.: TGU im. G. R. Derzhavina. №3. P. 5–14.
10. Short Dictionary of Cognitive Terms (1996) / Kubrjakovoj E. S., Dem'jankova V. Z., Pankrac O. G., Luzinoj L. G. M.: Izd-vo MGU im. M. V. Lomonosova. 245 p.
11. Maslova V. A. (2008) Introduction to Cognitive Linguistics. Izd. 4-e, stereotipnoe. M.: Flinta: Nauka. 296 p.
12. Min'jar-Beloruchev R. K. General Theory of Translation and Interpretation. M.: Voenizdat, 1980. 237 p.
13. Obolenskaja Y. L. (2010) Literary Translation and International Communication. M: Knizhnyj dom «LIBROKOM». 264 p.
14. Hajrullin V. I. (1997) Translation and Cognitology. Ufa: Vseros. centr perevodov. 80 p.

Эквивалентность vs адекватность: нет предела совершенству

Л. Б. Бойко
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта

Аннотация

Как центральная и изначальная, а в настоящее время еще и наиболее спорная проблема теории перевода, эквивалентность рассматривается в сопоставлении с понятием адекватности. Теоретические

аспекты эквивалентности и адекватности проецируются в практическую плоскость с применением методики «аналитического обратного перевода», пригодной как для исследовательский целей, так и для обучения переводу. Приводятся результаты эксперимента по восстановлению текста оригинала из переводного варианта с целью по-новому взглянуть на проблему качества перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, адекватность, перевод

История взаимоотношений понятий эквивалентности и адекватности в отечественной науке строится на именах столпов теории перевода: Я. И. Рецкера, А. В. Федорова, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Л. С. Бархударова и других. Хорошо известны подходы каждого из авторов к соотношению этих понятий. Так, В. Н. Комиссаров рассматривает эквивалентность и адекватность как неидентичные, но тесно связанные понятия, при этом в трактовке эквивалентности речь идет об установлении равенства между единицами языка и речи, а не текстами. А. Д. Швейцер настаивает на примате эквивалентности текста над семантическим равенством сегментов, при этом полную эквивалентность, охватывающую как семантический, так и прагматический уровни, автор называет «идеализированным конструктом», с чем нельзя не согласиться [Швейцер, 2009, с. 95]. Адекватность Швейцер относит к оптимальным и относительным, а не максимальным требованиям, что предполагает субъективность оценки, выраженной этим термином.

Оба термина — эквивалентность и адекватность — неоднократно и бурно обсуждались в переводоведении, и поскольку словарные дефиниции этих заимствованных слов говорят сами за себя, приходится признать, что, с одной стороны, об эквивалентности как полном равенстве (значений) говорить можно весьма условно и в ограниченном диапазоне единиц; с другой, адекватность как «the quality of being good enough or great enough in amount to be acceptable» [Collins Cobuild] уже в дефиниции содержит черты неопределенности и субъективности. Любопытно, что эти два термина наиболее широко распространены в отечественной школе переводоведения. В зарубежных школах говорят об эквивалентности, а адекватность даже не удостаивается отдельной статьи в Routledge Encyclopedia of Translation Studies.

Как бы то ни было, проблемы достижения адекватности и эквивалентности неизбежно сводятся к вопросу о норме перевода, а в конечном итоге — к оценке качества перевода. Обычно выделяют несколько подходов к оценке качества: субъективный, включающий нео-герменевтический (характеризуемый как ненаучный), ориентированный на реакцию потребителя (в найдовском понимании дина-

мической Э) и текстовый (К. Райс). Дж. Хаус настаивает на различении языковых и социальных обоснований в оценке качества перевода [House, 2001].

Какие бы принципы ни лежали в основе оценки качества перевода, приходится признать, что никто пока не предложил (и думаю, не предложит) жестко структурированных параметров, или, образно говоря, «линейки», которой можно измерить качество перевода, по причине комплексности и разноплановости критериев такой оценки. Убедительное обоснование такой позиции содержится в: [Цатурова, Каширина, 2008].

Тем не менее, перевод как продукт всегда подлежит оценке со стороны. Где нужна оценка качества перевода? При найме переводчика на работу (где оценку далеко не всегда дает коллега-профессионал); при редактировании перевода; в учебных целях; в критике перевода. Однако первый, кто заинтересован в этом — сам переводчик: само наличие множества переводных версий (художественных) текстов свидетельствует о неудовлеренности уже существующими переводами.

Можно ли проверить качество перевода, восстановив картину, созданную переводчиком в языке перевода (ПЯ)? Если текст оригинала (ОЯ) принять за образец, а ПЯ признать адекватным и эквивалентным, то можно допустить, что обратный перевод способен с определенной степенью близости воссоздать текст исходный. С целью обнаружения степени этой близости был поставлен эксперимент по восстановлению текста ОЯ методом обратного перевода; контрастивный метод применялся для анализа выполненных переводов. В эксперименте принимали участие 4 профессиональных переводчика и 10 студентов 5-го курса переводческого отделения. Все переводы выполнялись только носителями языка; для эксперимента были отобраны только переводы, не содержащие ошибок.

Метод обратного перевода обычно применяется для анализа результатов перевода в учебных и исследовательских целях. В практике многих западных институтов он распространен как средство проверки качества перевода. В этой ипостаси метод обратного перевода широко дебатируется в интернете и находит как многочисленных сторонников, так и ярых противников [Paegelow, 2008; Ozolins, 2009].

В ограниченных рамках настоящей статьи будут представлены некоторые наблюдения на примере только одного, самого простого текста, и с целью экономии места будут приведены кратко проиллюстрированные результаты анализа. Выбранный отрывок из биографии можно считать простейшим для перевода с точки зрения лексики, необремененной эмотивно-оценочным компонентом, несложного синтаксиса и ненагруженности специфической культурной информацией.

Контрастивный анализ текстов ОЯ и ПЯ показал, что тест ПЯ претерпел минимальное вмешательство со стороны переводчика. Так, в ПЯ появились неизбежно необходимые грамматические элементы, такие как притяжательные местоимения с функциями артикля: *Отец … Волков ::**His** father; получив образование в столицах :: on obtaining **their** degrees*. Аналогично обусловлены грамматическими требованиями ПЯ глагольные связки: *Мать […] по семейному **преданию**, цыганка :: was a gypsy; Отец, генерал медицинской службы :: He **was** the General.* Появление в ПЯ характерных для английского языка лексических средств снижения категоричности высказывания объясняется естественным стремлением переводчика к соблюдению важнейшего для перевода принципа естественности звучания: *сажали сады в бесплодных предгорьях :: in **apparently** barren foothill soils; воспринимали свою деятельность не как рутинную службу, а как миссию :: a mission of sorts***.** Сюда же можно отнести необязательные, но выполняющие ту же функцию, добавления: *подобрана … русским отрядом :: **military** detachment; Ими были созданы школы :: **several** schools*. Из ПЯ опущены: избыточная часть русского клише: *два диплома **о высшем образовании**: отношение **к жизни и работе;***

повтор-парафраз: *как миссию, **своего рода надличностное служение;***

лексема ***дух.***

Таким образом, можно считать семантические потери ничтожным, а привнесение характерной идиоматичности высказывания «сглаживанием швов» перевода.

Самым ярким проявлением того, что переводчик стремится к максимальной точности, стало появление в текстах обратного перевода (ОПЯ) местоимений (***его** отец* и пр.) и глаголов-связок (***был** генералом, **была** цыганкой*). Последнее наблюдение обнаружило малозаметную стилистическую особенность текста ОЯ — некоторую формальность, сухость стиля, которая компенсировалась во всех вариантах обратного перевода за счет калькирования лексико-грамматических черт в ПЯ: тексты ОПЯ зазвучали более «человечно», менее канцелярски. Также «вышли на поверхность» в ОПЯ все добавления, сделанные в ПЯ (*among, in this region, several*). Только два профессиональных переводчика избежали слова *информация* в ОПЯ (***сведения** о них утеряны* (ОЯ) :: *further **information** on which, …, has been lost,* а также ближайшего словарного соответствия ***степень*** (***диплом** о высшем образовании* (ОЯ) *:: his **degree** in* (ПЯ). В половину текстов ОПЯ из ПЯ пришло значение ***явно***, которое в русском языке не выполняет той функции, что и в английском *in **apparently** barren foothill soils***.**

Расхождения в лексических вариантах между текстами ОЯ и ОПЯ насколько ничтожны, что их взаимозаменяемость самоочевидна (*утеряна / не сохранились; урожденная / в девичестве; отбилась / отстала* и пр.)

Как и следовало ожидать, не вернулись в ОПЯ элементы, опущенные в ПЯ. Напротив, 6 испытуемых сочли необходимым продолжить фразу в русском там, где в тексте ПЯ она не фигурировала: (ОЯ) *Поколение …унаследовало от родителей это отношение* ***к жизни и работе*** :: (ПЯ) inherited this attitude from their parents :: (ОПЯ) это отношение **к жизни / и работе**. Это продиктовано желанием «закруглить» фразу, как это свойственно руской речи.

На основании анализа переводов этого короткого отрывка можно сказать, что интуитивное калькирование лексико-грамматических элементов текста свидетельствует о включении механизма точности в сознании переводчика. В стремлении к адекватности переводчик руководствуется принципом естественности звучания как критерием нормы узуса.

В попытке формализовать результаты анализа исследуемые отрезки текста (единичные лексемы и короткие фразы) были приняты за условные единицы анализа (УЕА) — ими отмечены расхождения в переводах, и таковые составили приблизительно 10–11% текста. Соответственно, можно считать, что восстановимость текста ОЯ составляет около 90%. Параллельно были проведены аналогичные эксперименты на текстах «жестких» структур (инструкции) и на художественном тексте. Это исследование только начато, но предварительные результаты показали, что восстановимость текста ОЯ существенно выше в инструкциях (около 3% УЕА) и не менее чем в 3 раза ниже в художественном тексте. Можно предположить, что стремление к достижению эквивалентности в значительной мере определяется понятием точности, и в переводе текстов, не нагруженных прагматической информацией, можно говорить о сближении понятий эквивалентности и адекватности. Стремление к наибольшей адекватности в переводе «нежестких» текстов ведет к проявлению творческого начала переводчика, и нередко к отходу от эквивалентных форм, что выявляется при восстановлении текста методом обратного перевода.

Список литературы:

1. Цатурова И. А., Каширина Н. А. Переводческий анализ текста. СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008, 296 с.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009, 216 с.
3. House, J. Translation Quality Assessment:
4. Linguistic Description versus Social Evaluation. Meta: Translators' Journal, vol. 46, n°, 2001. P. 243–257. http://www.erudit.org/revue/meta/2001/v46/n2/003141ar.html?vue=resume
5. Ozolins, U. Back translation as a means of giving translators a voice. *Interpreting & Translation* Vol. 1, No2 (2009) http://transint.org/index.php/transint/article/viewFile/38/55

6. Paegelow, R. S. Back Translation Revisited: Differences that Matter (and Those that Do not). http://www.interel.net/translate/Downloads/Back%20Translation%20ATA%20Article.pdf

Сведения об авторе:
Людмила Борисовна Бойко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, e-mail: Boyko14@gmail.com

EQUIVALENCE VS. ADEQUACY: SKY IS THE LIMIT

Dr. Lyudmila B. Boyko
Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, e-mail: Boyko14@gmail.com

Abstract
The idea of equivalence, as both a core issue and a bone of contention in contemporary Translation Theory, is weighed against adequacy. These theoretical concepts find their way to practical verification through *analytical back-translation* — a method workable both in translation research and in teaching translation and interpreting. The results of experimental reconstruction of the original text from its translation versions allow a fresh glimpse into the issues of translation quality assessment.

Key words: equivalence, adequacy, translation

References:

1. Tsaturova I. A., Kashirina N. A. (2008) *Translation-oriented Text Analysis*. St. Petersburg: Perspectiva.
2. Shveitser A. D. (2009) Translation Theory : Status, Problems, Aspects. 2nd ed. Moscow: Librocom
3. House, J. (2001) Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation. *Meta: Translators' Journal*, vol. 46, n°2. P. 243–257. http://www.erudit.org/revue/meta/2001/v46/n2/003141ar.html?vue=resume
4. Ozolins, U. Back translation as a means of giving translators a voice. *Interpreting & Translation* Vol. 1, No2 (2009) http://transint.org/index.php/transint/article/viewFile/38/55
5. Paegelow, R. S. Back Translation Revisited: Differences that Matter (and Those that Do not). http://www.interel.net/translate/Downloads/Back%20Translation%20ATA%20Article.pdf

Эквивалентность и адекватность в переводе, приёмы, или методы, и трансформации, используемые при переводе

В. В. Алимов
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХиГС)

Аннотация
В статье рассматриваются вопросы, связанные с эквивалентностью и адекватностью в переводе, что такое буквальный перевод, калькирование, транслитерация и транскрипция. В статье говорится о трансформациях, используемых в переводе; об интерпретативном и адаптивном переводе; о переводе поэзии прозой и прозы поэзией. В статье говорится о важности адекватности и эквивалентности.

Ключевые слова: эквивалентность, адекватность, буквальный перевод, калькирования, транслитерация, трансформации, интерпретативный перевод, адаптивный перевод, виды перевода

Для достижения адекватности при переводе текста с одного языка (ИЯ) на другой (ПЯ) переводчик должен использовать эквивалентные соответствия в языке, на который делается перевод.

Среди имеющихся языковых средств нужно найти эквиваленты, которые будут адекватными оригиналу, но в теории и практике перевода существует разное понимание эквивалента и эквивалентности. Эквивалентом является равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста. В специальном переводе многие эквиваленты выступают в роли терминов. Качество перевода определяется его полноценностью, или адекватностью.

Основоположник лингвистической теории перевода А. В. Фёдоров дал следующее определение полноценности: «Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Фёдоров, 1953, с. 114].

Перевод может быть эквивалентным, но неадекватным, если эквиваленты подобраны без учёта адекватности, перевод может быть адекватным, но неэквивалентным, если по каким-то причинам эквивалентность не соблюдается, но перевод может быть и адекватным, и эквивалентным, когда всё соблюдается при переводе.

Эквивалентность и адекватность перевода можно проанализировать на переводах пословиц и поговорок: ***A little pot is soon hot*** — 1) маленький горшок быстро нагревается (эквивалентный перевод); 2) люди маленького роста вспыльчивы (адекватный перевод, но неэквивалентный). ***Honesty is the best policy*** — Честность — лучшая политика (адекватный и эквивалентный перевод).

Эквивалентный перевод может быть буквальным, а буквальный перевод — плохой перевод.

Лингвистическое обоснование буквальному переводу было дано Л. С. Бархударовым: «Буквальным переводом называется перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка, на который делается перевод» [Бархударов, 1969, с. 10].

Буквальный перевод выполняется переводчиком «побуквенно» на уровне морфем и «пословно» на уровне лексики, т. е. буквально под влиянием родного или иностранного языка.

Буквальный перевод может быть результатом неправильного калькирования. Калькирование является одним из приёмов, или методов, используемых переводчиком. Калька — слово или выражение, строение которого соответствует строению слова или выражения другого языка, послужившего образцом. Калька возникает в результате поморфемного перевода иноязычного слова или пословного перевода словосочетания или выражения. Калька может быть семантическая, грамматическая и фразеологическая: partnership — партнёрство; irresponsible — безответственный; lion's share — львиная доля и т.д.

Наряду с калькированием в переводе используются транслитерация и транскрипция.

Транслитерация — передача букв одной письменности посредством букв другой письменности: ***Berlin — Берлин; Internet — Интернет***.

Транскрипция — точная передача звуков какого-либо языка определёнными буквами или условными знаками, в отличие от существующей на этом языке системы письма: ***fiction [ˊfikʃən]; hall [hɔ:l]***. Иногда вместо транскрипции используется транслитерация, особенно при передаче имён и названий: ***Walter — Вальтер*** вместо ***Уолтер***. Однако ни транслитерацию, ни транскрипцию нельзя считать буквальным переводом. Можно сказать, что это беспереводное употребление слова, которое может быть усвоено языком перевода и стать заимствованием на уровне транслитерации и транскрипции: ***интернет, офис***.

Наряду с калькированием, транслитерацией и транскрипцией переводчик использует лексические, грамматические, стилистические и другие трансформации (замены), которые обусловлены языковыми различиями.

Среди лексических трансформаций наиболее распространёнными являются: дифференциация (сужение значения), конкретизация,

генерализация, антонимический перевод и различные компенсации, или описательный перевод.

Грамматические трансформации могут быть морфологическими (на уровне частей речи) и синтаксическими (на уровне предложений и членов предложения), стилистические трансформации осуществляются на уровне стиля с учётом различных стилистических приёмов, использованных в тексте оригинала (ИЯ) и равнозначных стилистических приёмов в тексте перевода (ПЯ).

Трансформации могут быть вызваны словообразованием, анаколу́фом и другими лингвистическими особенностями языков. При переводе необходимо найти равнозначные соответствия для достижения адекватности в переводе.

Не следует забывать, что перевод должен соответствовать оригиналу, но многие, особенно молодые исследователи, пытаются дать своё определение переводу и видам перевода, что приводит к появлению самых невероятных определений перевода: интерпретативный перевод, перевод поэзии прозой, а прозы поэзией. Эти названия противоречат самой сути перевода: передать средствами другого языка, что сказано и как это сказано в оригинале.

Вероятно, целесообразно называть интерпретативный перевод — интерпретацией; адаптивный перевод — адаптацией; перевод поэзии в прозу, а прозы в поэзию — переложением; краткий перевод — кратким изложением текста на другом языке (может быть, адаптацией); литературный перевод — художественным переводом, поскольку он связан с переводом художественных произведений. Всё это объясняется тем, что многие переводчики-практики являются преподавателями иностранного языка и имеют недостаточную теоретическую подготовку по переводу, что налагает свой отпечаток на теорию и практику перевода и на используемую терминологию в переводоведении. На страницах переводческих изданий и на конференциях до сих пор ведутся дискуссии об эквивалентности и адекватности перевода. Большая часть переводоведов считает, что перевод должен быть полноценным, или адекватным, и, желательно, эквивалентным.

Список литературы:

1. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод. / Тетради переводчика. №6. М.: Международные отношения, 1969. С. 10.
2. Фёдоров А. В. Введение в теорию перевода. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1953. 336 с.

Сведения об авторе: Вячеслав Вячеславович Алимов, доктор филологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, e-mail: artjul67@mail.ru

THE EQUIVALENCE AND ADEQUACY IN TRANSLATION, METHODS AND TRANSFORMATION USED IN TRANSLATION

Dr. Vyacheslav V. Alimov
Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), artjul67@mail.ru

Abstract

The article covers the questions connected with the equivalence and adequacy in translation, what is literal translation, contains some methods and transformations used in translation, describes interpretative, adapted translation and translation of poetry into prose and prose into poetry. The article underlines the importance of adequacy and equivalence in translation.

Key words*:* equivalence, adequacy, literal translation, borrowing as a translation loan word, transliteration, transcription, transformations, interpretative translation, adapted translation, poetry, prose, types of translation

References:

1. Fedorov A. V. (1953) Introduction to Theory of Translation. M. P. 114.
2. Barkhudarov L. S. (1969) Levels of Language Hierarchy and Translation "Tetrady Perevodchika", No.6. M. P. 10.

К проблеме перевода политических реалий с английского языка на русский язык

(лексикографический аспект)

С. А. Маник
Ивановский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена проблеме перевода политических реалий с английского языка на русский язык, а также способам лексикографирования экстралингвистической информации о них в переводных справочных изданиях. На основе накопленного материала в рамках учебного курса Political English предпринимается попытка дать определение понятию «политическая реалия» и классифицировать политические реалии, а также описываются варианты переводческих трансформаций, которые позволяют отразить межкультурную составляющую, в том числе идеологию. В работе учитывается опыт отечественного и зарубежного переводоведения, поэтому рассмотрение проблемы перевода политической реалии осуществляется, с одной

стороны, в рамках лингвистической теории перевода в связи с понятием эквивалентности и теорией лексических вариантов, с другой стороны, в рамках концепции интерпретативной теории перевода. Результаты показали, что особое значение при выборе способа передачи реалии приобретают категории семантической и прагматической эквивалентности текстов, что дает возможность верно передать фактическую сторону оригинала, т.е. правильно перенести план его содержания в язык перевода, а также передать его прагматический компонент. В переводном словаре при регистрировании политической реалии целесообразно включать в микроструктуру культурно-прагматический компонент в виде дополнительного комментария или даже информационного раздела, а также несколько иллюстративных примеров употребления.

Ключевые слова: политическая реалия, эквивалентность, интерпретативная теория перевода, культурно-прагматический компонент словарной статьи

Термин «реалия» является довольно популярной частью понятийного аппарата переводоведения с середины XX века, когда вышла работа С. И. Влахова и С. П. Флорина «Непереводимое в переводе», переиздаваемая до настоящего времени [Влахов, Флорин, 2006]. В ней авторы рассматривают реалию как факт «непереводимого в переводе», который «можно и должно перевести, то есть переложить, перевыразить, воспроизвести для нового читателя на его языке», ученые обращают внимание на «парадокс реалии»: реалия, как правило, непереводима (в словарном порядке) и в основном передается (в контексте) обычно не путем перевода [Влахов, Флорин, 2006, с. 94]. На наш взгляд, данное положение обусловлено основными признаками реалий: безэквивалентность и национально-культурная маркированность.

В. И. Кудинова предлагает следующее определение «реалии» на основе анализа многочисленных трактовок термина различными исследователями: реалии представляют собой предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, а также слова и словосочетания их обозначающие, выражающие национальный и/или временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе или трактовке [Кудинова, 2012, с. 247].

В настоящее время в научной лингвистической литературе представлены различные классификации реалий по временным, семантическим, грамматическим, местным, фонетическим и прочим признакам. Важно подчеркнуть, что многие ученые в рамках своих

классификаций в некоторой степени выделяют интересующие нас политические реалии. Например, В. С. Виноградов выделяет лексику, называющую реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические) [Виноградов, 1978]. С. И. Влахов и С. П. Флорин отмечают общественно-политические реалии, к которым относят наименования административно-территориального устройства, органов и носителей власти, а также общественно-политической жизни и военные реалии [Влахов, Флорин, 2006]. Г. Д. Томахин, описывая американские реалии, причисляет к группе общественно-политических реалий государственные символы и символы штатов, реалии, связанные с конституцией, законодательной властью, президентом и аппаратом Белого дома, исполнительными ведомствами, государственными служащими, судебной системой, правительством штатов и местным самоуправлением, выборами, политическими партиями и общественными организациями [Томахин, 1988]. Немецкий переводовед В. Коллер характеризует проблемы, проистекающие из-за отсутствия эквивалента в языке перевода, как «лакуны, пробелы» (*gap*) и выделяет политические, институциональные, социально-культурные и географические понятия или названия, свойственные какой-либо стране [Koller, 2004]. Б. Недергаард-Ларсен рассматривает четыре группы реалий: географические, исторические, общественные и культурные термины [Nedergaard-Larsen, 1993, с. 211]. Политические реалии относятся к группе «общественные» и включают государственное управление, министерства, избирательную систему, политические партии и политики.

Таким образом, ученые определяют политические реалии в отдельную группу, отражающую особенности общественно-политического и государственно-административного устройства. Изучив понятие реалии и проанализировав пласт общественно-политической лексики [Маник, 2013], мы видим, что политические реалии в научных работах занимают далеко не центральное место и упоминаются только как часть общественно-политической лексики/терминологии. В настоящем исследовании под *политической реалией* понимается единица словаря, которая обозначает объекты, явления, ситуации, характерные для политической жизни определенной страны, выражающие национальный, социально-идеологический и временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке. Политические реалии являются неотъемлемой частью политики и государственных отношений в определенной стране.

Обобщив опыт предыдущих исследований, на основе уже предложенного деления общественно-политической лексики [Маник, 2010], представляется возможным составить авторскую классификацию политических реалий английского языка, основанную на тематическом принципе:

1. Политика:

— общественно-политический строй и идеология: *New Federalism; the rule of law*; *liberal–progressive; war on terror/ long war; American dream; transparency; in God we trust; pro-life; pro-choice; «rags to riches» stories; unity and diversity; multiculturalism etc.;*
— государственные символы: *the Star and Stripes (the U. S. flag); the bald eagle; the U. S. Capitol; the White House; elephant; Liberty Bell; Statue of Liberty; etc.;*
— президент и исполнительная ветвь власти: *watchdog committee; maladministration; Teflon-coated presidency; State of the Union; Sit Room; etc.;*
— выборы, политические партии и общественные движения: *gerrymandering; majority rule; silent vote; split tickets; spoiler; safrap; Illinois CPA Society; NY Gay Liberation Front; Labour Party; AFL-CIO American Federation of Labour and Congress of Industrial Organisation; alternative vote; Occupy Wall Street; Tea Party; blue dog; GOP;party faithful; grassroot; primary elections; etc.;*
— ассоциации, профсоюзы и неправительственные организации: *European Union; UNESCO; Political Advocacy Groups; NATO; British Technology Group; garden party; etc.;*
— имена политиков, государственных и общественных деятелей, а также связанные с их именами реформы и направления: *Barack Obama; Hillarycare; Bush Doctrine; etc.;*
— международная политика и дипломатия: *non-violence; axis of evil; balance of power; Balkanization; Kremlinogolist; etc.;*
— политические слоганы, пословицы, поговорки: *God save the Queen; square deal; root, hog, or die; Santa Clause nobody shoots at; rich man's war, poor man's fight; etc.*

2. Правовая сфера:

— реалии законодательной власти, права граждан: *Privy Counsil; Party (Chief) Whip; Blue Dog Democrats;individualism; bipartisan; etc.;*
— судебная система: *Hampton Court; appellate court; Court of Military Appeal; Court of Claims; Associate Justice; etc.;*
— государственные служащие и должности: *war room; task force; State Departmentese/ Pentagonese; etc.;*
— названия документов, законодательных актов, договоров и иных документов: *Declaration of Independence; START; Anti-ballistic Missile Treaty; etc.*

3. Экономика и финансы:

— денежные единицы страны: *Canadian dollar; visa card; UK pound; buck; etc.*
— финансы и бюджет страны: *factoring, credit line, stagflation the Government Accountability Office (GAO), Congressional Budget Office, the*

Office of Management and Budget (OMB), the U. S. Treasury Department, T-bills; blue chips; etc.;

— налоговое законодательство: *tax shelter; tax revolt; tax avoidance; etc.*

Данная классификация составлена на основе работы с англоязычными политическими словарями (Safire's Political Dictionary; Taegan Goddard's Political Dictionary; iAmericanSpirit Political Dictionary; the Concise Oxford Dictionary of Politics; the American Political Dictionary и др.), современными учебными изданиями по политологии и дипломатии, а также новостными выпусками. Она является рабочей и составлена для систематизации и оптимизации процесса перевода.

Согласно отечественной традиции, реалия рассматривается преимущественно в рамках лингвистической теории перевода [Фененко, 2009, с. 121], когда речь идет об эквивалентности и адекватности перевода, о лексических вариантах. Отсутствие соответствия в языке перевода восполняется:

— транскрибированием или транслитерацией,
— созданием нового слова или сложного слова/словосочетания,
— использованием слова/словосочетания, обозначающего относительно близкое, но не тождественное по функции к иноязычной реалии,
— описательным или обобщенно-приблизительным путем.

Важно подчеркнуть, что в процессе перевода политической реалии эти способы довольно часто используются одновременно. Так, транслитерирование (транскрибирование) является, с одной стороны, отличным способом перевода для группы политических реалий, связанных с именами собственными и географическими названиями. Например, *Barack Obama — Барак Обама; Bush Doctrine — Доктрина Буша;* но недостаточным во многих случаях, с другой стороны: *blue state (штат, голосующий за демократов) — red state (штат, голосующий за республиканцев)* (*Jersey Blue State — штат синих мундиров*); *gerrymandering — "джерримандер" (Махинации с избирательными округами, увеличивающие шансы какого-либо кандидата на предстоящих выборах. В 1812 г. губернатор штата Массачусетс Э. Джерри провел границы избирательных округов штата таким образом, чтобы они максимально гарантировали победу его партии на выборах. Название является результатом слияния слов «Gerry» и «salamander», поскольку карикатурист и автор слова «gerrymandering» Э. Тиздейл изобразил на карте извилистые границы штата Джерри и голову и хвост саламандры).*

Таким образом, дополнительный, поясняющий комментарий, описательный перевод является одним из наиболее удобных способов перевода политических реалий, что, безусловно, должно быть отражено в двуязычных словарях, регистрирующих политическую лексику.

На наш взгляд, в микроструктуру переводного словаря важно включать культурно-прагматический компонент политической ре-

алии в виде дополнительного комментария в скобках или в качестве дополнительного информационного параграфа. Например,

Obama's plan — план Обамы (о пакете антикризисных реформ для поддержания экономики и выведению страны из кризиса, предложенных американским президентом Бараком Обамой, 2009).

Вместе с тем, при переводе политических реалий важно учитывать временной и идеологический фактор, которые накладывают отпечаток на семантику слова. Например, *Obamamania (Obama mania, obamania) — обамамания*. В 2008 г. это слово обозначало эйфорию, поддержку и огромную радость в связи с победой первого афро-американского политика в США (**Obamania** came to the Commons yesterday as party leaders fell over themselves to praise the US President-Elect, telling everyone he was one helluva guy and their bestest American buddy. The Herald, UK 06.11.2008). Однако с течением времени, многие люди, особенно молодые американские граждане, почувствовали разочарование в Б. Обаме, его политике и реформах, поэтому в настоящий момент данное слово во многих контекстах потеряло положительную коннотацию и передает скорее отрицательные эмоции.

Идеологический аспект может быть определен при намеренном выборе или избежании какого-либо слова переводчиком, когда прагматическая эквивалентность достигается согласно установке переводчика. Например, сравни перевод «*pro-choice*» на русский язык «*аборт*», «*сторонники аборта*», «*право женщины выбирать сохранить или прервать беременность*». В зависимости от темы текста, его жанра и коммуникативной направленности идеологический аспект может быть более или менее ощутимым/уловимым. Следовательно, процесс перевода и передачи коммуникативного смысла возможен только на уровне текста.

В отличие от лингвистической теории перевода интерпретативная теория рассматривает задачу перевода в достижении эквивалентности текста оригинала тексту перевода путем передачи рациональной и эмоциональной составляющей смысла. Вопрос передачи реалий рассматривается в русле стратегии интерпретации для достижения семантической и прагматической эквивалентности текстов. Например, американская политическая реалия *lame duck — «подбитая утка» (политик/государственный служащий/президент, который, находясь у власти, решил не принимать участие в предстоящих выборах или не имеет права на перевыборы; член законодательного органа, ранее избранный, но проигравший последние выборы и сохраняющий полномочия до момента вступления в должность его законного последователя; политик/законодатель/президент, предпочитающий политику ожидания и бездействия*). Согласно контексту перевод будет отличаться. Например:

> *Lame duck sessions* (*сессии уходящего состава* — перевод автора) of the U. S. Congress happen in even numbered years when Congress has to reconvene following the November midterm elections to take

care of unfinished legislation. Some lawmakers who return for this session lost their bids for reelection and will not be in the next Congress. Hence, they are informally called *"lame duck" members* participating in a *"lame duck" session* (http://usgovinfo.about.com/od/uscongress/a/lameduck.htm — дата обращения — 15.09.2013).

или

Mr Obama's failure to provide a clear picture of what he wants to achieve in Syria is creating a dangerous vacuum, one that America's enemies — countries like Russia and Iran — are only to willing to eager to fill. So far as they are concerned, they long ago concluded that, these days, the White House is occupied by a *lame duck president (президент, не способный четко обосновать и отстоять свою позицию* — перевод автора*)* (http://blogs.telegraph.co.uk/news/concoughlin/100235457/its-official-barack-obama-is-now-a-lame-duck-president/ — дата обращения 30.09.2013).

Таким образом, в словарной статье переводного справочного издания необходимо регистрировать несколько иллюстративных примеров, которые отражают многообразие контекстов и коннотативные отличия в семантике заглавного слова политической реалии.

Несмотря на различие исходных концептуальных установок, отечественная и зарубежная теории близки в плане конкретных решений проблемы перевода политических реалий. Н. А. Фененко справедливо отмечает, что описание системных различий в лингвистической теории перевода базируется на понимании перевода как межъязыковой и межкультурной коммуникации [Фененко, 2009, с. 127–128]. Следовательно, изучение контекстов употребления и регистрирование их в словарях вместе с дополнительным культурно-прагматическим комментарием помогают в принятии переводческого решения проблемы политической реалии.

Список литературы:

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
2. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство МГУ, 1978. 174 с.
3. Кудинова В. И. Реалии как лингвистическое явление // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация. Монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. С. 219–250.
4. Маник С. А. Общее описание терминологии общественно-политической жизни // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №1 (21), 2013 http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2013/1/manik.pdf
5. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
6. Фененко Н. А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №1. с. 121–128.

7. Koller W. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft.* Heidelberg: Quelle & Meyer Verlag, 2004. 343 c.
8. Manik S. A. Socio-Political Vocabulary: Description in Bilingual LSP Dictionary // New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis. Ed. By Olga Karpova and Faina Kartashkova. Cambridge Scholar Publishing. Cambridge, 2010. P. 249–261.
9. Nedergaard-Larsen B. Cultural factors in subtitling // Perspectives: Studies in Translatology, 2, 1993. C. 207–242.

Сведения об авторе: Светлана Андреевна Маник, кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет, e-mail: svetlana_manik@yahoo.com

TRANSLATION OF POLITICAL REALIA FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (LEXICOGRAPHICAL ASPECT)

Dr. Svetlana A. Manik
Associate Professor, Ivanovo State University,
e-mail: svetlana_manik@yahoo.com

Abstract

The article is devoted to translation of political realia from English into Russian and lexicographical description of extralinguistic information about political realia in bilingual reference books. On the grounds of the accumulated data of the Political English course there is an attempt to define «political realia» and to classify them and to describe various translation techniques, which facilitate in rendering intercultural component, including ideology. The paper takes into consideration both Russian and foreign translation studies practice. That is why translation of political realia can be carried out, on the one hand, in the framework of linguistic translation theory in connection with the notion «equivalence» and lexical variants theory and, on the other hand, in the framework of interpretative translation theory. The results proved that while choosing the realia translation strategy the semantic and pragmatic categories play very important role, and it makes it possible to render the real qualities of the original, i.e. to carry over the plane of content to the translating language (TL) correctly and also to convey its pragmatic component. It is useful to register cultural and pragmatical data by means of additional comment or even information abstract and provide several illustrative examples of the usage in the bilingual dictionary entry while describing political realia.

Key words: political realia, equivalence, interpretative translation theory, cultural and pragmatical component of an entry

References:
1. Fenenko N. A. (2009) Two Strategies of Realia Translation. *Vestnik VGU. Serija: Linguistika i mezhkulturnaja kommunikatsija* (1), 121–128.
2. Koller W. (2004) Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg: Quelle & Meyer Verlag.
3. Kudinova V. I. (2012) Realia as Linguistic Phenomenon. *Modern Linguistics and Crosscultural Communication (pp. 219–250).* Krasnojarsk: Nauchno-innovatsjionnij tsentr.
4. Manik S. A. (2013) General Description of Terminology of Socio-Political Life. *Sovremennije issledovanija sotsialnih problem. No.1 (21).* Retrieved 25.09.2013 http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2013/1/manik.pdf
5. Manik S. A. (2010) Socio-Political Vocabulary: Description in Bilingual LSP Dictionary. In: O. Karpova, F. Kartashkova (Rds.) *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis* (pp. 249–261). Cambridge: Cambridge Scholar Publishing.
6. Nedergaard-Larsen B. (1993) Cultural factors in subtitling. *Perspectives: Studies in Translatology* (2), 207–242.
7. Tomakhin G. D. (1988) Realia-Americans. Moscow: Vischaja shkola.
8. Vinogradov V. S. (1978) Lexical Aspects of Fiction Translation. Moscow: Izdatelstvo MGU.
9. Vlahov S. I., Florin S. P. (2006) Non-Translatable in Translation. Moscow: R. Valent.

Произведение художественной литературы — инструмент межкультурной коммуникации: перевод реалий (на примере романа Х. Мантел «Любовный эксперимент»)

М. С. Рогачевская
Минский государственный лингвистический университет (Белоруссия)

Аннотация
В статье рассматриваются некоторые аспекты перевода культурных реалий на примере романа современной британской писательницы Хилари Мантел в контексте межкультурной коммуникации. Обозначены четыре основных пласта британских культурных реалий 50–60-х годов XX в.: религия, классовость, интимная сфера и интертекст классической литературы. На основе примеров религиозного дискурса и сферы интимного делается вывод о необходимости интенсивного использования культуроведческого комментария и поиска

эквивалентов, в том числе, через католический дискурс в русскоязычных текстах с целью устранения таких барьеров в межкультурной коммуникации, как неполнота осмысленности религиозного воспитания, традиционный английский «заговор молчания», латентные вопросы социального неравенства и проблемы мигрантов.

Ключевые слова: реалии, сознание, барьер в межкультурной коммуникации, дискурс, культуроведческий комментарий

В свое время В. Иванов отметил: «Для науки о культуре и ее истории особенно важна возможность создания культуроведческого комментария к тексту, который позволяет нам восстановить его вероятный смысл…» [Иванов, 1983, с. 165], имея в виду произведения, написанные в иную эпоху и в иной стране. Сегодня это уже общепринятый и осуществляемый на практике труизм, применимый, однако, к художественным произведениям как минимум вековой давности.

Парадоксально, но такая, казалось бы, близлежащая эпоха в истории Великобритании, как 1960–1970-е годы, требует подобного комментария. Эти десятилетия затесались среди закрытой информации по ту сторону «железного занавеса», которая, при его падении, как-то осталась неважной, несущественной. Современные же британские писатели, оглядываясь на эту эпоху как сформировавшую сознание целого поколения людей, заново реставрируют ее, воспроизводя в романах ее реалии, дискурс, идеологию и мировосприятие. Дж. Коу, Дж. Барнс, И. Макьюэн, Х. Мантел, Х. Курейши, Д. Лодж, Г. Свифт и др. акцентируют важность не только «сексуальной революции» и других социальных феноменов 1960-х, но, в первую очередь, отражают болезненный, скачкообразный и радикальный процесс формирования нового типа сознания.

Для иноязычного читателя смена культурной парадигмы тем более оказывается затуманенной, несмотря на кажущуюся доступность информации социологического и исторического порядка. Ведь в художественном тексте такая информация шифруется посредством функционирования литературного произведения как вторичной знаковой системы языка. Поэтому межкультурная коммуникация, для которой романы современных писателей стали проводниками более чем в историческое далекое и недавнее прошлое, должна включать в свой арсенал понятия разноуровневых культурных реалий: религиозный и идеологический дискурс, лакуны традиционного английского «заговора молчания», «английскость» в противовес британской идентичности, ушедшие в прошлое институты и их дискурсивную составляющую с целым рядом понятий, аббревиатур, символов, артефактов.

Роман «Любовный эксперимент» (1995) лауреата премии Букер Х. Мантел может послужить убедительным примером такого куль-

турного парадокса. Писательница родилась в Дарбишире в 1952 г. Она училась в Лондонском и Шеффилдском университетах, работала в Африке и некоторое время жила в Саудовской Аравии. Все ее романы очень разные: от готического трагифарса и сказки до социального и исторического романа. «Любовный эксперимент» — это «роман взросления», так называемый *the novel of maturing*, который знакомит читателя с переходным этапом британской культуры в преддверии «сексуальной революции», и его действие помещено в 1950–1960-е гг. Главные героини произведения — девочки, а затем девушки-студентки, семьи которых представляют католическое меньшинство. Глазами главной героини Кармел мы видим не только переход 1950-х в 1960-е, но и тонкие нюансы внутреннего мира девушки. Строгое католическое воспитание, почти военный режим в средней школе, безумное погружение в мир секса, запретных свиданий, наконец официально разрешенной оральной контрацепции, подводная межклассовая рознь среди студенток университета, ханжество и двуличие подруги, приведшее к ужасной смерти одной из девушек во время пожара в общежитии — такова мозаика событий, описанных в романе.

Представленные в произведении реалии можно разделить на несколько слоев: 1) католическое школьное образование и связанный с ним ряд концепций, учений, табу, названий институтов и др.; 2) скрытая классовость общества, доставшаяся в наследство от викторианства, но до конца не искорененная в сознании британцев, что сказывается на понимании читателем различий в описаниях одежды и образа жизни, излюбленных англичанами описаний домов, их архитектуры, внутренней планировки и деталей интерьера; 3) так же доставшееся в наследство табуирование сферы интимного, сексуального, превращенное в пласт перифраз, эвфемизмов, метафор и эллиптических конструкций, но прорвавшееся в дискурс произведения с силой выхода репрессированных влечений в виде сниженной лексики; 4) интертекст классической истории и литературы, щедро вплетенный в канву романа, без которого сейчас немыслимо ни одно высокохудожественное произведение.

Не удивительно, что фонд «Оксфорд — Россия» осуществляет проект по созданию отдельных изданий комментариев к современным романам британских писателей, которые этот образовательный фонд включил в список произведений, максимально знакомящих русскоязычных читателей с культурой страны, которая оказала огромное влияние на развитие всего мирового исторического процесса. Подобный комментарий составлен и к роману Х. Мантел «Любовный эксперимент».

Насыщенность реалиями, требующими особого осознания и обдуманного поиска русскоязычного эквивалента, особенно ощутима в таком понятийном барьере, как изображенный писательницей дик-

тат религиозного воспитания. Как пишет знаток современной английской литературы, профессор Оксфордского университета Карен Хьюитт, «Мантел осознает, что большинство английских читателей совсем немного знают о католицизме. Они не обязательно могут быть религиозны, но они унаследовали протестантскую культуру; их идеи о католицизме включают: церкви со свечами и фимиамом; давшие обет безбрачия священники; поклонение Деве Марии; монахини как предвзятые противницы секса; Папа (отдаленная фигура); священники, выслушивающие тайные исповеди; службы на латыни» [Commentary, 2007, с. 13]. Но роман ведет читателя гораздо глубже, в самую «святая святых» католицизма — его идеологию, а это, безусловно — особый вид дискурса. Остановимся на реалиях такого порядка, наиболее проблемных с точки зрения перевода.

С XVI по XX вв. английская культура зиждилась на протестантизме, который весьма далек как от католицизма, так и от православия. Но в романе семья главной героини Кармел — потомки переехавших в Англию ирландских католиков. Кармел и ее подруги обучаются в католической школе (в ее местности большинство семей католики, и поэтому государство кооперирует с церковью), занятия проводят монахини. В 1960-х все дети сдавали экзамен, известный как *Eleven-plus* — «экзамены для одиннадцатилетних» (эта система изжила себя более 30 лет назад). Такой этап наступает и для персонажей романа. В Ночь Костров Кармел делится с читателями: *If you are a Catholic you don't burn Guy Fawks; the Pope says you mustn't* [Mantel, 2010, с. 64]. Католики не принимали участия в праздновании (в романе, однако, религиозные догмы, похоже, изживают себя, и дедушка устраивает небольшой праздник фейерверков в своем саду). Возможно, для современного читателя такая культурно-историческая аллюзия потребует комментария: 5 ноября 1605 года был спланирован заговор против короля Якова I и членов Парламента, который вошел в историю как «Пороховой Заговор». Надежды католиков на отмену штрафов и ограничений королем не оправдались. Тогда группа заговорщиков решилась на взрыв здания Парламента с целью убийства короля, смены власти с воцарением на престоле короля-католика.

Интересен набор реалий-артефактов, элементов фольклора с историческим оттенком и культового обихода (бытовых — в классификации В. С. Виноградова [Виноградов, 2009, с. 105–108], этнографических — в классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина [Влахов, 2009, с. 53–55]): *cob-coaling, tally-ho, Catherine wheels, parkin, roman candle*. Все это атрибутика празднования Дня Гая Фокса (см. Таблицу 1).

Очевидно, что как эквиваленты, так и описательные приемы в переводе, учитывая, что повествование ведется от лица одиннадцатилетней девочки, будут неуместны. Необходим поиск эквивалентов через ближайшую католическую культуру.

Таблица 1

Примеры из романа	Словарные значения и комментарии
cob-coaling	От *cob coal* — большие куски угля округлой формы; связанное с этим словом действие упоминается в детской считалочке: We come a cob-coaling for Bonfire Night, Tally-ho, tally-ho…
tally-ho	Ближайший эквивалент — «Ату»
Catherine wheels, nailed to coalhouse doors	*Catherine wheel* — огненное колесо (вид фейерверка), названное так в честь Св. мученицы Катерины, которую должны были пытать с помощью колеса, но когда она подошла к орудию пыток, оно сгорело и рассыпалось в прах.
parkin	Пряник из овсяной муки на патоке (ср. польское «Перник»)
roman candle	Римская свеча (вид фейерверка)

Таблица 2

Примеры из романа	Текст русскоязычного Катехизиса [Катехизис]
Crying Out to Heaven for Vengeance	грехи, взывающие к небу
Murder	кровь Авеля
Sodomy	содомский грех
Oppression of the Poor	плач народа, притесняемого в Египте, жалоба чужеземца, вдовы и сироты,
Defrauding the Labourer of his Wages	несправедливость к работнику

Затем Кармел сообщает своей подруге Карине: *I'm going to sit for the Holy Redeemer* [Mantel, 2010, с. 65]. Нигде в романе «Holy Redeemer» не объясняется. Можно лишь догадаться, что школа, в которую при успешной сдаче экзамена *Eleven-plus* поступают девочки — это также учебное заведение в рамках католического образования, носящее имя «Святого Искупителя».

В этом же эпизоде Х. Мантел приводит название одного из смертных грехов, как их воспроизводит в своей памяти Кармел: *Envy*. И если перевод этой реалии не вызовет проблем — Зависть — то список грехов и добродетелей по католическому Катехизису, очевидно, потребует особого внимания: *Crying Out to Heaven for Vengeance. Murder. Sodomy. Oppression of the Poor. Defrauding the Labourer of his Wages* [Mantel, 2010, с. 65]. Кроме того, в противовес всем известным семи смертным грехам, Катехизис выдвигает Главные добродетели: *Justice, Fortitude, Temperance… My memory failed* [Mantel, 2010, с. 65] — Справедливость, Мужество, Воздержанность (См. Таблицу 2).

Налицо возможная ловушка при переводе исходного текста, учитывая то, что героиня цитирует Катехизис. Необходимо также принять во внимание факт некоторой адаптации библейского словаря к современному религиозному дискурсу, и потому необходим поиск компромисса, чтобы одновременно сохранялась аллюзивность и катехитический язык.

Еще одним из терминов данного пласта реалий является сложное для детского восприятия и поникания слово *fornication* (блудодейство / прелюбодейство). С этим связан забавный эпизод: мама Кармел однажды в поезде вытаскивает губную помаду и наносит себе на губы, на что подруга Кармел Карина позже среагирует: *Your mother will burn in hell… it's fornication* [Mantel, 2010, с. 100]. Через некоторое время Кармел задает монахине на уроке вопрос: *Sister, I need to know what fornication means* [Mantel, 2010, с. 108]. Очевидно, происходит путаница в смысле термина: сознание Карины смутно ассоциирует любые действия, связанные с вниманием женщины к своей внешности, особенно использование косметики, с чем-то запретным и греховным. В результате имеет место следующий диалог:

"Fornication is any type of bad behavior with the other sex. Outside of marriage. …" "Is it to do with wearing lipstick?" I said. "That could be contributory, in certain circumstances," Sister Monica said [Mantel, 2010, с. 108].

Данный пример связан также с третьей категорией реалий: табуирование сферы интимного. Другой яркий пример такой реалии — слово *the Pill*, которое часто пишется с заглавной буквы. Так обозначаются любые противозачаточные таблетки. Контрацептивы для незамужних женщин не продавались без рецепта, а врачи не имели права их выписывать девушкам, аборт же при этом был противозаконен. И только в конце 1960-х пероральный контрацептив стало возможным приобретать свободно. Отсюда — такое благоговейное отношение к спасительной «Пилюле», возведение ее в высшую степень обобщения (отметим трудности передачи этой реалии с учетом ее исторического значения для женской половины жителей Великобритании). На знании этого факта возникает понимание той эйфории, с которой Кармел приобретает контрацептив в аптеке: *… and then no*

more Roman roulette, no more counting the Durex [Mantel, 2010, с. 80]. Речь идет о календарном способе контрацепции. Назван он «римским» потому, что римским католикам возбранялись любые средства, кроме этого. Но данный способ ввиду своей ненадежности походил на игру со случаем. «Римская рулетка» входит в ряд реалий, требующих дополнительного комментария.

Приведенные примеры двух пластов из выделенных в романе реалий — лишь малая доля культурно-языковой глубины произведения, вскрывающей корни таких барьеров в межкультурном общении, как традиционный английский «заговор молчания», сексуальное воспитание, социальное неравенство и проблемы мигрантов. Выявление реалий, предоставление культуроведческого комментария к ним и поиск адекватной передачи на русский язык с учетом культурной и временной разницы — это важный шаг в устранении барьера в диалоге европейских культур.

Список литературы:

1. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы : учебное пособие. Москва: КДУ, 2009. 288 с.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Москва: «Р. Валент», 2009. 360 с.
3. Иванов В. В. Старое и молодое в культуре и тексте. // Лит. учеба. 1983. № 5. С. 159–166.
4. Катехизис католической церкви. http://krotov.info/acts/20/2vatican/1846.html
5. Hewitt K. An Experiment in Love by Hilary Mantel: A Commentary on the Novel / Ed. by Karen Hewitt. Perm: PSU, 2007. 63 c.
6. Mantel H. An Experiment in Love. London: Fourth Estate, 2010. 272 p.

Сведения об авторе: Марина Станиславовна Рогачевская, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, e-mail: marinara@tut.by

A WORK OF FICTION AS AN INSTRUMENT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: TRANSLATING REALIA (IN H. MANTEL'S NOVEL *AN EXPERIMENT IN LOVE*)

Dr. Marina Rogachewskaya

Associate Professor, Minsk State Linguistics University, Belarus, e-mail: marinara@tut.by

Abstract

The article deals with some aspects of translation of cultural realities as exemplified with the novel *An Experiment in Love* by H. Mantel, a contemporary British writer, in the context of cross-cultural communication.

We show four basis layers of the British cultural realities of the 1950–60s: religion, class structure, the intimate life, and intertextuality with classical fiction. Based on examples of the religious discourse and intimate life, the paper concludes with stating the necessity of intensive employment of culturological commentaries in the translation, as well as a search for equivalents, *inter alia*, through the catholic discourse in Russian texts, in order to lift such barriers in the cross-cultural communication as incomplete understanding of religious upbringing, the traditional English "plot of silence", latent class inequality and migrant issues.

Key words: realities, consciousness, barrier in cross-cultural communication, discourse, culturological commentary

References:

1. Catechism of the Catholic Church. (n.d.) Retrieved October 9, 2013, from http://krotov.info/acts/20/2vatican/1846.html
2. Hewitt, K. (2007) *An Experiment in Love by Hilary Mantel: A Commentary on the Novel* / Ed. by Karen Hewitt. Perm: PSU.
3. Ivanov, V. V. (1983) *The Old and the New in Culture and Text* In *Literaturnaya Ucheba* (5), 159–166.
4. Mantel, H. (2010) *An Experiment in Love*. London: Fourth Estate.
5. Vinogradov, V. S. (2009) *Translation. Romanic Languages: General and Lexical Issues: Study Manual*. Moscow: KDU.
6. Vlakhov, S. I., Florin, S. P. (2009) *The Untranslatable in Translation*. Moscow: R. Valent.

К проблеме безэквивалентной лексики в немецко-русском словаре неологизмов

О. А. Никитина
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Аннотация

В работе рассматриваются особенности безэквивалентной лексики в немецко-русском словаре неологизмов, уточняется терминологический статус понятий лексикографического эквивалента и безэквивалентности. Понятие лексикографического эквивалента находится на пересечении лингвистических концепций эквивалентности в контрастивной лексикологии и в переводоведении. В лексикографическом плане о безэквивалентности можно говорить тогда,

когда в выходном языке словаря не находится единицы до уровня предложения, которая была бы по меньшей мере семантически эквивалентна единице входного языка и известна в практике употребления носителей этого языка. В немецко-русском словаре неологизмов безэквивалентная лексика составляет около семи процентов от общего количества заголовочных слов. По сущностным характеристикам выделяется денотативно-безэквивалентная и сигнификативно-безэквивалентная лексика. В первой группе безэквивалентность обусловлена отсутствием в практическом опыте носителей русского языка денотата, обозначенного лексической единицей немецкого языка. Вторую группу составляют немецкие неологизмы, денотаты которых известны в практическом опыте носителей русского языка, однако акта сигнификации по определенным причинам не происходит. Отсутствие лексикографического эквивалента не мешает адекватной передаче содержания высказывания различными известными в практике перевода способами. В то же время, безэквивалентность в немецко-русском словаре неологизмов не следует рассматривать как окончательный факт. Возможно, эквивалент появится, как только то или иное явление обнаружится в российской действительности или в результате межъязыковых контактов приобретет в русском языковом сообществе коммуникативную значимость.

Ключевые слова: лексикографический эквивалент, безэквивалентная лексика, неологизм, двуязычная лексикография, словарь неологизмов, немецкий язык, русский язык

Неография как теория и практика составления словарей неологизмов уже имеет международную традицию. Определяющим для развития немецкой неографии стал неологический проект Института немецкого языка (Мангейм, Германия), у истоков которого стоял немецкий лексикограф Д. Герберг [Herberg, 1998]. Данный проект послужил импульсом и для становления двуязычной неографии с немецким языком в качестве входного языка словаря.

В 2008 году в рамках научного сотрудничества был инициирован международный проект немецко-русского словаря неологизмов. Формирование содержания данного словаря и принципов его построения потребовали от авторов практического рассмотрения и теоретического осмысления ряда вопросов двуязычной неографии, в частности, вопроса концепции двуязычного словаря неологизмов [Steffens, Nikitina, 2010], его функций и ситуаций практического использования [Никитина, 2010; Nikitina, Steffens, 2011], места двуязычного словаря неологизмов среди других двуязычных словарей, специфики построения словника, словарной статьи и аспектов описания словарных единиц [Штеффенс, Никитина, 2012; Никитина, 2013].

Немецко-русский словарь неологизмов является первым специальным словарем неологизмов в данном направлении перевода, дающим всестороннее описание новой лексики немецкого языка начала 90-х годов XX века — конца первого десятилетия XXI века. Словарь содержит около 2000 заголовочных слов. Чтобы удовлетворить высокую потребность потенциальных пользователей в разносторонней информации о новых словах и значениях немецкого языка, в словарную статью включены некоторые нетрадиционные для двуязычных словарей лексикографические зоны, в частности, обязательная зона толкования значения. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, специфика двуязычного словаря неологизмов состоит в том, что даже при наличии эквивалента-неологизма в русском языке пользователь не всегда может знать его точное значение, иными словами, русские неологизмы не могут обеспечить эффективную семантизацию немецкого неологизма (например, *Macaron — макарон, макарун*). Во-вторых, развернутое толкование позволяет раскрыть лингвокультурный компонент значения, необходимый для правильного понимания и адекватного использования нового слова (например, *Tätervolk* — 'народ, которому вменяется коллективная ответственность за преступления против человечности, совершенные отдельными его представителями (особенно о немецком народе в связи с геноцидом евреев во время национал-социализма)' — *народ-преступник*). В-третьих, следует учитывать наличие в немецко-русском словаре неологизмов безэквивалентной лексики. При отсутствии эквивалента толкование значения может полностью, частично или в модифицированном виде пригодиться при переводе с немецкого на русский язык (например, *atmende Fabrik* — 'фабрика, на которой продолжительность рабочего времени устанавливается в зависимости от фактической ситуации с производственным заказом').

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей безэквивалентной лексики в немецко-русском словаре неологизмов, необходимо уточнить определение лексикографического эквивалента. Понятие лексикографического эквивалента находится на стыке лингвистических концепций эквивалентности в контрастивной лексикологии и в переводоведении. С позиций контрастивной лексикологии основой эквивалентности следует считать установление сходств и различий лексико-семантических систем сопоставляемых языков. Эквивалентные отношения проецируются, таким образом, на уровень языка как системы (*Langue*). Очевидно, что понятие системного эквивалента не всегда достаточно для лексикографии. Важно учитывать расхождения между номинативными средствами одного языка, в котором преобладают синтетические лексические образования, и номинативными средствами другого языка, использующего аналитические лексические структуры. Так, немецким сложным существительным в русском языке часто соответствуют сочетания относительного прилагатель-

ного и существительного (например, *Bonusmeile — бонусная миля*), сочетания с родительным падежом существительного, предложные сочетания, которые, хотя и существуют в практике употребления, не являются собственно лексикализованными, устойчивыми элементами языковой системы. Кроме того, двуязычные словари предназначены не столько для сопоставительного изучения лексико-семантических систем (хотя и могут быть использованы с этой целью), сколько для понимания и перевода иноязычных текстов. Такая функциональная направленность смещает понятие лексикографического эквивалента на уровень речи (*Parole*) и сближает его с понятием переводческой эквивалентности. В теории и практике перевода под эквивалентом понимается обычно правильно найденное переводчиком соответствие определенной единице перевода, позволяющее достичь коммуникативно-функциональной равноценности текста на исходном языке и текста на переводящем языке [Рецкер, 2004, с. 12, там: дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича]. Эквивалентность определяется, таким образом, относительно определенного текста. Однако двуязычный словарь имеет дело, как правило, с единицами до уровня предложения — словами и словосочетаниями. Следовательно, лексикографический эквивалент должен выступать как конструктивный элемент, который может быть в неизменном или незначительно варьируемом виде использован в тексте перевода.

Исходя из вышесказанного, мы, вслед за Г. Э. Вигандом, понимаем под лексикографическим эквивалентом единицу до уровня предложения, по меньшей мере обладающую максимально возможным семантическим сходством с единицей входного языка словаря и соответствующую практике употребления носителей выходного языка словаря, которую можно без значительных трансформаций поместить в текст перевода [Wiegand, 2002, с. 103]. При этом словосочетания, предлагаемые в качестве эквивалентов, не обязательно должны иметь статус лексикализованных единиц в переводящем языке.

Соответственно, о безэквивалентности или нулевой эквивалентности в лексикографическом плане можно говорить тогда, когда в выходном языке словаря не находится единицы до уровня предложения, которая была бы по меньшей мере семантически эквивалентна единице входного языка и известна в практике употребления носителей этого языка.

В немецко-русском словаре неологизмов безэквивалентная лексика составляет около семи процентов от общего количества заголовочных слов. Наблюдения показывают, что это большей частью новые лексемы, значительно реже — новые значения (например, *Stockente, Wächterhaus*). В плане частеречной принадлежности доминируют существительные (например, *Aufstocker, Kannkind, Neufünfland, Quengelware, Vätermonat*), за ними с большим отрывом следуют глаголы (например, *gruscheln*)

и прилагательные (например, *bildungsnah*). Преобладание существительных объясняется, с одной стороны, тем, что большая часть заголовочных слов в словаре (более 70%) — это существительные. С другой стороны, это обусловлено предметным содержанием большинства слов-реалий как наиболее представительного класса безэквивалентной лексики [Влахов, Флорин, 2006, с. 33]. С точки зрения словообразовательной структуры преобладают композиты (например, *Dezemberfieber, fremdbetreuen, Hartz-IV-sicher, Neufünfland, Vereinigungskriminalität*), также представлены производные (например, *Quotenbringer, Rucksacktrinker*) и сложносокращенные слова (например, *LER, MINT*). По своему происхождению безэквивалентные единицы являются — за редким исключением — исконно немецкими. Это свидетельствует о том, что безэквивалентная лексика отражает, прежде всего, специфическую национально-культурную действительность языкового коллектива.

По своим сущностным характеристикам безэквивалентная лексика в немецко-русском словаре неологизмов может быть разделена на две группы: 1) денотативно-безэквивалентная лексика и 2) сигнификативно-безэквивалентная лексика [Petkov, 2000, с. 239]. В первой группе безэквивалентность обусловлена отсутствием в практическом опыте носителей русского языка денотата, обозначенного лексической единицей немецкого языка. Традиционно принято говорить о словах-реалиях, называющих объекты материальной и духовной культуры, социально-политической и экономической жизни, свойственные одному языковому коллективу и чуждые другому [Влахов, Флорин, 2006, с. 60]. Денотативно-безэквивалентная лексика в немецко-русском словаре неологизмов представлена:

— названиями социальных явлений (*Kassenhopping*), программ (*Partnermonat*, *Pflegeriester*), социальных услуг (*Demenzgarten, Druckraum, Verhinderungspflege*), благотворительных организаций (*Diakoniekirche, Vesperkirche*), новых профессий в социальной сфере (*Bildungslotse, Stadtteilmutter*),
— названиями явлений, процессов (*Vereinigungskriminalität, verosten, Verostung*), лиц (*Leihbeamter, Mauerschütze, Wiedereinrichter*), объектов (*Neufünfland*), связанных с историко-политическим контекстом объединения Германии,
— названиями явлений, предметов и лиц из сферы труда и экономики (*Aufstocker, ELSTER, Ich-AG*),
— названиями новых форм обучения и учебных предметов (*Frühstudium, MINT-Fach*),
— названиями явлений повседневной жизни (*Verspargelung*),
— названиями политических коалиций (*Schwampel*) и др.

Следует оговориться, что далеко не все слова-реалии в немецко-русском словаре неологизмов являются безэквивалентными. Благодаря активным межъязыковым контактам, регулярным перево-

дам с немецкого на русский язык и огромной эффективности СМИ и Интернета, превративших мир в глобальное информационное пространство, многие немецкие неологизмы-реалии уже приобрели в русском языке относительно устойчивые соответствия. Например, неологизм-реалия *Bierbike* уже имеет в русском языке эквиваленты *пивомобиль, пивосипед, пивной велосипед, бир-байк*.

Заметим, что лексикограф, имеющий дело с описанием неологизмов в двуязычном словаре, при подборе эквивалентов, как правило, не может опереться на опыт других двуязычных словарей и, следовательно, обязан самостоятельно выявить и проследить становление эквивалентных отношений. При этом не следует забывать, что «словарь — лишь авторитетный наблюдатель, советчик, но не законодатель языка» [Дубичинский, 2002, с. 49]. Поэтому в русской части немецко-русского словаря неологизмов предлагаются только такие соответствия, которые известны в практике употребления носителей русского языка, что подтверждается, например, анализом текстов современной прессы, сообщений и комментариев в Интернете и т.п. Мы не считаем целесообразным предлагать искусственно созданные эквиваленты, искажая тем самым реальную картину межъязыковых отношений.

Вторую группу составляет сигнификативно-безэквивалентная лексика — немецкие неологизмы, денотаты которых известны в практическом опыте носителей русского языка, однако акта сигнификации (означивания) по определенным причинам не происходит. В отечественной лингвистике более распространен термин «случайно безэквивалентная лексика» [Латышев, 2000, с. 158]. Существование сигнификативно-безэквивалентной лексики может быть объяснено как различиями в языковых картинах мира в соответствии с теорией лингвистической относительности, так и более частными языковыми факторами — например, невозможностью структурировать средствами русского языка относительно компактное соответствие немецкому неологизму (например, *bildungsnah, Einlaufkind, fremdbetreuen, Kannkind, sich verklicken*), передать национально-специфическую метафорику наименований (например, *Ampelkarte, Dezemberfieber, Sternenkind*), языковой комизм (например, *Arschfax, Stockente*) и пр.

Отсутствие лексикографического эквивалента отнюдь не мешает адекватной передаче содержания высказывания, в котором встречается неологизм, различными известными в практике перевода способами. Чтобы подсказать пользователю словаря некоторые переводческие решения, в отдельных случаях при отсутствии основного эквивалента предлагаются варианты перевода заголовочного слова в речениях (например, *als Einlaufkind dabei sein — быть в составе детского эскорта игроков*). Кроме того, толкование значения, которое приводится в каждой словарной статье, также может подтолкнуть пользователя на верный путь отыскания переводческого соответствия.

В то же время безэквивалентность в немецко-русском словаре неологизмов не следует рассматривать как окончательный факт. Возможно, эквивалент найдется, как только то или иное явление появится в российской действительности или в результате межъязыковых контактов приобретет в русском языковом сообществе коммуникативную значимость. Так это произошло, например, со словом *Babyklappe*, которое в начале неографического проекта рассматривалось как безэквивалентное, однако в конце первого десятилетия XXI века подобные приспособления вкупе с соответствующими обозначениями *беби(-)бокс, окно жизни* появились и в России. Этот и другие примеры еще раз подтверждают мысль о том, что словарь есть лишь «моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [Апресян, 2002, с. 8].

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. В 3 т. 7-е изд., стер. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. С. 6–17.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Изд. 3-е, испр. и доп . М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
3. Дубичинский В. В. Значимость лексикографии // Kunzmann-Müller B., Zielinski M. (Hrsg.): Sprachwandel und Lexikographie. Beispiele aus slavischen Sprachen, dem Ungarischen und Albanischen. Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang, 2002. S. 47–54.
4. Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ — Тезаурус, 2000. 280 с.
5. Никитина О. А. Основные положения концепции немецко-русского словаря неологизмов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия «Филологические науки». Вып. 2. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 33–40.
6. Никитина О. А. Построение словарной статьи и аспекты описания словарных единиц в немецко-русском словаре неологизмов // От буквы к словарю. Сб. науч. ст. к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота. Отв. ред. О. А. Старовойтова. СПб: Наука, 2013. С. 251–260.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.
8. Штеффенс Д., Никитина О. А. От словаря неологизмов немецкого языка к немецко-русскому словарю неологизмов // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VIII, ч. 3. СПб: Наука, 2012. С. 371–394.
9. Herberg D. Auf dem Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch // Zettersten A., Hjørnager Pedersen V., Mogensen J. E. (Hrsg.): Symposium on Lexicography VIII. Proceedings of the Eighth International Symposium on Lexicography May 2–4, 1996, at the University of Copenhagen. Tübingen: Niemeyer, 1998. S. 187–192.

10. Nikitina O., Steffens D. Was kann der Deutschlerner von einem deutsch-russischen Neologismenwörterbuch erwarten? Zur Erarbeitung der Mikrostruktur im Zusammenhang mit der Wörterbuchbenutzungssituation // Katelhön P., Settinieri J. (Hrsg.): Wortschatz, Wörterbücher und L2-Erwerb. Wien: Praesens Verlag, 2011. S. 145–164.
11. Petkov P. Zum Problem der lexikographischen Lücke in zweisprachigen Wörterbüchern // Wiesinger P. (Hrsg.): Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000. Zeitenwende — die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert. Bd. 2. Bern u. a.: Peter Lang, 2000. S. 237–242.
12. Steffens D., Nikitina O. Auf dem Weg zu einem zweisprachigen Neologismenwörterbuch Deutsch — Russisch. Einige Fragen zur Konzeption // Deutsch als Fremdsprache 47.2. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. München/Berlin: Langenscheidt, 2010. S. 84–90.
13. Wiegand H. E. Zur Äquivalenz in der zweisprachigen Lexikographie. Kritik und Vorschläge // Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch VIII. Hildesheim u. a.: Olms, 2002. S. 93-110.

Сведения об авторе: Ольга Алексеевна Никитина, кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, e-mail: kortschigo@mail.ru

NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN A GERMAN-RUSSIAN DICTIONARY OF NEOLOGISMS

Dr. Olga A. Nikitina
Associate Professor, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University,
e-mail: kortschigo@mail.ru

Abstract

The paper discusses the features of the non-equivalent lexis in the German-Russian dictionary of neologisms. The terms of lexicographic equivalence and non-equivalence are rendered more precisely. The concept of lexicographic equivalent arises from interaction of the equivalence concepts in contrastive lexicology and in translation studies. From the lexicographical point of view the non-equivalence occurs when in the target language there is no item below the sentence level, which would be at least semantically equivalent to the item in the source language and known in the usage of target language speakers. The non-equivalent lexis is about seven percent of the total number of entry words in the German-Russian dictionary of neologisms. The non-equivalent lexis can be divided into two groups according to its intrinsic characteristics: the denotative non-equivalent lexis and the significative non-equivalent lexis. In the first group the non-equivalence is caused by the lack of the referent, which is described by the German language item, in the practical experience of native Russian speakers. The second group consists of German neologisms,

the referents of which are known in the practical experience of Russian speakers, but the act of signification does not happen for some reason. The lack of the lexicographical equivalent does not affect the adequate cross-language transfer of the contents by various ways known in the translation practice. At the same time, the non-equivalence in the German-Russian dictionary of neologisms should not be considered the final fact. Perhaps there is an equivalent, as soon as this or that phenomenon appears in the Russian reality or due to the cross-language contacts will acquire in the Russian language community a communicative significance.

Key words: lexicographical equivalent, non-equivalent lexis, neologism, bilingual lexicography, dictionary of neologisms, German, Russian

References:

1. Apresian, Y. D. (2002) Lexicographical Concept of the New Large English-Russian Dictionary. In *New Large English-Russian dictionary* (7th ed., Vols. 1-3). (Vol. 1, pp. 6–17). Moscow: Russkii iazyk.
2. Vlakhov, S. I., & Florin, S. P. (2006) *The Untranslatable in Translation* (3rd ed.). Moscow: R. Valent.
3. Dubichinskij, V. V. (2002) The Importance of Lexicography. In B. Kunzmann-Müller & M. Zielinski (Eds.), *Linguistic change and lexicography. Examples from the Slavic languages, Hungarian and Albanian* (pp. 47–54). Frankfurt a. M. et. al.: Peter Lang.
4. Latyshev, L. K. (2000) *Technology of Translation*. The manual on training of translators (from the German language). Moscow: NVI — Tezaurus.
5. Nikitina, O. A. (2010) Basic Notes of the Conception of the German-Russian Dictionary of Neologisms. *The Bulletin of Immanuel Kant Russian State University, Philological Sciences, 2,* 33–40.
6. Nikitina, O. A. (2013) The Architecture of Dictionary Entries and the Description Aspects of Entry Words in the German-Russian Dictionary of Neologisms. In O. A. Starovojtova (Ed.), *From a letter to the dictionary* (pp. 251–260). St. Petersburg: Nauka.
7. Recker, Y. I. (2004) *Translation Theory and Translation Practice.* Sketches of the linguistic translation theory. Additions and comments of D. I. Ermolovich. Moscow: R. Valent.
8. Steffens, D., & Nikitina, O. A. (2013) From the German Dictionary of Neologisms to the German-Russian Dictionary of Neologisms. In N. N. Kazanskij (Ed.), *Acta linguistica petropolitana, Transactions of the Institute for Linguistic Studies* (Vol. VIII, part 3, pp. 371–394). St. Petersburg: Nauka.
9. Herberg D. (1998) On the Way to the German Dictionary of Neologisms. In A. Zettersten, & V. Hjørnager Pedersen, & J. E. Mogensen (Eds.), *Symposium on Lexicography VIII. Proceedings of the Eighth International Symposium on Lexicography May 2–4, 1996, at the University of Copenhagen* (pp. 187–192). Tübingen: Niemeyer.
10. Nikitina O., & Steffens D. (2011) What can the German Learner expect from the German-Russian Dictionary of Neologisms? On the development of the microstructure in the context of dictionary usage situation. In P. Katelhön, &

J. Settinieri (Eds.), *The Vocabulary, dictionaries and L2-acquisition* (pp. 145–164), Vienna: Praesens Verlag.
11. Petkov, P. (2000) On the Problem of Lexicographical Gap in Bilingual Dictionaries. In P. Wiesinger (Ed.), *Acts of the Xth International congress of German scholars Vienna 2000. Turn of an era — the German studies on the way from the 20th to the 21st century* (Vol. 2, pp. 237–242). Bern et. al.: Peter Lang.
12. Steffens D., & Nikitina O. (2010) On the Way to the German-Russian Dictionary of Neologisms. Some questions of the conception. *Deutsch als Fremdsprache*, 47(2), 84–90.
13. Wiegand, H. E. (2002) On the Equivalence in Bilingual Lexicography. Criticism and Suggestions. *Studies on bilingual lexicography with German*, VIII, 93-110.

Феномен отторжения: паратекст и его влияние на эквивалентность перевода стихотворного текста

Т. Г. Лазарева
Курганский государственный университет

Аннотация
В статье рассматривается проблема влияния паратекстуальных связей между поэтическим и прозаическим текстами на эквивалентность перевода. На примере баллады Вальтера Скотта «Серый брат» показана возможность трансформации при переводе образов и центральной идеи оригинала в том случае, если околотекстовое пространство выпадает из поля зрения переводчика.

Ключевые слова: паратекст, баллада, покаяние, трансформация образа и идеи

При восприятии произведения возникает некоторая центральная смысловая область и окружающие ее периферийные области, которые заполняются множеством все менее очевидных, все более проблематичных ассоциаций, связей и параллелей. Между центральными и периферийными областями нет четко обозначенных границ. Наблюдается постепенное движение мотивов от явно значимых ко все более далекой периферии и наоборот [Гаспаров, 1993, с. 31]. Одним из факторов таких перемещений является околотекстовое пространство (по терминологии Жерара Женетта, «паратекст»). Паратекст в силу изначально присущих ему особенностей, *проясняет* текст не только содержанием, но и формой, отводимым ему в пространстве книги местом. Одновременно создаваемое посредством паратекстов околотекстовое пространство предназначено для сохранения текста. Автор

нередко проявляет к паратексту больше почтения, чем к самому тексту, поскольку опасается, что творчество его будет не принято или же неправильно истолковано [Липская, 2005, с. 96–97].

При переводе художественного текста, особенно поэтического, с одного языка на другой, паратекст является определяющим фактором для выявления центральных смыслов и идей. Исчезновение паратекста из поля зрения переводчика поэзии приводит к нарушению смыслов и разрушению связей между образами. Так, согласно переводу В. Топорова незаконченной баллады Вальтера Скотта «Серый брат» (1799), шотландский барон Альберт Гилмерстон стыдится своей былой доблести:

Властью был наделен, был отважен, силен;
Победителем в жарком бою
Он не раз выходил — но теперь он уныл
И стыдится за доблесть свою
(подчеркнуто мной. — *Т. Л.*) [Скотт, 1975, с. 139]

Когда-то, согласно предложенному переводу, барон сжег замок Барндейл и спокойно наблюдал за гибелью всех его обитателей. Теперь же этот грех тяжким грузом лежит на его душе. Однако в оригинале строфа звучит следующим образом:

And lords to meet the pilgrim came,
And vassals bent the knee;
For all mid Scotland's chiefs of fame
Was none more famed than he
[Scott, 1820, с. 187]

Иными словами, ни в указанной строфе, ни до того, ни после речь о сожалении в проявленной доблести не идет. Более того, Скотт подчеркивает необычайные заслуги барона перед своим народом.

And boldly for his country still
In battle he had stood,
Ay, even when on the banks of Till
Her noblest poured their blood.

Очевидно, В. Топоров приступил к переводу баллады, не зная об околотекстовом прозаическом обрамлении стихотворного произведения, которое и проясняет, и углубляет его.

Баллада «Серый брат» (*The Grey Brother*) была написана Вальтером Скоттом в 1799 году и опубликована в двухтомном сборнике «Песни Шотландской Границы» (1801–1802 годах). Структура сборника «Песен» необычайно сложна. Помимо краткого извещения о содержании («*Historical and Romantic Ballads collected in the southern counties of Scotland; with a few of modern date, founded upon local tradition*»), посвящения и эпиграфа ко всему сборнику, Скотт включает *Введение*, по сути, представляющее собой огромную научную статью историко-литературного содержания, приложения, разные по характеру, форме

и стилю, три раздела баллад вместе с предисловиями к ним, комментариями, примечаниями, сносками и глоссарием — весь прозаический текст по объему значительно превосходит стихотворный. Отрывки из произведений древних и средневековых поэтов, вставленные в комментарии, поясняют и подтверждают прозу. Одновременно они, соотносясь с текстом баллад, создают определенную систему аллюзий и параллелей. Возникающие транстекстуальные отношения начинают руководить вниманием читателя, усиливая воздействие старинных текстов на его восприятие.

«Серый брат» в отличие от других поэтических произведений Скотта остался незаконченным, но представляет собой замечательный образец авторской баллады, написанной в подражание старинным народным балладам. Сюжет баллады на первый взгляд довольно прост: Папа Римский начинает торжественную мессу в честь Дня Святого Петра, но вдруг останавливается, ибо грех одного из присутствующих столь страшен, что затворяет Святому Отцу уста. По требованию Папы некий пилигрим молча удаляется из храма. Он возвращается на родину, так и не получив отпущения греха. Природа когда-то милой ему Шотландии и преданные вассалы не радуют его, он избегает встреч с людьми, ходит только в уединенные места. Чаще всего ноги приводят грешника к мызе, стены которой разрушились от когда-то бушевавшего здесь пожара. В один из таких печальных вечеров Барон Альберт видит на развалинах Серого Монаха, который предлагает ему исповедаться и облегчить душу. Барон опускается на колени и уже готов произнести первые слова исповеди, как на его шею опускается «*холодная, как лед, рука*» (*an ice-cold hand*). На этом баллада обрывается.

Логическая связь между двумя важнейшими в жизни Барона встречами осуществляется через предание, которое приводится в предисловии к балладе. Из него мы узнаем, что у барона Гилмертона была красавица-дочь, которую соблазнил аббат монастыря Ньюботл. Вопреки воле отца, они продолжали свою преступную связь при помощи няньки девушки. Узнав об этом, барон в гневе сжег влюбленных вместе с мызой, где они предавались любви. О том, что произошло после страшных событий, предание не сообщает. Таким образом, баллада Скотта начинается там, где заканчивается легенда.

Скотт подчеркивает искренность раскаяния грешника, говоря о суровой епитимье, наложенной им на самого себя: сорок дней поста на хлебе и воде, сорок дней обета молчания (исихазма). Молчанием и аскетизмом, через которые великие отшельники древности добивались «очищения сердца», он надеялся добиться единения с Богом.

Согласно христианскому учению, покаяние не достигается целеустремленным действием лишь собственных духовных сил человека; оно становится возможным только с помощью Божественной силы —

благодати. В балладе звучит скрытая полемика поэта с религиозным догматом. Скотт подчеркивает, что среди преклонивших колена грешников, которые пришли за отпущением грехов к Папе, пилигрим был самым искренним в своем раскаянии (*Amid the penitential flock, / Seemed none more bent to pray*). И отказ Папы как наместника Бога на земле принять искреннее покаяние приводит к страшным последствиям. Вместо того, чтобы бороться за душу каждого грешника, как заповедал Иисус, Папа отталкивает человека от Бога.

Встреча Барона с Серым монахом становится логическим продолжением немилосердного поведения Папы:

The pilgrim kneeled him on the sand.
And thus began his saye —
When on his neck *an ice-cold hand*
Did that Grey Brother laye
(выделено мной. — *Т. Л.*).

Последняя фраза баллады в этом случае приобретает концептуальное значение.

Как известно, концепты максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел автора. С содержательной точки зрения, он выступает как свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением интенции и — через нее — мотива деятельности автора, приведших к порождению текста. Концепт охватывает языковое преломление всех видов знания о явлении, стоящем за ним. Он по природе своей интуитивен и бессознателен, но в процессе порождения текста осознается автором на уровне «рацио». В результате, осмысление концепта позволяет моделировать фрагменты картины мира, присущие как персонажам, так и автору и его читателям.

Эпитет «холодный, как лед», согласно всем религиозным верованиям, принадлежит «Князю тьмы», Сатане. Холодность дьявола вошла в фольклор после знаменитых процессов над ведьмами в XVI–XVII веках. Однако, фраза Монаха, что его «прислали» (*O I am sent from a distant clime*), указывает на одного из прислуживающих «Князю» демонов — Дьявола.

Скотт явно непоследователен, изображая шотландского Барона раскаявшимся грешником, глубоко верующим христианином. В XIV в. христианское учение еще не успело глубоко проникнуть в сознание шотландцев, о чем пишет сам поэт во второй части своего *Введения* к сборнику «Песни Шотландского Пограничья» (1802). Барон — средневековый человек с печатью соответствующих эпохе нравов, и слишком глубокое погружение в свои переживания не укладывается в рамки клановой этики его времени и страны.

Обрывая балладу в момент, когда развязка близка и Барон готов покаяться, Скотт акцентирует внимание читателя на тесной связи героя с Родиной. Барон доблестно защищал свободу своей роди-

ны в знаменитой битве на реке Тилл; среди благороднейших родов Средней Шотландии он признан самым прославленным вождем. Да и преступление, совершенное им, полностью укладывается в рамки норм поведения и нравов «дикого и гордого» народа. Средневековый закон и нормы поведения в шотландском клане обязывали Барона наказать ослушников. Их смерть выглядит справедливым наказанием в глазах любого шотландца[1]. С точки зрения Католической Церкви, Барон грешен не потому, что убил (убийство в Средние века часто освящалось церковью и даже поддерживалось), а потому что посягнул на неприкосновенность священника — ее служителя. Логика событий привела бы к тому, что раскаявшийся Барон, исповедавшись дьяволу, должен был стать его слугой и в конечном итоге попасть в ад. Скотту-патриоту Шотландии претила сама мысль об этом.

По его признанию, он несколько раз пытался закончить балладу, но так и не смог. Однако всё паратекстуальное обрамление ее отражает главную идею поэта: нормы человеческих отношений людей более ранних эпох необходимо рассматривать в зависимости от их представлений о доброте и гуманности и от их национальных традиций. Он возвращает своих читателей к пониманию христианства как свода нравственных правил, что было характерно для времен первых апостолов. И главным правилом в те времена было милосердие к ближнему своему.

Таким образом, перевод стихотворного текста, взятого отдельно от его паратекстуального обрамления, может трансформировать созданный в оригинале образ. Разорванные между прозой и поэзией смысловые связи приводят к созданию в переводном произведении центральной идеи, совершенно противоположной той, что была заложена в оригинале.

Список литературы:

1. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX в. М., 1993. С. 28–82.
2. Липская Л. И. Предваряющий дискурс: Функции предисловия в современном романе //Зарубежная литература: историко-культурные и типологические аспекты. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2005. С. 96–109.
3. Скотт В. Серый монах: Пер. В. Топорова //Поэзия английского романтизма. М.: Художественная литература, 1975. 670 с.
4. Scott W. Grey Brother //Scott W. Poetical works of Sir Walter Scott. In 12 vols. V. 2. Edinburgh — London, 1820. P. 181–196.

1 Женщина находилась во власти отца. Выйти замуж без разрешения главы семьи (отца или брата) считалось оскорблением, которое можно было смыть только кровью. Смерть никогда в Шотландии не считалась крайностью, если речь шла о чести главы семьи или клана.

Сведения об авторе: Татьяна Григорьевна Лазарева, кандидат филологических наук, доцент, Курганский государственный университет, e-mail: lazarevat@mail.ru

THE PHENOMENON OF REJECTION: PARATEXT AND ITS INFLUENCE ON POETIC TRANSLATION EQUIVALENCE

Dr. Tatiana G. Lazareva
Associate Professor, Kurgan State University, e-mail: lazarevat@mail.ru

Abstract
The article concerns the problem of influence of paratextual links among poetic and prose texts on the translation equivalence. On the basis of Walter Scott's ballad translation it is shown that there is possible a transformation and even corruption of images and main ideas of an original in case an around-textual space is out of a translator's view.

Key words: paratext, ballad, penitence, images and ideas transformation

References:

1. Gasparov B. M. (1993) Notices on motifs structure in M. A. Bulgakov's novel «Master i Margarita» // Gasparov B. M. Literaturnye lejtmotivy. Ocherki po russkoj literature XX v. M., S. 28–82.
2. Lipskaja L. I. (2005) Proleptic discourse: the function of an introduction in a modern novel //Zarubezhnaja literatura: istoriko-kul'turnye i tipologicheskie aspekty. Ch. 1. Tjumen': Izd-vo TGU. S. 96–109.
3. Scott W. (1975) Grey Brother: Transl. by V. Toporova //Pojezija anglijskogo romantizma. M.: Hudozhestvennaja literatura. 670 s.
4. Scott W. (1820) Grey Brother // Scott W. Poetical works of Sir Walter Scott. In 12 vols. V. 2. Edinburgh — London. P. 181–196.

Характерные особенности перевода с турецкого на русский язык

Ровшан Рамиз оглу Алиев
Сельджукский университет
(Турция)

Аннотация
Особенности перевода с турецкого на русский язык, в первую очередь, связвана лексическими и грамматическими различиями между этими языками. Например, основная масса слов на турецком языке

многозначные. Естественно, перевод таких слов на русский язык создает немало проблем для неопытного переводчика. Иногда даже на русском языке имеются несколько эквивалентов каждого значения таких многозначных слов.

Еще одна проблема, связанная переводом с турецкого языка на русский вытекает из того, что в этих языках имеются слова, одинаковые и по написанию и по звучанию, но отличающиеся по смыслу. Перевод неологизмов и фразеологизмов с турецкого на русский тоже нередко создает проблемы. Переводчик, который не знает историко-культурных традиций народа переводимого языка, естественно, не сможет перевести такие неологизмы и фразеологизмы.

Ключевые слова: перевод фразеологизмов, неологизмы, заимствованные слова, междометия, тюркизмы

Между Россией и Турцией исторически существовали тесные культурные, политические и экономические связи. В последние 20 лет эти связи еще более развились и перешли в новую плоскость. Естественно, этот фактор увеличивает значимость перевода между этими двумя языками. То что перевод играет роль моста между народами, культурами является неоспоримым фактом. Перевод является одним из лучших средств для того что бы ознакомить россиян с Турцией, с тюркской культурой. Как известно, Турция — это страна, расположенная на границе Европы и Азии, и являющаяся правопреемницей традиций и культур многих исторических государств. Сегодня более 70 миллионов человек говорят на турецком языке. На этом языке говорят не только в Турции, но и в Кипре, в Германии, в Болгарии, в Македонии, в Румынии, в Греции, в Албании, в Сирии и в Ираке. Наравне с другими мировыми языками турецкий язык преодолел длительный путь становления, поэтому перевод с турецкого разделяется на ряд направлений: от перевода современной документации до перевода древнейших текстов.

Надо отметить, что до начала XX века в лексическом словаре турецкого языка было очень много персидских и арабских слов. После провозглашения Турецкой Республики для ретюркизации и модернизации турецкого языка в 1932 году было создано государственное «Турецкое лингвистическое общество» («Türk Dil Kurumu»). После этого, на турецком языке были проведены реформы и многие персидско-арабские слова заменены на новые тюркские слова. Тем не менее, даже сегодня в турецком языке есть определенное количество арабо-персидских слов. Например, «matbuat» — печать, «meclis» — парламент, «adet» — обычай, «adalet» — справедливость, «kitap» — книга, «tahayyül» — воображение (арабские слова), «badem» — миндаль, «bahçe» — сад, «şeker» — сахар, «ateş» — огонь, «baht» — судьба, доля, «cihan» — земля,

мир, вселенная, «debdebe» — пышность, помпезность, «kase» — чаша, чашка, «kervan» — караван (персидские слова) и т. д.

Начиная с середины XX века в турецкий язык вошли новые слова, заимствованные из европейских языков, особенно из французского. Например, «asansör» — «ascenseur» (лифт), «liste» — «liste» (список), «möble» — «meuble» (мебель) и т. д. «Слова, заимствованные турецким языком из французского, подверглись в области вокализма таким изменениям, как переход ударения с последнего слога на предыдущие, вставка дополнительных звуков, выпадение или отпадение гласных, трансформации чистых и носовых гласных звуков» [Буров, 2006, с. 75].

В словаре, изданном Турецким лингвистическим обществом в 2005 году из 14816 заимствованных корней 6463 — арабского происхождения, 1374 — персидские, на втором месте заимствования из французского — 4974.

Кроме этого сушествуют множество диалектов турецкого языка. Основу турецкого литературного языка сегодня образует стамбульский диалект. Еще в турецком языке различают дунайский, эскишехирский, разградский, динлерский, румелийский, караманский, адрианопольский, газиантепский и т.д. диалекты. Например, слово «koşacağım» (Я побегу) в разных диалектах звучить так: «koşaca'm» (Румелия), «koşadzağum» (Черноморский регион), «goşacağam» (Юго-Восточная Анатолия), «goşcem» (Эгейский регион).

В турецком языке каждая буква обозначает один звук. Несмотря на некоторые исключения, большинство этих звуков есть и в русском языке. Но даже эти исключения имеют эквиваленты в русском языке. Например, турецкая буква «c» в русском передается как «дж» (Cemal — Джемаль), а в некоторых случаях как «ч» (Doğramacı — Дограмачи). Или другая специальная буква «ğ» после непередних гласных не произносится, а лишь удлиняет предшествующий гласный звук, тогда как после гласных переднего ряда произноситься близко к русскому «й». Несмотря на то, что турецкий алфавит основан на латинице, здесь есть несколько букв, которых нельзя встретить в других, основанных на латинице языках, например, на английском. Это буквы — «ş», «ç», «ü», «ö». Или в турецком языке есть буква «ı» с точкой («i») и без нее, что обуславливает ее написание в верхнем или нижним регистре. «Ş» используется для передачи звука «ш», тогда как «ç» представляет звук «ч». Турецкая буква «ü», как правило, на русском языке передается буквами «у» и «ю», а «ö» буквами «о» или «ё».

Следует уделять особое внимание некоторым характерным особенностям турецкого языка. Прежде всего, надо отметить, что турецкий — язык агглютинативный. Корневые слова присоединяют много суффиксов для указания на падеж, время и т.д. Другая особенность в том что в турецком языке есть «гармония гласных». И эта гармония обуславливает присоединение суффиксов. Это особенность не только

турецкого, но и других тюркских языков. «В соответствии с принципом губного притяжения после негубных гласных могут следовать только негубные, а за губными следуют или губные узкие “u”, “ü” или негубные широкие “a”, “e”» [Кузнецов, 2000, с. 42]. При присоединении суффиксов гласные должны гармонизировать с корневыми, то есть к мягкому корню добавляются мягкие суффиксы, к твердому — твердые. Как правило, турецкие гласные «e», «i», «ö», «ü» гармонируют друг с другом, тогда как гласные «a», «ı», «o», «u» сочетаются между собой.

Еще одна особенность турецкого языка в том что глаголы ставятся в конец предложения. Что не соответствует грамматике русского языка. Например: «Ona ekmek verdiler» — «Ему дали хлеб». Или «Biz dün dostumla beraber maç seyrettik» — «Вчера мы с другом смотрели матч».

Важно знать и то что отрицательная частица в турецком языке тоже является частью слова. Если при переводе с турецкого переводчик по какой-либо причине не заметит маленькую отрицательную частицу «-ma», спрятавшуюся в середине слова, получится предложение с совершенно искаженным смыслом («konuşmak» — говорить, «konuşmamak» — не говорить).

Еще одна особенность состоит в том, что турецкий язык очень логичен и структурирован. Изучающие этот язык, получают возможность мыслить категориями, а не просто думать о предметах.

Фразеологизмы турецкого и русского языков также отличаются друг от друга. В отличие от фразеологизмов русского языка, которые состоят как минимум из двух лексем, среди идиом турецкого языка выделяются не только сочетания, состоящие из двух, трех и более единиц, но и однословные наименования. При переводе фразеологизмов необходимо суметь выделить устойчивое сочетание в русском тексте, а для этого переводчик должен хорошо знать фразеологию турецкого языка. Самым простым является перевод необразной фразеологии. Например: «Yine annesi aklına düştü, ağlıyor». Использованный в данном случае фразеологизм «aklına düşmek» (дословно: упасть на ум) переводится на русский язык как «прийти на ум, задуматься». Значить перевод фразы будет так: «Он снова задумался о своей маме, плачет».

Есть еще фразеологизмы аналогичные по смыслу, но основанные на иных образах. Например, «kırmızı gömlek gizlenemez» (дословно: красную рубашку не спрячешь) — «шила в мешке не утаишь»; «yeşil ışık yakmak» (дословно: зажечь зеленый свет) — предоставить свободу действий, развязать руки, «дать зеленый свет», «дать добро».

Перевод неологизмов турецкого языка требует специальных знаний от переводчика. Иногда в турецком языке встречаются неологизмы, близкие по написанию, но резко отличающиеся друг от друга по смыслу. Например, «mağaza vitrini» — витрина магазина, а «magazin» — иллюстрированный журнал.

Но есть и такие неологизмы, имеющие одинаковый смысл со своими эквивалентами в русском языке. Эти неологизмы, как правило, состоят из заимствованных слов. «Например: atom — атом, laborant — лаборант, laboratuvar — лаборатория, labrador — лабрадор, kültür — культура, kültür ataşesi — атташе по культурным вопросам» [Меметов, 2010, с. 211].

Перевод междометий с турецкого на русский также требует от переводчика специальных знаний. Неправильный перевод может снизить эффект высказывания, или придать ему совсем другое значение. «Например, произношение междометия "vay" на турецком как "vay, vay, vay", а междометия "ай" на русском как "ай-ай-ай" выражает более яркие чувства» [Shakhin, 2013, с. 202]. Значить, для того что бы адекватно перевести такие междометия переводчик должен быть знаком всеми формами выражения эмоций и на языке оригинала, и на языке перевода.

В русском языке есть слова, заимствованные из тюрских языков. Яркая фонетическая примета тюрских заимствований — сингармонизм гласных, практически в русском языке дающий повторение одной и той же гласной в слове. Например, башмак, капкан, сазан, баклажан, каланча, капкан, амбар, (повторяется а), тулуп, сундук, чубук, чугун (повторяется у). Для некоторых слов тюрского происхождения характерны конечные — лык и ча: башлык, балык, шашлык, парча, каланча и т. д.

Так как современный турецкий язык при написании пользуется латиницей, а русский — кирилицей перевод турецких собственных имен на русский язык создает некоторые трудности для переводчика. В этом случае необходимо использовать транслитерацию. Например, некоторые турецкие собственные имена на русском языке пишутся так: Aka Gündüz — Ака Гюндюз, İhsan Doğramacı — Ихсан Догрмачи, Sabiha Gökçen — Сабиха Гёкчен, Cemal Gürsel — Джемаль Гюрсель и т. д.

В настоящее время большинство произведений известных представителей, классиков турецкой литературы переведены на русский язык. Тем не менее, русский читатель мало знаком с творчеством современных турецких писателей и поэтов. Сейчас важно уделять большое внимание именно переводу произведений современных турецких писателей. Наряду с этим устный перевод с турецкого на русский язык также имеет большое значение. Именно поэтому сейчас подготовка специалистов — переводчиков-синхронистов с турецкого на русский и наоборот имееть важную значимость. Так как ежегодно на турецкие курорты приезжают около миллиона россиян, которые нуждаются в синхронном и **последовательном переводе с турецкого на русский.** Кроме того, сейчас Турция является крупнейшим экспортером строительных материалов на российский рынок, а потому активно развивается и **технический перевод турецкого языка.**

Список литературы:
1. Буров А. Г. Изменения французских заимствований в турецком языке в области гласных звуков // Культура народов Причерноморья. № 89. 2006. С. 75–80.
2. Меметов И. А. Некоторые особенности перевода с турецкого языка // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62). №3. 2010. С. 208–214.
3. Кузнецов П. И. Учебник турецкого языка. Начальный курс. М.: Муравей-Гайд, 2000. 400 с.
4. Shakhin, Zulfiya. Türkçe Ve Rusça Ünlemlerin Çeviri Sorunları // İDİL, Cilt 2, Sayı 6. 2013. s. 198–210.

Сведения об авторе: Ровшан Рамиз оглу Алиев, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Сельджукский университет, Турция, e-mail: revshan@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATION FROM TURKISH INTO RUSSIAN

Dr. Rovshan Ramiz oglu Aliyev
Senior Lecturer, Selçuk University, Konya, Turkey, e-mail: revshan @mail.ru

Abstract

Specificity of translation from Turkish into Russian in the first place occurs from lexical and grammatic differences between the languages. For example, the majority of words in Turkish language are polysemantic. Naturally, translation of such words creates difficulty for unprofessional translator. Even sometimes, each meaning of such polysemantic words has several equivalent in the Russian language.

Another factor that creates difficulty in translation from Turkish into Russian is existence of words in both of the languages that have quite different meaning, although they are the same in spelling and sounding. Sometimes, problems occur also in translation of neologisms and idioms in Turkish language into Russian. And of course for the translator who doesn't know historical-cultural traditions of the people of the translated language, translation of such neologisms and idioms seems like something impossible.

Key words: translation of idioms, neologisms, loanwords, interjections, Turkism

References:
1. Burov A. G. (2006) Changes in the French loanwords in the Turkish language in vowels // Kul'tura narodov Prichernomor'ia (89), 75–80.

2. Memetov I. A. (2010) Some features of translation from Turkish // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriia «Filologiia. Sotsial'nye kommunikatsii». (3), 208–214.
3. Kuznetsov P. I. (2000) Textbook of Turkish language. Initial course. M.: Muravei-Gaid, 400.
4. Shakhin, Zulfiya. (2013) Translation Problems of Turkish and Russian interjections // İDİL, (6), 198–210.

О специфике перевода деловых турецких писем на русский язык

С. А. Лашукевич
Минский государственный лингвистический университет (Белоруссия)

Аннотация
В работе рассмотрены вопросы перевода турецких деловых писем на русский язык с учетов лингвистических специфик морфологии и синтаксиса турецкого языка. Результаты показали, что турецкое предложение, составленное по правилам литературной нормы языка с максимальной однозначностью компонентов, присущей деловому письму, возможно максимально эффективно перевести с опорой на лексические и грамматические средства его оформления. Развитие у студентов умений точно сегментировать текст письма позволит усовершенствовать и ускорить процесс перевода.

Ключевые слова: турецкий язык, перевод, деловая переписка, морфология, синтаксис

Деловая переписка занимает важное место в процессе установления контактов и обмена информацией в деловом общении. Бизнес-переписка между иностранными компаниями в наше время ведется посредством электронной почты, которая позволяет поддерживать оперативную обратную связь. Правильное понимание основного смысла текста на иностранном языке и интенций автора послания является залогом адекватной реакции получателя письма. В данной связи обработка и перевод текста делового письма переводчиком является важной задачей. Особую сложность в такой работе может представлять перевод текстов, авторы которых принадлежат к принципиально отличным языковым, культурным и геополитическим пространствам.

Создание делового письма ориентировано на достижение максимальной эффективности деловой коммуникации. Деловое письмо имеет собственный стиль, фразеологию, лексику и синтаксис. Стиль и язык делового письма — важнейшие его составляющие, потому что именно с их помощью выполняется основная функция письма — донести до адресата такую информацию, которая порождала бы действие определенного характера с определенным результатом. Особенностью современного этапа оформления деловых писем является их унификация, то есть такие письма пишутся кратко и с максимальной информационной загруженностью каждого слова [Полякова, 2006, с. 67].

Турецкое деловое письмо составляется по всем существующим правилам деловой переписки и может иметь следующие элементы композиции: заголовок, дату письма, наименование и адрес получателя письма, вступительное обращение, основной текст письма, заключительная форма вежливости, подпись, указание на приложение. Если говорить о способе ведения деловой переписки в наши дни, то это, естественно, электронные письма, отправляемые посредством сети Интернет.

Успешное общение между представителями деловых кругов турецко- и русскоговорящих обществ обусловлено корректным коммуникативным поведением, использованием соответствующих форм языка, стандартов и норм общения, которые, в свою очередь, проистекают из культуры и национальных особенностей. Специфику процесса деловой коммуникации между Турцией и русскоговорящим пространством обеспечивает влияние этнической психологии и менталитета, ценностных установок и фоновых знаний, которые необходимы для правильного употребления и интерпретации конкретных языковых форм. Отсутствие фоновых знаний может привести к коммуникативной неадекватности. Деловое письмо на русском и турецком языке должно учитывать данные факторы. Соответственно и перевод такого текста должен, во-первых, адекватно передать интенции автора, во-вторых, должен быть оформлен подходящими лингвистическими средствами.

На турецком языке встречаются письма следующих видов: письмо-предложение, письмо-подтверждение, письмо-отказ, письмо-запрос, письмо-извинение, письмо-жалоба (рекламация), письмо-благодарность, письмо-извещение. Необходимо отметить, что данные письма были составлены в соответствии с литературной нормой турецкого языка с использованием официально-делового функционального стиля. Структура данных писем является стандартной для такого вида переписки, и реальные намерения и цели автора, позволяющие отнести письмо к какой-то определенной группу, становятся понятны непосредственно из основного текста письма. Подобно традиционному деловому письму , турецкое письмо содержит адресата, вступительное обращение, основной текст письма, заключительная форма вежливости (Таблица 1.1).

Таблица 1.1. Письмо-запрос и перевод на русский язык

Композиционный элемент		Русский эквивалент
Вступительное обращение	*Sayın Bay Oleg Krotov*	Уважаемый господин Олег Кротов,
Основной текст письма	*Ekteki mallar için fiyatlandırma yapmanızı rica ederiz. Lütfen tüm fiyatları FOB olarak gösteriniz, ayrıca iş adresinizi ve fiyat kotasının süresinin ne zaman biteceğini belirtiniz.*	Просим вас сделать калькуляцию цены для товаров в приложении. Пожалуйста, укажите цены как FOB, кроме этого, укажите ваш рабочий адрес то, когда заканчивается срок действия цены.
Заключительная форма вежливости	*Saygılar, Faruk Turan*	С уважением, Фарук Туран

Переходя к рассмотрению вопроса собственно процесса перевода турецкого делового письма на русский язык, необходимо указать на принципиальные специфики морфологии и синтаксической организации турецкого слова и высказывания.

Среди характерных черт всех тюркских языков можно выделить их принадлежность к *агглютинативным я*зыкам, в которых ведущим способом словообразования и словоизменения является аффиксация, т.е. присоединение к корню или основе слова (в турецком языке их границы совпадают) в строго определенном порядке специальных формантов.

Одну из основных лингвистических специфик турецкого языка представляет его морфология. Агглютинативная система турецкой морфологии строится на принципе продуктивного аффиксального словообразования и словоизменения, а также на принципе подвижности лексических категорий в их грамматических трансформациях, когда в зависимости от синтаксических сочетаний субстантив адъективируется, адъектив субстантивируется, и тот и другой в определенных формах адвербиализируются. Этому закону подчиняется вообще вся категория имен в турецком языке. В системе этой подвижности и трансформаций каждая из номинативных категорий приобретает соответствующие формы, которые выражают грамматические и смысловые отношения между компонентами словосочетаний и предложений [Дениз-Йылмаз, 2006, с. 20]. Пример со словом *masalarımızdaki* ‘те, которые на наших столах’, демонстрирует это «движение»:

masa	*lar*	*ımız*	*daki*
имя сущ. ед.ч.	имя. сущ. мн. ч.	притяжат.	относит. прилаг. (какие?)

Действительно, если в русском языке слово как единица словаря и как единица морфологии, как правило, совпадают и частеречная принадлежность слова как бы устанавливается его морфологическими признаками, то в турецком языке слова в исходном виде трудно дифференцируются по частям речи, поскольку формально не маркированы, а при наращивании аффиксов грамматическая классовая принадлежность слова, может различаться с семантикой его корневой морфемы (см. пример выше) [Гузев, 1987, с. 93]. То есть разграничение возможно лишь на основе семантического содержания и синтаксической функции слова. Таким образом, касаясь знаменательных частей речи, в турецком языке уместным будет говорить не о морфологических классах, т.е. частях речи, но о лексико-семантических разрядах слов, которые имеют значения «предметности», «признака» и «действия». Это означает, что в турецком языке, по сути, присутствуют только разряды слов с *именной и глагольной* семантикой.

Принцип подвижности лексических категорий в их грамматических трансформациях, когда в зависимости от синтаксических сочетаний субстантив адъективируется, адъектив субстантивируется, и тот и другой в определенных формах адвербиализируются, в турецком языке также реализуется и в отношении глаголов [Дениз-Ылмаз, 2006, с. 22]. Результатом описанных трансформаций является появление целого разряда *глагольных имен*, изменяющихся по всем правилам именной парадигмы, но сохраняющих свою глагольную семантику.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными элементами письменного высказывания на турецком языке будут словоформы именных, глагольных и глагольно-именных разрядов, которые, располагаясь в определенном порядке, составляют общую схему предложения.

В турецком языке, в самом общем смысле, предложение состоит из подлежащего, дополнения и сказуемого. По мере добавления новых смыслов в общую структуру предложение вводятся такие дополнительные элементы, как, например, наречие места, обстоятельство времени, причины, следствия и другие.

Главнейшим среди главных членов турецкого предложения является сказуемое, в котором сосредоточены предикат и субъект и на котором лежит наиболее сильное ударение в предложении. Второе по силе ударение стремиться встать в начале предложения, т.е. главное ударение в конце, второстепенное в начале.

Пример ниже демонстрирует принцип организации турецкого предложения в деловом письме.

Sayın Bay Faruk Genç,

5 Hammadde fiyatlarındaki 5/1 artıştan dolayı, 4 size 3 göndermekte olduğumuz 2 malın fiyatını 1 yükseltmek zorundayız.

3 Fiyatlarımızı 2 yükseltmekten 1/1 elimizden geldiği kadar 1 kaçındık. 2 Zorunluluktan 1 daha fazla kaçınamıyoruz.

2 Bizdeki 2/1 değerli hesabınız için 1 teşekkür ederiz. 3 Bizi 2 anlayacağınızı 1 ümit ederiz.

В примере пронумерованы части предложения в том порядке, в котором может идти стандартное движение по предложению в процессе перевода. Далее, переводчику необходимо подобрать переводные эквиваленты для каждого отрезка и перегруппировать их по номерам в порядке возрастания. В итоге будет получен набор отрезков предложений с переводами, продемонстрированный в таблице 1.2.

Таблица 1.2. Письмо-извещение с переводом

Sayın Bay Faruk Genç,	Уважаемый господин, Фарук Генч,
1 yükseltmek zorundayız	1 мы вынуждены повысить
2 malın fiyatını	2 цену товара
3 göndermekte olduğumuz	4 который мы отправляем
4 size	4 вам
5/1 artıştan dolayı	5/1 из-за роста
5 Hammadde fiyatlarındaki	5 цены на сырье
1 elimizden geldiği kadar kaçındık	1 мы избегали на сколько возможно
2 yükseltmekten	2 повышения
3 Fiyatlarımızı.	3 наших цен
1 daha fazla kaçınamıyoruz	1 более мы не можем избегать
2 zorunluluktan.	2 необходимости
1 teşekkür ederiz	1 благодарим
2/1 değerli hesabınız için	2 за ваш ценный заказ
2 Bizdeki.	3 у нас
1 ümit ederiz	1 мы надеемся
2 anlayacağınızı	2 что вы поймете
3 Bizi.	3 нас

Список литературы:

1. Гузев, В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 141 с.
2. Дениз-Йылмаз, О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 227 с.
3. Полякова, С. Е. Жанровые особенности текстов деловых писем в английском языке / Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. 260 с. С. 67–68.

Сведения об авторе: Сергей Анатольевич Лашукевич, аспирант кафедры информатики и прикладной лингвистики, Минский государственный лингвистический университет, e-mail: sergey_lashukevich@yahoo.com

PECULIARITIES OF TRANSLATING TURKISH BUSINESS LETTERS INTO RUSSIAN

Sergey A. Lashukevich
Post-graduate student of Informatics and Applied Linguistics Department, Minsk State Linguistic University, Belarus, e-mail: sergey_lashukevich@yahoo.com

Abstract

The article is devoted to the issues of translation of Turkish business letters in Russian taking into consideration peculiar features of Turkish morphology and syntax. The results have shown that when a Turkish sentence is composed according to the normative literary rules of written speech with maximum monosemy of components of a business letter, it is possible to translate it relying on lexical and grammatical components. The development of correct text segmentation habit in students will set the basis for prompt and improved translation process.

Key words: Turkish, translation, business correspondence, morphology, syntax

References:

1. Guzev V. G. (1987) On Outline of Turkic Inflections: Nouns. 141 p.
2. Deniz-Yilmaz O. (2006) The category of action nominalization in the Turkish Language. 227 p.
3. Polyakova S. E. (2006) The Generic Peculiarities of Business Letters in English. Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki: sbornik nauchnyh statej. 67–68.

Лингвокогнитивный аспект перевода лексико-семантической системы английского языка на русский

И. Г. Жирова
Московский государственный областной университет

Аннотация

Статья посвящена лингвокогнитивному анализу лексико-семантической системы английского языка в сопоставлении с русским. В ней затрагиваются вопросы парадигматических связей между словами и словосочетаниями в лексико-семантической системе языка. В статье также рассматривается принцип словесной оппозиции. Проблемы перевода лексико-семантической системы анализируются с точки

зрения когнитивного подхода, являющегося одним из наиболее актуальных в современной науке о переводе.

Ключевые слова: лексико-семантическая система, теория оппозиций, парадигматические связи, лексическая группировка, фрейм, терминал, концепт

Необходимость изучения слов и словосочетаний не изолированно, а системно, в соотношениях с другими словами и словосочетаниями, является весьма важной проблемой для многих лингвистических дисциплин. В языке существуют общие закономерности развития значений у слов, связанных по смыслу. Однако попытки представить словарный состав как единую систему были сделаны только в XX веке. Из первых работ, посвященных системному изучению лексики, наиболее известны труды немецкого лингвиста Йоста Трира, который утверждал, что значение слова определяется его окружением [Trier, 1968]. Именно Й. Трир и Л. Вайсгербер в 20–30 годы XX века впервые начали разрабатывать теорию семантического поля, используя парадигматический подход к лексическому составу языка [Trier, 1968; Wiesgerber, 1963]. В то время как разработка синтагматического (синтаксического) подхода связывают с именем В. Порцига [Porzig, 1957].

Основание связи слов лингвисты видят в существовании определенной взаимозависимости между обозначаемыми предметами и явлениями. Вероятно, взаимозависимость между ними объясняет наличие в лексико-семантической системе языка таких общих для всех языков родовидовых (гиперо-гипонимических) связей, как *части* <—> *целого*, *причины* <—> *следствия*, *общего* <—> *частного* и пр.

Однако связь между словами можно объяснить и с когнитивных позиций, с учетом особенностей устройства мыслительного аппарата, представленного ментально-лингвальным комплексом языковой личности (МЛК ЯЛ). МЛК ЯЛ — это функционирующее на основе человеческого мозга информационное по природе единство, обеспечивающее восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и трансляцию информации [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 19–21; Жирова 2012, с. 25–31]. Ученые, занимающиеся вопросами нейролингвистического программирования, считают, что в коре головного мозга образуются объединения слов по семантическому признаку [А. А. Гируцкий, И. А. Гируцкий, 2010]. Лингвистический анализ словарного фонда языка приводит к выводу о том, что связь лексических единиц осуществляется а) общностью семантических компонентов в их составе, б) общностью формы и в) общностью и компонентов и формы, на что указывал еще Ф. де Соссюр [Соссюр, 2006].

Исследованию структурных связей между словами и словосочетаниями в лексико-семантической системе языка должно уде-

лить большее внимание, так как это весьма важно для такой новой лингвистической науки, как *переводная лингвокогнитология*. Новое направление в теории перевода связано с пониманием адекватной когнитивной обработки информации, хранящейся в памяти переводчика как транслятора информации и знаний с одного языка на другой. Лексический пакет информации в памяти языковой личности переводчика выполняет значимую роль в выборе лексем при передаче (трансляции) информации с одного языка на другой.

Так, в лексико-семантических группах (словарных информационных блоках), представленных в толковых словарях, схематизированы и унифицированы словарные знания языка в несколько усеченном виде. Генеологически в настоящее время для многих английских лексем и устойчивых словосочетаний в речевой коммуникации свойственно широкое преобразование (трансформация) значений: семантическое расширение значений слова или приобретение им нового значения. Этот процесс связан с коммуникативными сбоями, влекущими за собой нарушение норм и стандартов в употреблении лексем и выражений (словосочетаний). Всеохватывающее изобилие слов с новыми значениями, как правило, не отражено в словарях и словарных справочниках, требующих времени для обработки новой информации. Так, Ч. Филлмор, в частности, отмечает, что «… базис знания и практики — сложный фрейм, стоящий за этой областью словаря, — являет собой основание образа, который может быть представлен любым из отдельных слов. Такой фрейм образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [Филлмор, 1988, с. 54].

Особый интерес для нас в когнитивном плане представляет структурирование знаний в области лексики, так как этот вопрос непосредственным образом связан с проблемой перевода слов и словосочетаний на лексическом уровне с одного языка на другой. Знания, заключенные в лексеме или выражении и отраженные в тексте одного языка, не будут абсолютно идентичны знаниям, представленным в другом языке. В основе информационного взаимодействия языков лежит действительность как объект отражения и познания, по-разному воспринимаемая и интерпретируемая в них. Разность трансляции информации в языках объясняется национальными культурологическими особенностями их становления и развития. Целостное представление о мире отражено в языковой картине мира (ЯКМ), раскрывающей склад мышления нации: национальное мировосприятие и мирооценку. Так, О. А. Корнилов отмечает, что «своего рода „очками“, через которые представители данной культуры смотрят на мир и благодаря которым видят в этом мире только ТО и только ТАК, как и другие носители таких же „очков“, безусловно,

является национальный склад мышления, который зафиксирован в национальном языке представителей данной культуры» [Корнилов, 2011, с. 77].

Лингвистами разработано несколько классификаций, в рамках которых парадигматические связи подразделяют на внутренние (элементы взаимодействуют между собой внутри группировки) и внешние (элементы одной группировки взаимодействуют с элементами другой). Различают прямые связи и обратные, симметричные и асимметричные, непосредственные и опосредованные и пр. [ЛЭС, 1990, с. 366–367].

В целях системного изучения лексики в современной лингвистике широко и плодотворно используется теория оппозиций [ЛЭС, 1990, с. 348]. Принцип оппозиций очень важен, так как ни одна лексема не имеет лингвистической значимости сама по себе, а только в противопоставлении другим единицам системы. Под словесной (лексической) оппозицией понимается пара лексических единиц, сходных по тем или иным компонентам и в то же время различающихся по другим, как имплицитно, так и эксплицитно выраженным компонентам. В языковых когнитивных системах информация структурирована и унифицирована в концептуальных оппозициях, представленных во фреймовых терминалах.

Традиционно, как и в фонологии Н. С. Трубецкого, в лексическом составе языка выделяют такие оппозиции, как нулевые, привативные и эквиполентные [ЛЭС, 1990, с. 348]. Эти оппозиции организуют лексико-семантическую фреймовую, состоящую из информационных слотов, систему языка в целом. В *переводной лингвокогнитологии* значительной проблемой является передача фреймов с нулевым или близким к нулю соответствием. Так, в целевой культуре, на язык которой нужно транслировать информацию, либо невероятно трудно, либо невозможно найти концепт, который бы полностью соответствовал концепту исходной культуры.

Например, *Ch. Graham*, представитель западной компании, проживающий в настоящее время в России, рекомендует своим соотечественникам: *Find time to take a more personal approach to your staff — simple corporate events such as bowling night, or a weekend away at a '**dom otdykha**' (**an out-of-town sanatorium**) does wonders for team building…* [Graham, 2009, p. 16]. Автор высказывания, пытаясь донести до сознания носителей английского языка незнакомую русскую реалию «*дом отдыха*», вводит ее в текст высказывания при помощи переводческого приема *транскрипции* ('*dom otdykha*'), предполагающего максимально допустимое фонетическое приближение к оригинальной фонетической форме. Однако, осознавая, что смысловое содержание словосочетания остается в «зоне недоступности» для носителей английского языка, он передает семантику *dom otdykha* через *an out-of-town sanatorium*. Однако при

переводе этой реалии происходит не только потеря национальной окраски, но и ее полная замена. В английском языке *sanatorium* представляет собой "*establishment for the treatment of invalid or convalescent people*" [OALDCE, 1982, V. 2, p. 249], что вполне соответствует русской лексеме «*санаторий*». Так, Я.И. Рецкер в таких случаях отмечал необходимость использования приема смыслового развития, который «заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую иностранного слова (ту сему), которая подлежит реализации в данном контексте» [Рецкер, 2007, с. 45]. J. Povey предлагает дескриптивный перевод этой реалии: «*дом отдыха has no English equivalent… Holiday home or holiday centre can be used as approximate translations, although they need to be supplemented by a description when talking to English people*» [Povey, 1978, p. 192].

Переводная лингвокогнитология подразумевает наличие фреймового термина у русской реалии «*дом отдыха*». Для того чтобы перевести это устойчивое словосочетание на английский язык, необходимо активировать его фреймовый терминал, представленный в виде информации — культурологического знания — в русской словарной статье: «*дом отдыха — стационарное учреждение для отдыхающих*» [СРЯ, 1978, с. 429]. Так, в дефиниции структурирована описывающая этот объект-реалию информация: стационарное = постоянное/не передвижное; учреждение = организация, ведающая какой-то отраслью работы; отдыхающий = не работающий, восстанавливающий силы [СРЯ, 1978]. Основной (ключевой) темой материального объекта *дома отдыха*, очевидно, является лексема *отдых*, которая имеет несколько способов передачи на английский язык (*holiday, vacation, rest*). Отметим, как несомненный контакт между системами знаний об *отдыхе* в двух языках (*свободное* от работы и занятий *время*), так и различия. Лексема *rest* (*absence of energetic movement*) в английском языке в отличие от русской лексемы *отдых* включает в обязательном порядке информацию о состоянии *пассивности* (*отдых = покой*). В русской лексеме *отдых* информация об этом состоянии является факультативной, дополнительной. Вот почему в английском словаре OALDCE выражение *rest home* представлено как: "*place where old or convalescent people are cared for*" [OALDCE, 1982, V. 2, p. 218], что больше соответствует русскому выражению «*дом ухода за престарелыми и больными*». Для английского слова *vacation* первично значение "*weeks during which universities and law courts stop work*" [OALDCE, 1982, V. 2, p. 445], соответствующее русской лексеме *каникулы*. Таким образом, выражение *дом отдыха* приблизительно можно перевести на английский язык как *holiday home*, или *holiday centre* [Povey, 1978, p. 192], при необходимости дополнительно прокомментировав информацию, заключенную в этом устойчивом словосочетании.

В привативных оппозициях выражаются *родовидовая*, *партитивная* (связь *части* <—> *целого*) и *градуальная* связи, свойственные, в частности, синонимическим рядам. Эти связи обусловливают иерархическое, многоступенчатое устройство лексико-семантической системы: отношение, когда слово более высокого уровня включается своим значением в слово более низкого уровня.

Например, английские прилагательные *clever* и *intelligent* отличаются друг от друга по некоторым смысловым признакам: а) основы способности; б) рода умственной деятельности; в) глубины и скорости протекания умственного процесса. Отметим, что лексема *clever* указывает на «природную сообразительность, проявляющуюся и в легкости усвоения информации (может быть без способности уловить некоторые тонкости), и в умении выбрать оптимальную линию поведения в сложившихся обстоятельствах» [АРСС, 1979, с. 230]. В то время как *intelligent* подразумевает «ум, развившийся в результате образования или влияния культурной среды и способный к глубокому и тонкому анализу сложных ситуаций, к принятию решений, учитывающих все детали обстановки» [АРСС, 1979, с. 230]. Таким образом, во фреймовом терминале лексемы *clever* наблюдается информационный слот «*умный, талантливый, способный и одаренный*», а в терминале лексемы *intelligent* — «*умный, разумный, понятливый, смышленый, знающий, понимающий, образованный*». Именно фреймовые терминалы лексем *clever* и *intelligent* обусловливают перевод словосочетаний с ними. Их фреймовые слоты дают возможность выбора необходимой для перевода информации. Например, английское выражение *a clever boy* можно перевести на русский язык через лексемы *умный / толковый / талантливый / одаренный мальчик* (*ребенок*); а выражение *an intelligent child* — при помощи лексем *умный / способный / понятливый / развитой ребенок*. Выбор той или иной лексемы при переводе данных словосочетаний зависит только от контекста.

В эквиполентных оппозициях выражаются такие связи, для которых характерно наличие общих и разных компонентов у слов, связанных привативно с одним и тем же элементом системы (например, антонимическая связь). Эти связи определяют развертывание лексико-семантической системы языка вширь.

Например, фреймовый терминал лексемы *clever* предполагает два антонимических слота (ряда): а) *stupid, slow, backward, dull*; б) *clumsy, maladroit, inert*, в то время как *intelligent* — один антонимический слот: *stupid, slow, dumb*. Весьма любопытно, что фреймовые терминалы антонимических рядов для прилагательных *clever* и *intelligent* практически совпадают, а ключевая тема передается через лексему *stupid*, являющуюся ядерной (основной) антонимического слота во фреймовом терминале *clever / intelligent*.

Подчеркнем, что привативные отношения рассматривают как системообразующие по вертикали, а эквиполентные — как системообразующие по горизонтали. Эта классификация основана на наличии у слов общих (синонимических), так и оппозиционных (антонимических) семантических компонентов.

Таким образом, лексико-семантическая система любого языка имеет сложную организацию, в которой лексические единицы объединены парадигматическими связями, в том числе и на лингвокогнитивном уровне. В процессе же речевого развертывания лексем между ними возникают синтагматические связи, которые могут расширять и их парадигматические связи.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. и др. Англо-русский синонимический словарь (АРСС). М.: Изд-во «Русский язык», 1979, 546 с.
2. Арутюнова Н. Д. и др. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 683 с.
3. Гируцкий А. А., Гируцкий И. А. Нейролингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2010, 191 с.
4. Жирова И. Г. Лингвистическая категория «эмфатичность» в антропоцентризме. Языковая личность Маргарет Тетчер в эмоционально-оценочном дискурсе. М.: URSS, 2012, 256 с.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во КДУ, 2011, 350 с.
6. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. М.: Изд-во Ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 1997, 414 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка (СРЯ). М.: Изд-во «Русский язык», 1978, 352 с.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007, 240 с.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: URSS, 2006, 256 с.
10. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 52–92.
11. Graham Ch. The Russian Labyrinth — an Introduction // Russia for Beginners. M.: The Moscow Times. P. 8–21.
12. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALDCE). L.: Oxford University Press, 1982. V. 1–2.
13. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Bern, 1957, 257 p.
14. Povey J. English at Leisure. M.: Изд-во «Высшая Школа», 1978, 354 с.
15. Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld. Zurich, 1968, 437 p.
16. Weisgerber L. Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen. Dusseldorf, 1963, 231 p.

Сведения об авторе: Жирова Ирина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Московский государственный областной университет, e-mail: zhirova557@yandex.ru

THE LEXICAL SEMANTIC SYSTEM IN ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION: COGNITIVE LINGUISTIC ASPECT

Dr. Irina G. Zhirova
Professor, Moscow State Regional University, e-mail: zhirova557@yandex.ru

Abstract

The article raises some issues of lingual-cognitive analysis of lexico-semantic systems of the English and Russian languages. It discusses problems of paradigmatic ties which connect words and word combinations in the language lexico-semantic system. The article focuses on the principle of opposition. The cognitive approach to translation of the lexico-semantic system is the most topical in the contemporary theory of translation.

Key words: lexico-semantic system, the theory of opposition, paradigmatic ties, sector of the vocabulary, frame, terminal, concept

References:

1. Apresian Y. D. (1979) English-Russian dictionary of synonyms (ARSS). M.: Izd-vo «Russkii iazyk», 546 p.
2. Arutiunova N. D. (1990) Linguistic encyclopedic dictionary (LES). M.: Izd-vo «Sovetskaia entsiklopediia», 683 p.
3. Girutskii A. A., Girutskii I. A. (2010) Neirolinguistics. Minsk: TetraSistems, 191 p.
4. Zhirova I. G. (2012) Linguistic category "emphatic" in anthropocentrism. Margaret Thatcher's linguistic personality in emotional and evaluative discourse. M.: URSS, 256 p.
5. Kornilov O. A. (2011) Linguistic world-images as a part of national mentality. M.: Izd-vo KDU, 350 p.
6. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. (1997) Russian agnons. M.: Izd-vo In-ta russkogo iazyka im. A. S. Pushkina, 414 p.
7. Ozhegov S. I. (1978) Russian dictionary (SRIa). M.: Izd-vo «Russkii iazyk», 352 p.
8. Retsker Y. I. (2007) Translation theory and translational practice. M.: R. Valent, 240 p.
9. Sossjur F. de. (2006) Course of general linguistics. M.: URSS, 256 p.
10. Fillmor Ch. (1988) Frames and semantics of understandingt // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: kognitivnye aspekty jazyka (23). M.: Progress, 52–92.
11. Graham Ch. The Russian Labyrinth — an Introduction // Russia for Beginners. M.: The Moscow Times. 8–21.
12. Hornby A. S. (1982) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALDCE). L.: Oxford University Press, V. 1–2.
13. Porzig W. (1957) Das Wunder der Sprache. Bern, 257 p.
14. Povey J. English at Leisure. M.: Изд-во «Высшая Школа», 1978, 354 c.
15. Trier J. (1968) Altes und Neues vom sprachlichen Feld. Zurich, 437 p.
16. Weisgerber L. (1963) Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen. Dusseldorf, 231 p.

Когнитивные стратегии в решении переводческих задач

С. А. Зыкова
Нижневартовский государственный университет

Аннотация
В статье рассматриваются особенности и способы разработки специальных когнитивных стратегий, направленных на решение ряда коммуникативных задач с целью обеспечения эффективности переводческого процесса и выявления потенциала отдельно взятого лингвистического знака. В рамках классической трёхуровневой модели перевода (понимание — перевод — текстопорождение) нами рассмотрен алгоритм когнитивно-обусловленных текстовых манипуляций, направленных на поэтапное достижение результатов переводческого процесса. Детальное изучение языкового контекста, антиципация и моделирование на первом этапе, создание динамических фреймов и определение концептуальных значений на втором, и, наконец, следование принципу теории динамической эквивалентности на заключительном этапе перевода должны способствовать в результате раскрытию коммуникативной функции переводимого текста, сути авторского намерения.

Ключевые слова*:* когнитивный подход, переводческие стратегии, инференция, концептуализация, динамическая эквивалентность

Когнитивное направление в лингвистике в настоящее время является достаточно востребованным и актуальным, объединяющим целый ряд научных школ и исследовательских центров в нашей стране и за рубежом. Когнитивный подход делает акцент на особой роли человеческого фактора в познавательном и речемыслительном процессах, на индивидуальном знании отдельного участника коммуникации, его повседневном опыте осознанного и неосознанного познания окружающего мира, на его роли в формировании смысла высказывания и значений отдельных языковых единиц [Болдырев, 2001, с. 4]. Когнитивное направление в корне меняет представление о лингвистической задаче, ставит новые вопросы и формирует новый взгляд на природу языкового знака. Появляется возможность, например, говорить не просто о степени эквивалентности сопоставляемых в двух языках единиц, но и о совпадении, несовпадении, наложении, а также о взаимопроникновении и взаимовлиянии концептуальных областей, стоящих за ними. Понимание того, что язык — это средство передачи мысли, накопленных знаний как вербального, так

и невербального характера, привело к изучению способов организации и взаимодействия разных типов знаний в различных лингвокультурах.

Исследование когнитивных процессов в рамках лингвистической науки неизбежно коснулось и современного переводоведения. Под профессиональной компетентностью переводчика принято понимать интегративную характеристику личности специалиста, включающую лингвистическую, социокультурную, психологическую и информационную компетенции [Бушев, 2010, с. 13]. В отношении современного переводчика это не только знание вокабул, нормативности и правил грамматики и орфографии, но и свободное владение жанрово-стилевой палитрой речи, знание правил политкорректности, умение ориентироваться в различных типах дискурсов. Перевод как воссоздание определенной когнитивной модели подразумевает не только понимание и передачу плана содержания, но и адекватную интерпретацию коммуникативного намерения автора, осмысление и оценку авторского замысла.

В процессе обучения иностранному языку, студенту предлагаются различные способы приобретения и сохранения в памяти информации о системе языка и новой культуре, а также варианты использования этой информации в речи в процессе межкультурной коммуникации. В данном случае речь идет о стратегиях овладения иностранным языком. Понятие стратегии достаточно широко трактуется современной наукой. Так, в рамках когнитивного подхода Дж. Брунера стратегии рассматриваются как определенный набор ментальных операций [Брунер, 1977]. В трудах Т. Ван Дейка, предложившего когнитивную модель анализа дискурса, встречаются несколько видов разноплановых стратегий (стратегии мышления, стратегии понимания связного текста, речевые стратегии этнических убеждений и проч.) [ван Дейк, 1989, с. 295].

Интересной представляется теория деятельностной стратегии, предложенная В. В. Гусевым, в которой способ действий определяется субъектом. Вслед за данным автором, под стратегией в нашей работе мы понимаем «способ самоорганизации личности в процессе определенного вида деятельности» [Гусев, 2005, с. 18]. В рамках образовательного процесса говорят о стратегиях как о манере отбирать, приобретать, организовывать и интегрировать знания.

Когнитивные стратегии в процессе овладения навыками перевода — это не просто мыслительные операции, осуществляемые обучаемым для кодификации нового языка, но и способы интерпретации, адаптации полученных знаний в рамках той области, в которой осуществляется перевод. Такие стратегии обусловлены важностью не только первого этапа «понимания», но и последующих этапов непосредственно «перевода» и «порождения нового текста», где важными

представляются: подбор, иерархия, последовательность выполнения действия, способы и средства контроля и оценки результата. Иными словами, стратегия включает не просто набор действий в рамках определенной деятельности с целью получения определенного результата, но и способы рациональной организации этой деятельности.

Если взять за основу классическую трехуровневую модель перевода (*понимание — перевод — порождение нового текста*), то, с учетом вышесказанного, можно выделить ряд стратегий, соотносимых с когнитивными ресурсами человека и обусловливающих эффективность действий на каждом этапе переводческого процесса.

На уровне *понимания* происходит восприятие иноязычного текста и постижение его смысла на основе поиска концептуальных соответствий значений, заложенных в тексте, знаниям переводчика. Здесь же возможен процесс антиципации, прогнозирующий итоговое развертывание текста на языке перевода [Ремхе, 2011, с. 263]. Важным на данном этапе является тщательное изучение заданного лингвистического контекста с целью извлечения информации как языкового, так и экстралингвистического плана. В иноязычной методической литературе данная стратегия именуется как инференция (inferencing), что значит «вывод, заключение на основе представленных фактов, деталей». Умелый анализ языкового материала (рассмотрение контекстуальных значений, синтагматической структуры), внешних сопутствующих характеристик (иллюстрации, выделения в тексте) наряду с анализом авторского стиля позволит грамотно выстроить следующие этапы перевода.

Так, например, перевод торгового наименования *Bodywork shampoo conditioner* (автошампунь-кондиционер) первоначально представляет трудности как семантического, так и прагматического плана. Во-первых, неоднозначность семантики и внутреннее значение формы *bodywork* (корпус машины), маркирующей технический термин и во-вторых, стереотипное соотнесение сочетания *shampoo conditioner* с совершенно иной сферой применения могут представлять собой определенную задачу на уровне переводческой инференции.

Не первом этапе переводческого процесса очень важным является так называемое «снятие первого барьера сложности», которое достигается в момент «узнавания» текстовой модели, т.е. путем соотнесения данного для перевода текста с тем или иным текстотипом. Работа над переводом определенного текстотипа, с одной стороны, потребует в дальнейшем от переводчика поиска тех же специфических моделей текста на языке перевода, но, с другой стороны, знание таковых и их умелое соотнесение в двух языках позволит на этапе перевода пойти по пути воспроизведения, копирования уже знакомого текстового материала. Согласно гипотезе, предложенной в книге испанского лингвиста Хуана Хесуса Саро, «перевод — это всегда

лишь имитация, полная или частичная переводов, которые уже когда-то имели место или схожих по тематике текстов» [Zaro, 1998, с. 31]. В этом случае, несомненно, важен опыт переводчика в умении создать своеобразную базу текстотипов, текстовых категорий, в соответствии со свойственными им лексическими, синтаксическими, прагматическими и функциональными особенностями.

На этапе первичного восприятия текста важным представляется также соотнесение предлагаемого материала с имеющимся лингвокультурным опытом переводчика (в англоязычной методической литературе — термин *elaboration*). Для того чтобы информация была понята, она должна быть соотнесенной с той информацией, которой уже обладает переводчик, восприниматься не на пустом месте, а быть «нанизанной» на уже готовые концептуальные образы. Если значение не может быть вычленено из предлагаемого контекста, оно может быть смоделировано, сконструировано при помощи когнитивных ресурсов памяти переводчика.

На этапе перевода осуществляется мысленное создание динамических фреймов (ситуативных концептуальных образов) на основе текста оригинала и их сопоставление со схожими им концептуальными структурами в языке перевода. Стратегически важным здесь является умение сжать, законспектировать, кратко изложить или резюмировать предлагаемое текстовое содержание. В этот момент переводчик отвлеченно от предлагаемой формы представляет некий план, основу ее концептуального содержания. Как известно, когнитивный подход в переводоведении следует принципу: перевести — значит девербализовать концепты. Но сначала переводчику необходимо данные концепты обозначить. Составление списка ключевых слов, разработка семантических карт, нахождение семантических соответствий внутри описываемых концептов является важной частью данного процесса. Подобные тактики должны быть доведены до совершенства в отношении устного переводчика, обучающегося искусству скорописи, оттачивающего в процессе обучения скорость реакции и внимания.

На заключительном этапе, когда переводчик производит новую иноязычную модель предложенной ему концептуальной структуры, важным является, в первую очередь, максимально полное сохранение ее содержания. Форма представления в этом случае менее значима. Важным постулатом в русле когнитивного подхода в рамках теории «динамической эквивалентности» является мысль о том, что «любое слово из языка оригинала, в зависимости от лингвистической ситуации, может иметь различные варианты соответствия в языке перевода (Eugene Nida, 1964) [ссылка по: Zaro, 1998, с. 51]. Большим значением обладает текстовая функция, коммуникативное намерение автора оригинала и степень ее сохранения в переводе.

При этом, в наиболее адекватном из нескольких вариантов перевода, степень эквивалентности может быть, как наибольшей, так и наименьшей:

Ha transcurrido poco más medio año desde que se formó nuevo Gobierno, y aunque es todavía muy pronto para hacer balance, probablemente ha pasado ya un tiempo suficiente para mirar con objetividad el estado actual de España.

После формирования нового правительства прошло чуть больше года, и хотя ещё рано делать какие-то выводы, возможно, уже прошло достаточно времени для того, чтобы объективно проанализировать современное положение Испании (1).

Прошло всего полгода с момента образования нового правительства, и хотя ещё рано подводить итоги, этого времени уже достаточно для того, чтобы дать объективную оценку нынешнему положению Испании (2).

Прошло немногим более полугода с момента формирования нового правительства, и хотя еще не время подводить какие бы то ни было итоги, прошло уже достаточно времени, чтобы объективно взглянуть на реальное положение государственных дел в Испании (3).

Одним из востребованных приемов, как в практике профессионального перевода, так и в учебном процессе является переписывание текста перевода, который уже был сделан. Перефразирование, замены на уровне слова и целой синтагмы позволяют добиться точности изложения на родном языке, что зачастую является непростой задачей.

Успешным результатом такого трехступенчатого стратегически выверенного плана переводческого процесса должно явиться раскрытие коммуникативной функции переводимого текста, сути авторского намерения, способность вызвать у читателя текста перевода те же эмоции, реакции, желания, что и у читателя текста оригинала.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
3. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика: научное издание/ А. Б. Бушев. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. 265 с.
4. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ./ сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Гусев В. В. Семантические и стилистические аспекты перевода // Вестник МГЛУ. 2005. Вып. 506. М.: МГЛУ, 2005. С. 8–24.
6. Ремхе И. Н. Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса // Вестник Чел. гос. ун-та. 2011. №24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 262–264.

7. Zaro J. J., Truman M. Manual de traducción. Madrid: Sociedad General Española de Librería, S. A., 1998.

Сведения об авторе: Зыкова Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, Нижневартовский государственный университет, e-mail: sveta_zyk@smail.ru

COGNITIVE STRATEGIES IN THE TRANSLATION PROCESS

Dr. Svetlana A. Zykova
Associate Professor, Nyzhnevartovsk State University, e-mail: sveta_zyk@mail.ru

Abstract

This article is aimed to explore the ways of developing specific cognitive strategies in the translation process. The strategies are used in resolving some particular translation tasks with the aim of revealing the semantic and communicative potential of the language sign. Taking into consideration the generally known 3-level model of the translation (understanding — translation — text production) we elaborate a number of tasks conditioned by the cognitive mechanisms and determined to achieve gradually the efficient results in the translation process. Such strategies as inferencing, elaboration and text type defining on the first level of the translation process, searching for the conceptual meaning on the second, and following the principle of the dynamic equivalence on the text production level contribute finally to the unveiling of the communicative function of the text under investigation.

Key words: cognitive strategies, translation, conceptual meaning, inferencing, dynamic equivalence

References:

1. Boldyrev N. N. (2001) Cognitive semantics: series of lectures on English Philology. Tambov: *TSU*.
2. Bruner J. S. (1977) Cognitive psychology. Beyond the information given. Moscow: *Progress*.
3. Bushev A. B. (2010) Linguistic Personality. Tver: *Laboratoriya delovoi grafiki*.
4. Teun van A. Dijk (1989) Language. Cognition. Comunication. Moscow: *Progress*.
5. Gusev V. V. (2005) Semantic & Stylistic aspects of Translation. *Vestnik MSLU (506)*, 8–24.
6. Remkhe I. N. (2011) Linguistic Personality of the Translator & Cognitive Aspects of the Translation Process. *Vestnik CSU 24(57)*, 262–264.
7. Zaro J. J., Truman M. (1998) Manual de traducción. Madrid: Sociedad General Española de Librería, S. A.

В мастерской переводчика: как преодолеть диссонанс при переводе научно-технических текстов

О. Ю. Шубина
Кыргызско-Российский Славянский университет
(Киргизия)

Аннотация
Данная статья посвящена актуальному в лингвистике исследованию диссонанса в переводе научно-технических текстов. Основное содержание статьи составляет анализ перевода текстовых фрагментов протокола верификации. Целью статьи является выявление способов предотвращения диссонанса в переводе научно-технических текстов. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка рассмотреть влияние диссонанса на качество переводов научно-технических текстов. В статье обобщен практический опыт студентов-переводчиков в выявлении причин возникновения диссонанса и определении способов его преодоления. На основании результатов проведенного анализа устанавливаются основные причины, которые могут привести к возникновению диссонанса при переводе на экспрессивном и рецептивном уровнях. Это игнорирование грамматического, ситуативного и когнитивного контекстов, неправильный перевод атрибутивных словосочетаний, неверное использование переводческих трансформаций, несоблюдение особенностей научно-технического стиля, неверное актуальное членение предложения.

Ключевые слова: диссонанс, научно-технический текст, преодоление

Nowadays there is a great demand for scientific-technical texts translators due to advancement of science and technology. However, quality of translations is often very low. On one hand, it is due to a lack of consideration of morphological, syntactical, lexical and compositional features of scientific-technical style. On the other hand — insufficient knowledge of the subject-matter of scientific-technical texts. As a result, we come across such a linguistic phenomenon as dissonance that can be defined as distortions and discrepancies in the process and results of translation. Reasons for dissonance can be a lack of wide cultural outlook, of background knowledge and knowledge of the source language culture, and the translation subject on the whole [Шевнин, 2009, с. 38].

In fact, there are two types of translators: linguist translators and engineer translators. The former usually need penetration into the technical

subject matter, the latter need good language skills. We strive for training linguist translators, who can combine both. We conduct workshops aimed at teaching students to use their linguistic potential and develop their technical cogitation.

Here we give some fragments of Verification Protocol translation into Russian during one of such workshops. The students were to detect reasons for dissonance occurrence and to suggest ways of its prevention.

… *security/privacy and accuracy seem to be opposing objectives* [Upmanyu, 2010, c. 1].

… безопасность/ конфиденциальность и точность — противоположные задачи.

Firstly, grammatical context was neglected in the translation: the Infinitive construction of the Complex Subject, and it led to a rather categorical statement, uncertainty of the situation is lost. Secondly, attainment of *security/ privacy and accuracy* are not completely conflicting tasks, otherwise it would be impossible to fulfill them simultaneously. Dissonance could have been prevented by translating the sentence by a compound one, the principal clause of which is indefinite-personal and by adding some helpful words:

…***кажется***, *что* ***достижение*** *безопасности/ конфиденциальности и* ***стремление*** *к точности являются* ***несовместимыми*** *задачами.*

(2) *We overcome this seemingly unavoidable compromise by designing the classifier in the plain feature space, which allows us to maintain the performance of the biometric* [Upmanyu, 2010, c. 2].

Мы преодолеваем этот, по-видимому, неизбежный компромисс путем создания классификатора в простом пространстве признаков, который позволяет нам поддерживать выполнение функций биометрических данных.

A clear reason for dissonance here is improper translation of the word *compromise which* is a trap word here. Dissonance can be prevented by taking into account situational context: usually we *overcome* some negative thing that prevents us from doing something. C*ompromise* is used here in the negative meaning, it means something we cannot put up with — *противоречие*, for example.

Dissonance appeared due to the fallacious translation of the word combination *plain feature space: простое пространство признаков*. The adjective *plain* is polysemantic. Cognitive context can help in this case. If we speak about biometric features, we come to know that they can be both encrypted and unencrypted. The adjective *plain* in the given context means that features are unencrypted: *Однако данное, казалось бы, неизбежное* ***противоречие*** *преодолевается путем создания классификатора в* ***пространстве незашифрованных признаков****, который позволит поддерживать выполнение функций биометрических данных.*

(3) *The first class of feature transformation approaches known as Salting offers security using a transformation function seeded by a user specific key*

[Upmanyu, 2010, c. 2].

Первый класс признаков трансформационных подходов, известный под названием Солтинг, предлагает безопасность с помощью трансформационной функции специальным ключом пользователя.

A reason for dissonance here is hidden in the attributive word-combination *feature transformation approaches*. First, it is advisable to define the determinate in the word combination. The main word usually stands at the end in translating from English into Russian. In our case, the determinate is the word *approaches*. Now we start analyzing the words separately from the left to the right. After this, it is recommended to start translating the whole word combination from the right to the left: *первый класс подходов преобразования признаков*.

The word *Salting* was translated as *Солтинг* by means of transcription that led to dissonance at the receptive level. The word *Salting* is considered to be a neologism in computer science. There is no direct equivalent in the Russian language. The descriptive translation together with a glance at the cognitive context can prevent dissonance here: *процесс добавления к данным случайного числа или текста*.

The verb *seed* was omitted in the translation. But it does have some semantic significance and therefore should be preserved. In accordance with the situational context, the verb may be translated as *отбирать* or *отбор* by means of conversion.

Another reason for dissonance is *специальный ключ,* a two-component word combination. The Russian adjective *специальный* means something that has a definite purpose. Here they mean the key that really exists and that is well-marked, the adjective *конкретный* corresponds more to the given context: *Первый класс* ***подходов преобразования признаков****, известный как* ***процесс добавления к данным случайного числа или текста (Salting),*** *обеспечивает безопасность путем* ***отбора*** *функций преобразования* ***конкретным ключом пользователя****.*

(4) *In the first case, the key is unlocked/ generated at the client end, which is sent to the server for authentication, which will ensure security of the template, and provide user privacy* [Upmanyu, 2010, c. 3].

В первом случае ключ разблокирован/ сгенерирован в клиентской части. Затем он отправляется на сервер для аутентификации, обеспечивая безопасность и конфиденциальность пользователя.

Dissonance in the sentence was caused by breaking Russian stylistic norms (*разблокирован/ сгенерирован*) and by improper translation of the word *template*. This word is polysemantic in Russian: *шаблон*, *трафарет*, *образ*, *образец*, *матрица, модуль, пластина для тестирования, модель*. What is a more corresponding equivalent? The cognitive context gives a hint that as we deal with cryptography and biometrics, this term can be mainly translated into Russian as *образ*, *образец* and *шаблон*. The cognitive context also "reminds" that a better English equivalent for the Russian word *образец*

in biometrics is *pattern*. The word *шаблон* does not suit this situational context either. If we speak about authentication and privacy of something that is kept in the database, the word *template* means some identical features or parameters of a certain user. Thus, the Russian correspondence of the word *template* is the word *образ*: *В первом случае ключ* ***можно разблокировать/ сгенерировать*** *в клиентской части. После этого он посылается на сервер для аутентификации, а впоследствии обеспечивает безопасность* ***образа*** *и конфиденциальность пользователя.*

(5) *Moreover, authenticating over an insecure network makes the plain biometric vulnerable to spoofing attacks* [Upmanyu, 2010, с. 3].

Более того, аутентификация при незащищенной сети делает простые биометрические данные уязвимыми к спуф-атакам.

The translation of the two-component word combination *spoofing attacks* led to dissonance. We won't do without pragmatic adaptation here which can be achieved with the help of translation transformations. The word-combination *спуф-атаки* makes the recipient baffled even though he/ she is a specialist in the sphere of cryptography and biometrics. Translation transcription, description or translator's commentary can prevent dissonance. This word combination may be translated as *спуфинг-атаки* by means of transcription or *атаки путем спуфинга* with the help of description. If the recipient is not a specialist, translator's commentary makes sense. It should be given at the bottom of the page as a footnote: *Более того, процесс аутентификации делает биометрические признаки уязвимыми к* ***спуфинг-атакам***[1] *при условии, что сеть незащищена.*

(6) *In addition, the framework here is generic in the sense that it can classify any feature vector, making it applicable to multiple biometrics* [Upmanyu, 2010, с. 3].

Вдобавок к этому фреймворк является общим, так как он классифицирует вектор признаков, делая его доступным для множественной биометрии.

Non-observance of scientific-technical style peculiarities often leads to dissonance in translation. In this case the Russian adverb *вдобавок* is colloquial and thus inappropriate for scientific-technical use. We will substitute it for *кроме того.*

Another reason for dissonance in the sentence is the term *framework* which was translated by means of transliteration. As a result, a new scientific term appears which can make the recipient confused. This term has a fuzzy meaning in computer science. Hence, it is advisable to choose a more appropriate equivalent. Situational context helps to understand what is implied and thus to prevent dissonance : we will use *подход.*

The adjective *generic* here can be translated as *универсальный.*

---

1 вторжения, при которых взломщик пытается замаскироваться под другую систему, используя ее IP-адрес

Thus, the translation is as follows: ***Кроме того,*** *данный* ***подход*** *является* ***универсальным****, так как он может классифицировать любой вектор признаков с возможностью его использования во множественной биометрии.*

(7) *Brute-force cracking is practically impossible if one uses a probabilistic encryption scheme, even for limited-range data* [Upmanyu, 2010, c. 6].

Атака грубой силой практически невозможна, если используется вероятностная схема шифрования даже для ограниченных данных.

Dissonance occurred due to the wrong actual division of the sentence. A probabilistic encryption scheme is not used for limited-range data. That is why the word-combination *limited-range data* refers to the word-combination *brute-force cracking*. The comma after the word combination *probabilistic encryption scheme* helps to understand it. In order to prevent distortions, it is recommended to use transposition. In the English sentence the word combination *brute-force cracking* is considered to be the rheme as it renders new information. The theme is *if one uses a probabilistic encryption scheme*. As a result, the theme stands in the first place and the rheme stands second in translation into Russian.

The term word combination *brute-force cracking* was also a reason for dissonance. It should be translated as *атака методом «грубой силы»* in inverted commas by means of description with a short explanation in brackets (*метод полного перебора*). Otherwise technical-scientific style is broken. It refers more to belles-lettres style.

Another multicomponent term *probabilistic encryption scheme* was fallaciously translated from the left to the right, not from the right to the left. The suggested version is as follows: *Если используется* ***схема вероятностного шифрования, атака методом «грубой силы» (метод полного перебора)*** *практически невозможна даже для ограниченного типа данных.*

The students concluded that the translation of the text fragments was equivalent but not adequate.

Dissonance can be prevented by taking into account the following things.

1. Making tagging. The initial stage of work with a source text which consists in revealing controversial and difficult for the units comprehension.
2. Proper use of translation techniques that helps to make pragmatic adaptation and prevent dissonance at the recipient level.
3. Involving connotation extra linguistic facts.
4. Regarding the actual division of the sentence.
5. Observing scientific-technical style peculiarities.

Список литературы:

1. Шевнин, А. Б. Переводческая эрратология как инструмент научного познания // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. — вып. 5. — Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. С. 35–39.

2. Upmanyu M., Namboodiri A. M. Blind Authentication: A Secure Crypto-Biometric Verification Protocol // IEEE Transactions on Information Forensics and Security. — International Institute of Information Technology, 2010, vol. 5, No.2, P. 1–14.
3. URL: http://cvit.iiit.ac.in/papers/secureBiometricsDouble10.pdf [09.04.2013 14:03].

Сведения об авторе:
Ольга Юрьевна Шубина, зав. кафедрой теории и практики английского языка и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет, e-mail: shubina.olga7@mail.ru

TRANSLATOR'S WORKSHOP: DISSONANCE PREVENTION IN SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXTS TRANSLATION

Dr. Olga Y. Shubina
Associate Professor, Head of the Department of English and Intercultural Communication, Kyrghys Russian-Slavic University, Bishkek City, Kyrghyzstan, e-mail: shubina.olga7@mail.ru

Abstract
The present article is concerned with the topical linguistic research of dissonance in scientific-technical texts translation. The main content of the article is presented by Verification Protocol text fragments analysis. The aim of the article is defining ways of dissonance prevention in the process and results of translation. The author attempts to regard dissonance influence on scientific-technical texts translation quality. The article summaries practical experience of the students-translators in defining reasons for dissonance appearance and ways of its prevention. On the results of the analysis it is determined that the following reasons can cause dissonance at the expressive and recipient levels: disregarding grammatical, situational and cognitive context, improper translation of attributive word-combinations, wrong usage of translation transformations, breaking of the scientific-technical style, wrong actual division of the sentence.

Key words: dissonance, scientific-technical text, prevention

References:

1. Shevnin A. B. (2009) Translation Erratology: as an instrument of Scientific Cognition. Vetstnik NGLU named by Dobrolyubov (5), 35–39.
2. Upmanyu M., Namboodiri A. M. (2010) Blind Authentication: A Secure Crypto-Biometric Verification Protocol// IEEE Transactions on Information Forensics and Security (5), 1–14.
3. URL: http://cvit.iiit.ac.in/papers/secureBiometricsDouble10.pdf [09.04.2013 14:03].

Semantic Prosody and Subtext in English-Russian Poetic Translation

Marija Milojkovic
Language Instructor, Department of English, Faculty of Philology, University of Belgrade, Serbia

Abstract
The paper employs Contextual Prosodic Theory to analyse and evaluate two existing Russian translations of Shakespeare's Sonnet 2. The analysis involves checking the original's subtext, in particular that in the first line, and comparing it to subtext created in the two translated first lines. Where it is not possible to extract the Russian subtext, the paper analyses the semantic prosodies of lexico-grammatical collocations. The findings show that the subtext of the first line, employed in the translation by I. Ivanovsky, is truer to the original than that employed by S. Marshak. In quatrain 3, Ivanovsky manages to evoke adequate states of affairs through (again) suitably transferred subtext, while Marshak re-creates states of affairs, which are similar to the original in their lack of optimism, through lexico-grammatical collocation.

Key words: corpus stylistics, Contextual Prosodic Theory, Louw, semantic prosody, subtext, quasi-propositional variables

The aim of this paper is to apply Contextual Prosodic Theory (CPT) to the analysis and evaluation of poetic translation — namely, it will analyse two existing Russian translations of Shakespeare's Sonnet 2. The most comprehensive demonstration to date of CPT at work is the analysis of 'The Circus Animals' Desertion' by W. B. Yeats in Louw and Milojkovic [forthcoming in 2014], where the poem's subtexts in several stanzas complement one another in determining the meaning of the coda.

Semantic prosody is defined by Louw [1993: 162] as an aura of meaning surrounding a word or phrase provided by means of proximity or *collocation*. This aura is only noticeable though access to a large, balanced and representative reference corpus, the larger the better. The aura may or may not be felt by the native speaker, but may not be intuitively established with any precision. Scientific exactness of the analysis will grow with the size of corpora, which is the only limitation of the method. Logical semantic prosody — *subtext* — is even more opaque to intuition as it relates to grammatical strings. The semantic aura of a grammatical string is to be complemented by, and not to be confused with, the string's subtext — lexical or content words which are most frequently used within or around a grammatical string. They are termed quasi-propositional variables (QPVs), in accordance with Russel's description of logical language. The subtext of the first line may prospect the poem itself [see Louw, this volume].

Here follows a practical illustration of CPT as applied to translation analysis. In Shakespeare's Sonnet 2 the persona beseeches the anonymous addressee to leave offspring in order to preserve his beauty. This is the first two lines of Sonnet 2 and its two translations chosen for analysis (given the limited space of this article, it is hoped that the reader will find the rest on http://shakespeare.com.ua/sonety/shekspir-sonet-2.html):

> When forty winters shall beseige thy brow,
> And dig deep trenches in thy beauty's field…
> (W. Shakespeare)
>
> Когда твое чело избороздят
> Глубокими следами сорок зим…
> (S. Marshak)
>
> Когда твой лоб осадят сорок зим,
> Всю красоту траншеями изрыв…
> (I. Ivanovsky)

Let us see how the first line prospects the poem in its original and if and in what way prospection is achieved in the two translated versions. For the original line, the Google Books — UK (34 billion words) was chosen. I examined the string 'when * *s shall', the most frequent occurrences of which for the 1880s are set out here:

	total no. of occurrences	1800s
1 'when **all things** shall'	841	12
2 'when **the Jews** shall'	151	11
3 'when **these things** shall'	539	7
4 'when **the elements** shall'	82	5
5 'when **your highness** shall'	45	5
6 'when **future generations** shall'	49	4
7 'when **the heavens** shall'	261	4
8 'when **our bodies** shall'	51	4
9 'when **our bliss** shall'	128	4
10 'when **they themselves** shall'	42	3

The span of the 1800s as the basis of the frequency list was chosen since this is the first decade for which such a list is indeed available in the corpus — previously only sporadic occurrences of the string can be spotted. The historical dimension of the sonnet cannot be comprehensively discussed with such rare examples; however, the very fact that auras of grammatical strings develop more slowly than those of individual words gives

this attempt enough validity. My investigation showed that until 1840 in the very least all the strings in question showed the same auras, and, indeed, appeared in very similar contexts. String 1 is almost everywhere a direct quote from 1 Corinthians 15: 28 ('And *when all things shall* be subdued unto him, then shall the Son also himself be subject unto him that put all things under him, that God may be all in all'). String 2 is a variation in religious discourse on the prospect of Jews accepting Christianity, which is seen as a joyous event. Strings 4, 7, 8, and 10 refer to the Second Coming, describing it as a mixture of terror and glory. Line 9 is nothing but one and the same quote from 'The Vicar of Wakefield' by Oliver Goldsmith. Line 5 is mostly but not always an ironic quote from Jonathan Swift, but there are several serious ones too, with queens and kings as addressees and addressors, including one written to the King by the Earl of Surrey on 5 January 1545.

Line 6 is of most interest to us for two important reasons. Firstly, it is, strictly speaking, the only line which contains the studied string — all other lines contain different grammatical strings, as they all have grammar and not lexical words in the place of the first variable. Had the data been plentiful, they would not have made it into this report at all — but, given the scarcity of findings, and their consistency (religious discourse prophesying the end of the world in all its terror and glory), they should be included to testify to the semantic aura formed by similar strings. Unlike all other lines, line 6 satisfies the requirements of the grammatical string 'when * *s shall', where the lexical items are 'future' and 'generations'. Given that Sonnet 2 was written to persuade the addressee to beget an hair, 'future generations' certainly prospects the poem.

If we look at the lexical items occupying the second wild card in the other grammatical strings, we shall discover that they prospect the sonnet too: one can see how earthly matters (lines 1, 2, 4, 7, 8) might engage the interest of his 'highness' (line 5), leading to the bliss (line 9) of procreation (line 6).

The concern of this paper, however, is to see how adequately the subtext has been transferred into Russian. I have used the corpora provided by the Russian National Corpus to discover the following. Strings 'когда твое * *ят' and 'когда твой * * ят' are not to be found. Marshak's 'когда твое' yielded 22 contexts in the Main Corpus, of which 11 are involved in explicitly negative *contexts of situation*, 6 in explicitly positive ones, 1 is slightly negative, 1 slightly positive, and 3 are mixed (containing both positive and negative situational aspects). Five contexts describe a future situation:

1 — писал Наполеон жене, — **когда твое *сердце*** *не будет больше мне принадлежать*, мир утратит (2006)

2 могут случиться моменты, **когда твое *присутствие*** *будет нежелательным*. — Ты имеешь в виду (1995)

3 и, как мы уедем отсюда, **когда твое *дело***, *может быть, понадобится — ты выздоровеешь* и все (1896)

4 сказала Саломея, *задумавшись*. — **Когда твое *здоровье*** *поправится, мы возвратимся* тотчас же сюда (1848)

5 Они суть действительны тогда, когда Твое ***благословение*** *подаст силу* ИМ. (1778)

Contexts 1 and 2 are negative; 3 and 4 are mixed; 5 is positive. The only trivial one is 2. A sense of momentousness of the future event is present in 1, 3, 4, and 5 (health was not to be trifled with in the 19th century). On the whole, the mixture of terror and glory in the subtext of Shakespeare's line may be said to have been captured, even if in a slightly lower key — but one takes into account the dates. The older the Russian text, the less trivial the issue. The Poetry Corpus, however, yields 5 contexts of 'когда твое', three of which date from the 19th centure and contain mention of the Savior and His Mother. The biblical element of the original subtext has been transferred. The quasi-propositional variables, however, do not point to procreation in any search of this string.

Ivanovsky's string 'когда твой' yielded 88 contexts in the RNC's Main Corpus: 30 are set in the past, 30 in the present, and 28 in the future. Of these, 17 (19.3%) are set in situations related to procreation. Moreover, 11 of these are followed by lexical items forming the semantic field of 'offspring'. The second most frequent QPV is отец (father). Lines 38, 41 and 62 only feature the future tense in the subordinate clause. These three contexts describe painful transitions in child-rearing:

38 — прольешь кровь, но позже, **когда твой** ребеночек начнет пьянствовать, когда по рук (1984–1989)

41 чтоб не пропустить момента, **когда твой** бедный, притихший, больно пощипанный петушонок (1973)

62 А **когда твой** сын вырастет, ты будешь часто меня благодарить за(1935)

In the whole procreation-related concordance, 9 (82%) out of the 11 contexts dwell on painful aspects of child-rearing; the remaining 2 describe happy ones. Thus, Ivanovsky's grammatical string (unlike Marshak's) contains 19.3% of procreation-related contexts, and 12.5% (out of the 88 lines) of its concordance lines contain the chosen grammatical string followed by lexis with the meaning of 'offspring' (for comparison's sake, in the RNC's Poetry Corpus there is only one such lexical item in 68 occurrences of the string).

Quatrain 3 provides an interesting example of comparing two translations in terms of subtext and semantic aura. In Ivanovsky's version my attention was drawn by the opening phrase 'О, если бы на склоне лет ты мог', as I felt it might be too pessimistic for the context of situation. Indeed, the five contexts of 'о, если бы на' in the RNC's Main Corpus and the three in its poetry corpus definitely had the semantic aura of improbability. The same aura I saw in the random 50 contexts of 'о, если бы' from the same source (3 hypothetical situations out of the 50 were less than improbable). The same goes for the first 20 out of the offered 159 contexts in the Poetry corpus, where the least improbable is Pasternak's wish ('О, если бы я только мог/

Хотя отчасти,/ Я написал бы восемь строк/ О свойствах страсти.'). It seemed to me that the context of situation in the original sonnet — the young and beautiful young man in no danger of any sort — did not warrant this degree of pessimism. However, Shakespeare's 'If thou couldst' in the Google Books — UK corpus revealed approximately the same semantic aura as in the RNC's Main Corpus. As for Marshak's translation, 'прозвучали бы' from quatrain 3 (11 contexts in the RNC's Main Corpus, including the quote from the sonnet, and none in the Poetry Corpus) has an unexpected negative semantic prosody (the only positive collocate is found in Marshak's line).

The analysis of subtext in Sonnet 2 and its two translations suggests that in the studied grammatical strings both translators have found adequate poetic means to transfer the subtext of the original. However, and only on the basis of the several studied strings, one may be justified in assuming that Ivanovsky's translation captures original subtext a little more fully. Namely, its initial line encompasses the procreation aspect, which in missing in the rival translation, and in quatrain 3 it uses an equivalent grammatical string to express lack of likelihood. This lack of likelihood, however, is compensated for in Marshak's translation by other means.

References:

1. Louw, W. E. (1993) Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In M. Baker et al (Eds.), *Text and Technology: In Honour of John Sinclair.* Amsterdam: John Benjamins.
2. Louw W. E. and Milojkovic M. (2014) Semantic Prosody. In Stockwell P, Whiteley S. (Eds.) *The Cambridge Handbook of Stylistics.* Cambridge: Cambridge University Press, (in press).

Вербальные ассоциации в раскрытии содержания концептов «живое»/«мёртвое» и их влияние на перевод

Ю. В. Артемьева

Московский государственный машиностроительный университет

Аннотация

В статье рассматриваются вербальные ассоциации в раскрытии содержания концептов, а также соотношение мышления и речи. Автором представлены результаты ассоциативного эксперимента, которые демонстрируют разницу восприятия слов людьми, что влияет на передачу письменной или устной речи средствами другого языка.

Ключевые слова: референциальный аспект, референциальный фактор, персональная референциальная перцепция (ПРП), коллективная референциальная перцепция (КРП), вербальные ассоциации; ассоциативный эксперимент (АЭ); концепт; содержание концепта; концептуализация

Понимание **референциального аспекта** высказывания (как самим адресантом так и адресатом) важно не только в пределах одного культурного сообщества, использующего единое средство коммуникации. Знание особенностей **референциального фактора** помогает человеку ориентироваться в межкультурном пространстве, что особенно значимо в эпоху социальных потрясений.

Референциальный аспект высказывания привлекает к себе внимание как с точки зрения обобщенности понятий, заложенных в так называемой когнитивной базе (КБ), так и своей способностью детерминировать эти понятия, выделяя необходимый контекст высказывания. Следует отметить, что современная лингвистика является полностью когнитивно ориентированной. В основе когнитивного подхода к языку лежит известная идея реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой мотивированности языковой формы, по словам А.Е. Кибрик, в той мере, в какой языковая форма мотивирована она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру. Однако это не означает совпадения когнитивного и языкового членения, поэтому, например, при переводе с одного языка на другой необходимо прежде всего соблюдать передачу смысла высказывания. Понятно, что **референциальный аспект** высказывания напрямую зависит от индивидуальной когнитивной базы (ИКБ), складывающейся у каждого представителя человеческого сообщества под влиянием социального, возрастного, образовательного, этнического факторов. Вследствие многолетней отработки накопленного человечеством (этносом, социальной, конфессиональной или иной группой людей, семьей) опыта на всех уровнях общения и взаимоотношения ИКБ становится неповторимой в результате оригинальной комбинации особенностей **персональной референциальной перцепции (ПРП)**. Нетрудно убедиться в том, что именно этнический фактор оказывает чаще всего решающую роль на ПРП. Достаточным доказательством этого служит уже само наличие разных языков. Прецедентный феномен позволяет сформировать тому или иному этносу или другому сообществу людей коллективную когнитивную базу (ККБ), изучение которой помогает разобраться в **коллективной референциальной перцепции (КРП)**. Таким образом, изучение когнитивного ядра, базы того или иного сообщества людей обязательно приведет к адекватному восприятию информации, облеченной в известную и изученную знаковую форму. **Референциальный аспект** в данном случае представляет собой определенное подспорье

в изучении когнитивной базы, поскольку обладает, как уже сообщалось, не только признаками детерминированности, но и обобщенности понятий, что позволяет представителям различных культур находить эквиваленты в своей знаковой системе.

При переводе с одного языка на другой имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур. То, что является очевидным для носителя языка — адресанта, может быть непонятным для адресата. Различие культур проявляется, в частности, в различии фоновых знаний, соотнесении с действительностью (референциальным аспектом). Примером может служить перевод имени «Белоснежка» из сказки «О Белоснежке и семи гномах». Для некоторых народов, живущих в тропиках и не имеющих в своем языке понятия «снег», это имя пришлось переводчикам передать описательно как «девушка белая, как оперение белой цапли».

Для практики перевода из перечисленных языковых функций первостепенное значение имеет денотативная функция, связанная с передачей информации о внеязыковой действительности. В языке отражение внешнего мира осуществляется при помощи семантического отношения между означающим, или *знаком,* и означаемым, именуемым *денотатом.* Для примера возьмем слово «стол». Его звуковая и графическая интерпретация является знаком понятия «стола». Понятие служит обобщающим образом предмета в нашем сознании, отражающим его основные признаки. Знак «стол» и понятие «стола» связаны друг с другом семантическим отношением. В рамках этого отношения знак «стол» получает свое языковое значение.

В качестве знаковой системы человеческий язык имеет две формы существования: как совокупность знаков и правил их комбинирования и как вид деятельности, которая заключается в применении системы языковых знаков для целей коммуникации. Эти формы существования языка соответствуют противопоставлению языка и речи. В речи языковые значения актуализируются, т.е. соотносятся с конкретными предметами. Так, в нашем примере значение слова «стол» при его употреблении в тексте соотносится (референцируется) с конкретным видом этого предмета мебели.

Подобно слову, предложение также является знаком, отражающим не отдельные понятия, а типичные предметные ситуации. Среди них ситуации, характеризуемые отношением деятеля к действию, предмета к действию, обладателя к обладаемому предмету, предмета к его свойству и т.д.

Для переводчика важно не просто владеть той или иной языковой системой, но знать культуру народа-носителя данного языка, уметь правильно соотносить (референцировать) действительность, реалии, явления с языковыми единицами для адекватного перевода с одного языка на другой.

Однако особенности восприятия окружающего мира настолько представляют разную картину, насколько она может выявляться даже на внутриязыковом уровне, в пределах одной языковой системы. Яркие примеры можно получить при проведении ассоциативного эксперимента.

В ходе ассоциативного эксперимента, проведённого среди студентов первого курса факультета иностранных языков были выделены референциальные статусы языковых выражений и способы их репрезентации; частотность, сходство и разница в воспроизведении языковых единиц при восприятии языковых единиц *живое/мёртвое*.

Так, для характеристики смысловой доминанты «живой» участниками эксперимента были выбраны слова, по своим семантическим характеристикам выходящие за рамки лексического значения.

Живой — счастье, материя, вода, общение, ручей, водоём, растение человек, цветок, небо, цветы, звуки, музыка, земля, существо, обнять, дыхание, дерево, белка, зонт, укрытие, барьер, ум, дерево, язык, город, природа, душа, доказательство, звук, животное, любовь, солнце, ветер, семья, лес, ребёнок, мир, источник, общение, взгляд, мысль, орган, планета, небо, огонь, тепло, руки, свет, радость, трава, чувство, тёплое, весёлый, подвижный, энергичный, сообразительный, яркий, активный, чувствительный, свободомыслящий, в движении, Франкенштейн.

Мёртвый — тишина, сон, пространство, труп, кладбище, человек, языки, люди, души, компьютер, асфальт, камень, вода, металл, тело, душа, лес, кирпич, склеп, пень, викинг, ангел, пепел, пессимист, тлен, памятник, взгляд, ночь, луна, сухость, грусть, свет, суд, комета, общество, техника, земля, прах, нет, неподвижный, серый, статичное, тёмное, бездумное, бесстрашный, ушедшее, безжизненное, ленивый, мрачный, новое, Вий.

Наиболее частотными в поле *живое* были слова: счастье, вода, общение, ручей, водоём, растение человек, цветок, небо, цветы, звуки, музыка, земля, существо, обнять, дыхание, дерево, ум, дерево, язык, город, природа, душа, звук, животное, любовь, солнце, семья, лес, ребёнок, мир, источник, общение, взгляд, мысль, орган, планета, небо, огонь, тепло, руки, свет, радость, трава, чувство, тёплое, весёлый, подвижный, энергичный, сообразительный, яркий, активный.

Наиболее частотными в поле *мёртвое* были слова: тишина, сон, труп, кладбище, человек, языки, люди, души, компьютер, асфальт, камень, вода, металл, тело, душа, лес, кирпич, склеп, пепел, тлен, памятник, взгляд, ночь, луна, сухость, грусть, суд, общество, земля, прах, серый, статичное, тёмное, бездумное, бесстрашный, ушедшее, безжизненное, ленивый, мрачный.

При процентном соотношении частотность употребления языковых единиц в поле *живое* немногим (на 25%) оказалась больше, чем в поле *мёртвое*. Это связано, прежде всего, с эмоциональной насы-

щенностью ассоциативных рядов, отсутствием в них гомогенности рядов, а также их популярности среди всех слоёв населения.

При переводе с английского языка студентами-лингвистами старших курсов слов: *animate; lively; living; vital; alive; nature; brisk, spirited; alert; walking; breathe; active* испытуемыми допускались вариации в переводе значения *живой*. Однако при переводе смысла *мёртвый* с русского языка на английский результат был в подавляющем большинстве однозначным, ассортимент выбираемых слов — резко сужен, несмотря на разные коннотации и возможность замены.

Область человеческого восприятия и выражения по-прежнему остаётся во многом загадкой для самого человека. Во время своей переводческой деятельности люди руководствуются не только знанием кода. Как показывает практика, каждый индивидуум представляет собой порой необъяснимую, с точки зрения логики, личность с её непредсказуемыми решениями и поступками.

Работа переводчика, прежде всего, связана с обретением навыков в перекодировке материала, для дальнейшего его использования в работе другими людьми. Однако, особенно на первых порах обучения, студенты, переводящие любую литературу, обнаруживают необъяснимые варианты перевода, отсутствие понимания, о чём идёт речь, плохое владение родным языком при переводе. Причиной этого, скорее всего, является не нерадивость обучаемых, хотя и это встречается среди них, а вмешательство вторичной инкультурации — без приобщения к культуре страны изучаемого языка, правильного формирования языковой картины мира добиться качественных переводов будет сложно.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991.
2. Артемьева Ю. В. Межкультурная коммуникация: референциальный аспект в переводе. / Монография. — М.: МОСУ, 2007. — 125 с.

Сведения об авторе: Артемьева Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), e-mail: artjul67@mail.ru

THE ROLE OF VERBAL ASSOCIATIONS IN UNFOLDING THE CONCEPTS “ALIVE”/ “DEAD” AND THEIR INFLUENCE ON TRANSLATION

Yuliya V. Artemyeva
Associate Professor, University of Mechanical Engineering (MAMI),
e-mail:artjul67@mail.ru

Abstract
The article discusses the role of verbal associations in the process of bringing out the contents of the concept. The author presents the results of association experiments, which demonstrate how people's different perceptions affect translation.

Key words*:* referential aspect, referential factor, personal referential perception (PRP), collective referential perception (CRP), verbal associations; association experiment (AE); concept; the meaning of concept; conceptualization.

References:

1. Kubryakova H. S. (1991) The Models of speech production and the main distinctive features in speech making process // Human Factor in Language: Language and Speech Production. M. Nauka.
2. Artemyeva Y. V. (2007) Cross-cultural communication: referential aspect in translation. Monograph. M. MOSU. 125 P.

Контекстуальные особенности перевода общенаучной лексики при профессиональной коммуникации

Е. М. Литвинова
Московская гуманитарно-техническая академия

Аннотация
В данном исследовании рассматривается проблема перевода общенаучной лексики, функционирующей в научном дискурсе. Изучение особенностей ситуативного контекста позволяет наиболее точно определить смысловую нагрузку подобной лексики и адекватно ее перевести в процессе межъязыковой профессиональной коммуникации. Для изучения причин ложной семантической интерпретации смысла исследуемых лексических единиц в переводе был разработан новый метод, основанный на логико-семантических связях в предложении.

Ключевые слова: общенаучная лексика, ситуативный контекст, адекватный перевод, научный дискурс, переводной эквивалент, терминологические словосочетания, профессиональная коммуникация

Для осуществления успешной профессиональной коммуникации специалисты должны иметь определенные знания и навыки в области

специального перевода. Особые трудности при переводе представляют не только термины и терминологические сочетания, но и общенаучные слова, которые могут приобретать различные смысловые оттенки в зависимости от ситуативного контекста.

Под ситуативным контекстом или ситуацией мы понимаем «совокупность компонентов реальной действительности, существующих в момент речевого действия или описываемых в высказывании» [Нелюбин, 2003, с. 199].

Изучив принципиальные отличия терминологических словосочетаний как систем от лексико-семантической структуры общеупотребительного языка, можно прийти к выводу, что они заключаются не только в составе и структуре лексических единиц, но и в правилах их функционирования в научном контексте.

Семантические изменения, имеющие при этом место в смысловой структуре и терминов и общенаучных слов, происходят под влиянием нового словарного окружения.

Обычно термины рассматриваются как единицы литературного языка, обладающие всеми его свойствами. Термин здесь противопоставляется не слову вообще, а слову общелитературного языка. Общенаучные слова могут ассоциироваться с терминами, в основном, в конкретном контексте, который и определяет их смысловую нагрузку. При этом разные ситуации и тематическое наполнение может порождать новые значения этих слов или словосочетаний.

Учитывая тот факт, что наука и техника широко внедряются в повседневную жизнь, различие между терминологическим и нетерминологическим употреблением лексических единиц иногда трудно провести. При этом большинство лексических единиц, употребляемых в функции терминов, не могут разорвать связь между значением, связанным с повседневной жизнью, и значением, представляющим результат научного познания.

Общеупотребительный слой лексики, с точки зрения Л. И. Борисовой, включает слова и словосочетания, которые обязательно присутствуют в любом стиле речи. Например, артикли, союзы, местоимения, предлоги, служебные глаголы, прилагательные, наречия [Борисова, 1983].

Все это говорит о нечеткости разграничения нетерминологической лексики на общеупотребительную и общенаучную.

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения Л. И. Борисовой и относим к общенаучной лексике «все слова-нетермины, функционирующие в языке науки и техники, обладающие определенной качественной спецификой по сравнению со своими характеристиками в общем языке, значения которых в основном не меняются от подъязыка к подъязыку, обозначающие как основные общенаучные понятия, так и самые разнообразные и различные понятия общенаучного обихода» [Борисова, 2005, с. 11]. Подобные слова могут быть многозначными.

В общем и целом можно отметить, что состав общенаучной лексики неоднороден. Он включает как регулярные и устойчивые, так и менее регулярные, а также окказиональные лексические средства, обладающие различной информационной значимостью, которые образуют систему общенаучной лексики, семантически и стилистически гибкую и динамичную, являющуюся лексическим фундаментом научных текстов, обслуживающую всю сферу общенаучной коммуникации.

Отличие системы переводных эквивалентов в англо-русском переводе от системы эквивалентов соответствующих слов в общих словарях свидетельствует о специфическом характере эквивалентов специальных текстов.

Анализ англо-русских переводов, выполненных студентами, показывает, что неоднородность состава общенаучной лексики вызывает определенные трудности при их восприятии и переводе. Во многом это связано с тем, что специфические особенности, которые приобретают общенаучные слова в научных текстах, могут вызвать ложные ассоциации у студентов с ограниченными фоновыми знаниями. В таких случаях у них отсутствует критерий правильности выбора того или иного переводного эквивалента. А иногда даже наличие необходимых значений в словарях не спасает ситуацию, а о способности логически мыслить остается только мечтать.

При подготовке специалистов в области профессиональной коммуникации следует помнить, что не только узкий контекст, но и контекст ситуации может предопределять правильный выбор значения общенаучных слов в конкретном предложении. Полисемантический характер многих английских слов влияет на дифференциацию их значения в тексте определенной тематики.

Некоторые студенты со слабыми фоновыми знаниями и отсутствующей логикой мышления допускают абсурдные ошибки при переводе слов, имеющих и общелитературные и общенаучные эквиваленты перевода.

Например, предложение на английском языке: **Neither party to the failed deal can afford to sit tight** было переведено следующим образом:

Никакая вечеринка после провалившейся сделки не поможет.

По такому «переводу» сразу можно определить, какие недостатки в знании английского языка имеют студенты. Несмотря на то, что для проверки знаний лексики было выбрано слово с зафиксированными в словаре значениями, у некоторых студентов возникла ложная ассоциация слова **party** с **вечеринкой** и никто даже не вспомнил другие значения этого слова, когда в определенном контексте его следует переводить как **сторона сделки, соглашения**, на что указывает слово **deal**. Кроме того, многие студенты вообще не обратили внимания на грамматическую структуру предложения и устойчивое фразеологическое сочетание (**to sit tight** — *терпеливо ждать результата*).

Предлагаемый метод обнаружения причин ошибочного толкования смысла общенаучных слов в определенном научном контексте основывается на поочередном переводе разными студентами одного и того же предложения с английского языка на русский, затем с русского на английский и так далее, пока цепочка студентов не закончится.

Условно этот метод был назван «испорченный телеграф». Основные требования при выполнении данного задания следующие: нельзя заглядывать в вариант перевода соседа, пользоваться словарями и долго думать. Иногда можно давать информацию о ситуативном контексте.

Рассмотрим на примере, как студенты переводили это предложение по методу «испорченного телеграфа». Орфография и грамматика переводов студентов сохранены.

Оригинал: **Neither party to the failed deal can afford to sit tight.**

1-й студент: **Ни одна вечеринка по-поводу провальной сделки не заставит себя ждать.**

2-й студент: **No party devoted to a failed deal will make you wait long.**

3-й студент: **Ни одна партия, посвященная неудавшейся сделке, не заставит вас ждать долго.**

4-й студент: **No one party, dedicated to fail transaction, won't make you wait long.**

5-й студент: **Ни одна партия, убежденная провалить сделку не заставит вас долго ждать.**

6-й студент: **Not one of the parties, which is convinced of flop act doesn't force you to wait for a long time**.

7-й студент: **Ни одна партия, убежденная в провале дела не заставит вас долго ждать**

В данных примерах перевода было выбрано и другое значение слова **party** по словарю — **партия**, но абсурдность утверждений в переводе не смутила студентов. При этом следует отметить, что некоторые студенты все-таки пользовались электронными словарями, но это не помогло им избежать грубых грамматических и лексических ошибок в переводе.

Таким образом, можно заключить, что и узкий лингвистический, и экстралингвистический контексты влияют на достижение эквивалентного и адекватного перевода общенаучной лексики. Без информации о контексте ситуации адекватный перевод невозможен.

После использования данного метода в течение 9 лет в группах студентов с различным уровнем знаний мы пришли к выводу, что с его помощью можно успешно проверять знания грамматики и лексики английского языка у студентов и осуществлять анализ ошибок в их переводах.

Специализированное обучение переводу общенаучной лексики следует проводить на основе анализа и перевода текстов как специальной, так и общенаучной тематики.

Список литературы:
1. Борисова Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. С. 11–13.
2. Борисова Л. И. Способы перевода общенаучной лексики с английского языка на русский. М.: ВЦП, 1983. 130 с.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 199.

Сведения об авторе: Екатерина Михайловна Литвинова, кандидат филологических наук, доцент, Московская гуманитарно-техническая академия, e-mail: lemex-ko9@mail.ru

CONTEXTUALLY DETERMINED TRANSLATION OF GENERAL SCIENTIFIC VOCABULARY IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

Ekaterina M. Litvinova
Assistant Professor, Moscow Academy of Humanities and Technology,
e-mail: lemex-ko9@mail.ru

Abstract

The present research highlights the problem of general scientific vocabulary translation in scientific discourse. The study of the situational context makes it possible to identify the precise meanings of such words and translate them adequately in the course of cross-lingual professional communication. A new method based on logical-semantic links in a sentence has been elaborated for studying the reasons for false semantic interpretation of the lexical units in translation.

Keywords: general scientific vocabulary, situational context, adequate translation, scientific discourse, translation equivalent, terminological units, professional communication

References:
1. Borisova, L. I. (2005*). Lexical Peculiarities of English-Russian Scientific-Technical Translation*. Moscow: NVI-THESAURUS, P. 11–13.
2. Borisova, L. I. (1983). *Methods of English-Russian Translation of General Scientific Vocabulary.* Moscow: VCP, 130 p.
3. Nelyubin, L. L. (2003). *Translation Science Explanatory Dictionary.* Moscow: Flinta: Nauka, 199 p.

Научное издание

Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников

Материалы научно-практической конференции
к 70-летию факультета международных отношений

(Москва, 4–5 октября 2013 г.)

Том 2
Секции 3–6

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 10.01.2014
Формат 60×84 1/16. Гарнитура Минион
Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 26,5
Тираж 180. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76